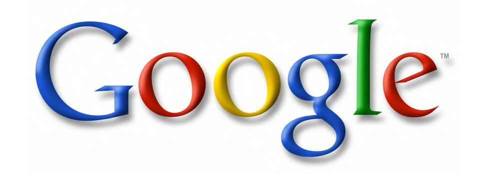

303257142R

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXII, № 1.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1880.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1880 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Въ дѣятельности россійской академіи, въ лучшую пору ея существованія, принимали участіе замѣчательнѣйшіе изъ представителей нашей литературы и науки и нашей общественной жизни. Лучшею порою для академіи были времена Екатерины, и главными участниками въ трудахъ и предпріятіяхъ академіи были ученые и писатели, извѣстные Екатеринѣ не по одному только имени. Въ числѣ членовъ россійской академіи находились и сотрудники журналовъ, въ которыхъ участвовала Екатерина; и лица, доставлявшія матеріалы для ея литературныхъ работъ; и восторженные почитатели ея идей и дѣйствій; и ея литературные противники. Въ собраніяхъ россійской академіи временъ Екатерины можно было встрѣтить цвѣтъ тогдашняго образованнаго общества. Въ академію вступали первостепенные ученые и писатели, хотя рядомъ съ ними появлялись иногда и люди бездарные и педанты — печальная, хотя и неизбѣжная принадлежность всякаго многочисленнаго общества. Если бы изложить со всею подробностью литературную и общественную дѣятельность всѣхъ членовъ россійской академіи въ первый періодъ ея существованія, то получилась бы вѣрная и довольно полная картина нашей умственной и обществен-

ной жизни конца восемнадцатаго столѣтія. Чтобы сколько-нибудь содѣйствовать этой цѣли, т. е. чтобы внести посильный вкладъ въ исторію русской умственной и общественной жизни, мы предприняли нашъ трудъ, существенною задачею котораго считаемъ представить данныя, необходимыя для всесторонняго знакомства съ судьбами русской литературы и просвѣщенія.

По свойству своей дѣятельности, по своему общественному положенію и отчасти по воспитанію, члены россійской академіи образуютъ нѣсколько группъ, отдѣляемыхъ одна отъ другой болѣе или менѣе яркою гранью. Таковы группы: духовныхъ лицъ; ученыхъ, занимавшихъ каѳедры въ академіи наукъ и отчасти въ московскомъ университетѣ; писателей и образованныхъ людей, преимущественно высшаго общества.

Мы представили уже подробное обозрѣніе жизни и трудовъ какъ духовныхъ лицъ, такъ и ученыхъ академіи наукъ. Въ этихъ двухъ группахъ заключались главныя рабочія силы, которымъ преимущественно, но отнюдь не исключительно, русская литература обязана лучшимъ плодомъ академическихъ занятій и совѣщаній—замѣчательнымъ для своего времени словаремъ русскаго языка. Изъ профессоровъ московскаго университета мы съ особенною подробностью остановились на Барсовѣ, ученикѣ Ломоносова и Тредьяковскаго, какъ на одномъ изъ первыхъ по времени ученыхъ нашихъ, потрудившихся въ области русскаго языка и словесности.

Вмѣстѣ съ Барсовымъ, при самомъ открытіи россійской академіи, въ члены ея избранъ Семенъ Ефимовичъ Десницкій († 15 іюня 1789 года), докторъ правъ и профессоръ юридическихъ наукъ въ московскомъ университетѣ, а вслѣдъ затѣмъ избранъ въ академики и третій профессоръ московскаго университета — Семенъ Герасимовичъ Зыбелинъ († 6 апрѣля 1802 года), занимавшій каѳедру медицинскихъ наукъ.

Юристъ Десницкій и докторъ медицины Зыбелинъ извѣстны были въ литературномъ мірѣ преимущественно своими ораторскими произведеніями — рѣчами, которыя произносили они въ со-

браніяхъ московскаго университета, и которыя имѣли въ тѣ времена несравненно большее значеніе, нежели какое выпало на долю позднѣйшимъ образцамъ академическаго краснорѣчія. Въ восемнадцатомъ столѣтіи рѣчи, произнесенныя съ университетской каѳедры, представляли, въ большинствѣ случаевъ, несомнѣнный интересъ для современнаго имъ общества, отличаясь дѣльностью содержанія и затрогивая многіе живые вопросы, такъ что академическіе ораторы нерѣдко являлись не только истолкователями научныхъ истинъ, но и публицистами. Способъ изложенія составлялъ также не малое достоинство при тогдашнемъ состояніи нашего литературнаго языка и слога, и потому весьма понятно, что ученые, излагавшіе научные предметы общедоступно и по тогдашнему изящно, обращали на себя особое вниманіе людей, радѣвшихъ о богатствѣ, чистотѣ и красотѣ отечественнаго языка. Безъ сомнѣнія вслѣдствіе этого какъ Десницкій, такъ и Зыбелинъ, были избраны и въ члены вольнаго россійскаго собранія и въ члены россійской академіи. Вольное россійское собраніе при московскомъ университетѣ учреждено съ цѣлью отчасти однородною съ тою, для которой учреждена и россійская академія, и въ спискѣ членовъ вольнаго россійскаго собранія при самомъ его открытіи встрѣчаются имена Барсова, Десницкаго и Зыбелина.

С. Е. ДЕСНИЦКІЙ.

Десницкій началъ свое образованіе въ троицкой семинаріи, продолжалъ его въ московскомъ университетѣ, и довершилъ въ Шотландіи, въ глазговскомъ университетѣ. Во время пребыванія своего въ Шотландіи онъ слушалъ юридическія науки, исторію, а также химію и математику, и удостоенъ глазговскимъ университетомъ степени магистра свободныхъ и доктора правъ, получивши рѣдкую для иностранца и почетную привилегію гражданства. По возвращеніи въ отечество, Десницкій занялъ въ москов-

скомъ университетѣ каѳедру римскаго права и россійскаго законовѣдѣнія. Въ 1768 году Десницкій возведенъ въ званіе профессора. Въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ погибшаго въ 1812 году университетскаго архива сохранилось извѣстіе, что «ордеромъ господина куратора Василія Евдокимовича Ададурова, отъ мая 8-го дня (1786 г.) предписано, дабы находящихся при университетѣ докторовъ: медицины Венеаминова и *Зыбелина* и юриспруденціи Третьякова и *Десницкаго* вразсужденіи ихъ порядочнаго и съ успѣхомъ своихъ должностей отправленія произвесть первыхъ ординарными, послѣднихъ экстраординарными профессорами». Ордеръ подписанъ извѣстнымъ стихотворцемъ Херасковымъ, бывшимъ на ту пору директоромъ московскаго университета [1]).

Десницкаго называютъ отцомъ русской юриспруденціи и однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей ея на университетской каѳедрѣ. Несомнѣнною заслугою Десницкаго служитъ и то, что онъ впервые сталъ излагать юридическія науки на русскомъ языкѣ: до того времени профессора-иностранцы преподавали ихъ на латинскомъ языкѣ. Начало профессорской дѣятельности Десницкаго совпадаетъ съ эпохою наказа и созванія депутатовъ для составленія проэкта новаго уложенія. Сочувствуя благороднѣйшимъ стремленіямъ своего вѣка, Десницкій говоритъ о святости закона и развитіи чувства законности, противополагая разумную власть закона сокрушительной силѣ меча, господствовавшей во времена отдаленной древности. Вопреки суровымъ и въ сущности несправедливымъ обычаямъ древняго римскаго судопроизводства, въ судахъ нашего времени—говоритъ онъ—«милость и истина совокупно присутствуетъ; натуры гласъ вопіетъ: отвори всѣмъ пути къ блаженству, и пущай тотъ больше преимущества, части и достоинства наслаждается въ отечествѣ, который больше въ ономъ тягости несетъ. Ограничь судью и судимаго, да никто изъ нихъ предписаннаго имъ предѣла не преходитъ. Утверди права, принадлежащія всякому, съ перваго до послѣдняго. Внемли съ кротостію къ немощному и обидимому, и накажи низверженіемъ сильнаго и попирающаго нагло святость правъ. Дозволь ходатайствую-

щимъ съ обѣихъ сторонъ имѣть свободный и публичный голосъ предъ судомъ за судимыхъ, дабы ничто втайнѣ, но откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было, и исходило бы во свѣтъ для наученія народнаго, поелику симъ однимъ средствомъ всякъ нечувствительно научается всему тому, чего ему въ житіи и во владѣніи своемъ опасаться должно. Добродѣтельный кромѣ защищенія предъ судомъ ничего не ищетъ, и законъ, сколько-бы онаго строгость ни тяжела, ни для его, но для преступниковъ издается..... Римлянинъ, не допущая пришельцовъ и покоренныхъ оружіемъ въ отечественное усыновленіе, и запрещая онымъ равномѣрными себѣ правами пользоваться, закономъ утвердилъ вѣчное имѣть преимущество природному гражданину предъ всѣми, находящимися въ отечествѣ. Но свѣтъ уже видитъ, что россійская монархиня и послѣдняго изъ подданныхъ самоѣда приглашаетъ участникомъ быть въ законодательной власти» [2]).

Какъ истый питомецъ британскаго университета, Десницкій съ особеннымъ сочувствіемъ отзывается объ англійскихъ законахъ и учрежденіяхъ и о самой Англіи, какъ о странѣ, выработавшей самыя здравыя начала общественной жизни. Въ сравненіи съ геніальными людьми, которыхъ произвела Англія, блѣднѣютъ и мельчаютъ герои классической древности: свѣтило древняго міра, знаменитый Платонъ, является разскащикомъ побасенокъ и небывальщины сравнительно съ Ньютономъ, обогатившимъ науку такими дѣйствительными и великими открытіями. Объ Англіи Десницкій говоритъ съ увлеченіемъ, доходящимъ до лиризма, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ: «Нѣтъ въ подсолнечной нынѣ таковаго растущаго, выкапываемаго и животворящагося въ трехъ натуры предѣлахъ, котораго бы могущество британской коммерціи не достало. Британцы, возлюбленные сынове страшныхъ волнъ, открылись свѣту великими въ предпріятіяхъ, счастливыми въ совершеніяхъ, страшными во браняхъ, преславными въ побѣдахъ, неутомимыми въ трудахъ и съ цѣлымъ несравненными свѣтомъ въ отважности. Британія возсіяла аки солнце; явилась благодать на горахъ—на брегахъ британскихъ; увѣн-

чалъ Богъ труды сего народа, и слава громкая пронеслась о немъ до конецъ земли» и т. д. И эта слава досталась не даромъ: много пота и крови пролилъ британскій народъ для ея пріобрѣтенія. Британцы добыли ее тяжелымъ, упорнымъ трудомъ и непоколебимымъ уваженіемъ къ правамъ разума и къ святости закона: «Вольность и собственность, написанныя на лицѣ почти у всякаго британца, какъ природныя права, имѣютъ закономъ предписанный предѣлъ, за который вредная наглость и своевольство прейти не могутъ. Судіи не смѣютъ и не могутъ въ законѣ беззаконствовать. Привести правосудіе въ такое совершенство, чтобы судителю закона и дѣлъ совсѣмъ возможности не было къ злоупотребленію закона, есть такая премудрость правленія, которою кромѣ великобританскаго никакой еще другой изъ древнихъ, ни изъ нынѣшнихъ народовъ праведно похвалиться не можетъ» [8]).

Совершенно другимъ тономъ Десницкій говоритъ о Германіи. Онъ подсмѣивается надъ нѣмецкими учеными, придающими большую цѣну разнымъ схоластическимъ тонкостямъ и изобрѣтающими безчисленныя и безполезныя системы. Нѣмецкіе доктора правъ — говоритъ онъ — «могутъ выдумывать столько юриспруденцій, сколько имъ угодно. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ я имѣлъ случай читать, усматривается, что нынѣ вездѣ почти нравоучительная философія не совсѣмъ къ дѣлу ведетъ. Юриспруденція же натуральная преподается или совсѣмъ старинная, обыкновенно нынѣ называемая казуистическою, или другая, не лучше прежней, сочиняется вновь, и вся почти выбранная изъ римскихъ правъ. Старинная нравоучительная философія основана есть на сихъ четырехъ добродѣтеляхъ: истина, премудрость, великодушіе и воздержаніе, отъ которыхъ выводятъ и другихъ премножество производныхъ добродѣтелей, поднимая споры неугомонные о томъ, что справедливое можетъ ли быть всегда полезнымъ, и полезное всегда ли и въ какихъ случаяхъ можетъ быть честнымъ. Наилучшіе схоластики стараются доказывать, чтò въ человѣкѣ сходствуетъ съ совершенствомъ его внутреннимъ и внѣшнимъ, и чтò согласно въ немъ съ волею Божіею, и что не согласно,

раздѣляя притомъ человѣческую совѣсть на предыдущую и послѣдующую, на извѣстную и вѣроятную, на сомнительную и недоумѣвающую. Въ такомъ лабиринтѣ они ищутъ общаго всѣмъ натуральнымъ правамъ начала. Суть и другія principia juris naturae, которыя изысканы больше для меридіана нѣмецкаго, нежели къ дѣлу въ судахъ. Сей родъ ученыхъ тщеславнѣйшій въ своихъ изобрѣтетеніяхъ: свѣтъ еще ничего не видитъ, а онъ уже и въ газетахъ гремитъ, что имъ сыскана квадратура круга; въ слѣдующую почту, можетъ статься, и его жъ perpetuum mobile выйдетъ».

Десницкій выражаетъ удивленіе, что въ Россіи до сихъ поръ не прилагали никакого старанія о разработкѣ отечественной юриспруденціи. Нѣкоторымъ оправданіемъ такому упорному равнодушію можетъ служить, по мнѣнію Десницкаго, то обстоятельство, что въ Россіи количество законовъ, сравнительно съ другими странами, не особенно велико, и притомъ всѣ законы обнародованы на отечественномъ языкѣ, вслѣдствіе чего въ нихъ нѣтъ такихъ неясныхъ и непонятныхъ словъ, какими изобилуютъ феодальныя законодательства. Въ Англіи, напримѣръ, въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ употребляется много латинскихъ и французскихъ словъ въ родѣ: quo Warranto, sur concessit, sur cognizance de droit tantum, sur grand and render, praemunire, mittimus, habeas corpus, distingas corpus, capias. Всѣ подобныя формы строго наблюдаются у англичанъ, и «мужикъ у нихъ иногда принужденъ просить секретаря: сдѣлай мнѣ habeas corpus или mittimus».

Въ одной изъ рѣчей своихъ Десницкій проводитъ мысль о равноправности мужчинъ и женщинъ, и въ сознаніи этой равноправности видитъ одно изъ яркихъ доказательствъ превосходства новой цивилизаціи въ сравненіи съ бытомъ древнихъ временъ. «Просвѣщеніе нравовъ народныхъ—говоритъ онъ—и послѣдовавшее оттуда большее чувствованіе людскости и человѣчества были причинами немалыми въ отмѣненіи безчеловѣчнаго обхожденія съ женами и въ уничтоженіи варварскія мужнія власти живота и смерти надъ женами. Въ непросвѣщенныя и варварскія времена силь-

ный всегда немощнаго утѣснялъ, и каждый склоненъ былъ къ употребленію и малѣйшія власти даже до отнятія жизни у немогущаго сопротивляться. При избавленіи женскаго пола отъ толикаго варварства не меньше просвѣщеніе нравовъ, какъ и совершенство правленій дѣйствовало. Премудрый законоположникъ и просвѣтитель Россіи, Великій Петръ, въ своемъ изложеніи табели о рангахъ, сдѣлалъ узаконеніе, по которому женскій полъ и преимущественно дѣвицъ не токмо уважилъ, но несравненно еще и предпочтеннымъ отличалъ передъ мужескимъ. Драгоцѣнное сокровище, которое нынѣ толикимъ служитъ украшеніемъ женамъ, то есть воспатаніе ихъ и дарованіе, подобно какъ металлъ въ землѣ, погребено было у первоначальныхъ народовъ въ нищетѣ и непомышленіи. Напротивъ того, въ наши времена первое о воспитаніи ихъ всѣми прилагается стараніе и съ толикимъ успѣхомъ, что многія, къ безсмертной славѣ своего пола, нимало мужескому неуступающими въ наукахъ доказали себя предъ всѣмъ ученымъ свѣтомъ. Не упоминая другихъ премногихъ, madame Dacier во Франціи и lady Wortheley Montagues въ Англіи, изъ коихъ первая переводами классическихъ греческихъ и римскихъ писателей столько прославилась, что ея переводъ на французскомъ и нынѣ почитается наилучшимъ, а вторая сочиненіями, знаніемъ многихъ языковъ и перепискамисъ учеными не меньше первой доказала себя ученою» и т. д. [4]).

Десницкій избранъ въ члены россійской академіи при самомъ ея учрежденіи: въ спискѣ лицъ, провозглашенныхъ въ первое торжественное собраніе академіи, находится и Семенъ Ефимовичъ Десницкій «въ московскомъ университетѣ докторъ и профессоръ правъ». Желая участвовать въ работахъ по составленію словаря, Десницкій, какъ юристъ принялъ на себя выборъ словъ изъ слѣдующихъ памятниковъ, въ высшей степени важныхъ какъ въ бытовомъ, такъ и въ юридическомъ отношеніи: изъ Судебника царя Алексѣя Михайловича, изъ Устава царя Ивана Васильевича и изъ Ярославовой Правды [5]).

С. Г. ЗЫБЕЛИНЪ.

Семенъ Герасимовичъ Зыбелинъ былъ питомцемъ московской славяно-греко-латинской академіи, откуда онъ и поступилъ въ московскій университетъ при самомъ его открытіи. Дальнѣйшее образованіе свое Зыбелинъ пріобрѣлъ заграницею—въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Лейденѣ, подъ руководствомъ тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей въ области медицины и естествознанія. По возвращеніи въ Россію, онъ получилъ каѳедру въ московскомъ университетѣ, которую и занималъ втеченіе тридцати шести лѣтъ, читая различныя отрасли медицинскихъ наукъ: анатомія, хирургію и т. п. Съ знаніями спеціалиста онъ соединялъ замѣчательный даръ слова. Въ литературномъ кругу того времени онъ пріобрѣлъ извѣстность не только своими ораторскими рѣчами, но и своими стихотвореніями [6]). Зыбелинъ, по отзыву его біографа, принадлежалъ къ числу «краснорѣчивѣйшихъ профессоровъ московскаго университета, и одинъ изъ первыхъ много содѣйствовалъ тому, чтобы создать правильный, ясный, точный и изящный языкъ для врачебной науки въ Россіи: россійская академія уважила эту заслугу въ профессорѣ, и признала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ» [7]). Въ біографическомъ очеркѣ, изъ котораго взяты приведенныя нами строки, сказано, что Зыбелинъ избранъ въ члены россійской академіи 1-го іюня 1784 года. Такое указаніе сдѣлано, вѣроятно, на основаніи печатнаго извѣстія о занятіяхъ и собраніяхъ академіи [8]). Но онъ избранъ не 1 іюня, а 21 марта 1784 года; въ собраніи же 1 іюня заявлено было о полученіи отъ Зыбелина письма, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе. Въ протоколѣ академическаго собранія 1-го іюня 1784 года читаемъ: «Донесено академіи, что отъ *новоизбраннаго въ послѣднее собраніе сочлена*, коллежскаго ассесора, медицины доктора, профессора химіи и практической медицины, господина Зыбелина полученъ благодарственный отзывъ съ обнадеживаніемъ поспѣшать академіи въ трудахъ ея по его возможности». Въ этомъ

же протоколѣ упоминается, что послѣднее собраніе академіи происходило 21-го марта; но протоколъ собранія 21-го марта не сохранился [9]).

Новоизбранный членъ писалъ президенту россійской академіи, княгини Дашковой: «Отмѣнныя достоинства и дарованія обыкновенно увѣнчиваются отмѣнными преимуществами. Премудрая наша монархиня, прозорливо усмотрѣвъ высокія вашего сіятельства совершенства, отмѣнный примѣръ въ ученомъ свѣтѣ благоволила показать вами, препоручивъ управленіе, касающееся до просвѣщенія рода человѣческаго, въ с.-петербургской академіи наукъ. Отъ вашего, милостивая государыня, проницанія не скрылось между прочими неусыпными трудами и то, что распространеніе наукъ безъ обилія, чистоты, словомъ, безъ приведенія въ совершенство природнаго языка, трудно или и невозможно; не преминули исходатайствовать у монаршаго престола новыя оному красоты и приращеніе, имѣющія быть отъ учрежденія императорской россійской академіи, которую теперь вашимъ попеченіемъ украшаютъ искуснѣйшіе въ россійскомъ словѣ мужи. Я имѣлъ счастіе узнать отъ его превосходительства Ивана Ивановича, благодѣтельнаго нашего куратора, что, по снисхожденію вашего сіятельства и почтеннѣйшихъ сей академіи членовъ, удостоенъ и я участіе имѣть въ числѣ оныхъ. Хотя сіе достоинство и превышаетъ мою способность, но съ искреннею благодарностію пріемля, за непремѣнный долгъ поставляю себѣ стараться сколько возможно полезнымъ быть сему благопочтеннѣйшему обществу» [10]). Старанія его были однако же очень умѣренны, судя потому, что отъ нихъ не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Только въ одномъ изъ писемъ къ Лепехину, непремѣнному секретарю академіи, Зыбелинъ сообщаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ касательно предпринятаго тогда академіею словаря русскаго языка. Въ письмѣ этомъ говорится слѣдующее: «За присланный вами жетонъ, который я получилъ исправно, приношу мою нижайшую благодарность. Впрочемъ, прошу покорно извинить мою медленность въ пересылкѣ къ вамъ листовъ аналогической таблицы, которыми не могъ ускорить, хотя и сердечно

желалъ, по причинѣ моихъ обстоятельствъ. Въ мѣстахъ, которыя теперь имѣю честь вамъ сообщить, кажется былъ недостатокъ нѣсколькихъ словъ, кои я, сколько могъ припомнить и пріискать, дополнилъ. Другихъ примѣчаній сообщить не имѣю, кромѣ, что по неправильности глаголовъ россійскаго языка, начинать бы ихъ не съ перваго лица настоящаго времени изъявительнаго образа, но лучше бы съ неопредѣленнаго, по примѣру нѣмецкаго языка, понеже отъ онаго удобнѣе составлять прочія отъ него происходящія слова. Во-вторыхъ, страдательные глаголы при дѣйствительныхъ ставить, кажется, необходимой нужды нѣтъ. Въ третьихъ, при нѣкоторыхъ глаголахъ прошедшія времена замѣчать казалось было бы не безполезно, по крайней мѣрѣ для иностранныхъ, напримѣръ, *стереть, тру, теръ*. Наконецъ, весьма осторожно должно бы помѣщать тѣ слова, которыхъ употребленіе сомнительно и не очень доказательно» [11]).

Для рѣчей своихъ, произносимыхъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета, Зыбелинъ выбиралъ предметы, любопытные для людей мыслящихъ, имѣя постоянно въ виду примѣненіе науки къ жизни, къ нуждамъ и потребностямъ человѣка. Въ двухъ изъ своихъ рѣчей Зыбелинъ разсматривалъ нѣкоторыя изъ тѣхъ вопросовъ, касающихся движенія народонаселенія въ Россіи, которые такъ превосходно поставлены и освѣщены Ломоносовымъ въ его знаменитомъ разсужденіи о размноженіи россійскаго народа. Зыбелинъ говорилъ о причинахъ убыли народонаселенія преимущественно въ дѣтскомъ возрастѣ; о физическомъ воспитаніи; о различіи людей по темпераменту; о прививной оспѣ «съ моральными и физическими возраженіями противъ неправомыслящихъ» и т. п.

Должно признаться,—говоритъ онъ—что человѣческая природа есть «непрестанное самой себѣ противорѣчіе: человѣкъ хотя есть такое созданіе, которое проникаетъ во весь союзъ вещей, и въ состояніи понимать ихъ вредъ и пользу, но видя многоразличіе вещей, теряется иногда въ оныхъ, и стези праваго пути оставляетъ, располагая все только по прихотямъ своимъ. Чудное

истинно съ самимъ собою человѣкъ часто имѣетъ сраженіе, и удивительное тогда представляетъ зрѣлище: самъ себя во многихъ иногда обличаетъ погрѣшностяхъ, но въ тоже время и оправданіе готовитъ ко вреду своему. Всякому извѣстно, что предѣлъ жизни нашей не столь краткій положенъ, какъ нынѣ видимъ обыкновенно; но оный можетъ превысить и цѣлое столѣтіе, и притомъ безъ важныхъ болѣзней, чему безчисленные имѣемъ примѣры. Но многіе ли суть толь счастливы, чтобъ до числа сихъ лѣтъ благополучно достигали, хотя и многіе безъ сомнѣнія весьма усердно желаютъ долговременной жизни. Для чего же таковое желаніе исполняется едва только въ тысящномъ человѣкѣ? Сему причина по большей части конечно въ самихъ насъ находится, исключая жестокій родъ жизни и непредвидимыя приключенія. Но желать исполненія и пренебрегать средства, не явное-ль сіе есть противорѣчіе противу себя самихъ! Если посмотримъ на животныхъ, оныя кажутся быть осторожнѣе человѣка въ сохраненіи себя и своей жизни. Изъ нихъ всякое по роду своему довольствуется однимъ и тѣмъ единственно для утоленія глада: иныя питаются только произрастеніемъ, другія—рыбою или меньшими животными, прочія—насѣкомыми; но человѣкъ единый не доволенъ ничѣмъ однимъ: ему одному только недостаетъ для пищи ни земныхъ, ни воздушныхъ, ни въ водѣ обитающихъ вещей... Еслибъ возможно было сыскать врачество на праздность, на неводержаніе и на вредныя страсти, то бы оное было всеобще цѣлительное всѣмъ и почти противу всѣхъ болѣзней человѣческихъ. Тогда то бы, конечно, ни въ правилахъ діэты, ни во врачебной наукѣ въ свѣтѣ никакой бы не было никому нужды»...

Опредѣливши различіе между сложеніемъ тѣла: флегматическимъ, холерическимъ, меланхолическимъ и сангвиническимъ, и указавши образъ жизни, наиболѣе соотвѣтствующій каждому изъ этихъ темпераментовъ, ораторъ задаетъ себѣ вопросъ, что сильнѣе дѣйствуетъ на умственную и нравственную сторону человѣка: физическое ли сложеніе или воспитаніе, и склоняется къ тому выводу, что духовное начало одерживаетъ верхъ надъ физиче-

скимъ, вслѣдствіе чего и воспитаніе нерѣдко оказывается сильнѣе самой природы. «Нерѣдко случается—говоритъ онъ—что силу и недостатокъ природы воспитаніе препобѣждаетъ. Хотя глупаго отъ природы научить и весьма трудно, но возвысить его дарованія не невозможно, а нравы исправить и того удобнѣе; но вопреки, сложеніе тѣлесное хотя-бъ было и пренаисчастливѣйшее, но когда разумъ безъ просвѣщенія и показанія ему пути оставляется, то онъ навсегда остается дикъ, звѣрскъ и несовершенъ, а нравы и того болѣе. Воспитаніе же и наука не малую силу имѣютъ возвышать разумъ и совсѣмъ перемѣнять склонности и нравы, отъ худаго или недостаточнаго сложенія зависящія. Если бы духъ не имѣлъ преимущества надъ силою тѣла, или бы сложеніе насильно принуждало кого что дѣлать, то бы оное ни при комъ и ни при какихъ обстоятельствахъ было необузданно и непреоборимо. Но видимъ оному совсѣмъ противное, т. е. гордый и гнѣвливый — предъ высшимъ,отъ страху, а предъ тѣмъ, кого почитаетъ, отъ любви, — ласковъ и низокъ; сладострастный — въ нищетѣ и при недостаткѣ — очень умѣренъ; сребролюбивый,—во время нужды бываетъ расточителенъ; равномѣрно и другіе, то отъ стыда, то отъ любочестія, или воздержатся отъ злодѣяній или сыплютъ иногда и самыя благодѣянія противъ своей врожденной склонности. Я думаю посему, что *тотъ не совсѣмъ бы предосужденіе заслуживалъ, кто-бы въ извѣстномъ смыслѣ утверждать сталъ, что человѣкъ по нравственнымъ дѣйствіямъ своимъ болѣе есть духовенъ, нежели тѣлесенъ: слѣдовательно, что онъ зависитъ наипаче отъ разума и духа, нежели отъ тѣла или отъ сложенія.* Ибо, что человѣкъ ни дѣлаетъ, что ни предпринимаетъ, всему тому полагаетъ основаніемъ разумъ; тѣло же вмѣсто орудія только употребляетъ. Сколько во всемъ отступаетъ человѣкъ къ излишеству единственно въ угожденіе и увеселеніе *духа*. Мы и живемъ, кажется, для *него* только, *позабывъ* почти совсѣмъ свое *тѣло*, о которомъ едва когда помышляемъ или только мимоходомъ и то рѣдко, исключая болѣзненные припадки, да и тѣ, поелику только *духъ* оскорбляютъ,

намъ чувствительны и горьки. Представимъ себѣ человѣка, тѣломъ во всемъ совершеннаго, одѣяннаго великолѣпно, украшеннаго всѣмъ, что есть драгоцѣнно, имѣющаго предъ глазами все, что чувства восхищаетъ, и гдѣ царствуютъ всѣ воображаемыя въ высшемъ степени удовольствія или, кратко сказать, введемъ его въ рай; но лишимъ его чувствія увеселеній, уничтожимъ въ немъ, хотя не надолго, понятія о сихъ духа удовольствіяхъ,—что̀ онъ при всѣхъ сихъ тѣлесныхъ, хотя и превосходнѣйшихъ, выгодахъ будетъ? Всякъ скажетъ: не иное что, какъ неподвижное древо или самый истуканъ. Когда *духъ* человѣка ничѣмъ насыщаться не можетъ, то весь свѣтъ предъ нимъ претворится въ мечту: все будетъ для него суета и ничто» и т. д. [12]).

В. Н. НИКИТИНЪ И П. И. СУВОРОВЪ.

Пребываніе за границею. — Дѣятельность въ морскомъ корпусѣ. — Литературные труды. — Избраніе въ члены россійской академіи.

I.

Къ группѣ ученыхъ, избранныхъ въ члены россійской академіи, примыкаютъ также два лица, представляющія чрезвычайно много общаго и по судьбѣ своей и по своей литературной дѣятельности. Оба они начали свое образованіе въ русскихъ духовныхъ училищахъ, а довершили его за границею, въ Англіи; оба долгое время занимали совершенно однородную должность въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ; оба участвовали въ составленіи книгъ, въ которыхъ нѣтъ возможности указать, что̀ именно принадлежитъ одному и что̀ другому. Даже сношенія свои вели они сообща, посылая въ россійскую академію письма за общею подписью. Судя по уцѣлѣвшей перепискѣ, можно бы подумать, что они не только вмѣстѣ жили и работали, учили и учились, но какъ будто и болѣли вмѣстѣ, т. е. въ одно и тоже время, извѣщая се-

кретаря академіи, за общею подписью, что они не могутъ быть въ засѣданіи по причинѣ болѣзни. Эти два неразлучные спутника — профессора морскаго шляхетнаго корпуса Никитинъ и Суворовъ.

Василій Никитичъ Никитинъ (1737 — 1809) воспитывался въ московской славяно-греко-латинской академіи, и по окончаніи курса былъ въ той же академіи учителемъ греческаго и еврейскаго языка. По собственному желанію, отправленъ въ Англію въ званіи инспектора находившихся тамъ русскихъ студентовъ; втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ различныя науки подъ руководствомъ профессоровъ оксфордскаго университета, и получилъ отъ оксфордскаго университета въ видѣ особенной почести — honoris causa — званіе магистра. Возвратившись въ отечество, Никитинъ поступилъ на учебную службу въ морской кадетскій корпусъ, гдѣ былъ сперва преподавателемъ, а потомъ инспекторомъ классовъ. Въ должности инспектора онъ прослужилъ болѣе десяти лѣтъ, съ 1783 до 1794 года. Изъ данныхъ, уцѣлѣвшихъ въ архивѣ морскаго корпуса, видно, что Никитинъ былъ еще инспекторомъ 19-го декабря 1793 года, и что преемникъ его, Суворовъ, вступилъ въ должность инспектора, или по крайней мѣрѣ получалъ инспекторское жалованье, съ 23-го марта 1794 года [13]).

Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ (1750—1815) началъ свое образованіе въ тверской семинаріи, а окончилъ въ оксфордскомъ университетѣ, которымъ и удостоенъ степени магистра. Службу свою Суворовъ началъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ — преподавателемъ, помощникомъ инспектора и инспекторомъ классовъ; продолжалъ ее въ черноморскомъ штурманскомъ училищѣ, а окончилъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ былъ, въ послѣдніе года своей жизни, профессоромъ высшей математики. [14]).

Никитинъ и Суворовъ отправлены заграницу въ 1765 году, когда послѣдовало повелѣніе Екатерины II выбрать въ духовныхъ училищахъ десять воспитанниковъ, отличающихся «понятіемъ и честными поступками», и послать ихъ въ Англію, чтобы

они въ тамошнихъ университетахъ, оксфордскомъ и кембриджскомъ, обучались «высшимъ наукамъ», а также восточнымъ языкамъ и богословію. Когда повелѣніе объ этомъ было разослано по епархіямъ, ректоръ тверской семинаріи отвѣчалъ, что выбранъ для посылки заграницу слушатель школы философіи Прохоръ Суворовъ, которому отъ роду пятнадцатый годъ, и который во все время пребыванія своего въ семинаріи «поступалъ всегда и во всемъ честно и безпорочно; кромѣ отмѣнныхъ добродѣтелей и постоянства, никакого за нимъ подозрительства не оказалось; въ наукахъ отмѣнные успѣхи показывалъ; неусыпное имѣя прилежаніе, предъ всѣми сверстниками преимущество получилъ». При этомъ прибавлялось, что воспитанникъ Суворовъ самъ изъявилъ желаніе учиться заграницею.

Инспекторомъ при молодыхъ людяхъ, отправляющихся заграницу, назначили-было учителя тверской семинаріи Верещагина, но онъ просилъ уволить его отъ этой обязанности, вслѣдствіе чего инспекторомъ назначенъ былъ Никитинъ на томъ основаніи, что св. синоду извѣстно, что «находящійся въ московской славено-греко-латинской академіи еврейскаго и греческаго діалектовъ учитель Василій Никитинъ инспекторомъ быть желаетъ».

Втеченіе десяти лѣтъ семинаристы наши находились въ Оксфордѣ, слушая тамъ курсы различныхъ наукъ: богословія, философіи, исторіи, математики, астрономіи, химіи, юриспрунденціи, и т. д., и занимаясь изученіемъ языковъ: еврейскаго, греческаго, латинскаго, французскаго, англійскаго. Особенную страсть имѣли они къ языку греческому, и любимымъ писателемъ ихъ былъ Ѳукидидъ. Профессора оксфдроскаго университета не нахвалятся прилежаніемъ русскихъ студентовъ, ихъ умѣньемъ взяться за дѣло, склонностью къ самосостоятельнымъ изслѣдованіямъ и критическимъ складомъ ума.

Магистръ наукъ Горнсби (Thomas Hornsby) «экспериментальной философіи (physices) прелекторъ и астрономіи профессоръ савиліанскій въ Оксфордѣ» свидѣтельствовалъ, что «Василій Никитинъ, находящійся въ коллегіи Благословенной Дѣвы Ма-

ріи въ Оксфордѣ, упражнялся въ философіи, астрономіи и высочайшихъ частяхъ маѳематики, и такое усердіе, такіе поступки къ соотечественнымъ своимъ оказывалъ, которые пристойны разумному, честному и рабу славнѣйшія императрицы». Тотъ же Горнсби удостовѣрялъ, что «магистръ наукъ Василій Никитинъ, какъ философіи, астрономіи и высшей математики непрестанно обучался, такъ и въ достиженіи химическаго знанія съ достойнымъ похвалы прилежаніемъ обучался».

По свидѣтельству «члена королевской коллегіи, магистра наукъ» Стобса (Stubbs), Прохоръ Суворовъ и его товарищъ (Михайло Быковъ) «вопервыхъ обучались юриспруденціи, потомъ еврейскому языку и богословію. Притомъ, иногда важное растворяя веселымъ, многіе прочли волюмины о различныхъ матеріяхъ на греческомъ, латинскомъ и аглицкомъ языкахъ, изъ которыхъ иные увеселяютъ повѣствованіемъ о вещахъ бывшихъ, иные—описаніемъ вещей, вымышленныхъ музами; иные изобилуютъ сентенціями и правилами, касающимися до житія честнаго и нравовъ; иные преподаютъ начала превосходнѣйшихъ наукъ, полезныхъ во время мира и войны. И особенно, отъ великой любви къ греческому языку, онаго узловатаго автора Ѳуцидида читали. Кратко сказать, оба въ такой возрастъ пришли, когда недовольно обучаться словамъ вещей, но должно изслѣдовать самыя вещи, ихъ натуру, причины и реляціи. Радуюсь, — прибавляетъ Стобсъ—что въ обоихъ толикую ума остроту и разсужденія силу нахожу, что кажется мнѣ, они никогда безполезно не приступятъ ни къ чему... Съ самаго начала года (1770) во французскомъ языкѣ съ невѣроятнымъ прилежаніемъ упражнялись, однако такъ, что притомъ ни филозофіи, ниже исторіи, къ которымъ особливую склонность имѣли, не оставляли, да и еврейскаго языка обучаться не забывали. Весьма долго бы было исчислять всѣхъ тѣхъ авторовъ, коихъ они прошедшаго года разбирали, и отъ того такой успѣхъ получили, что французскихъ, греческихъ, римскихъ и аглицкихъ авторовъ безъ всякой трудности изъяснять могутъ. Мало въ томъ нужды, какому предводителю

и чьему послѣдовали примѣру, а довольно того, что уважая одни резоны и вещей причины, и не смотря, *кто* сказалъ, но *что*, *для чего* и *справедливо-ли* отъ автора сказано было, прилежно разсматривая, дѣйствительно зрѣлое о всемъ разсужденіе получили, и въ философіи совершенно успѣли» [15]).

Въ іюлѣ 1775 года изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ дано знать, что находящіеся въ Оксфордѣ инспекторъ и студенты возвратятся въ Россію нынѣшнимъ лѣтомъ. Но дальнѣйшихъ свѣдѣній о возвратившися не доставлено св. синоду, и въ 1787 году св. синодъ сообщалъ сенату, что изъ посланныхъ заграницу питомцевъ духовныхъ училищъ Василій Никитинъ и Прохоръ Суворовъ представлены въ св. синодъ не были, и гдѣ находятся— неизвѣстно.

Въ то время, когда между высшими государственными учрежденіями происходила переписка о разысканіи лицъ, находившихся неизвѣстно гдѣ, въ дѣйствительности лица эти уже около двѣнадцати лѣтъ находились въ весьма извѣстномъ мѣстѣ — въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

II.

Никитинъ и Суворовъ опредѣлены въ морской корпусъ по волѣ самой государыни. Они явились къ директору корпуса, адміралу Голенищеву-Кутузову, въ октябрѣ 1775 года, съ письмомъ отъ вице-президента адмиралтейской коллегіи графа Чернышева. Въ письмѣ говорилось: «вручители сего—тѣ два магистра, о которыхъ имѣлъ честь писать, что ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловать изволила для опредѣленія въ кадетскій морской корпусъ». Предоставляя Голенищеву-Кутузову судить о степени пользы, которую эти магистры могутъ принести учащемуся юношеству, Чернышевъ прибавлялъ съ своей стороны: «себя счастливымъ считаю, что таковыхъ двухъ достойныхъ людей обрѣсти могъ».

Опредѣленіе въ морской корпусъ такихъ ученыхъ, какъ Никитинъ и Суворовъ, признано было новымъ знакомъ особеннаго

вниманія правительства къ учрежденію, служащему разсадникомъ образованныхъ моряковъ. Директоръ корпуса Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, самъ человѣкъ просвѣщенный и любознательный, принялъ магистровъ въ высшей степени радушно, и возлагалъ на нихъ большія надежды, въ полной увѣренности, что они подымутъ научный уровень преподаванія. По распоряженію Кутузова, магистры наши внесены въ классный списокъ подъ именемъ *математиковъ*. Никитину поручено читать «Вольфіевъ курсъ» съ его необходимою принадлежностью—экспериментальною физикою, а на Суворова возложено преподованіе математики съ тѣмъ, чтобы онъ преподавалъ ее «читаніемъ лекцій, по образу, какъ въ университетахъ дѣлается». Впослѣдствіи, уже будучи помощникомъ инспектора, Суворовъ удержалъ за собою математематическій классъ, а Никитинъ, бывшій тогда инспекторомъ, изъявилъ желаніе обучать нравственной философіи и правамъ. Сверхъ того, какъ на Суворова, такъ и на Никитина, возлагаемы были различныя работы по составленію учебниковъ и по переводу книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Признавая необходимымъ сдѣлать существенныя измѣненія въ способѣ преподаванія математики, Голенищевъ-Кутузовъ писалъ: «господа математики (Никитинъ и Суворовъ), по извѣстному своему знанію и искусству, потрудятся въ переводѣ или сочиненіи на нашемъ языкѣ (книгъ), къ сему ученію нужныхъ, въ чемъ они, какъ усердные сыны отечества и рачительные споспѣшествователи лучшимъ успѣхамъ наукъ въ кадетскомъ корпусѣ, охотно и обѣщали. Крайне я желалъ, чтобъ имѣть также книги ради преподаванія ученія *въ словесныхъ наукахъ*, въ чемъ я также не сумнѣваюсь, что, будучи они столь трудолюбивые и усердные къ пользѣ своего отечества люди, въ досужныя свои времена не оставятъ потрудиться, чѣмъ могутъ заслужить не токмо отъ кадетскаго корпуса пристойное награжденіе, но и славу *яко вводителеми сихъ преполезныхъ и нужныхъ наукъ на россійскій языкъ*». Въ составленномъ Никитинымъ и Суворовымъ учебномъ планѣ

2*

вмѣстѣ съ математикою и военными науками находятся: россійская грамматика, россійскій штиль и права.

Ходатайствуя о награжденіи Никитина и Суворова за ихъ полезную и долговременную педагогическую дѣятельность, Голенищевъ-Кутузовъ вмѣняетъ имъ въ особенную заслугу введеніе «лучшихъ методъ и основательнѣйшаго ученія» въ математикѣ. Въ награду за это Никитинъ назначенъ былъ главнымъ инспекторомъ надъ классами, а Суворовъ его помощникомъ, и оба они произведены въ премьеръ-маіоры. Поводомъ къ дальнѣйшему служебному ихъ повышенію—къ производству въ подполковники послужило то, что, благодаря ихъ неусыпнымъ трудамъ, втеченіе семи лѣтъ «выпущено изъ корпуса какъ гардемаринъ, такъ обучившихся при корпусѣ офицеровъ въ мичманы, также и въ артиллерію въ констапели, 596 человѣкъ, что составитъ на каждый годъ по 85 человѣкъ» [16]).

III.

На память о литературной дѣятельности Никитина и Суворова осталось нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ случаяхъ, и нѣсколько книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ [17]). Элементы Эвклида они перевели съ греческаго подлинника; составленную ими самими тригонометрію сами же они перевели на англійскій языкъ, и т. д. Яркую особенность трудовъ ихъ составляетъ настойчивая замѣна иностранныхъ словъ русскими, причемъ авторы руководствовались слѣдующими соображеніями. Иностранныя слова—говорили они—введены у насъ иностранными учеными, т. е. людьми, незнавшими русскаго языка, да и въ ту пору намъ было не до словъ: мы нуждались тогда въ предметахъ, въ вещахъ, а не въ словахъ. У многихъ народовъ принято за правило не употреблять иностранныхъ словъ: греки, римляне, арабы избѣгали иностранныхъ словъ въ своихъ философскихъ и математическихъ сочиненіяхъ. Также поступаютъ теперь и нѣмцы. Если-же въ языкахъ романскихъ и встрѣчаются заимствованія изъ латинскаго, то единственно вслѣдствіе того,

что и сами эти языки происходятъ отъ латинскаго. Но русскій языкъ «во всемъ есть преизобильный и пребогатый, въ превосходство предъ всѣми нынѣшними европейскими языками, и даже предъ самымъ латинскимъ» и «время намъ познать силы и богатство нашего языка». До какой степени удачна была придуманная нашими авторами замѣна иностранныхъ словъ русскими, можно судить по слѣдующимъ образцамъ. Они употребляли:

вмѣсто *линія — черта.*
» *фигура — образъ.*
» *центръ — остіе.*
» *діаметръ — размѣръ.*
» *радіусъ — полуразмѣръ.*
» *паралелопипедъ — мимоплоское.*
» *паралелограмъ — мимочертное.*
» *ипотенуза — подтягающая.*
» *хорда — стягающая.*
» *ипотезисъ — подлогъ.*
» *теорема — мысліе.*
» *теорія — мысльствіе*, и т. д. въ томъ же родѣ.

Способъ изложенія вполнѣ соотвѣтствовалъ филологической изобрѣтательности нашихъ авторовъ. По ихъ опредѣленію:

— Точка есть то, чего часть ничтоже, то есть ни долгота, ни широта, ни глубина.

— Черта есть долгота безширная.

— Размѣръ круга есть всякая прямая, чрезъ остіе проведенная, и окраенная съ обѣихъ сторонъ обводомъ круга, (которая и сѣчетъ кругъ на пόлы), и т. д.

«Мало въ свѣтѣ таковыхъ, которые и изобрѣли каковую науку, и купно привели оную въ совершенство: и сія хвала принадлежитъ, можетъ быть, токмо Аристотелю, Архимеду и Ньютону. Вообще же разумъ человѣческій разверзается и приплождается и созрѣваетъ весьма по малу; и соединенныя силы многихъ мужей и даже многихъ вѣковъ потребны къ совершенію

единыя науки... Поистинѣ не должны мы льстить себѣ, аки бы уже взошли на верхъ совершенства въ математикѣ: много еще осталось и изобрѣтать и исправлять, не токмо же что касается до мысльственныхъ, но даже до самыхъ дѣльныхъ потребъ. Примѣры на сіе весьма удобно подать изъ каждой части сего знанія. И сія единая мысль довлѣла бы, кажется, побудить насъ ко иззванію и напряженію нашихъ силъ въ семъ благородномъ и словесномъ предлогѣ. Не имѣли мы, россіяне, части въ томъ славномъ тризнищѣ, гдѣ, въ концѣ минувшаго вѣка и въ началѣ текущаго, толь многіе и высокіе умы всѣхъ странъ Европы, благородною ревностію воспаленны, толь знаменито подвизались въ семъ знаніи, и алгебраическую онаго часть толь богато пріуплодили. Мы съ повиновеніемъ и покорностію слѣдуемъ другихъ руководству; но не дерзаемъ сами себѣ мужественно открыть путь и другимъ руководствовать. Нижѐ таланты наши скудны или отяготѣвшіе. Суть весьма ученые люди въ нашемъ сосѣдствѣ и въ климатѣ паче нашего хладнѣйшемъ. Имѣемъ мы сами знаменитыхъ и подлинныхъ писателей, хотя и малочисленныхъ. Имѣемъ юношей, паче же изъ благородныхъ, которые остротою своею, какъ изъ учащенныхъ опытовъ можно видѣть, по крайней мѣрѣ отнюдь не уступаютъ наиживѣйшимъ юношамъ государствъ самыхъ просвѣщеннѣйшихъ» и т. д.

Но каковы бы ни были недостатки изложенія, нельзя не замѣтить, что авторы обладали большою начитанностью, и добросовѣстно трудились на научномъ и педагогическомъ поприщѣ. Что касается до заботливости объ отдѣлкѣ трудовъ и о примѣненіи ихъ къ потребностямъ учащихся, то она простиралась до того, что сочиненіе довольно объемистое переписано было семь разъ рукою одного изъ сочинителей, и до изданія своего въ свѣтъ испытано и провѣрено на преподаваніи болѣе, нежели тремъ стамъ юношей. При составленіи руководствъ цѣлію авторовъ было «не слѣпой переводъ какой-либо прилучившейся иностранной книги сдѣлать или издать безвкусный сборъ малосостоятельныхъ списаній; но паче, собравъ и соустроивъ что̀ въ разныхъ писателяхъ есть наилуч-

шее, къ сему жъ исправивъ неправое и дополнивъ недостаточное, составить нѣкое цѣлое, которое бы не уступало ничему, ими свѣдомому, какъ на своемъ, такъ и на другихъ языкахъ»[18]).

По случаю мира, заключеннаго между Россіею и Турціею, Суворовъ произнесъ, въ морскомъ шляхетномъ корпусѣ, весьма пространную и чрезвычайно витіеватую рѣчь. Восхваляя Екатерину за ея доблести и добродѣтели, ораторъ видитъ въ ней избранницу неба, и приводитъ преданіе о томъ, что когда Екатерина въ день воцаренія своего вступила въ церковь, въ Сергіевой пустыни, то внезапно, къ удивленію всѣхъ началось чтеніе апостольскаго посланія (Римл., гл. XVI), въ которомъ говорится: поручаю вамъ служительницу церкви; примите ее и помогите ей, въ чемъ будетъ имѣть у васъ нужду, ибо и она помогала многимъ, и т. д. Въ подтвержденіе этого преданія указываетъ на то, что по церковному уставу чтеніе приводимаго посланія апостола Павла полагается въ пятницу четвертой недѣли по пятидесятницѣ, а 28-е іюня — день воцаренія Екатерины — приходилось въ пятницу только три раза въ восемнадцатомъ столѣтіи, а именно: въ 1751, въ 1762 и въ 1772 годахъ.

Какъ признательный членъ учено-литературнаго общества, принявшаго его съ такимъ радушіемъ, Суворовъ съ особенною подробностію останавливается на учрежденіи россійской академіи. «Вождедѣнная народа славенскаго матерь, — восклицаетъ онъ, — како любиши древности славенскія, дѣянія, повѣствованія, все, все, принадлежащее славянамъ! Въ сихъ упражняешися, любомудрствуеши, и простираеши невѣдомый лучъ свѣтлости будущимъ писателямъ нашимъ. Коль сладостно намъ сіе, что тако чествуеши и возносиши языкъ славенскій! Коликій твой подвигъ сей— почерпнути оный изъ источниковъ истинныхъ и единыхъ, но источниковъ отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ! Чего ради въ царствованіе твое облекся языкъ нашъ въ новую силу, въ новую красоту, богатство, славу. И се учреждаеши собраніе во утвержденіе и обогащеніе россійскаго слова и слога; учрежденіе, прославившее иногда возстановительницу наукъ Италію, прославившее величе-

ственныхъ государей французскихъ. Собираются вкупѣ любители отечества, ибо любители отечественнаго языка; предсѣдаетъ жена, удивившая мудростію далекія государства и просвѣщеннѣйшія, избранная Екатериною въ достойнаго наукъ и знаній правителя. И се, что̀ индѣ созерцаютъ вѣки, въ Россіи созерцаютъ годы! Начинается премноготрудное и всетягостное дѣло, и сіе дѣло благопреуспѣваетъ. Возвеличатся россіяне таковымъ твореніемъ; возрадуются пришельственники наши; возрадуются иностранные сами, жаждущіе языка нашего, учащающіе нынѣ посѣщати Россію, да узрятъ величія Екатерины».

Въ Екатеринѣ, по словамъ оратора, воскресаетъ образъ древней *Ольги*, которая «созидала грады, уважала и вознесла родъ славенскій, при рюриковой, пришельственной дружинѣ нѣколико поникшій; *не позабыла даже попещись*, изящная, *о самомъ языкѣ славенскомъ*».

Въ рѣчи своей Суворовъ упоминаетъ между прочимъ и о французской революціи, бывшей тогда злобою дня для всѣхъ мыслящихъ людей Европы, и допускаетъ тѣсную связь между революціоннымъ движеніемъ и идеями писателей, преимущественно Вольтера и Жанъ-Жака Руссо. Съ горькимъ упрекомъ обращается онъ къ этимъ вождямъ народной мысли, вовлекшимъ народъ въ такое ужасное бѣдствіе, и противополагаетъ имъ знаменитаго Монтескье, истиннаго просвѣтителя умовъ, вѣрно и глубоко понимавшаго начала государственной жизни: «Воззри, великій, но не благопроусмотрительный писатель фернейскій! Воззри прославленный, но не истинный другъ человѣчества, гражданинъ Геневы, возымѣвшій искати славы отъ замысловатыхъ и чрезъестественныхъ и неожидаемыхъ писаній, паче, нежели отъ твердыхъ, созидающихъ сердце! Воззрите, вы и прочіе немалочисленные, чему вы научили соотчичей вашихъ? Вы превратили правила нравъ, правленій; поколебали учрежденное вѣрою; отъяли сладчайшее упованіе, сладчайшее утѣшеніе человѣчества... И ты, премудрый творецъ Духа законовъ, преселившагося въ писанія и учрежденія Екатерины, — честь разуму человѣческому,

вящше же человѣческому сердцу честь! Мню, яко гнушаешися и отрицаешися почестей, тебѣ соотечественниками твоими во храмѣ великихъ мужей нѣкогда опредѣляемыхъ. Твое ученіе не безначаліе; не народодержавіе въ пространнѣйшей и сильнѣйшей области Европы, владычествующей во всѣхъ частяхъ свѣта; не неистовое и рящееся властительство нощныхъ сонмищъ, дерзающихъ поставляти престолъ свой въ поруганныхъ и святыни обнаженныхъ храмахъ Божіихъ, и злоумышляющихъ тамо неслыханныя продерзости и беззаконія. Мудрость твоя, почерпнутая изъ всѣхъ странъ земли и изъ всѣхъ вѣковъ человѣчества, подвигъ двадесяти лѣтъ драгой твоей жизни, отечеству твоему днесь не на пользу» [19]).

IV.

Подвизавшіеся на педагогическомъ поприщѣ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ Никитинъ и Суворовъ избраны въ члены россійской академіи по предложенію директора корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ члена россійской академіи Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова. Въ собраніи академіи 11 ноября 1783 года, третьемъ со времени ея учрежденія, избраны въ члены академіи: писатели Петровъ и Богдановичъ, педагогъ Янковичъ де Миріево и «господа профессоры морскаго шляхетнаго корпуса» Василій Никитичъ Никитинъ и Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ [20]). Они были очень польщены и обрадованы этимъ избраніемъ, и въ письмѣ на имя непремѣннаго секретаря, за ихъ общею подписью, радость свою выражали такимъ образомъ: «За высокую и отмѣнную честь себѣ поставляемъ, что императорская россійская академія благоволила достойными насъ судить и избрать въ сочлены оной. Сіе наше счастіе тѣмъ есть вящшее, что получаемъ оное сверхъ всякаго нашего упованія и надежды; и радость наша тѣмъ бо́льшая, что толь остроумной и просвѣщенной особы, какова есть ея сіятельство Екатерина Романовна, высокопочтенный нашъ предсѣдатель, и такого высокоименитаго общества, каковое есть императорская россійская академія, одобренія и благаго мнѣнія удостоиваемся.

Но поелику сами за болѣзнію самолично не можемъ, васъ, милостиваго государя, нижайше просимъ принести нашу наичувствительнѣйшую благодарность какъ ея сіятельству, такъ и всей почтенной академіи за толь великое благотвореніе, намъ оказанное» [21]).

Немедленно по вступленіи своемъ въ россійскую академію Никитинъ и Суворовъ избраны были въ члены такъ называвшагося издательнаго отдѣла, образованнаго при распредѣленіи работъ по изданію академическаго словаря. Они приняли на себя «трудъ прочтенія» ирмолога и октоиха съ выборкою изъ нихъ словъ для помѣщенія въ словарь, и изъявили готовность собирать, съ тою же цѣлію, слова, начинающіяся съ буквы *Р*. Несмотря на то, что на долю обоихъ досталась только одна буква, работа велась ими такъ медленно, что спустя около года она была еще въ самомъ началѣ. Въ ноябрѣ 1783 года имъ поручено было собираніе словъ на букву *Р*, а въ октябрѣ 1784 года они писали непремѣнному секретарю академіи: «Съ крайнимъ сожалѣніемъ посылаемъ порученную намъ отъ академіи букву, едва нами начатую. Мы, думая, что оная не скоро понадобится, и будучи заняты всегдашними класными дѣлами, новыми еще для насъ, *пріуготовленіемъ книгъ для классовъ* и притомъ обученіемъ, также и другими многими дѣлами посторонними, отлагали до удобнѣйшаго и свободнѣйшаго времени возложенный на насъ долгъ исполнить съ большею рачительностію. И хотя мы не имѣли счастія симъ служить академіи, однакожь просимъ васъ донесть, что все, впредь возлагаемое на насъ академіею, съ отмѣннымъ раченіемъ и усердіемъ исполнять потщимся» [22]).

Почти не участвуя въ работахъ академіи, Никитинъ и Суворовъ не посѣщали академическихъ собраній, живя внѣ Петербурга. Послѣ страшнаго пожара, истребившаго зданія корпуса и множество другихъ домовъ на Васильевскомъ острову, морской шляхетный корпусъ былъ переведенъ, въ 1771 году, изъ Петербурга въ Кронштадтъ, гдѣ и оставался во все время царствованія Екатерины II. Со вступленіемъ на престолъ императора Пав-

ла I-го корпусъ снова былъ переведенъ въ Петербургъ вслѣдствіе того, что Павелъ I-й, носившій званіе генералъ-адмирала флота, выразилъ желаніе, чтобы «колыбель флота, морской кадетскій корпусъ былъ близко къ генералъ-адмиралу» [23]).

Въ собраніи россійской академіи 16-го января 1809 года членъ и непремѣнный секретарь академіи «исполнилъ печальный долгъ возвѣщеніемъ собранію о кончинѣ двухъ членовъ академіи: г. тайнаго совѣтника и кавалера Ивана Григорьевича Долинскаго и г. коллежскаго совѣтника и кавалера Василія Никитича Никитина» [24]). Суворовъ скончался въ Москвѣ, въ декабрѣ 1814 года, вскорѣ по оставленіи имъ каѳедры въ московскомъ университетѣ.

Т. С. МАЛЬГИНЪ.

Путешествіе по Россіи.—Литературные труды.—Дѣятельность въ россійской академіи.—Рѣчь о союзѣ разума съ науками.

I.

При обзорѣ дѣятельности россійской академіи въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія нельзя забыть Т. С. Мальгина, принимавшаго весьма замѣтное участіе въ тогдашней академической жизни. Избранный во времена Екатерины, Мальгинъ принадлежалъ россійской академіи и въ ея послѣдующіе періоды; пережилъ трехъ президентовъ и многихъ изъ своихъ сочленовъ, и до конца жизни оставался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ трудахъ и предпріятіяхъ академіи. Не выдаваясь ни силою дарованія, ни обширною ученостью, онъ представляетъ собою образецъ посредственности, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія при полномъ и безпристрастномъ изложеніи дѣла, на которое онъ положилъ всѣ свои силы. Въ исторіи какихъ бы

то ни было учрежденій и обществъ многое приходится на долю посредственности, и говорить объ однихъ только крупныхъ талантахъ значило бы ограничиваться верхушками, и вмѣсто разсказа о быломъ, о живой дѣйствительности, сообщать отрывочныя свѣдѣнія о блестящихъ исключеніяхъ. Посредственность гораздо легче уживается съ окружающею средою и поглощается ею, а вслѣдствіе этого даетъ болѣе данныхъ для знакомства съ самою средою, съ ея понятіями и нравами. Что касается Мальгина, то онъ совершенно сжился съ россійскою академіею, вполнѣ проникся ея интересами, принималъ къ сердцу все, что волновало академію, дорожилъ приговорами ученаго ареопага, входилъ въ состязаніе съ разномыслящими сочленами, и придавалъ весьма серьезное значеніе своей полемики съ ними. Въ началѣ своей академической дѣятельности Мальгинъ какъ-то стушевывался; его заслоняли болѣе крупныя величины; присутствуя во всѣхъ или почти во всѣхъ засѣданіяхъ, онъ только изрѣдка подавалъ свой голосъ въ вопросахъ, занимавшихъ на ту пору академію. Но по мѣрѣ того, какъ происходили измѣненія въ академической жизни, все замѣтнѣе и замѣтнѣе становился Мальгинъ, и по его мнѣніямъ и возраженіямъ можно составить довольно живое понятіе о томъ, что происходило въ былыя времена въ россійской академіи.

Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ (1752—1819) родился во Псковѣ, 10-го іюня 1752 года; первоначальное образованіе получилъ въ псковской семинаріи, а дальнѣйшее—въ академическомъ университетѣ [25]). Въ молодые годы свои Мальгинъ подавалъ большія надежды; его считали достойнымъ ученикомъ знаменитаго Лепехина. Подъ руководствомъ этого ученаго и въ обществѣ своего университетскаго товарища Озерецковскаго, Мальгинъ совершилъ научное путешествіе по Россіи, продолжавшееся болѣе пяти лѣтъ (1768 — 1773) и обнимавшее огромное пространство. По возвращеніи изъ путешествія спутники и сотрудники Лепехина обратились въ академію наукъ съ заявленіемъ и просьбою слѣдующаго содержанія [26]):

Императорская академія наукъ, отправляя насъ въ экспедицію, требовала отъ насъ, чтобъ мы обучались натуральной исторіи, и за успѣхи въ сей наукѣ, совокупленные съ добрыми поступками, благоволила въ данной намъ отъ себя инструкціи обнадежить насъ по нашемъ пріѣздѣ произвожденіемъ, которымъ будучи мы ободрены, всячески старались соотвѣтствовать ея намѣреніямъ. Чрезъ всѣ пять лѣтъ нашего странствованія обучались оной наукѣ съ непрерывнымъ раченіемъ; о собираніи натуральныхъ вещей старались столько, сколько нашихъ силъ доставало, не щадя ни трудовъ, ни покоя; и при всемъ томъ оныхъ своихъ трудовъ никогда не затьмевали дурными поступками. Того ради императорской академіи наукъ Комиссію всепокорнѣйше просимъ тѣмъ произвожденіемъ, которое намъ обѣщано, милостиво теперь насъ ободрить. Генваря 21-го дня 1774 года.

Студентъ Николай Озерецковскій.
Студентъ Тимоѳей Мальгинъ.

Комиссія, управлявшая тогда академіею, предписала ученому собранію «освидѣтельствовать» Мальгина въ его познаніяхъ какъ въ естественной исторіи, такъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, которыми онъ до того времени занимался. Мальгина экзаменовали, въ присутствіи всего ученаго собранія, академики Лепехинъ и Лаксманъ—натуралистъ по призванію, начавшій свою научную дѣятельность при Колыванскихъ рудникахъ, и продолжавшій ее въ академіи наукъ, гдѣ онъ занималъ каѳедру химіи. Сверхъ устныхъ вопросовъ Мальгину предложено было описать нѣсколько предметовъ, взятыхъ изъ зоологическаго кабинета [27]). Результатъ испытанія, устнаго и письменнаго, удовлетворилъ ожиданіямъ академіи, и Мальгинъ долженъ былъ поступить къ кому-либо изъ академиковъ для дальнѣйшаго занятія науками. Но онъ не изъявилъ согласія остаться при академіи наукъ, и пожелалъ избрать другой родъ дѣятельности. Вслѣдствіе этого комиссія академіи наукъ, въ собраніи своемъ 6-го мая 1774 года, постановила: Такъ какъ студентъ Тимоѳей Мальгинъ «объявилъ, что

онъ не имѣетъ болѣе охоты остаться при наукахъ, и проситъ о увольненіи его отъ академіи, съ награжденіемъ чина за понесенные имъ въ бытность его въ экспедиціи труды и нужды, дабы онъ чрезъ то могъ удобнѣе пріискать себѣ мѣсто въ другой командѣ, то—уволить его, Мальгина, отъ академической службы, переименовавъ его въ награжденіе, въ разсужденіи понесенныхъ имъ тѣхъ трудовъ, *переводчикомъ;* и дать ему для пріисканія себѣ мѣста въ другой командѣ на два мѣсяца срока съ продолженіемъ ему чрезъ то время жалованья, оставляя его между тѣмъ при прежней должности, По прошествіи же того двумѣсячнаго времени, хотя бы онъ никуда и не определился, болѣе онаго жалованья не производить, но дать ему о увольненіи его отъ академіи и о бывшей его при оной службѣ пристойное отъ комиссіи свидѣтельство» [28]).

II.

По выходѣ изъ академіи и до конца своей жизни Мальгинъ не покидалъ научныхъ занятій, и довольно часто напоминалъ о себѣ въ литературѣ изданіемъ того или другаго труда, оригинальнаго или переводнаго. Изъ переводовъ его особенно замѣчательны Записки Манштейна, составляющія драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Россіи въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Къ оригинальнымъ произведеніямъ Мальгина принадлежатъ: Зерцало россійскихъ государей; Россійскій ратникъ; Опытъ историческаго изслѣдованія о судебныхъ мѣстахъ Россіи и др. [29]).

Зерцало россійскихъ государей заключаетъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣйствіяхъ русскихъ государей отъ Рюрика до Екатерины II. Оно выдержало нѣсколько изданій; имъ пользовались въ свое время наши ученые и писатели; оно было въ рукахъ Державина и Карамзина. Каждому изъ государей авторъ даетъ особенное прозвище съ цѣлію обозначить ихъ отличительныя свойства, подобно тому какъ въ ложно-классическихъ драмахъ названія дѣйствующихъ лицъ служатъ вывѣскою ихъ поня-

тій и качествъ. Въ Зерцалѣ Мальгина изображены: Рюрикъ—родообновитель, Игорь—дерзосердый, Ярославъ—славный, Изяславъ—незлобивый, Святославъ—тщеславный, Всеволодъ—тихій, Святополкъ—пылкій, Ярополкъ—правдивый, Ростиславъ—набожный, Мстиславъ—могутный, Алексѣй Михайловичъ—остроумный, Ѳедоръ Алексѣевичъ—чахлый или чахотный, Анна Ивановна — строгая или грозная, Елисавета Петровна — кроткая, Петръ III—полководный, и т. п.

Россійскій ратникъ или общая военная повѣсть представляетъ одинъ изъ первыхъ опытовъ военной исторіи Россіи, хотя въ этомъ случаѣ намѣреніе оказалось болѣе похвальнымъ, нежели исполненіе.

Въ описаніи старинныхъ судебныхъ мѣстъ въ Россіи сообщаются краткія свѣдѣнія о различныхъ приказахъ: земскомъ, ямскомъ, холопьемъ, помѣстномъ, аптекарскомъ, иноземскомъ, патріаршемъ, и т. д

Внѣшнюю особенность сочиненій Мальгина составляетъ то, что всѣ они снабжены посвященіемъ одному или нѣсколькимъ лицамъ или даже цѣлому сословію. Собраніе образцовъ сношеній русскихъ государей съ иностранными посвящено Екатеринѣ II «самодержицѣ всероссійской, московской, кіевской, владимірской, новгородской, царицѣ казанской, царицѣ астраханской, царицѣ сибирской, царицѣ Херсонеса-таврическаго, государынѣ псковской и великой княгинѣ смоленской» и пр., и пр. Зерцало россійскихъ государей посвящено великимъ князьямъ Александру Павловичу и Константину Павловичу и великимъ княгинямъ: Александрѣ Павловнѣ, Еленѣ Павловнѣ, Маріи Павловнѣ, Екатеринѣ Павловнѣ и Ольгѣ Павловнѣ. Россійскій ратникъ посвященъ христолюбивому и побѣдоносному всероссійскому воинству.

Мальгинъ былъ большимъ любителемъ древностей, дорожилъ старинными рукописями и монетами, и зная, какъ быстро исчезаютъ они при всеобщемъ почти равнодушіи къ нимъ, старался подѣлиться съ обществомъ тѣмъ немногимъ, что удалось ему, при его скудныхъ средствахъ, добыть и собрать. На основаніи

подлинной рукописи семнадцатаго вѣка, случайно попавшей въ руки Мальгина, онъ составилъ свой сборникъ формъ—титуловъ, обращеній и т. п., наблюдавшихся при перепискѣ русскихъ государей съ иностранными. На основаніи небольшаго собранія монетъ Мальгинъ составилъ статью о древнихъ русскихъ монетахъ. Въ статьѣ своей онъ описываетъ между прочимъ монету, принадлежащую будто-бы ко временамъ великой княгини Ольги и сына ея Святослава, и упоминаетъ о такого рода монетахъ и медаляхъ:

Сирена съ надписью вокругъ: *кн. вел. Василей Васильевичъ* (темный); наоборотѣ всадникъ на конѣ съ копьемъ, змія колющій, и надписью: *осподаръ всея Россіи.*

Птица о четырехъ крылахъ съ женскимъ лицомъ подъ короною; съ надписью вокругъ: *кн. вел. Василей Ивановичъ;* наоборотѣ звѣрь на подобіе коня, съ надписью вокругъ: *осподаръ всея Россіи.*

Человѣкъ подъ короною съ мечемъ въ рукѣ; наоборотѣ посрединѣ надпись: *денга псковская.*

Летящая птица; наоборотѣ надпись: великаго *Новгорода.*

Орелъ съ вѣтвію въ носу; наоборотѣ надпись: *пуло тверское* и т. д.

Въ рѣчи своей о состояніи въ Россіи народнаго просвѣщенія въ древнія и новѣйшія времена Мальгинъ имѣлъ цѣлію доказать, что Россія уже въ древности обладала несомнѣнными началами образованности, которая постепенно развивалась, дѣлая весьма значительные успѣхи, несмотря на всѣ препятствія и невзгоды. Въ доказательство того, что въ Россіи процвѣтала внутренняя и внѣшняя торговля—что Руссы вели торговлю съ Даніею, Швеціею, Норвегіею; что они достигали Сиріи, Египта и т. п., Мальгинъ ссылается на свидѣтельство Константина порфиророднаго и Гельмольда. Чтобъ дать понятіе о состояніи искусства въ древней Россіи, авторъ указываетъ на то, что въ Римѣ, въ Ватиканѣ, сохраняются до сихъ поръ пять картинъ, подъ названіемъ катоніанскихъ, писанныхъ въ тринадцатомъ столѣтіи русскими живописцами: Андреемъ Ильинымъ, Николаемъ Ивановымъ и

Сергѣемъ Васильевымъ. Блестящимъ памятникомъ поэтическаго творчества въ древней Россіи Мальгинъ считаетъ Слово о полку Игоревѣ, и высказываетъ мнѣніе, что письменность извѣстна была предкамъ нашимъ задолго до Кирилла и Меѳодія, и что Іоакимъ и Несторъ отнюдь не были первыми нашими лѣтописцами, а заимствовали свои сказанія изъ лѣтописей гораздо болѣе древнихъ. Основную мысль свою, къ которой возвращается и въ другихъ статьяхъ и сочиненіяхъ, авторъ выражаетъ въ слѣдующей тирадѣ: «Пусть непроницаемая завѣса самой отдаленной древности и язычества первобытныхъ нашихъ предковъ скрываетъ отъ насъ лучи тогдашняго въ Россіи, свойственнаго тѣмъ вѣкамъ, просвѣщенія. Пусть счастливѣйшіе мнимымъ ускореніемъ въ ономъ, но кичливые симъ счастіемъ, нѣкоторые народы чрезъ своихъ писателей порицаютъ россіянъ варварствомъ и крайнимъ невѣжествомъ. Пусть, по движенію зависти, злобы, презорства, или паче по незнанію своему, осыпаютъ невинныхъ прародителей нашихъ всякою лжею, клеветами и нелѣпостями. Пусть, по надменности своей, уничтожаютъ древнюю важность, силу и славу отечества нашего. Но время, безпристрастіе и благоразсудливость, истинные свидѣтели и судіи всего, открывая въ самой вещи совсѣмъ тому противное, неправду какъ прахъ вѣтромъ развѣваютъ, истину же, яко небесное свѣтило, земному мраку непричастное, въ чистомъ своемъ образѣ являютъ» и т. д.

III.

Литературные труды Мальгина пріобрѣли ему извѣстность, которая и послужила поводомъ къ избранію его въ члены россійской академіи. Онъ былъ предложенъ академикомъ Лепехинымъ, и въ собраніи академіи 5-го іюля 1791 года избранъ большинствомъ голосовъ —«по извѣстному знанію отечественнаго нашего языка, какъ сочиненіями, такъ и переводами доказанному» [30]). Вступивши въ академію, онъ сдѣлался ея ревностнымъ приверженцемъ, и питалъ къ ней особенную нѣжность, которую сохранилъ не смотря на всѣ столкновенія и разочарованія, какія

ему пришлось пережить. Въ одной изъ позднѣйшихъ рѣчей своихъ онъ говорилъ, что о россійской академіи радуются и утѣшаются не только живущіе нынѣ ученые и писатели, но и сошедшіе въ могилу: Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, Лепехинъ и другіе. Онъ вѣрилъ въ будущность россійской академіи и въ таланты ея членовъ, наивно примѣняя къ нимъ слова Ломоносова [31]):

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Втеченіе долговременнаго пребыванія своего въ академіи Мальгинъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей академическихъ собраній. Только одинъ годъ, изъ двадцати восьми, составляетъ исключеніе; но и на это были, по всей вѣроятности, самыя уважительныя причины. Не только имя его постоянно встрѣчается въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ въ собраніяхъ академіи, но и духъ его обиталъ въ этихъ собраніяхъ—какъ сказали бы тогдашніе стилисты. Съ необычайною готовностью Мальгинъ принималъ на себя всякаго рода порученія, возлагаемыя на него академіею. Онъ участвовалъ во всѣхъ трудахъ и предпріятіяхъ академіи, и принесъ свой посильный вкладъ въ важнѣйшія изъ нихъ—въ два словаря, появившіеся въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Признаніе трудовъ и заслугъ Мальгина по академіи выразилось въ двукратномъ присужденіи ему, въ 1800 и въ 1802 году, золотой медали — почести, которой удостоивались самые дѣятельные участники въ академическихъ предпріятіяхъ. Присуждая Мальгину золотыя медали, россійская академія основывалась на томъ, что онъ ревностно участвовалъ въ трудахъ академіи, присутствовалъ «безпрерывно» во всѣхъ ея собраніяхъ, и своими замѣчаніями и объясненіями много содѣйствовалъ обогащенію издаваемыхъ академіею сочиненій.

Приготовляя матеріалы для словарей, Мальгинъ выбиралъ слова изъ различныхъ сочиненій, и не ограничивался однимъ под-

боромъ словъ, но и объяснялъ значеніе каждаго изъ нихъ. Дѣлая выписки изъ писателей, онъ приводилъ не одни только слова, но цѣлыя мѣста, при помощи которыхъ объясняется смыслъ каждаго отдѣльнаго слова. Объясненія, предлагаемыя Мальгинымъ, касаются преимущественно какъ старинныхъ словъ вообще, такъ и тѣхъ, которыя употреблялись и употребляются въ судопроизводствѣ.

Для втораго академическаго словаря Мальгинъ привелъ въ порядокъ, исправилъ и дополнилъ собраніе словъ, начинающихся на *В* и на *П* [32]).

Въ числѣ необходимыхъ матеріаловъ для словаря Мальгинымъ представлены въ академію слова, выбранныя имъ изъ сочиненій Ивана Грознаго, св. Димитрія Ростовскаго и архимандрита Раича.

Изъ первой части сочиненій св. Димитрія Ростовскаго выписаны и представлены Мальгинымъ сто шестьдесятъ шесть неизвѣстныхъ, необыкновенныхъ или малоупотребительныхъ словъ, и такого-же рода слова, выбранныя имъ изъ Розыска о брынской вѣрѣ. Ко всѣмъ этимъ словамъ присоединенъ и самый текстъ, въ которомъ они встрѣчаются, и при помощи котораго можно опредѣлить ихъ значеніе [33]).

Изъ посланія Ивана Грознаго въ кирилло-бѣлозерскій монастырь сообщены Мальгинымъ слѣдующія слова: *честыня, вершіе, опалатися, намѣстіе, мздиться, доволь, кормля, лискаръ, кручинить, кручинный, жуки, дуровать, лежень*. Всѣ эти слова положено внести въ академическій словарь [34]). Почти всѣ слова, представленныя въ академію Мальгинымъ, вошли въ словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленнаго вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ, и притомъ со ссылками то на историческіе акты, то на исторію россійской іерархіи, то на Карамзина, который въ свою очередь ссылается на тоже изданіе (истор. россійск. іерарх.), которымъ пользовался и Мальгинъ.

Сверхъ того, Мальгинъ сообщилъ академіи слова, выписанныя имъ изъ Исторіи разныхъ словенскихъ народовъ, сочиненной

архимандритомъ Іоанномъ Раичемъ [35]). Сопоставленіе Раича съ Иваномъ Грознымъ не лишено своего рода интереса.

Въ собраніяхъ россійской академіи особенно подробно обсуживались нѣкоторые вопросы, относящіеся къ словопроизводству и правописанію. Мальгинъ никогда не оставался безмолвнымъ свидѣтелемъ академическихъ преній, и взгляды свои на спорные вопросы выражалъ какъ устно, такъ и письменно.

О происхожденіи слова *память* Мальгинъ представилъ такого рода домыслы:

«Слово *память* кореннымъ быть не можетъ, ибо глаголъ *помню*, изъ глагола *мню* и предлога *по* состоящій, значитъ *содержу что въ умѣ, мнѣніи и мысляхъ* или *возобновляю вниманіе, воображеніе о чемъ,* а сходственно сему и существительное *память,* яко способность и дѣйствіе помнящаго, согласное и точное съ своимъ глаголомъ имѣя знаменованіе, непосредственно доказываетъ тѣмъ истинное свое отъ него происхожденіе и союзъ, съ перемѣною только, по нарѣчію, предлога *по* или *па,* что̀ во многихъ случаяхъ употребительно. Причемъ, сравнивая между собою слѣдующіе производные отъ нихъ глаголы: *помнить* и *памятовать, помнится* и *памятуется* и проч., также имена: *злопомнѣніе, злопомный* и проч., наипаче усматривается одинаковый корень, сила, сходство разума и понятія оныхъ.

— Ежели слово *память,* по малой только въ буквахъ, а не въ силѣ, разности, отдѣлить отъ глагола *помню,* то сей своего существительнаго имѣть не будетъ, чѣмъ произвольно и безъ нужды нарушить должно свойство и составъ языка, ибо коренные и производные глаголы непосредственно принимаютъ свойственныя себѣ существительныя, напр.: *мню — мнѣніе, помнію — память, зрю — зрѣніе,* и проч.

— Что въ производствѣ многихъ и едва-ли не вообще всѣхъ глаголовъ и существительныхъ именъ весьма часто встрѣчаются перемѣны и несходство буквъ, ударенія и произношенія, какъ и въ настоящемъ случаѣ слово *память* отъ глагола *помню* нѣкоторую въ буквахъ имѣетъ разность, тому много есть примѣровъ,

а именно отъ глагола *есмь* произведены: *естество, сый, сущій* и проч.; *сижу — сѣдло, насѣдка, сидка*; *жру — жертва, жертвенникъ*, и проч.

— Все сіе доказываетъ, что употребительныя по свойству языка при произведеніи и составѣ словъ въ буквахъ, окончаніяхъ спряженіяхъ и нарѣчіи перемѣны отнюдь не отвергаютъ ихъ отъ сроднаго и ближайшаго имъ корня, который академія, сколько возможно, къ непоколебимому правилу и твердости языка нашего сыскивать и соблюдать долгомъ себѣ почитаетъ и старается. Почему слово *память* съ его производными надлежитъ оставить при его коренномъ глаголѣ *мню* и *помню*» [36]).

О филологическихъ пріемахъ Мальгина можно судить по сближенію имъ слова *князь* съ словомъ *гнесъ* — одного корня съ глаголомъ *гнету*. «Россійская академія — говоритъ онъ — слово *князь* опредѣлила такъ: конь, конекъ, самый верхній брусъ на кровлѣ у деревяннаго строенія; или верхнее бревно, перекладина на воротахъ, какъ видно изъ Псалма 23. 7. ст.: возьмите, врата, князи ваши. На противу-же оное слово во многихъ мѣстахъ старинныхъ лѣтописцовъ и въ извѣстной Игоревой ироической пѣсни о походѣ на половцовъ на 23 стр. не *кнезь*, а *кнесъ* выражается; изъ чего заключаю, что въ произношеніе или выговоръ издревле вкралось неправильное употребленіе вмѣсто буквы *г* буква *к*, т. е. *гнесъ* отъ глагола *гнести*, яко прямое званіе прижимнаго для досокъ бруса, а не *кнесъ*, наипаче-же *князь*, которое слово въ семъ смыслѣ съ настоящимъ понятіемъ о человѣкѣ владѣтельной или верховной особы никакого сходства, подобія и точнаго выраженія не имѣетъ. Я не вхожу теперь въ производство истиннаго корня слову *князь*, а доказываю только явную порчу и погрѣшность въ употребленіи слова *князь* въ мѣсто *гнесъ*, которое съ самою вещію и съ прямымъ понятіемъ весьма близко и сродно сходствуетъ. Ибо и въ самой библіи на другихъ языкахъ означаетъ только верхній перекладъ, а не званіе верховной особы, въ какомъ-бы смыслѣ то ни брать, слѣдовательно весьма ощутительна и явна погрѣшность въ употребленіи слова

князь за *перекладъ* на воротахъ или *пригнетину* на кровлѣ. И какъ академія и долгъ и право имѣетъ въ очисченіи отечественнаго языка отъ явныхъ погрѣшностей и злоупотребленія, то не благоугодно-ли будетъ, принявъ сіе примѣчаніе въ особенное разсужденіе, вмѣсто слова *князь*, исправить и опредѣлить при настоящемъ чтеніи и поправленіи буквы *г* слово *гнесъ*, яко прикрѣпу на воротахъ или на кровлѣ; толь ясный корень отъ глагола *гнести* имѣющее, и тѣмъ сдѣлать впредь справедливое различіе въ произношеніи и понятіи прямаго разума между толь различныхъ словъ: *князя* и *гнеса*» [37]).

Мальгинъ допускалъ нѣкоторыя рѣзкія, бросающіяся въ глаза, особенности въ правописаніи, въ замѣнѣ однихъ буквъ другими, въ переносѣ словъ и т. п. Предлагая разлагать букву *щ* на ея составныя части, смотря по корню слова, въ которомъ слышится звукъ *щ*, Мальгинъ опирался на слѣдующіе доводы:

1) Въ употребленіи буквы *щ* или вмѣсто оной: *жч*, *зч* и *сч*, по различію случаевъ, непремѣнно должно смотрѣть, слѣдовать и наблюдать сущность первообразныхъ и коренныхъ словъ, отъ коихъ производныя произходятъ, составляются и сочиняются; напримѣръ, отъ словъ: *мужъ*—мужчина, *приказъ*—приказчикъ, *извозъ*—извозчикъ, *песокъ*—песчаный, *гость*—госченіе, *рость*—росча, *густый*—гусча, *мость*—мосченіе, *чистый*—чисченіе, *мѣсто* — помѣсченіе, *вѣсть* — вѣсчаніе, *безчадіе* — безчадный и проч., безъ всякаго сумнѣнія надлежитъ изображать чрезъ *жч*, *зч* и *сч*, а не чрезъ *щ*, яко-бы подъ видомъ сокращенія оныхъ или яко двоегласной, сложенной по догадкамъ изъ буквъ *с* и *ч*. Въ истинѣ чего ясно удостовѣряетъ и свидѣтельствуетъ различіе словъ и реченій, единственно только букву *щ* принимающихъ, напримѣръ: *щадить*, *щеголять*, *тщиться*, *щавель, щи, щелчекъ, щеголь* или *щегленокъ* и проч., въ коихъ и имъ подобныхъ, такъ какъ и во всѣхъ причастіяхъ, нельзя безъ грубой погрѣшности употреблять *сч*, что и убѣждаетъ въ обоихъ сихъ случаяхъ для ясности, правильности и точности дѣлать необходимое различіе изображеніемъ пристойныхъ буквъ.

2) Славенское и въ церковныхъ книгахъ употребляемое правописаніе безъ всякаго различія въ корнѣ, производствѣ и оборотахъ, гдѣ одною только буквою *щ* всѣ подобные нашему предмету случаи выражаются, отнюдь къ принятому и утвержденному россійскому правописанію не принадлежитъ, образцомъ и примѣромъ не служитъ, такъ какъ и грамматики сихъ языковъ въ своихъ правилахъ весьма между собою различны и совершенно несходственны.

3) Россійская академія, по начертанію обязанности и важности предметовъ своихъ, между прочимъ должна вычисчать языкъ отъ вкрадшихся злоупотребленій какъ въ точномъ знаменованіи и смыслѣ, такъ и въ правильномъ, приличными буквами, выраженіи и правописаніи словъ; слѣдовательно въ томъ и другомъ наблюдать строго и всевозможно силу и точность, сущности, сродства и истины, отъ коренныхъ и первообразныхъ словъ произтекающія; всемѣрно истреблять привычку невѣжества, закоснѣлости и самолюбія, нерѣдко за неизмѣняемый обычай принимаемыхъ; показывать своими примѣрами образцы къ подражанію прочимъ, не имѣющимъ времени, способности и случая въ томъ упражняться, не пренебрегая однако-же и самыми по наружности малыми къ достиженію истины поводами, отъ которыхъ въ противномъ случаѣ и великіе ослаблены и упусчены быть могутъ.

4) Ежели по прежнему оставить всеобщее вездѣ употребленіе буквы *щ*, безъ различія и пристойности, гдѣ собственно оную или въ мѣсто ея *жч*, *зч* и *сч* по правильному правописанію изображать на письмѣ и въ печати, хотя устное произношеніе оныхъ кажется и одинаковымъ; то по строгому въ справедливости сужденію отъ почтенной публики должно ожидать или словесной или письменной критики съ нареканіемъ, что академія, по долгу своего званія, въ правописаніи замѣтить, различить, означеновать и правиломъ утвердить сего не могла или не хотѣла, а чрезъ то легко можетъ умалить, ежели не потерять, довѣренность, уваженіе и почтеніе къ себѣ самой и трудамъ своимъ, до

нынѣ еще сохраняемыя, чего, конечно, она не похочетъ и со всякимъ тщаніемъ избѣгать будетъ. Наконецъ,

5) по мнѣнію моему какъ о настоящемъ предметѣ, такъ и о прочихъ, тому подобныхъ, можетъ быть, въ изданной академіею россійской грамматикѣ незамѣченныхъ и упусченныхъ, надлежитъ дополнить или объяснить особыми примѣчаніями въ академическихъ изданіяхъ, чего почтенная публика, кажется, пустою ученостію или умничаніемъ не почтетъ, поелику и сіе непосредственно къ правильности и чистотѣ языка принадлежитъ [38]).

Филологическія соображенія свои Мальгинъ примѣнялъ и къ вопросамъ историческимъ. Доказательствомъ этому служитъ замѣтка его о варяго-руссахъ. Онъ говоритъ: «Варяги—Русь, или Руссы, въ древней отечественной нашей исторіи составляютъ важное и знаменитое мѣсто. Но сія статья бытописанія по нынѣ покрыта толь густымъ мракомъ нерѣшимости, что не только иностранные, но и россійскіе бытописатели не могли ступить на путь истины и вразумиться въ ясное понятіе сего слова, а чрезъ то удобно разогнать пустый туманъ прежняго заблужденія и нелѣпыхъ толковъ.

Я оставляю здѣсь и тѣхъ и другихъ безъ обличенія въ тщетныхъ и неприличныхъ доводахъ о произхожденіи русскихъ или россіянъ отъ скандинавскихъ предковъ или родоначальниковъ. Неудивительно, что иностранцы производятъ ихъ отъ своевъ, отъ финновъ, отъ чухонъ, отъ латышей и даже почти отъ самайѣдовъ; но удивительнѣе то, что сами русскіе, какъ бы стыдясь русскаго своего произхожденія, покаряются иностраннымъ въ развратныхъ ихъ мечтахъ. Пусть только вникнутъ въ славенское значеніе слова *варягъ* или *варяй*, — и все очарованіе изчезнетъ.

Между тѣмъ послушаемъ презираемаго многими, но намъ всегда любезнаго лѣтописателя преп. Нестора, который о междуусобіи славянъ новгородскихъ и избраніи ими князей варяго-русскихъ въ лѣтописи своей на 16 стран. говоритъ тако: «Поищемъ собѣ князя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ по праву. И идоша за море «къ *Варягомъ—Руси:* сице бо тіи звахусь *Варязи—Русь*, яко се

«друзіи (т. е. варяги же) зовутся Свіе, друзіиже (такъ же варяги) «Урмяни, Ингляне, друзіи Готе» и проч. и проч.

Сего о *Варягахъ* различія для краткаго предмета моего весьма довольно. Теперь разберемъ силу Несторовыхъ словъ, что суть *Варяги*? Онъ, конечно, подъ симъ именованіемъ разумѣетъ не столько самые сіи народы, т. е. Русь, Свеевъ, Нордмановъ, Инглянъ и Готовъ, но качество и различіе оныхъ въ томъ, что они были предніе, предупредившіе, прежде пришедшіе на мѣста свои поселенцы, и славенскимъ прилагательнымъ отличенные отъ послѣдовавшихъ имъ новыхъ, которые именемъ *варяговъ*, такъ какъ предшественныхъ или *варятельныхъ* народовъ, называться уже не могли, и не назывались по примѣру первыхъ. Вотъ вся тайна, вся развязка въ семъ дѣлѣ, толико затруднявшемъ бытописателей.

И такъ, мечтательные скандинавскіе Вагры и Вагріоны— волки и разбойники, свейскіе Россы, Ротсы и Руотсы, такъ же и мечтательныя мѣста: Вагрія въ Вандаліи; Варягія въ Италіи, генуезской области; Боруссія или Пруссія и свейскій Росъ-лагенъ да изчезнутъ во тмѣ мечтателей своихъ. Наши же Варяги въ существѣ и истинѣ произшествія пребудутъ первыми только, другихъ предупредившими насельниками по Варяжскому (Балтійскому) морю, названному такъ отъ славянъ, какъ и Каспійское Хвалисскимъ или Хвалынскимъ по своимъ обитателямъ славенскихъ поколеній и древнихъ вѣковъ.

Сколько же, гдѣ, когда и какимъ образомъ происходили такія славенскія поселенія, любопытный можетъ видѣть, читать и пользоваться историческими розысканіями о произхожденіи Сарматъ, Склавоновъ и Славянъ, сочиненными и изданными въ 1812 году почтеннѣйшимъ нашимъ сочленомъ, преосв. митрополитомъ римскихъ въ Россіи церквей Станиславомъ Сестренцевичемъ-Богушемъ.

Руссы неоспоримо были сродны и свойственны славянамъ новогородскимъ, хотя въ языкѣ, въ образѣ жизни и нравахъ отъ времени и мѣста перемѣнились; но совершенно не измѣнились: то

удивительно ли, что послѣдніе князей первыхъ, яко единоплеменныхъ и родственныхъ, избрали себѣ на княженіе, а отъ того Русь или Руссія — государство россійское начали такъ именоваться.

Но весьма жаль, что самый новѣйшій и много обѣщавшій писатель россійской исторіи уклонился отъ очищенныхъ стезей и самонадѣятельно упустилъ многія истины о славянахъ, нашихъ неотрицаемыхъ предкахъ, оставившихъ и у насъ и у прочихъ окрестныхъ народовъ неизгладимые слѣды языка своего и славныхъ дѣяній, почитаемыхъ нѣкоторыми за басни и вымыслы несодѣянные и невѣроятные. Отъ того-то у насъ чужія бредни въ чести и уваженіи. Подлинно жаль, жаль. Желательно, чтобы время, истину открывающее, когда нибудь вразумило, наставило, исправило погрѣшности, недоумѣнія и киченія.

Я мнѣніе свое о словѣ *Варяй* или *Варягъ* основываю и утверждаю на славенскомъ глаголѣ *варяти* съ производными его. Оно мнѣ, какъ русскому, кажется и пріятнѣе, и справедливѣе всѣхъ натяжныхъ, насильныхъ и странныхъ именованій, иностранцами даемыхъ, а нѣкоторыми русскими попускаемыхъ или терпимыхъ, но часъ отъ часа болѣе несносныхъ» [39]).

Въ мнѣніяхъ Мальгина обнаруживаются не только филологическія понятія автора, но и нѣкоторыя черты литературныхъ нравовъ того времени. Онъ горячо отстаивалъ необходимость заявлять объ участіи каждаго изъ сотрудниковъ въ совокупномъ трудѣ академіи, и доказывалъ, что подобнаго рода заявленія весьма сильно и поощрительно дѣйствуютъ на писателей, поддерживая въ нихъ благородное соревнованіе. «Въ собраніи россійской академіи—писалъ онъ—читано и утверждено было всѣми единогласно предисловіе къ первой части издаваемаго вновь россійскаго словаря со включеніемъ именъ г. членовъ, трудившихся въ приведеніи въ азбучный порядокъ, въ поправленіи и дополненіи противу прежняго извѣстныхъ буквъ; а по возраженію на то одного изъ г. сочленовъ, безъ присутствія г. президента, суждено упоминаніе г. трудившихся членовъ исключить. Таковая невнима-

тельность къ усердію и къ лицамъ трудившихся, есть не только не благопристойна, но и обидна, ибо:

1) Не всѣ г. члены приняли на себя оный трудъ, но нѣкоторые, по особливой достохвальной ревности для благопоспѣшенія общественной пользы, что къ удовольствію академіи и исполнили.

2) Никакъ не можно того сказать, чтобъ академія оный важный трудъ сама совершила безъ личнаго соучаствованія своихъ сочленовъ.

3) Хотя академія въ общихъ собраніяхъ разсматриваетъ и утверждаетъ оный трудъ, однакожь сочиненія на общее лицо принять отнюдь не можетъ, которое, по всей справедливости, долженствуетъ относиться къ особенности лицъ трудившихся г. членовъ, коимъ сія честь нужна не для тщеславія; но для памяти въ потомствѣ посильныхъ ихъ трудовъ и для соревнованія прочихъ, чему академія имѣетъ и примѣры.

4) Включеніе именъ г. трудившихся членовъ не можетъ дѣлать ни вообще академіи, ни неучаствовавшимъ сочленамъ никакого нарѣканія и постыдности потому, что сіе почтенное сословіе состоитъ изъ добровольныхъ сотрудниковъ, и никто чуждаго труда себѣ присвоять, а паче оный какимъ либо образомъ помрачать, утаивать и уничтожать права не имѣетъ.

5) Нѣтъ никакой причины ни академіи и никому предъ общенародствомъ скрывать имена г. трудившихся членовъ, поелику они посильный трудъ добровольно приняли, усердно окончили и охотно подвергли разсмотрѣнію и суду академіи, которая уже готовый приводитъ только въ возможное совершенство.

По симъ истинамъ имѣю честь Императорской Россійской Академіи представить мое мнѣніе, что изъ вышепомянутаго предисловія именъ г. трудившихся членовъ изключать не должно для ободренія настоящихъ и будущихъ трудовъ ихъ; въ противномъ же случаѣ какъ нынѣ у многихъ сотрудниковъ нашихъ легко упасть можетъ усердіе и ревность къ дальнѣйшимъ трудамъ, такъ и впредь у послѣдующихъ соревнителей вовсе пресѣчена будетъ къ тому охота. Есть-ли же кто изъ г. трудившихся сочленовъ,

по какимъ либо видамъ, самъ добровольно на исключеніе своего имени согласится, таковой, по особливому однакожь отзыву, можетъ быть не упомянутъ» [40]).

Мальгинъ принадлежалъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ членовъ россійской академіи не только по ея научнымъ предпріятіямъ, но и по дѣламъ экономическимъ. Онъ былъ членомъ хозяйственнаго или домостроительнаго комитета, и исполнялъ эту довольно тяжелую повинность съ примѣрнымъ усердіемъ и существенною пользою для академіи. Что же касается до многочисленныхъ комиссій или комитетовъ по различнымъ вопросамъ, занимавшимъ академію какъ учено-литературное общество, то едва-ли не въ каждомъ изъ подобныхъ комитетовъ участвовалъ и Мальгинъ. По званію члена того или другого комитета, Мальгинъ долженъ былъ разсматривать матеріалы для словаря, исправлять невѣрныя или неточныя опредѣленія словъ, дополнять пропуски; критически разбирать сочиненія, представляемыя въ россійскую академію для соисканія наградъ или для напечатанія въ академическихъ изданіяхъ.

Критика Мальгина и его сочленовъ касалась преимущественно языка и слога, но не оставляла совершенно въ сторонѣ и требованій цензурныхъ. Въ рукописи Львова: *Памятникъ князя Голицына* Мальгинъ и другіе академики признали нужнымъ исключить слѣдующее мѣсто: «особенно же того повиновенія, которое малодушные царедворцы нерѣдко спѣшатъ стремглавъ оказать въ угодность страстямъ государей своихъ, дабы чрезъ то обрѣсть щедроты ихъ» и т. п. [41]).

Чѣмъ ограничивался Мальгинъ при литературной оцѣнкѣ произведеній, можно видѣть по слѣдующимъ отзывамъ его о похвальныхъ словахъ, представленныхъ на судъ академіи.

1. МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ.

Сочиненіе сіе заключаетъ въ себѣ не похвальное слово, но произвольный вымыслъ въ образѣ неосновательной повѣсти съ

нѣкоторымъ слабымъ нравоученіемъ; ибо нѣтъ въ немъ ни порядочнаго теченія рѣчи по правиламъ искуственнаго витійства, т. е. надлежащаго приступа, нужнаго содержанія существа дѣла и пристойнаго заключенія, ни должнаго соображенія мыслей съ истиннами бытописанія, какъ, когда и что произходило, ниже желаемаго описанія достопамятныхъ подвиговъ и высокихъ добродѣтелей; но даже сочинитель, по видимому, не знаетъ имени, отечества, состоянія и отличностей хвалимыхъ ироевъ или бывшихъ въ связи дѣла знаменитыхъ особъ; словомъ, ни малѣйшею частію не удовлетворяетъ важности матеріи, задачи и ожиданія: по чему и не заслуживаетъ никакого вниманія.

2. ЦАРЮ ІОАННУ IV ВАСИЛІЕВИЧУ.

Сіе такъ же, какъ и предыдущее, не имѣетъ ни достоинства, ниже названія похвальнаго слова, потому что:

1) Разположено не по риторическимъ правиламъ, безъ надлежащей силы и важности повѣствуемыхъ дѣяній, безъ всякаго украшенія и выразительности мыслей.

2) Существо и основаніе дѣяній на подтверждается историческими истиннами и ссылками на источники, откуда что почерпнуто.

3) Врожденное свойство, отличныя дарованія, подвиги и добродѣтели похваляемаго царя достойно не описаны, не уважены и не взвеличены.

4) Внутреннія и внѣшнія обстоятельства, до собственнаго царскаго лица, государства, народа и образа нравовъ и правленія касающіяся и съ необходимою связію произшествій и знаменитыхъ лицъ сопряженныя, или вовсе упусчены, или невѣрно и превратно выражены. Въ доказательство незнанія сочинителева исторіи и неосновательности сочиненія, оставляя многія другія мѣста, приведу только примѣромъ на самой первой страницѣ слѣдующія сочинителевы слова: «въ такомъ вѣкѣ и въ четырнадцать лѣтъ отъ рожденія предлежалъ подвигъ Іоанну царствовать»; далѣе: «правленіе Ксеніи и все, что при ней составляло

совѣтъ, обѣщало-ль блистательную перспективу монарху, безъ опытности и безъ руководителей». Но исторія повѣствуетъ, что царь I. В. по завѣсчанію и по кончинѣ отца возведенъ на престолъ 1534 г. декабря 4-го, отъ роду не 14, а 4-хъ лѣтъ, подъ опекою матери и нѣкоторыхъ боляръ; царица же, матерь его, именовалась не Ксеніею, а Елена Васильевна, слѣдовательно сочинитель самыхъ первыхъ и главнѣйшихъ чертъ исторіи не знаетъ.

5) Сочиненіе наполнено описокъ и грамматическихъ погрѣшностей, а слогъ смѣшанъ со многими, безъ всякой нужды введенными, иностранными словами. Почему и сіе не заслуживаетъ никакой награды, ниже посредственнаго одобренія.

3. ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Сочиненію сему, такъ какъ и предыдущимъ, никакой не можно отдать справедливости, потому что:

1) Оное состоитъ изъ кучи необразованныхъ мыслей, неустроенныхъ словъ и безъ всякой связи.

2) Нѣтъ въ немъ ни порядка въ составѣ, ни витійственныхъ украшеній, ниже выбора особенныхъ предметовъ или цѣли къ похвалѣ изящныхъ подвиговъ и высокихъ добродѣтелей душевныхъ и тѣлесныхъ отличнѣйшаго героя, но даже упусчены самыя важнѣйшія въ отрочествѣ, въ мужествѣ и въ преклонныхъ его лѣтахъ, каковы суть: благочестіе, остроуміе, храбрость, великодушіе и человѣколюбіе и проч., которыхъ едва-ли совокупно въ жизни множайшихъ великихъ государей не только сравнить, но и найти по исторіи возможно.

3) Знаніе сочинителево крайне ограничено въ источникахъ, обстоятельствахъ, важности и превосходствѣ безпримѣрныхъ дѣяній неподражаемаго Петра и сотрудниковъ его; но одну только справедливость въ девизѣ своемъ истинно изобразилъ, что Петръ I превыше похвалъ, которыхъ въ словѣ своемъ, по достоинству величія, славы и безсмертія подвиговъ его, ни тѣни не изобразилъ. Почему оное слово, яко недостойное героя, не

можетъ быть никакъ одобрено и заслуживать каковой-либо награды.

4. ЦАРЮ ІОАННУ IV ВАСИЛЬЕВИЧУ,

съ девизомъ:

О! коль достойныхъ славы много
Молчаніемъ сокрыто дѣлъ!

Хотя сіе похвальное слово, судя по важности предмета и по строгости особливаго безпристрастія, не заключаетъ въ себѣ такого совершеннаго изящества и толь высокаго витійственнаго слога, каковыми нѣкоторые древніе и новѣйшіе риторы отлично блистаютъ, или какъ-бы академія и всякой любомудрецъ въ учености и словесности желали; однако можно и должно отдать сочинителю онаго ту справедливость, что сохранилъ нужныя въ составѣ правила, согласность съ истиннами бытописанія и превосходную отличность врожденнныхъ и пріобрѣтенныхъ добродѣтелей похваляемаго ироя. И какъ сочиненіе сіе во всѣхъ частяхъ предъ прочими настоящими есть лучшее, и достоинства своего не потеряло-бы и тогда, когда-бы другое было превосходнѣйшее, и въ такомъ случаѣ могло быть вторымъ или подходящимъ. Но что касается до нѣкоторыхъ словъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія нѣсколько или излишне или неточно по здравому и строгому смыслу употребленныхъ; то сіе, по открытіи имени сочинителя, самимъ имъ, или по препорученію отъ академіи кѣмъ-либо изъ г. членовъ, легко и удобно исправлено быть можетъ, что къ удостоенію почести не препятствуетъ и не затрудняетъ. И для того въ поощреніе труда, усердія и соревнованія трудящихся на предбудущее время, мнѣніемъ моимъ полагаю удостоить и наградить сочинителя обѣщанною отъ академіи за лучшее изъ присланныхъ сочиненій золотою, а по крайней мѣрѣ серебряною медалью [42]).

О третьемъ словѣ, написанномъ на ту же тэму, Мальгинъ далъ слѣдующій отзывъ: «По препорученію академіи разсмотрѣвъ при-

сланное въ оную похвальное слово царю и самодержцу всероссійскому Іоанну Васильевичу подъ девизомъ: единъ онъ былъ и начало царей и новый законодатель и проч., имѣю честь представить, что хотя основаніе сего слова и могло служить къ изображенію достойныхъ похвалъ оному государю; но надутый сочинителя слогъ непристойными высокопарностями, помраченный невмѣстными существительными и прилагательными именами, и противный употребительному въ семъ родѣ сочиненій правилу, причиняетъ не только въ понятіи помраченіе и темноту, но и въ самомъ даже чтеніи отъ многословія трудность и отягощеніе. Сверхъ того выраженіе мыслей во многихъ мѣстахъ съ самымъ дѣломъ несходственно, слова же употреблены безъ разбора должной приличности, силы и точности къ своимъ предметамъ. Почему мнѣніемъ полагаю, что оное сочиненіе ни мало не удовлетворяетъ желанію академіи и достоинству предмета, то и не заслуживаетъ не только обѣщанной награды, но и посредственнаго одобренія»[48]).

IV.

Произнося приговоры другимъ, Мальгинъ въ свою очередь нерѣдко представалъ на судъ своихъ собратовъ по академіи. И судъ порою бывалъ неумолимымъ; не допускалось никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ; не дѣлалось ни малѣйшей поблажки авторскому самолюбію. По поводу одной рѣчи Мальгинъ долженъ былъ подвергнуться тяжелому испытанію—вынести цѣлый рядъ оскорбленій, и ни въ комъ не встрѣтилъ ни поддержки, ни сочувствія.

Въ россійской академіи издавна велся обычай произносить рѣчи въ академическихъ собраніяхъ. Не уступая никому въ точномъ соблюденіи академическихъ обычаевъ, Мальгинъ произносилъ рѣчи и читалъ разсужденія и въ торжественныхъ и въ обыкновенныхъ собраніяхъ академіи. Въ 1808 году онъ читалъ въ торжественномъ собраніи рѣчь о состояніи въ Россіи древняго и новѣйшаго народнаго просвѣщенія. Рѣчь эта встрѣтила благо-

склонный пріемъ, и помѣщена въ повременномъ изданіи академіи. Въ 1817 году Мальгинъ читалъ, въ двухъ засѣданіяхъ академіи, разсужденіе: *О неоцѣненномъ дарѣ слова человѣческаго и о послѣдственной отъ онаго пользѣ постепеннаго усовершенія словесности для народнаго просвѣщенія и славы государей — любителей онаго.* По выслушаніи разсужденія, положено было хранить его въ академіи, чтобы современемъ сдѣлать надлежащее употребленіе. Въ 1812 году Мальгинъ также приготовилъ рѣчь для произнесенія въ годичномъ торжественномъ собраніи академіи, и ее также положено хранить въ академическомъ архивѣ, но отнюдь не дѣлая изъ нея никакого употребленія, т. е. не признано было возможнымъ ни произнести ее публично, ни помѣстить въ изданіяхъ академіи.

Первое впечатлѣніе избраннаго кружка было до такой степени не въ пользу рѣчи, что чуткій авторъ провидѣлъ самый печальный исходъ, приписывая его, какъ водится, злобѣ и недоброжелательству. Въ то самое засѣданіе, когда впервые заговорили о рѣчи, высказаны были «недоброхотные» отзывы о другомъ трудѣ Мальгина—о переводѣ изъ Шревеліева греко-латинскаго словаря 250 избранныхъ краткорѣченій, несмотря на то, что эти краткорѣченія заключали въ себѣ высокія мысли и нравоученія. Почуявъ бѣду, Мальгинъ обратился въ президенту Нартову съ вопросомъ, не подвергнется-ли и рѣчь его такому «ничтожному жребію» какъ переводъ, и если опасенія его справедливы, то просилъ возвратить ему подлинную рукопись, потому что «никому непріятно, да и несправедливо оставлять знаки трудовъ своихъ тамъ, гдѣ ихъ презираютъ съ обиднымъ попраніемъ ревностнаго усердія» [44]).

Разсмотрѣніе рѣчи поручено было нѣсколькимъ членамъ россійской академіи, и всѣ они пришли къ одному и тому же, невыгодному для автора, заключенію. Въ отзывахъ своихъ они не пощадили самолюбія автора; краснорѣчіе его называли страннорѣчіемъ, а уподобленіе разума грузу, сдѣланное въ рѣчи Мальгина, находили неудачнымъ потому, что у многихъ вовсе не оказывает-

ся этого груза. Мальгинъ не встрѣтилъ сочувствія и поддержки ни въ комъ изъ академиковъ. Приводимъ ихъ отзывы, въ которыхъ есть и остроуміе, и злоба дня, и черты литературныхъ понятій того времени [45]):

По препорученію Императорской Россійской Академіи прочитавъ рѣчь *о необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками*, добрался я, какъ по сему заглавію, такъ и по содержанію всей рѣчи, до той только истины, что *науки полезны*.

Кто же въ томъ сомнѣвается? Самъ сочинитель говоритъ, что *истина сего древняя, и нынѣ никому, кажется, сумнительною быть не можетъ*.

А какъ для истинъ ясныхъ и давно уже признанныхъ излишни доказательства, а особливо доказательства обыкновенныя, то само собою разумѣется, что рѣчь сія, по содержанію своему, не можетъ быть занимательна.

Впрочемъ извѣстно и то, что иногда и не новое, и даже обыкновенное можетъ плѣнять насъ, когда оно изображено и украшено новыми и отмѣнными оборотами мыслей.

Дабы показать ученому сословію по крайней мѣрѣ съ сей стороны усилія сочинителя, я выписалъ изъ рѣчи его нѣкоторыя мѣста, гдѣ наиболѣе видно напряженіе разума.

Напримѣръ: «Здѣсь, то есть на высотахъ небесныхъ, чув«ствовать можно ухомъ сердечнымъ безчисленные хоры и самое «сладчайшее согласіе небесныхъ круговъ въ разномѣрномъ ихъ «по разстоянію ихъ отъ солнца движеніи, въ установленномъ по«рядкѣ теченія и неприкосновенности, во взаимномъ дѣйствіи и «внѣшнихъ отъ онаго пользахъ по безпредѣльному пространству «мѣста, путей и времени толикія тысящи лѣтъ непреложно, не«преложно и во вѣки».

Еще: «Дѣйствительно не ужасаютъ непоколебимаго духа, ума «и дерзновенія человѣческаго ни вихри небесные, ни пропасти «земныя, ни пучина морская, не преисподняя земли. Чудесное «свойство, господственная смѣлость, недоумѣнная превысимость «человѣка надъ самимъ собою, почти невѣроятныя, бренности

«его несродныя, но всѣ событныя, всѣ самымъ дѣломъ и опы-«тами доказанныя и нимало не сумнительныя!»

И еще: «Разумъ и природныя дарованія въ человѣкѣ суть «великое духовное сокровище, влiянное благостію Божіею по не-«испытанному провидѣнію и по тайной мѣрѣ вмѣстительности въ «каждаго особенно, какъ бы на стражу и въ помощь души и тѣла «его, и проч.».

Вотъ, наконецъ, образчикъ иносказанія! «Потальнымъ, а не чи-«стаго золота ученіемъ помраченные упорно стоятъ въ своей кич-«ливости. Они не рѣдко даже надмѣваясь, подобно бугристымъ «волнамъ въ бурю, хотятъ стремительнымъ паденіемъ своимъ по-«давить и въ прахъ истнить драгоцѣнные бисеры, всегда однако «по круглости своей невредимые, тѣмъ болѣе благоразуміемъ ува-«жаемые, истиною прославляемые».

Опасаясь, чтобы мое одно о сихъ отрывкахъ сужденіе не было сочтено погрѣшительнымъ, подвергаю ихъ суду академіи.

Однако не могу безъ замѣчанія пропустить нѣкоторыхъ, по мнѣнію моему, странныхъ словъ и выраженій, какъ-то: *дѣйственный способъ*, *огнезрачные вихри*, *высоты Господни*, *превозносливость*, *опытные горорытцы*, *плоды обильно гобзовали*, *творить глубиною премудрости*, *великая тонкость*, *превысимость*, и проч. и проч. Такія странности могутъ, обезобразивъ и хорошее сочиненіе, отнять у него цѣну.

Александръ Никольскій.

Въ Императорскую Россійскую Академію.

По препорученію академіи разсматривалъ я рѣчь подъ заглавіемъ: *О необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками*, и имѣю честь донести слѣдующее:

1.

Самое уже названіе меня удивило, ибо какъ не быть необходимому союзу между разумомъ, природными дарованіями и на-

уками, когда науки суть дѣти разума и природныхъ дарованій; сія истина столь очевидна, что предъ толь знаменитымъ сословіемъ, какова россійская академія, оныя и утверждать не нужно. А прочитавъ рѣчь, увидѣлъ я, что господинъ сочинитель говоритъ въ оной *о нобходимости просвѣщать разумъ* и *изощрять дарованія упражненіемъ въ наукахъ;* то и сего, кажется, доказывать намъ не нужно, — ибо россійская академія состоитъ изъ такихъ членовъ, которые и въ сей истиннѣ увѣрены. При томъ нашъ безсмертный Ломоносовъ, въ рѣчи своей о пользѣ химіи, сравнивая дикаго человѣка съ просвѣщеннымъ, на двухъ или трехъ страницахъ сказалъ о семъ болѣе убѣдительнаго, нежели г. авторъ во всей рѣчи.

2.

Рѣчь почтеннаго нашего сочлена писана весьма тяжелымъ и жесткимъ слогомъ, какъ всякой въ томъ удостовѣрится, кто возметъ на себя терпѣніе оную прочитать. Въ ней есть выраженія весьма странныя, разсужденія неосновательныя, сравненія не естественныя, напримѣръ: *огнезрачные вихри*, *господственная смѣлость*, *недоуменная превысимость человѣка надъ самимъ собою*, *парительный духъ ума,* вмѣсто того, чтобъ сказать: *я дерзну утверждать*, авторъ говоритъ: *я дерзну сказать съ утвержденіемъ*.

Г. авторъ умствуетъ слѣдующимъ образомъ: *душа человѣческая, хотя сама по себѣ превосходнѣйшая, есть одна только часть человѣка, и безъ тѣла, другой части или внѣшняго своего состава, совершеннаго дѣйствія не имѣетъ, и цѣлаго человѣка въ полномъ его существѣ не составляетъ. Такъ, такъ подлинно разумъ, дарованія безъ образовательной своей части бываютъ не полны, скользки, неосновательны* и проч. Что значитъ *скользкій разумъ* или, еще лучше, *неполныя, скользкія, неосновательныя дарованія*? Кто не имѣетъ неполнаго дарованія, тотъ, по моему мнѣнію, никакого не имѣетъ. Что такое *образовательная* часть разума или *дарованій*? При томъ, что это такое, уподобленіе или другое что.

Знаменитый канцлеръ Оксенстирнъ, уподобляетъ страсти парусамъ, а разсудокъ кормчему; нашъ авторъ пишетъ такъ:

Для большаго впечатлѣнія и ясности уподобимъ *человѣка кораблю, разумъ—грузу, дарованія—снастямъ, науки—вѣтрамъ и якорю, просвѣщеніе—кормчему*, и *всякъ признаетъ истинное дѣйствіе въ правленіи хода корабля, путей и послѣдствій его.*

Разумъ грузу уподобить кажется не можно, ибо много есть такихъ людей, которые во всю жизнь ходятъ безъ сего груза; при томъ грузъ въ кораблѣ всегда лежитъ на днѣ, почему одинъ только самый тяжелый разумъ можно уподобить грузу. Можно ли также уподоблять *науки* и *вѣтрамъ* и *якорю* вмѣстѣ. Къ кораблю вѣтры совсѣмъ не принадлежатъ, а якорю уподобить ихъ можно развѣ потому, что онѣ заставляютъ ученыхъ сидѣть безвыходно по нѣсколько недѣль въ кабинетѣ, такъ какъ на якорѣ корабль долгое время стоитъ въ пристани.

Изъ всего вышеписаннаго предоставляю почтенному сословію нашему дѣлать свое заключеніе: читать-ли рѣчь сію въ торжественномъ собраніи или нѣтъ.

Александръ Севастьяновъ.

Съ симъ мнѣніемъ согласенъ Василій Севергинъ.

Съ симъ мнѣніемъ согласенъ Петръ Соколовъ.

Рѣчь г. Мальгина, при семъ возвращаемая, есть плодоносная нива для замѣчаній. Преслѣдуя сочинителя на каждомъ періодѣ, можно бы также написать противъ него 530 строкъ, каковое количество оныхъ содержатъ по исчисленію сочинителя въ его рѣчи, но сіе значило бы не дорожить временемъ своихъ сочленовъ.

Всякое хорошее сочиненіе должно имѣть обдуманный планъ, и искусное исполненіе онаго составляетъ торжество сочинителя. Въ рѣчи г. Мальгина не найдете ни того, ни другаго. Написавъ почти полтора листа *о дѣйствіяхъ разума и способности человѣческой на горнихъ, земныхъ, морскихъ и преисподнихъ мѣстахъ главнѣйшихъ частей зримаго свѣта*, послѣ того уже проситъ онъ у слушателей позволенія *краткимъ* словомъ, *нѣсколько коснуть-*

ся предложенія своего, вмѣсто того, что во всей рѣчи надлежало-бы заниматься своимъ предложеніемъ, подкрѣпляя оное доказательствами. Распространенія въ ней самыя бѣдныя; часто набираются слова безъ дальней надобности, напр. въ самомъ началѣ рѣчи: *весь разумъ, все просвѣщеніе, вся душа наша не единаго токмо, но безчисленныхъ міровъ*; на стран. 2: *непреложно, непреложно и во вѣки*; *но кто подробно, кто рѣшительно, кто точно дерзнетъ и можетъ* и проч.; стран. 5: *духъ ума питать себя; умолкнемъ, умолкнемъ* и проч.; стран. 7: *приложимъ, примѣнимъ*; стран. 14: *достойное сокровище помѣщаться въ семъ святилищѣ изящныхъ познаній, въ семъ храмѣ музъ, въ семъ обиталищѣ про свѣщенія;* словесности, толико *богатой обиліемъ* словъ и проч., и проч.

Г. сочинитель часто, желая быть краснорѣчивымъ, дѣлается страннорѣчивымъ:... *Симъ дѣйственнымъ способомъ, какъ-бы нѣкоторымъ таинственнымъ ключемъ, многіе удобно отверзаютъ и самую твердь небесную.* Ключу отверзать свойственно; но что за симъ слѣдуетъ въ рѣчи, то уже не можно приписать ему; надлежало расположить слова иначе, чтобы избѣжать обоюдности въ отношеніи оныхъ между собою..... *Здѣсь то чувствовать можно ухомъ сердечнымъ безчисленные хоры.* Во первыхъ уху чувствованіе, особенно принадлежащее, есть слышаніе; слѣдовательно приличнѣе сказать *слышать ухомъ*; во вторыхъ, когда позволить имѣть уши сердцу, то и каждая часть нашего тѣла станетъ домогаться имѣть оныя..... *Кто не знаетъ, что на моряхъ зримо бываетъ такое множество крылатыхъ кораблей, какъ-бы представлялись тутъ цѣлые города укрѣпленные и замки вооруженные, движимые по произволенію* и проч. Отъ двухъ и болѣе предметовъ, между собою совершенно различныхъ, заимствуемыя метафоры не правильны и рѣдко не бываютъ смѣшны..... Науки уподобляются вмѣстѣ и *вѣтрамъ* и *якорю*..... Рудовѣдецъ низходитъ въ самое *чрево* земли, гдѣ до невообразимой многими глубины *тайный жаръ* подземности служитъ *горниломъ* для металловъ и *маткою* для камней драгоцѣн-

ныхъ!... Академики названы *столпами* всей *крѣпости* наукъ; тутъ-же созидается *столпъ отечественной словесности*, красоту разума и дѣлъ, *какъ цвѣты, свѣтъ и тѣни въ живописномъ искуствѣ изображающей*, умъ и чувства *услаждающей* различнымъ образомъ пріятности!!

Г. сочинитель много составилъ новыхъ словъ и при томъ по собственнымъ правиламъ, напримѣръ: *недоумѣнная превысимость, событныя, общежительныя* нужды, *парительный* духъ ума, *горорытцы*; *кичитъ, превозносливости, гобзовали* и проч.

Г. сочинитель такъ часто употребляетъ слова: *мню, подтверждаю*, а особливо *говорю*, что какъ-бы сомнѣвается, повѣрятъ-ли ему, что онъ мнитъ, подтверждаетъ, говоритъ, если того не скажетъ.

Очистимъ чувства и узримъ; надъ всяческими державствующаго; благо есть поучаться во всѣхъ дѣлахъ Божіихъ; другъ друга тяготы носить. Сіи и подобныя симъ изъ церковныхъ книгъ выраженія и слова г. сочинитель, кажется, почитаетъ брильянтами своего краснорѣчія, но въ свѣтской и академической рѣчи они едва-ли брильянты.

Есть мысли и выраженія противныя истинѣ: *Драгоцѣнные бисеры, всегда однако по круглости своей невредимые.* Будто они по круглости невредимы..... *Усугубятъ все рвеніе, всѣ наши силы.* Или не надобно усугублять, когда сказано *все*, или должно выкинуть *все*, когда оставить слово *усугублять*.

Вообще въ рѣчи г. Мальгина нѣтъ истиннаго краснорѣчія, состоящаго въ изящныхъ мысляхъ, а не въ сборѣ и вымышленіи словъ. Мысли его и украшенія—самыя обыкновенныя, и рѣчь, при каждомъ переходѣ отъ одной части ея къ другой, падаетъ. Какъ часто сочинитель говоритъ много о томъ, что можно-бы выразить сильно и краснò въ короткихъ словахъ! Какъ часто прибѣгаетъ къ самымъ слабымъ сопряженіямъ частей своего сочиненія!

Наконецъ, хотя маловажный предметъ, но замѣчу; ибо г. Мальгинъ самъ переписывалъ свое сочиненіе, а оно останется,

по крайней мѣрѣ, въ архивѣ академіи и будетъ служить доказательствомъ, что онъ былъ членомъ ея. Во многихъ словахъ не соблюдено правописаніе: *благоговей* вмѣсто *благоговѣй; растеній*— вмѣсто *растѣній; произрастеній, животнорастеній* — вмѣсто *произрастѣній*, и проч.; *вышѣ* — вмѣсто *выше*; *цели* — вмѣсто *цѣли*; *вящшѣ* — вмѣсто *вящше; сумненія* — вмѣсто *сумнѣнія*. А въ переносѣ словъ съ одной строки на другую столь много неправильностей, что кажется не по незнанію сіе сдѣлано, но по особливымъ какимъ-либо расчетамъ, впрочемъ весьма неумѣстнымъ: на первой строкѣ *оны-*, на второй *хъ*; *поз-нанію* — вмѣсто *по-знанію*; *человѣко-въ* — вмѣсто *человѣ-ковъ; дѣятельны-мъ* вм. *дѣятель-нымъ*; *чудны-хъ*—вмѣсто *чуд-ныхъ*; *чре-зъ*—вмѣсто *чрезъ*; *сло-въ*—вмѣсто *словъ*; *утвержде-нному* — вм. *утвержден-ному; то-лько*—вмѣсто *толь-ко* и проч., и проч., и проч.

И. Мартыновъ.

Одинъ изъ членовъ россійской академіи, Иванъ Семеновичъ Захаровъ, не счелъ рѣчи Мальгина заслуживающею письменнаго разбóра, и возвратилъ ее черезъ чиновника, служащаго въ канцеляріи академіи, съ словеснымъ заявленіемъ, что она не стоитъ критики [46]).

Въ бумагахъ россійской академіи уцѣлѣлъ собственноручный отзывъ Крылова о рѣчи Мальгина. Вопреки черезчуръ откровеннымъ и рѣзкимъ приговорамъ своихъ сочленовъ, Крыловъ мягко и уклончиво выражаетъ свое мнѣніе въ слѣдующемъ письмѣ на имя непремѣннаго секретаря россійской академіи Соколова:

Милостивый государь мой

Петръ Ивановичъ!

Исполняя волю почтеннаго сословія, котораго я имѣю честь быть членомъ, читалъ я присланную мнѣ вами, милостивый государь мой, рѣчь Тимоѳея Семеновича Мальгина: *о необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками.* Замѣчанія,

Лит. Н. Брезе, С.П.Б. Средняя-Подьяческая, домъ №4.

сдѣланныя на оную нѣкоторыми г. членами, читанныя вами нѣсколько времени тому назадъ въ собраніи академіи, и разсужденія, сдѣланныя тогда-же объ оной, столь справедливы, что нынѣ, перечитывая рѣчь сію, я еще болѣе убѣдился въ истинѣ оныхъ, въ заключеніе чего и осмѣливаюсь сказать мое мнѣніе, что лучше-бы было рѣчь сію въ торжественномъ годовомъ собраніи академіи не читать.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію пребуду навсегда

вашего высокоблагородія

покорный слуга

Иванъ Крыловъ.

Ни количество и качество рецензій, представленныхъ въ академію, ни общій неодобрительный отзывъ всего академическаго собранія не могли поколебать увѣренности автора въ несомнѣнномъ достоинствѣ его произведенія. Какъ-бы желая отомстить за сдѣланную ему несправедливость, онъ рѣшился немедленно подѣлиться съ обществомъ плодами своего краснорѣчія, вкушать которые отказались его ближайшіе сочлены. Всѣ тѣ выраженія, которыя осуждали его критики, какъ напримѣръ: *парительный духъ*, *огнезрачные вихри*, и т. п., авторъ не только удержалъ въ печатномъ изданіи во всей цѣлости, но и подбавилъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде ихъ не было. Всѣ измѣненія состоятъ только въ нанизываніи фразъ, одна другой безцвѣтнѣе, которыми онъ увеличилъ наборъ словъ, невыносимый и въ первой редакціи. Но при изобиліи мелкихъ и ничтожныхъ дополненій есть одинъ пропускъ, и онъ-то заслуживаетъ особеннаго вниманія. Авторъ пропустилъ въ рѣчи своей то мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ о членахъ россійской академіи, осыпая своихъ коварныхъ друзей самыми изысканными похвалами. Въ рукописной редакціи рѣчь заключается такимъ, умилительнымъ воззваніемъ: «Обращаюсь и къ вамъ, почтеннѣйшіе мои сочлены и сотрудники! Нахожу и торжественно признаю всѣхъ васъ и вели-

кими природными дарованіями украшенныхъ, и глубокими науками обогащенныхъ, и благонамѣреннымъ къ общему благу сердецъ и мыслей вашихъ расположеніемъ отличныхъ. Достойное сокровище помѣщаться въ семъ святилищѣ изящныхъ познаній, въ семъ храмѣ музъ, въ семъ обиталищѣ просвѣщенія! Вы — единственный образецъ, сильная пружина къ побужденію и поощренію всѣхъ соотчичей любить и почитать науки; вы — надежнѣйшіе къ тому руководители, наставники, ободрители; вы — столпы всей крѣпости наукъ. Но сами, думаю, чувствуете и согласны утвердить со мною ту истину, что въ избранномъ нашемъ сословіи для исполненія великаго дѣла въ образованіи и утвержденіи россійской словесности, толико богатой обиліемъ словъ и рѣченій, силою выраженій, красотами слога, предлежитъ намъ и великая также обязанность — другъ друга тяготы носить, другъ друга въ усердныхъ подвигахъ поддерживать, другъ другу въ смиренномудріи и искренности большую честь и вѣру оказывать. Такимъ образомъ, въ добромъ согласіи, въ дружественномъ союзѣ, совокупными силами, какъ на незыблемомъ основаніи, возможемъ и преуспѣемъ создать непоколебимый во вѣки столпъ отечественной словесности, красоту разума и дѣлъ, какъ цвѣты, свѣтъ и тѣни въ живописномъ искусствѣ, изображающей, умъ и чувства услаждающей различнымъ образомъ пріятности» [48].

Борьба, выдержанныя Мальгинымъ по поводу его рѣчи, составляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ событій въ его академической жизни. Неудача, испытанная Мальгинымъ въ этой борьбѣ, не охладила его усердія къ академіи, и не заставила его уклоняться отъ участія въ академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ. Онъ попрежнему радѣлъ о нравственныхъ и матеріальныхъ интересахъ дорогаго ему учрежденія; попрежнему трудился и работалъ, не разрывая связей своихъ съ академіею до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1819 году. Онъ умеръ, какъ жилъ — въ крайней бѣдности и нищетѣ, не оставивъ средствъ на погребеніе. Въ этомъ удостовѣряетъ слѣдующее заявленіе и предложеніе президента россійской академіи Шишкова: «Академія про-

шедшаго августа 28-го дня лишилась члена своего коллежскаго ассесора Тимоѳея Семеновича Мальгина. Онъ вступилъ въ академію въ 1791 году, впродолженіе двадцати осьми лѣтъ ревностно посѣщалъ академическія собранія, участвуя въ трудахъ и работахъ академіи. Сверхъ сего, онъ издалъ нѣкоторыя историческія сочиненія, и несъ на себѣ особенный и добровольный трудъ засѣдать въ комитетахъ хозяйственномъ и временномъ строительномъ, безъ всякаго за то воздаянія, которое онъ, по отличному усердію своему, уже и заслуживалъ; но смерть не допустила его онымъ воспользоваться. Онъ умеръ въ совершенной бѣдности, такъ что оставшаяся послѣ него дочь не имѣла, чѣмъ отца своего погребсти. Входя въ заслуги его и состояніе, я имѣю честь предложить академіи, чтобъ, на основаніи устава ея, выдать на погребеніе его пять сотъ рублей» [49]). Собраніе изъявило согласіе на предлагаемую выдачу. За нѣсколько дней до смерти Мальгина россійская академія купила у него слѣдующія книги: [50]).

1) Творенія Николева, бывшаго члена россійской академіи.

2) Описаніе обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ.

3) Полный домашній лѣчебникъ, сочиненный Бухановъ.

4) Экстрактъ Саваріева лексикона о комерціи.

Лепехинъ и Мальгинъ служатъ представителями, хотя и совершенно противоположными, той группы тружениковъ, которою преимущественно двигалась наша наука въ восемнадцатомъ столѣтіи. Само собою разумѣется, что движущая сила исходила отъ Лепехиныхъ, а не отъ Мальгиныхъ. Лепехинъ принадлежалъ къ числу научныхъ свѣтилъ своего времени; заслуги его для науки и для Россіи не подлежатъ сомнѣнію. Въ трудахъ писателей, подобныхъ Лепехину, важны для историка литературы и научная разработка предмета, и черты народнаго самосознанія, и про-

свѣтительное вліяніе на общество. Степень этого вліянія зависѣла отъ многихъ условій: и отъ содержанія трудовъ, и отъ способа изложенія, и отъ даровитости писателя, и отъ его отношенія къ вопросамъ умственной и общественной жизни.

Проводниками научныхъ истинъ въ обществѣ были у насъ въ восемнадцатомъ столѣтіи и труженики науки, съ молодыхъ лѣтъ посвящавшіе себя ученому званію, и люди, стоявшіе внѣ учебнаго круга, и занимавшіеся наукою не по званію своему, а единственно по призванію. Одновременно съ профессорами и академиками дѣйствовали на литературномъ поприщѣ и другія лица, вышедшія изъ другихъ слоевъ русскаго народа, и поставленныя судьбою въ иныя житейскія отношенія.

Большинство ученыхъ по званію вышло изъ духовныхъ семинарій. Значительная часть приходится также на долю крестьянскаго сословія—дѣтей солдатскихъ, первоначальною школою которыхъ были преображенскія или семеновскія казармы. Въ казармахъ и семинаріяхъ начинали свое образованіе многіе изъ питомцевъ академическаго университета, который въ свою очередь посылалъ ихъ по окончаніи курса заграницу: въ страсбургскій, геттингенскій, лейденскій и другіе университеты, а также отправлялъ и въ научныя путешествія по Россіи.

Въ аудиторіяхъ иностранныхъ университетовъ и отчасти въ путешествіяхъ по различнымъ краямъ Россіи питомцы академіи наукъ встрѣчались съ молодыми людьми, принадлежащими къ высшимъ слоямъ общества, къ богатому и знатному дворянству. Въ средѣ нашего дворянства находилось не мало разумныхъ и ревностныхъ поборниковъ просвѣщенія, вносившихъ весьма цѣнные вклады въ русскую литературу и науку.

Въ дѣятельности и въ самомъ составѣ россійской академіи екатерининскаго періода отражалось до нѣкоторой степени современное ей состояніе науки и литературы въ Россіи. Живыя силы академіи, принадлежа къ различнымъ слоямъ общества, представляли группы, подобныя тѣмъ, которыя существовали и въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. Изъ числа писателей, помѣщен-

ныхъ въ историческомъ словарѣ Новикова, одна треть съ небольшимъ приходится на долю духовенства; остальное количество, около двухъ третей, распредѣляется такимъ образомъ, что меньшую часть составляютъ бывшіе питомцы духовныхъ училищъ, дѣти лицъ духовныхъ, а большую — писатели-дворяне, избравшіе ту или другую отрасль общественной дѣятельности, и участвовавшіе въ литературѣ по влеченію своего таланта, по внутреннему призванію, а отчасти по духу времени — по настроенію, господствовавшему тогда въ образованномъ обществѣ.

Члены россійской академіи образуютъ двѣ главныя группы, равныя одна другой по числу принадлежащихъ къ нимъ лицъ. Первую составляютъ преимущественно лица духовныя или же происходящія изъ духовнаго сословія, воспитанныя въ духовныхъ училищахъ и впослѣдствіи перешедшія въ свѣтское званіе. Товарищами ихъ по академической гимназіи и университету были дѣти солдатъ, служившихъ въ гвардейскихъ полкахъ. Вторую группу составляютъ родовитые дворяне, дѣйствовавшіе на общественномъ, а отчасти и на литературномъ поприщѣ.

Въ словарѣ Новикова, рядомъ съ архимандритами, протоіереями, дьяконами и вышедшими изъ духовнаго званія юристами и т. п., стоятъ артиллерійскіе полковники, генералъ-инженеры, капитаны полевыхъ полковъ, сенаторы, камергеры и т. д. Въ спискахъ членовъ россійской академіи слѣдуютъ одни за другимъ имена епископовъ и священниковъ, свѣтскихъ ученыхъ, вышедшихъ изъ духовнаго званія, адмираловъ, гофмейстеровъ, президентовъ коллегій и т. п.

Въ группѣ писателей, соединявшихъ служеніе наукѣ съ общественною дѣятельностью, почетное мѣсто занимаетъ Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735 — 1792), пріобрѣвшій громкую, долговѣчную и вполнѣ заслуженную извѣстность трудами своими въ области русской исторіи.

И. Н. БОЛТИНЪ.

Біографія Болтина. — Литературные труды его. — Леклеркъ. — Болтинъ, какъ писатель.—Оцѣнка его произведеній.— Дѣятельность Болтина въ россійской академіи.

I.

И. Н. Болтинъ служитъ блестящимъ представителемъ русской науки въ восемнадцатомъ столѣтіи. Въ произведеніяхъ Болтина ярко обнаруживается и сила его ума и таланта и современное ему состояніе русской образованности. Онъ былъ воспитанъ не школой, а самою жизнью; умственная пытливость соединялась въ немъ съ дѣйствительнымъ знаніемъ Россіи; работая въ области отечественной исторіи, онъ ясно понималъ и значеніе прошедшаго и живыя потребности настоящаго. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ поставленный въ прямыя, непосредственныя отношенія къ обществу, онъ пріобрѣлъ ту чуткость въ пониманіи нуждъ и настроенія общества, которая не вычитывается изъ книжекъ. Житейская обстановка давала ему возможность удовлетворять врожденной ему любознательности, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляла до нѣкоторой степени кругъ его познаній — выборъ тѣхъ произведеній европейской мысли, которыя, въ бо̀льшей или мѐньшей степени, прямо или косвенно, отразились впослѣдствіи и на его литературной дѣятельности. При основательномъ знакомствѣ съ идеями и стремленіями, господствовавшими въ западной Европѣ, онъ остался вполнѣ русскимъ человѣкомъ, рѣзко отличаясь отъ многихъ своихъ отечественниковъ, воспитанныхъ за границею или хотя и въ Россіи, но совершенно на иностранный ладъ. Болтинъ и началъ, и продолжалъ, и довершилъ свое образованіе въ Россіи, посѣщая и изучая различные края Россіи, и вступая въ сношенія съ различными слоями русскаго общества и народа.

Чѣмъ важнѣе значеніе Болтина въ исторіи русской литературы и образованности, тѣмъ естественнѣе желать возможно большаго количества точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, относящихся къ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка.

Такое желаніе одушевляло уже первыхъ нашихъ библіографовъ; но для осуществленія его встрѣчались уже и тогда чрезвычайныя затрудненія. Одна изъ главныхъ причинъ подобныхъ затрудненій заключается въ той печальной истинѣ, что, говоря словами трудолюбиваго изыскателя нашей литературной старины, мы лѣнивы и нелюбопытны. Писатели наши исчезаютъ съ лица земли, оставляя недолгій слѣдъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, и для позднѣйшихъ поколѣній остаются только книги писателей, а не ихъ живые образы. О человѣкѣ, такъ много сдѣлавшемъ для русской науки, съ такимъ одушевленіемъ и талантомъ писавшемъ о вещахъ, близкихъ уму и чувству мыслящихъ людей Россіи, русское общество забыло едва-ли не въ ту же минуту, какъ гробъ покойнаго опущенъ былъ въ могилу. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины, потребовались большія усилія, чтобы добыть хотя самыя краткія о немъ свѣдѣнія. Собирая матеріалы для словаря русскихъ писателей, и приступивъ къ его изданію, митрополитъ Евгеній былъ на первыхъ же порахъ задержанъ въ работѣ своей отсутствіемъ свѣдѣній о Болтинѣ. Объ одномъ изъ первыхъ выпусковъ своего капитальнаго труда Евгеній пишетъ: «Думаю, не скоро отдѣлаю, ибо заботитъ меня статья *Болтинъ*»... «Мучитъ меня Болтинъ», — говоритъ Евгеній въ слѣдующемъ письмѣ по тому же поводу [51]).

Какъ ни малочисленны свѣдѣнія, добытыя Евгеніемъ, составленная имъ статья о Болтинѣ, сохраняетъ до сихъ поръ все свое значеніе [52]). Послѣдующіе библіографы только повторяли Евгенія, дѣлая въ статьѣ его самыя незначительныя и притомъ невсегда удачныя перемѣны. О степени неточности біографическихъ данныхъ можно судить по слѣдующимъ образцамъ. Одни говорятъ неопредѣленно, что Болтинъ родился *около* 1737 года; другіе весьма опредѣленно указываютъ не только годъ, но и день рожденія, именно 1-го января 1735 года. Мѣсто рожденія обозначается самымъ страннымъ образомъ: оказывается, что Болтинъ родился въ Псковской губерніи, въ С.-Петербургѣ, близъ Казани [53])...

Если трудно было собирать свѣдѣнія, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, когда еще жили и дѣйствовали современники нашего писателя, лично его знавшіе и бывшіе съ нимъ въ сношеніяхъ, то во сколько разъ труднѣе это теперь, по прошествіи чуть не цѣлаго столѣтія. Единственными источниками могутъ служить данныя, уцѣлѣвшія въ различныхъ архивахъ, и добываемыя также съ большими затрудненіями. Въ надеждѣ найти подобнаго рода данныя, мы обращались къ различнымъ собраніямъ рукописей восемнадцатаго столѣтія; мы искали свѣдѣній о Болтинѣ: въ государственномъ архивѣ и въ императорской публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ; въ архивѣ военной коллегіи, находящемся въ Москвѣ; въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи; въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; въ мѣстныхъ архивахъ, какъ напримѣръ, въ архивѣ конногвардейскаго полка и т. д. Само собою разумѣется, что важнымъ источникомъ служили для насъ произведенія Болтина, въ которыхъ раскрываются особенности его какъ писателя, и сверхъ того разсѣяны нѣкоторыя черты и для его біографіи.

Иванъ Никитичъ *Болтинъ* происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, начало котораго старинныя родословныя относятъ, какъ водится, къ знатнымъ выходцамъ изъ большой орды. Одинъ изъ нихъ, мурза Кутлубага, переселился въ началѣ пятнадцатаго столѣтія въ Россію, принялъ православную вѣру, и при крещеніи названъ Георгіемъ — «имя ему *Георгій*, прозвища *Юрья*». У Юрія былъ сынъ Михайло *Болтъ* — «у Юрья сынъ Михайло, прозвища *Болта*»: отъ него и пошелъ дворянскій родъ *Болтиныхъ*.

Въ половинѣ шестнадцатаго стотѣтія, по указу царя и великаго князя Ивана Васильевича, велѣно было выбрать изъ всѣхъ

городовъ лучшихъ слугъ тысячу человѣкъ и испомѣстить ихъ около Москвы въ ближнихъ городахъ. Въ числѣ испомѣщенныхъ упоминаются и Болтины. Въ семнадцатомъ столѣтіи нѣкоторые изъ Болтиныхъ были воеводами въ различныхъ мѣстахъ Россіи. Особенно выдается, по своей дѣятельности, воевода *Баимъ* Болтинъ, потрудившійся съ большимъ успѣхомъ и на военномъ, и на административномъ, и на дипломатическомъ поприщѣ. Онъ былъ и головою у стольниковъ и у стряпчихъ, и воеводою въ Тобольскѣ, и посломъ въ Даніи, и водилъ ратныхъ людей противъ непріятеля и т. п. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ Баимъ, будучи полковымъ воеводою, взялъ Новгородъ Сѣверскій и множество плѣнниковъ, и за ту службу пожалованъ государскимъ жалованьемъ: дана ему шуба соболья подъ золотомъ, да кубокъ, да придачи къ помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ [54]).

Отецъ Ивана Никитича Болтина Никита Борисовичъ (1672—1738) служилъ *стольникомъ*, какъ и значился онъ въ боярскихъ спискахъ. По ближайшему къ тому времени свидѣтельству Котошихина, обязанность стольниковъ состояла въ томъ, чтобы служить за царскимъ столомъ, разнося кушанья и напитки во время торжественныхъ обѣдовъ, когда цари наши угощали бояръ, властей и иноземныхъ пословъ. Но кругъ дѣятельности ихъ простирался далеко за предѣлы царскихъ столовыхъ. По тому же самому свидѣтельству, стольники опредѣляемы были по воеводствамъ для сыскныхъ дѣлъ, для боярскихъ смотровъ и т. п. Иные стольники сидѣли въ московскихъ приказахъ, другіе — у пословъ въ приставахъ. Стольниковъ отправляли и заграницу, въ качествѣ русскихъ пословъ или ихъ товарищей [55]).

Стольникъ Никита Борисовичъ Болтинъ выбранъ былъ въ золотую палату въ начальные люди, числился капитаномъ и служилъ въ кригскомисаріатѣ комисаромъ. Онъ владѣлъ многими помѣстьями; за нимъ считалось большое количество крестьянскихъ дворовъ и въ Арзамасѣ, и въ Нижнемъ, и въ Муромѣ, и на Рязани, и на Алаторѣ. Недвижимыя имѣнія находились въ разныхъ мѣстахъ: въ алатырскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Пьянѣ, село

Жданово; да на рѣкѣ Сухой Медянѣ село Боголюбовское, *Болтинко* тожъ; да въ пензенскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Хопрѣ деревня Ивановка и т. д.[56]). Никитѣ Болтину дано было мѣсто для постройки дома въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ; но онъ медлилъ постройкою, вслѣдствіе чего попалъ въ число лицъ, къ которымъ относилась угроза, что если они не произведутъ постройки *безоплошно*, то ихъ недвижимыя имѣнія взяты будутъ *безотложно*[57]).

Село *Жданово*, алатырскаго уѣзда, состояло когда-то за *Ждановъ*, мурзою Мустафинымъ, и впослѣдствіи перешло въ родъ Болтиныхъ — къ дѣду Ивана Никитича, Борису Иванисовичу. Есть основаніе предполагать, но отнюдь не утверждать, что село Жданово было родиною нашего писателя, а какъ Алатырь принадлежалъ первоначально къ *казанской* губерніи, то этимъ отчасти объясняется извѣстіе, что Иванъ Никитичъ Болтинъ родился *около Казани*, какъ приписано собственноручно Евгеніемъ въ черновомъ экземплярѣ его словаря.

По свѣдѣніямъ, заслуживающимъ наибольшаго довѣрія, Ив. Ник. Болтинъ родился въ началѣ 1735 года. Митрополитъ Евгеній говоритъ положительно, что Болтинъ родился 1-го января 1735 года[58]). Этому не противорѣчитъ и показаніе самого Болтина, который, при поступленіи на службу въ началѣ февраля 1751 года, заявилъ, что ему отъ роду *шестнадцать* лѣтъ. Въ полковыхъ спискахъ 1762 года Болтину значится 27 лѣтъ.

Еще ребенкомъ Болтинъ лишился отца, и остался на попеченіи матери. Мать его, Дарья Алексѣевна, рожденная Чемоданова, три раза была замужемъ, и пережила всѣхъ трехъ мужей. Отца Ивана Никитича она называла, въ офиціальныхъ актахъ, своимъ *среднимъ* мужемъ. Первымъ мужемъ ея былъ Петръ Михайловичъ Дубенскій, сержантъ с.-петербургскаго пѣхотнаго пол-

ка. По смерти Дубенскаго, Дарья Алексѣевна вышла за Никиту Борисовича Болтина, а по смерти его—за маіора, переименованнаго потомъ въ надворные совѣтники, Ивана Егоровича Кроткаго [59]). Вотчимъ Болтина Кроткой (или Кротковъ) велъ жизнь безпорядочную, предавался кутежу, и привлекалъ къ оргіямъ и своего пасынка, заставляя его, во время пирушекъ, пѣть вмѣстѣ съ дворнею разгульныя пѣсни и т. п. Живя въ Петербургѣ, Кротковъ надѣлалъ столько долговъ, что, спасаясь отъ нихъ, притворился покойникомъ, и выѣхалъ изъ Петербурга въ гробу [60]). Но, къ великому счастью, примѣръ вотчима не произвелъ гибельнаго дѣйствія на пасынка.

Первоначальное образованіе Болтинъ получилъ дома, а не въ частныхъ пансіонахъ и не въ кадетскомъ корпусѣ, какъ говорятъ его біографы. Ни малѣйшихъ слѣдовъ пребыванія Болтина въ корпусѣ не открыли намъ поиски въ тамошнемъ архивѣ. Въ числѣ воспитанниковъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса первой половины восемнадцатаго столѣтія встрѣчается Болтинъ, но не Иванъ, а Духсъ (Евдоксій?). Не смѣшали ли Ивана Никитича Болтина съ его однофамильцемъ или же не явилось ли это извѣстіе единственно вслѣдствіе того, что многіе изъ нашихъ писателей прошлаго столѣтія воспитывались въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ.

Въ домѣ родительскомъ обучался Болтинъ русской грамотѣ, читать и писать, а также ариѳметикѣ и французскому языку. Съ такимъ запасомъ свѣдѣній явился шестнадцатилѣтній юноша на судъ полковыхъ штабовъ, т. е. высшихъ чиновъ конногвардейскаго полка. Въ архивѣ этого полка сохранился любопытный въ біографическомъ отношеніи документъ — прошеніе Болтина объ опредѣленіи на службу [61]):

— Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисаветъ Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ недоросль изъ шляхетства Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Вашему императорскому величеству лейбъ-гвардіи въ конномъ полку служатъ свойственники мои, а я, нижайшій, *до сего времени находился въ домѣ своемъ*, и своимъ коштомъ обучался ариѳметикѣ и пофранцузски.

2.

А нынѣ я, нижайшій, пришелъ въ возрастъ, и желаю служить вашему императорскому величеству въ помянутомъ же лейбъ-гвардіи конномъ полку рейтаромъ, во всемъ на собственномъ своемъ содержаніи.

И дабы высочайшимъ указомъ вашего императорскаго величества повелѣно было меня, нижайшаго, въ оный лейбъ-гвардіи конный полкъ въ рейтары за комплетъ на собственное свое содержаніе опредѣлить.

Всемилостивѣйшая государыня! Прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить. Февраля дня 1751 году. Къ поданію надлежитъ лейбъ-гвардіи коннаго полка въ полковую канцелярію. Челобитную писалъ того-жъ полку писарь Михайло Галкинъ.

По пунктамъ подпись: «Къ сей челобитной Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ руку приложилъ». Сверху помѣтка: «Подана февраля 6 дня 1751 г.».

Полковой штабъ призналъ Болтина годнымъ для поступленія въ рейтары, т. е. въ рядовые, вслѣдствіе чего состоялось слѣдующее опредѣленіе: «По указу ея императорскаго величества лейбъ-гвардіи коннаго полку полковая канцелярія приказала: по поданной сего февраля 5 дня лейбъ-гвардіи коннаго полку въ полковую канцелярію на всевысочайшее имя ея императорскаго величества челобитной недоросля Ивана Никитина сына Болтина, который, по усмотрѣнію полковыхъ штаповъ, явился въ рейтарахъ быть годенъ, и отъ роду имѣетъ 16 лѣтъ, въ лейбъ-гвардіи конный полкъ за комплетъ во всемъ на собственное свое содержаніе въ роту пятую причислить, и написать въ списокъ, и о вѣрной

ея императорскому величеству службѣ привести его къ присягѣ по указу, и обучать его военной экзерцицы противъ прочихъ рейтаръ; и о томъ въ полкъ предложить приказомъ, а для вѣдома о томъ опредѣленіи его лейбъ-гвардіи въ конный полкъ — правительствующаго сената въ герольдмейстерскую контору сообщить промеморіею. Февраля 7 дня 1751 году»[62]). Постановленіе это подписано: графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ, княземъ Петромъ Черкасскимъ и секундъ-маіоромъ Григоріемъ Корфомъ. Графъ Разумовскій состоялъ подполковникомъ коннаго полка; званіе полковника носила, какъ извѣстно, императрица. Командовалъ полкомъ князь Черкасскій, бывшій тогда маіоромъ.

Конная гвардія, учрежденная при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ изъ такъ-называемаго лейбъ-регимента, привлекала къ себѣ цвѣтъ нашей молодежи. На первыхъ порахъ изъ 850 рейтаровъ или рядовыхъ 700 принадлежали къ дворянскому сословію. Служба въ конной гвардіи была заманчива по своей блестящей обстановкѣ, по близости ко двору и непосредственнымъ сношеніямъ съ лицами, заправлявшими тогда ходомъ общественныхъ дѣлъ. Офицеры конной гвардіи участвовали во всѣхъ придворныхъ торжествахъ, занимая въ нихъ особенно видныя мѣста; были неизбѣжными и желанными посѣтителями куртаговъ; сопутствовали высочайшимъ особамъ во время путешествій ихъ изъ Петербурга въ Москву и въ другія мѣста Россіи и т. п. По воцареніи своемъ, Екатерина II выѣхала изъ Петербурга въ сопровожденіи конногвардейскаго конвоя, и въ тотъ же день вызвала къ себѣ въ Петергофъ весь конногвардейскій полкъ. На офицеровъ конной гвардіи возлагались весьма важныя порученія какъ по внутреннимъ дѣламъ, такъ и по внѣшнимъ. Имъ оказывалось большое довѣріе, и давались обширныя полномочія; они принимали участіе въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, производили слѣдствія надъ лицами, занимавшими высокія мѣста въ государственной службѣ, и нерѣдко являлись представителями Россіи заграницею, находясь въ качествѣ *дворянъ посольства* при различныхъ иностранныхъ дворахъ.

Правительство выражало желаніе, чтобы въ гвардію поступало какъ можно больше родовитыхъ дворянъ, обладающихъ значительными матеріальными средствами; при этомъ принималась въ соображеніе и внѣшняя представительность. Предписано было произвести смотры по полкамъ, и выбравъ изъ дворянскихъ дѣтей тѣхъ, кто покрасивѣе, порослѣе и позажиточнѣе, перевести ихъ въ гвардію — «всѣхъ дворянскихъ дѣтей изъ гарнизону разобрать, и которыя изъ нихъ лѣтами еще молоды и собою возрастныя и взрачныя, и хотя кто и невеликаго роста, да пожиточенъ, таковыхъ выслать для опредѣленія въ полки гвардіи»[63]). Въ полковыхъ спискахъ конной гвардіи тщательно отмѣчались и ростъ служащихъ и ихъ состояніе. Въ нѣкоторыхъ изъ уцѣлѣвшихъ списковъ значится о Болтинѣ: высота 2 аршина 7 вершковъ, 6 осьмыхъ; крестьянъ мужескаго пола 900.

Изъ этихъ списковъ и изъ другихъ бумагъ, уцѣлѣвшихъ въ конногвардейскомъ архивѣ, видно, что Болтинъ былъ женатъ и и имѣлъ одну дочь. Болтинъ женился весьма рано, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Жена его, Ирина Осіевна, рожденная Пустошкина, была дочь новгородскаго помѣщика, коллежскаго асессора Осіи Ивановича Пустошкина[64]). Братъ ея, Пустошкинъ, былъ сѣвскимъ воеводою; о немъ не разъ упоминаетъ Добрынинъ въ своихъ запискахъ.

Почти восемнадцать лѣтъ прослужилъ Болтинъ въ конной гвардіи, и втеченіе этого времени прошелъ довольно длинный рядъ военныхъ чиновъ и должностей, отъ рейтара до подпоручика.

Въ 1751 году Болтинъ вступилъ въ конную гвардію *рейтаромъ.*.

Въ 1755 году произведенъ *капраломъ.*
» 1758 » » *гефрейтъ-капраломъ.*
» 1759 » » *каптенармусомъ.*
» 1761 » » *квартермистромъ* и *вицевахмистромъ.*
Въ 1762 » » *вахмистромъ.*

Въ 1764 году произведенъ *аудиторомъ.*
» 1765 » » *подпоручикомъ.*

Въ 1768 году вышелъ въ отставку съ званіемъ *премьеръ-маіора арміи* [65]).

Служа въ полку, и исполняя различныя служебныя обязанности, Болтинъ завѣдывалъ складами строительныхъ матеріаловъ, наблюдалъ за производствомъ работъ, а втеченіе нѣкотораго времени находился при конскихъ заводахъ конной гвардіи. Управленіе ими сопряжено было съ большими затрудненіями, и требовало большаго умѣнья и неутомимой дѣятельности. Заводы эти содержались на суммы, поступавшія въ полкъ изъ его обширныхъ имѣній. Конной гвардіи принадлежали два города: Батуринъ и Ямполь, тридцать три села, разныя деревни и слободы и т. д. Когда Батуринъ отданъ былъ гетману Разумовскому, конная гвардія должна была перевести заводъ свой въ другое мѣсто. Послѣ долгихъ розысковъ и осмотровъ выбрано двадцать семь селъ въ казанской и воронежской губерніяхъ, и для содержанія завода приписано къ конной гвардіи болѣе двѣнадцати тысячъ крестьянъ [66]).

Служба въ конной гвардіи сблизила Болтина съ его знаменитымъ однополчаниномъ, быстро возвышавшимся на его глазахъ—съ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ. Въ одинъ годъ съ Болтинымъ Потемкинъ произведенъ и въ гефрейтъ-капралы и въ каптенармусы. Впрочемъ, Потемкинъ получалъ полковые чины съ правомъ оставаться въ московскомъ университетѣ; присяга Потемкина на чинъ каптенармуса прислана изъ университета. Въ полкъ Потемкинъ явился въ 1761 году, и пробылъ въ немъ до 1768 года. Онъ отчисленъ отъ полка въ одинъ годъ и даже въ одинъ мѣсяцъ съ Болтинымъ. Потемкинъ навсегда сохранилъ расположеніе къ своему старому товарищу: ходатайствовалъ объ опредѣленіи его на службу, призывалъ его къ себѣ, давалъ ему различныя порученія, принималъ постоянное участіе не только въ самомъ Болтинѣ, но и въ его семействѣ, въ его родственникахъ и свойственникахъ.

Въ ноябрѣ 1768 года Болтинъ вышелъ изъ конно-гвардейскаго полка, а въ іюлѣ 1769 года онъ снова поступилъ на службу, хотя и другаго рода: опредѣленъ директоромъ васильковской таможни. Васильковъ — уѣздный городъ кіевской губерніи, находящійся въ тридцати семи верстахъ отъ Кіева. Въ тѣ времена существовала тамъ таможня, на границѣ русскихъ владѣній съ польскими; ѣхавшіе на бердичевскую ярмарку и въ другія торговыя мѣста должны были брать пропускъ изъ васильковской таможни и т. д. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ числѣ «достопамятныхъ мѣстъ обширной россійской имперіи» считался «*Василковъ* городокъ, по ту сторону Кіева, на польской границѣ, принадлежащій къ кіевопечерской лаврѣ; въономъ есть пограничная таможня» [67]).

Въ управленіи васильковскою таможнею Болтинъ обнаружилъ много энергіи и распорядительности. Особенно памятна дѣятельность его въ тяжкую пору эпидеміи, свирѣпствовавшей втеченіе двухъ лѣтъ. Большихъ усилій требовалось для того, чтобы охранить отъ заразы окраину, гдѣ перебывало въ это опасное время множество проѣзжихъ и прохожихъ, стекавшихся туда изъ различныхъ и частью уже зараженныхъ мѣстъ. Бороться съ эпидеміею было тѣмъ труднѣе, что со всѣхъ сторонъ открывался ей свободный доступъ; ни о какихъ предосторожностяхъ, карантинахъ и т. п. не было и помину. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, Болтинъ своею неусыпною заботливостью и своими благоразумными мѣрами достигъ того, что никто изъ лицъ, ввѣренныхъ его попеченію, не сдѣлался жертвою эпидеміи [68]). Главная таможенная канцелярія, будучи «крайне довольна» и мѣрами Болтина противъ эпидеміи, и его службою вообще, ходатайствовала чрезъ своего начальника графа Миниха, о награжденіи достойнаго директора васильковской таможни чиномъ надворнаго совѣтника. Чрезвычайно долго тянулось это дѣло: въ 1773 году Болтинъ былъ представленъ къ чину надворнаго совѣтника, и только въ 1779 году получилъ этотъ чинъ.

Дальнѣйшее движеніе по службѣ Болтина произошло при не-

посредственномъ участіи Потемкина. По просьбѣ Потемкина, Болтинъ опредѣленъ въ главную таможенную канцелярію. Секретарь императрицы Турчаниновъ писалъ генералъ-прокурору 27-го мая 1779 года: «Ея императорскому величеству угодно было *по просьбѣ князя Григорья Александровича* опредѣлить въ главную надъ таможенными сборами канцелярію господина Болтина, бывшаго предъ симъ въ васильковской таможнѣ директоромъ. Но какъ учиненное въ правительствующемъ сенатѣ опредѣленіе о производствѣ его въ надворные совѣтники еще не вышло къ исполненію, то *его свѣтлость и поручилъ мнѣ покорнѣйше просить о поспѣшеніи тѣмъ опредѣленіемъ въ чувствительнѣйшее его одолженіе»* [69]).

Благодаря Потемкину, получали мѣста и средства для жизни люди, близкіе къ Болтину по родственнымъ отношеніямъ, какъ можно судить по слѣдующему письму жены Болтина къ Потемкину, 10-го января 1784 года [70]):

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь!

За милостивый вашей свѣтлости отзывъ на поданное отъ меня прошлаго года покорнѣйшее письмо желала я сама персонально нижайшую мою благодарность принести; но, по несчастію, не могла сыскать удобнаго къ тому случаю. Однакожъ великость чувствительности оныя въ сердцѣ моемъ безъ уменьшенія осталась. И сія-то самая вашей свѣтлости милость ко мнѣ и теперь даетъ мнѣ дерзновеніе о томъ же самомъ дѣлѣ нижайшую просьбу мою принести. Зять мой Мезенцовъ противъ желанія его отставленъ съ половиннымъ жалованьемъ, пока опредѣленъ будетъ къ мѣсту. Не имѣя, кромѣ жалованья, доходу ни копѣйки, а ктому жъ и бывъ еще долженъ, остался на 900 рубляхъ съ женою и семерыми дѣтьми, коимъ не токмо приличнаго дать воспитанія, но и прокормить доходитъ нечѣмъ. Въ такомъ несчастномъ ихъ положеніи подать имъ помощи я никакъ не въ состоя-

ніи, и надежды другой нѣтъ, какъ на милость и великодушіе вашей свѣтлости. Довершите, милостивый государь, милостивое ваше обѣщаніе опредѣленіемъ его къ мѣсту, отъ котораго бъ онъ получая жалованье, могъ жену и дѣтей своихъ содержать, и заставьте ихъ всѣхъ обязанными быть вашей свѣтлости всѣмъ своимъ благоденствіемъ и, можно сказать, жизнію, ибо въ теперешнемъ ихъ состояніи оная имъ въ тягость. Моя жъ благодарность и искреннѣйшая приверженность къ особѣ вашей не прежде кончится, какъ съ жизнію моею.

Вашей свѣтлости,

милостивый государь,

покорнѣйшая ко услугамъ

Арина Болтина.

Въ день закрытія главной таможенной канцеляріи Болтинъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, и въ тоже время, именно 24-го октября 1780 года, положено производить Болтину, присутствовавшему въ *бывшей* главной канцеляріи, жалованье изъ таможенныхъ сборовъ впредь до помѣщенія *къ дѣламъ*[71]).

Недолго пришлось Болтину оставаться *не у дѣлъ*. По докладу генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, повелѣно было, 15-го марта 1781 года, находящагося не у дѣлъ коллежскаго совѣтника Ивана Болтина опредѣлить въ прокуроры военной коллегіи[72]).

Въ военной коллегіи Болтинъ состоялъ до самой смерти своей, нѣсколько лѣтъ въ должности прокурора и нѣсколько лѣтъ въ званіи члена. Роль не только члена военной коллегіи, но и прокурора ея была въ тѣ времена довольно безцвѣтною, и въ большинствѣ случаевъ исходъ дѣла зависѣлъ не отъ свободнаго обсужденія ихъ равноправными членами коллегіи, а отъ воли главнаго начальника, особенно если во главѣ учрежденія стоялъ такой вліятельный человѣкъ, какъ князь Потемкинъ. Указы объявлялись коллегіи ея президентомъ; доклады государынѣ дѣла-

лись то отъ военной коллегіи, то лично отъ президента ея, князя Потемкина. Большинство дѣлъ, производившихся въ коллегіи, касалось: формированія полковъ; различныхъ распоряженій по продовольствію арміи; производства на бригадирскія, премьеръ-маіорскія и разныя другія вакансіи; перевода изъ гарнизона, увольненія вовсе изъ военной службы и т. п. Присылаемыя въ военную коллегію жалобы и доносы препровождались въ учреждаемыя по этому поводу комиссіи воинскаго суда. Въ дѣлахъ подобнаго рода разсѣяно много чертъ, рисующихъ тогдашніе нравы и общественные порядки. Казначей въ польскомъ корпусѣ Фитингофъ судился за раздачу въ долгъ разнымъ чинамъ казенныхъ денегъ 44,219 червонныхъ, въ томъ числѣ генералъ-маіору, впослѣдствіи сенатору и генералъ-поручику, Чернышеву 3,615, графу Юрью Сологубу 12,600 червонцевъ и т. д. Генералъ Борзовъ называлъ себя въ разговорѣ съ подчиненными государемъ, и говорилъ, что онъ можетъ виновныхъ вѣшать. Полковникъ Мекнобъ испросилъ у Борзова разрѣшенія говорить съ нимъ не какъ съ командиромъ, а какъ съ партикулярнымъ человѣкомъ, и получа на это позволеніе, плюнулъ ему въ лицо, поясняя, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы жалоба его скорѣе дошла къ высшему начальству и т. д.[73]).

На основаніи данныхъ, находящихся въ архивѣ военной коллегіи, а также и въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, могутъ быть исправлены свѣдѣнія, относящія къ Болтину, и считавшіяся вполнѣ достовѣрными, но въ дѣйствительности неточныя. О службѣ Болтина въ военной коллегіи находятся въ первыхъ источникахъ слѣдующія свѣдѣнія.

28-го іюля 1783 года Болтинъ произведенъ въ бригадиры съ оставленіемъ въ должности прокурора въ военной коллегіи.

12-го февраля 1786 года онъ пожалованъ въ генералъ-маіоры, также съ оставленіемъ въ должности прокурора военной коллегіи.

24-го ноября 1788 года онъ назначенъ присутствовать въ военной коллегіи, т. е. получилъ званіе члена этого учрежденія [74]).

Будучи прокуроромъ военной коллегіи, Болтинъ, сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей, исполнялъ различныя служебныя порученія, какъ напримѣръ, завѣдывалъ нѣкоторое время дѣлами главной провіантской канцеляріи [75]).

Провіантская часть составляла тогда, какъ и впослѣдствіи, больное мѣсто военнаго вѣдомства. Поглощая огромныя суммы, и требуя бдительнаго надзора и добросовѣстности, отрасль эта служила камнемъ преткновенія и при выборѣ лицъ, и при составленіи бюджетовъ, и во многихъ другихъ случаяхъ. Чтобы свести концы съ концами, надо было закрывать глаза передъ цѣлымъ рядомъ произвольныхъ мѣръ, незаконныхъ сдѣлокъ и злоупотребленій. Случалось, что суммы, забираемыя для заготовленія провіанта и фуража, исчезали безслѣдно, и нельзя было отыскать виноватаго. Самая попытка добиться истины требовала значительной доли гражданскаго мужества при неизбѣжномъ столкновеніи съ лицами, занимавшими высокое положеніе въ обществѣ. Обыкновенно виноватыми оказывались лица второстепенныя и третьестепенныя. Исключенія были рѣдки. Къ числу этихъ довольно рѣдкихъ явленій принадлежитъ протестъ, поданный Болтинымъ, возлагавшимъ всю вину и отвѣтственность на главнаго начальника провіантскаго управленія. Генералъ-провіантмейстеръ Хомутовъ представилъ военной коллегіи, что гораздо выгоднѣе при закупкѣ хлѣба обращаться не къ барышникамъ и перекупщикамъ, а къ купцамъ, которые торгуютъ хлѣбомъ «и весь обрядъ въ тонкость знаютъ». Выборъ его палъ на купца Толченова, который изъявилъ готовность доставить въ казну хлѣбъ дешевле провіантскихъ комиссіонеровъ. Военная коллегія отвѣчала, что если онъ добросовѣстно исполнитъ принимаемое обязательство, то за трудъ свой получитъ награду. Толченовъ, разсчитывавшій получить награду впередъ, и обманувшійся въ своемъ разсчетѣ, отказался отъ поставки хлѣба. Послѣ долгихъ настояній и упрашиваній, Толченовъ снова согласился на подрядъ, и съ перваго же раза доказалъ, что онъ «весь обрядъ въ тонкость знаетъ»: взялъ на заготовленіе фуража и провіанта ка-

зенныхъ денегъ 22,500 рублей, но никакого провіанта и фуража не представилъ, а объявилъ себя несостоятельнымъ. По мнѣнію Болтина, единственнымъ виновникомъ во всемъ этомъ дѣлѣ является генералъ-провіантмейстеръ, отъ котораго исходили всѣ распоряженія, и который болѣе, нежели кто-либо другой, обязанъ былъ удостовѣриться въ надежности того, кому ввѣрялись казенныя суммы. Суть отзыва Болтина заключается въ томъ, что нельзя карать подчиненныхъ за вину начальника. Въ приговорѣ своемъ по этому дѣлу военная коллегія руководствовалась мнѣніемъ Болтина [76]).

Да и нельзя было не дорожить мнѣніями человѣка, по собственному долгому и горькому опыту извѣдавшаго тогдашніе наши административные и судебные порядки.

Болтинъ неоднократно былъ вовлекаемъ въ различныя тяжбы какъ по казеннымъ, такъ и по своимъ частнымъ дѣламъ. Владѣя нѣсколькими помѣстьями, продавая одни изъ нихъ, закладывая другія и пріобрѣтая новыя, Болтинъ принималъ участіе въ различныхъ предпріятіяхъ, требовавшихъ большихъ расходовъ, входилъ въ соглашеніе и заключалъ условія и съ частными лицами, и съ казною и т. п. На него поступали жалобы о взысканіи той или другой суммы, о несоблюденіи того или другаго обязательства и т. п. [77]).

За Болтинымъ, когда онъ былъ еще капраломъ конногвардейскаго полка, числилось девятьсотъ душъ мужескаго пола. По раздѣльному акту матери своей Болтинъ получилъ недвижимое имѣніе въ пензенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Архангельскомъ, Кадада тожъ; да въ арзамасскомъ уѣздѣ, въ селѣ Стексовѣ; да въ симбирскомъ уѣздѣ, въ селѣ Должниковѣ, земли, что явятся по дачамъ и по всякимъ крѣпостямъ, а людей и крестьянъ что̀ есть нынѣ налицо и т. д. [78]). У него было имѣніе въ нарвскомъ уѣздѣ [79]). Онъ снималъ у казны кинбурнскія соляныя озера, отчисленныя въ собственность предполагавшемуся екатеринославскому университету [80]).

По поводу кинбурнскихъ озеръ возникла тяжба, которая до-

ходила до сената и до императрицы. Болтинъ, взявши у казны въ свое содержаніе кинбурнскія соляныя озера, переуступилъ ихъ купцамъ Сафонову и Еркову, получивъ отъ нихъ 20,000 рублей наличными деньги и три векселя на 30,000 рублей. Побывавъ на мѣстѣ, купцы нашли условія для себя невыгодными; начались пререканія и завязалось тяжебное дѣло, перебывавшее въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, и представленное императрицѣ. Екатерина II велѣла Болтину избрать посредника изъ людей почетныхъ и знатныхъ, отдать ему на разсмотрѣніе всѣ бумаги, поступавшія какъ отъ той, такъ и отъ другой стороны, и какъ онъ положитъ, такъ тому и быть. Но дѣло не могло рѣшиться потому, что одинъ изъ противниковъ пропалъ безъ вѣсти. Впослѣдствіи онъ снова появляется на сценѣ, и снова обращается къ разнымъ инстанціямъ съ жалобой на Болтина [81]).

Въ должности члена военной коллегіи Болтинъ завѣдывалъ денежною казною, добросовѣстно исполняя эту обязанность, повидимому довольно трудную и сложную. По смерти Болтина, всѣ суммы, находившіяся въ его распоряженіи, повѣрены по книгамъ и документамъ, и все оказалось въ совершенной исправности [82]).

Служа въ военной коллегіи, Болтинъ довольно часто бралъ отпуски, болѣе или менѣе продолжительные, отъ двухъ недѣль до семи мѣсяцевъ [83]). По своимъ частнымъ дѣламъ онъ уѣзжалъ въ свои помѣстья, а также и въ Херсонъ. Состояніе здоровья вынуждало Болтина уѣзжать къ сарептскимъ или царицынскимъ водамъ, которыми онъ лѣчился, и которыя имъ описаны. Вообще Болтинъ не могъ похвалиться своимъ здоровьемъ, отъ природы слабымъ: по болѣзни онъ вышелъ изъ конной гвардіи; по болѣзни бралъ отпуски изъ военной коллегіи; по болѣзни же не могъ присутствовать во многихъ изъ академическихъ собраній.

Но не одни только личныя нужды и необходимость поддерживать здоровье заставляли Болтина покидать столицу и иногда надолго. Особенно важна его поѣздка въ *Крымъ*, по вызову Потемкина, который былъ тогда сильно озабоченъ устройствомъ новаго края, едва только сдѣлавшагося достояніемъ Россіи. Тре-

бовались люди съ большими способностями, чтобы положить конецъ неурядицамъ, и уничтожить поводы къ многочисленнымъ и справедливымъ жалобамъ и неудовольствіямъ. Для населенія Крыма принимались на первыхъ порахъ мѣры насильственныя, принудительныя. Особенно тяжело приходилось нашимъ войскамъ, образовавшимъ, волею или неволею, первый слой русскаго населенія въ мѣстности, враждебной намъ во многихъ отношеніяхъ. По свидѣтельству лица, отличавшагося высокою честностью и правдивостью, и собиравшаго свѣдѣнія на мѣстѣ, по горячимъ слѣдамъ, положеніе крымскихъ дѣлъ представляется крайне неутѣшительнымъ: «Несмотря на глубокую осень, полкамъ приказано было строить землянки вмѣсто зимнихъ квартиръ. Близъ рѣчекъ устроенныя землянки, въ осенніе дни сдѣланныя, были пагубны для здоровья людей; великое число русскихъ, къ крымскому климату непривыкшихъ, погребено въ иловато-известковую землю. Чума, можетъ быть завезенная, но симъ еще увеличившаяся, довершила истребленіе. Большіе рекрутскіе наборы укомплектовали полки, въ Крыму расположенные. Извѣстія отъ возвращавшихся полумертвыми офицеровъ распространили слухи о тяжести климата. Россіяне ужасались Крыма; но писатели, подстрекая любопытство увеличенными красами, манили въ него, подкрѣпляемые силою великомощнаго боярина.. Принято намѣреніе населять Крымъ русскими людьми... Со всего государства велѣно было собрать солдатскихъ женъ и отправить къ мужьямъ. Подъ присмотромъ привезенныя въ Крымъ женщины, коихъ мужья давно померли, разбираемы были солдатами, коимъ тотчасъ давалась отставка и снабженіе отъ казны, лишь объявитъ желаніе поселиться въ Крыму» и т. д.[84]). Хотя въ торжественныхъ одахъ и говорилось, что пастухи и земледѣльцы воспѣваютъ радостныя пѣсни, а у нѣжныхъ матерей и женъ струятся слезы отъ сердечнаго удовольствія, но въ дѣйствительности лились другія слезы, и слышались другія рѣчи. Подъ вліяніемъ невзгодъ, испытываемыхъ войсками, сложилась пѣсня, выражающая жалобы на праотца нашего Адама, который обиталъ нѣ-

когда въ раю, но своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ довелъ до того, что потомки его осуждены на адское мученье, т. е. на житье въ Крыму[85]).

Вседержителю Боже нашъ и всесильный Творецъ,
Создатель всей твари и словесныхъ овецъ!
Позволь, владыко, хвалу Тебѣ воздати·
И на праотца Адама челобитную подати...
Адамъ чрезъ жену лишился пріятнаго раю,
Чрезъ что мы лишены отеческаго краю...
Адамъ по паденію трудно работалъ,
На что̀ свои лопатки намъ отдалъ.
По смерти въ адъ хотя и попался самъ,
Но каинову злость и зависть оставилъ намъ...
Нынѣ Адамъ со Еввою живетъ въ раю,
А насъ оставилъ въ проклятомъ крымскомъ краю;
Показалъ намъ, какъ дрова рубить косами
И сбирать въ полѣ навозъ нашими руками;
День и ночь кизикъ на плечахъ носимъ.
О томъ Тя, Господи, и на праотца Адама просимъ.
Адамъ служилъ для *одного* только Бога:
Для чего-жъ у насъ явилось земныхъ божковъ *много*?..
Адамъ обращался нагъ всегда въ трудахъ,
Лишились чрезъ что мы сапоговъ и рубахъ;
Обносились въ Крыму, и купить денегъ нѣтъ.
И такъ мучимся уже много лѣтъ.
Трудно жить въ Крыму, и счесть не можно.
Объявляемъ, Господи, нужду свою неложно...
Избави насъ, владыко, отъ многочисленныхъ панковъ,
И исторгни насъ отъ вредныхъ ихъ оковъ...
О Боже! сіе прошеніе наше милостиво воньми,
И насъ отъ Крыма въ число людей пріими...
Отъ татаръ и чумы насъ свободи,
Въ Россію изъ Крыма насъ изведи.

Но какими бы красками ни рисовали намъ тогдашнее положеніе дѣлъ, нельзя не признать, что присоединеніе Крыма было историческою необходимостью, и справедливо считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій второй половины восемнадцатаго столѣтія. Мыслящіе люди этой эпохи выражали убѣжденіе, что изъ всѣхъ враговъ Россіи самыми упорными и постоянными были татары, съ которыми мы воевали болѣе семисотъ лѣтъ, и втеченіе этого времени татары насъ обманывали едвали менѣе семисотъ разъ. Съ гибельнаго нашествія на Русь татаръ-печенѣговъ въ десятомъ столѣтіи, мы безпрестанно подвергались нападеніямъ этого племени. Послѣ покоренія Казани остался одинъ Крымъ и подвластные ему татары, отъ которыхъ терпѣла разореніе и страдала русская земля, особенно южныя области. Одинъ выходъ, одно спасеніе — присоединить къ Россіи Крымъ. Такъ думали и говорили государственные люди Россіи, сподвижники Екатерины II, оставившіе по себѣ славную память въ исторіи[86]). Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что Россія, говоря словами Болтина, присоединила Крымъ, не проливши ни одной капли крови, и не издержавъ ни одного рубля. Но однимъ внѣшнимъ присоединеніемъ нельзя было ограничиться. Оно послужило только началомъ великаго труда, который предстоялъ Россіи для увѣнчанія ея блестящей побѣды. Надо было повести дѣло такимъ образомъ, чтобы туземцы поняли и почувствовали перемѣну къ лучшему, и чтобы съ другой стороны русское господство водворилось тамъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ.

Главное управленіе краемъ ввѣрено было человѣку, который, вмѣстѣ съ Безбородко, заранѣе подготовилъ присоединеніе, именно князю Потемкину. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Потемкину нужны были дѣятельные и разумные сотрудники, ясно сознающіе всю трудность положенія дѣла, и способные указать и примѣнить наиболѣе вѣрныя средства для достиженія цѣли. Потемкинъ избралъ Болтина, и выборъ этотъ представляется во многихъ отношеніяхъ весьма удачнымъ. Знаніе людей и жизни, съ ея свѣтлыми и темными сторонами, съ ея насущными потребностя-

ми, предохраняло Болтина отъ теоретическихъ и всякихъ другихъ увлеченій, а свѣтлый и образованный умъ его не поддавался узкимъ и своекорыстнымъ соображеніямъ людей практическихъ—такъ называемыхъ дѣльцовъ.

8-го апрѣля 1783 года изданъ манифестъ о присоединеніи Крыма, и въ тоже время Болтинъ дѣлается спутникомъ и ревностнымъ сотрудникомъ Потемкина, оставаясь при немъ болѣе полугода. По возвращеніи изъ Крыма, Болтинъ доносилъ генералъ-прокурору, 28-го ноября 1783 года: «бывъ уволенъ отъ вашего сіятельства съ его свѣтлостью генералъ-аншефомъ князь Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ, отправлявшимся отсюда нынѣшняго года въ началѣ апрѣля мѣсяца въ Крымъ, и *находясь во все сіе время при немъ, и исправляя по приказаніямъ его разныя мнѣ порученности*, на сихъ дняхъ возвратился сюда, и сего ноября 27 дня въ правленіе должности моей вступилъ» [87]).

Потемкинъ впрочемъ очень медленно подвигался къ Крыму. Апрѣль онъ провелъ въ Полоцкѣ, въ помѣстьѣ своемъ Дубровнѣ, и въ другихъ мѣстахъ, весьма далекихъ отъ Крыма. Въ маѣ и въ іюнѣ онъ жилъ въ Херсонѣ. А Екатерина ждала не дождалась, когда онъ пріѣдетъ наконецъ въ Крымъ. Теряя терпѣніе, Екатерина писала Потемкину, что она думала, что Крымъ будетъ занятъ никакъ не позже мая, а вотъ уже іюль, и она столько же знаетъ о Крымѣ, какъ и папа римскій. Только въ іюлѣ Потемкинъ достигъ до Крыма; но оставался тамъ не особенно долго. Въ концѣ августа и въ сентябрѣ онъ былъ въ Кременчугѣ, потомъ въ Нѣжинѣ и т. д.

Ко времени пребыванія Болтина въ Крыму и при Потемкинѣ, т. е. къ 1783 году, относится цѣлый рядъ мѣръ для населенія и устройства края, для водворенія въ немъ торговли и промышленности, а также для привлеченія мѣстныхъ жителей къ участію въ общественной дѣятельности.

Изъ лагеря при Карасубазарѣ Потемкинъ писалъ императрицѣ, 30-го іюля 1783 года: «Всемилостивѣйшая государыня!

Въ настоящемъ упражненіи моемъ объ утвержденіи порядка и благоустройства въ крымской области, входя въ разсмотрѣніе, какіе комерція здѣшняя имѣетъ успѣхи, нахожу я, что количество отпускаемыхъ отсюда товаровъ несравненно по цѣнѣ менѣе ввозимыхъ. Главные продукты крымскіе: пшеница и соль, долженствующіе обогатить сію область, мѣняются на сукно, матеріи и разныя мелочи. Деньги потому здѣсь рѣдки, и недостатокъ въ оныхъ примѣтенъ. Польза будетъ ощутительная, если учрежденіемъ въ семъ краѣ фабрикъ отнимется у иностранцевъ способъ пользоваться однимъ всею прибылью торговли. Я пріемлю смѣлость всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, не позволите-ли, всемилостивѣйшая государыня, ямбургскую суконную фабрику перевесть въ здѣшнее сосѣдство къ доставленію такимъ образомъ нужнаго Крыму снабженія изъ дому»[88]).

Екатерина отвѣчала на это: «Заведеніе фабрики суконной въ Крыму, такъ какъ и разныхъ другихъ рукодѣлій, я признаю весьма полезнымъ и нужнымъ; но желательно было бы, чтобъ основаніе ихъ могло имѣть мѣсто безъ уничтоженія того, что уже здѣсь заведено. Я однакожъ прикажу директору экономіи Энгельгардту отправить къ вамъ нѣсколько мастеровыхъ, буде ихъ можно удѣлить изъ ямбургской фабрики, и особливо еще буде найдутся желающіе туда переселиться. Между тѣмъ мастеровъ можно выписать изъ чужихъ краевъ, въ чемъ министры мои, въ тѣхъ мѣстахъ пребывающіе, удовлетворятъ конечно вашимъ требованіямъ»[89]).

Манифестъ 8-го апрѣля 1783 года, возвѣщая жителямъ крымскаго полуострова о «перемѣнѣ ихъ бытія», обнадеживалъ ихъ, что русское правительство принимаетъ подъ свою охрану и защиту какъ личность и имущество своихъ новыхъ подданныхъ, такъ и ихъ вѣру, свободное отправленіе которой со всѣми законными обрядами останется навсегда неприкосновеннымъ[90]).

Именнымъ указомъ, даннымъ новороссійскому генералъ-губернатору князю Потемкину, 28-го іюля 1783 года, повелѣ-

валось, чтобы подати, собираемыя съ крымскихъ жителей «отнюдь не были въ тягость народную». Часть доходовъ назначалась на содержаніе мечетей и школъ, и на другія полезныя дѣла, а также на общественныя зданія, особенно «на фонтаны для выгоды народной». Принудительныя мѣры не должны были употребляться; поступленіе въ военную службу предоставлялось единственно доброй волѣ и желанію новыхъ подданныхъ[91]).

Желающихъ поступить въ военную службу татарскихъ мурзъ и чиновныхъ людей разрѣшено было Потемкину, указомъ 1-го ноября 1783 года, принимать и награждать чинами не только оберъ-офицерскими, но и штабъ-офицерскими, не выше премьеръ-маіора; о тѣхъ же изъ нихъ, которыхъ Потемкинъ признавалъ достойными высшей награды, онъ дѣлалъ представленіе императрицѣ[92]). При устройствѣ таврической области выражено положительное желаніе правительства, чтобы мѣстнымъ жителямъ открытъ и облегченъ былъ путь къ гражданской службѣ и къ занятію въ ней какъ низшихъ, такъ и высшихъ должностей[93]).

Мѣры, предлагаемыя въ докладахъ Потемкина, и получавшія въ указахъ на его имя силу закона, вполнѣ совпадали съ образомъ мыслей Болтина. По мнѣнію Болтина, великую заслугу Екатерины составляетъ то, что она не поработила своихъ новыхъ подданныхъ, а напротивъ того радушно приняла ихъ подъ свою защиту, показывая въ отношеніи ихъ особенную заботливость, и щедро надѣляя ихъ различными льготами. Присоединеніе Крыма къ Россіи при Екатеринѣ II — говоритъ Болтинъ — составляетъ рѣдкую противоположность съ присоединеніемъ Меца къ Франціи при Генрихѣ II. Генрихъ, объявивъ себя защитникомъ германской свободы, сдѣлался ея притѣснителемъ. Жители Меца приняли его какъ своего покровителя, но нашли въ немъ тирана; крымцы, подчиняясь добровольно русской государынѣ, полагали, что найдутъ въ ней правосудную властительницу, но нашли въ ней мать. Жители Меца изъ свободныхъ сдѣланы невольниками, жители Крыма — изъ рабовъ свободными[94]).

Болтинъ могъ быть полезнымъ совѣтникомъ Потемкину от-

носительно мѣръ, вызываемыхъ эпидеміею, свирѣпствовавшею тогда въ южныхъ предѣлахъ Россіи. Въ перепискѣ Екатерины II съ Потемкинымъ часто говорится о «крымской и херсонской язвѣ», поглощавшей множество жертвъ. Болтинъ еще во время управленія таможнею пріобрѣлъ большую опытность въ борьбѣ съ эпидеміею: теперь открывалось ему болѣе широкое поприще для подобнаго рода дѣятельности.

Есть извѣстіе, что Болтинъ былъ нѣкоторое время правителемъ канцеляріи Потемкина, т. е. другими словами, правою рукою Потемкина. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Болтинъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ Потемкину, и личныхъ и служебныхъ. Потемкинъ цѣнилъ умъ и дарованія Болтина, отдавая справедливость его мнѣніямъ и по вопросамъ государственнымъ и по вопросамъ литературнымъ. По свидѣтельству современника, заслуживающему полнаго вниманія, Потемкинъ «изъ литераторовъ особливо уважалъ Ивана Никитича г. Болтина, которому далъ идею, и просилъ сдѣлать возраженіе на сочиненную Леклеркомъ россійскую исторію» [95]). Въ свою очередь Болтинъ выражалъ сочувствіе и уваженіе и къ государственной дѣятельности Потемкина и къ личнымъ свойствамъ его какъ человѣка. Похвалы Болтина Потемкину—не заказныя; они являлись сами собою, при описаніи временъ отдаленныхъ, когда мысль историка покидала на мгновеніе прошедшее и переносилась въ настоящее. Встрѣчая въ древней Россіи величавый образъ Мстислава, Болтинъ для нагляднаго поясненія свойствъ этого князя указываетъ на всѣмъ извѣстнаго своего современника, сдѣлавшагося уже достояніемъ исторіи: «Касательно Мстислава, дѣла его свидѣтельствуютъ, что былъ онъ великодушенъ и мужественъ, снисходителенъ и неустрашимъ, умѣренъ и твердъ, ибо сіи свойства никогда не бываютъ разлучны. Живой образецъ видимъ въ лицѣ князя Потемкина-Таврическаго, который, соединяя всѣ сіи въ себѣ качества, истину словъ моихъ подтверждаетъ, что мужество безъ великодушія, храбрость безъ благосердія не бываютъ. Низкихъ душъ есть то свойство, чтобъ въ счастіи быть горду, вы-

сокомѣрну, непреклонну, неумолиму, а въ бѣдствіи и опасности низку, робку, слабодушну и пресмыкающу. Не таковъ былъ Мстиславъ: онъ одаренъ былъ отъ природы благими качествами сердца, безъ сумнѣнія и въ величествѣ духа не имѣлъ недостатка» [96]).

Болтинъ ровно годомъ пережилъ Потемкина. Потемкинъ умеръ 5-го октября 1791 года; Болтинъ умеръ 6-го октября 1792 года. Онъ умеръ отъ каменной болѣзни, какъ сказано въ словарѣ митрополита Евгенія, или отъ чахотки, какъ значится въ метрическихъ книгахъ с.-петербургской консисторіи [97]). Болтинъ похороненъ въ Александроневской лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ, гдѣ погребенъ и Ломоносовъ. На могилѣ Болтина поставленъ былъ памятникъ; но онъ не уцѣлѣлъ до нашего времени. Бумага оказалась долговѣчнѣе камня: на страницахъ нашихъ журналовъ прошлаго столѣтія сохранились двѣ эпитафіи Болтину. Одна изъ нихъ помѣщена въ ноябрьской книжкѣ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій» 1792 года, безъ подписи автора:

Здѣсь погребенъ Болтинъ: любя россійско слово,
Онъ силу далъ ему и превосходство ново;
Со древности покровъ сняла его рука,
Ища сокровищей на пользу языка;
Онъ нашу лѣтопись, ревнуя многи лѣта,
Изъ мрака исторгалъ для пользы и для свѣта.
Но рокъ, пресѣкши жизнь средь хвальнаго труда,
Его для славы жить опредѣлилъ всегда.

Другая эпитафія принадлежитъ извѣстному въ свое время писателю Рубану; она помѣщена въ томъ же журналѣ, но годомъ позднѣе, и названа «спискомъ съ надгробія» [98]):

Сей ложь ле-Клеркову на россовъ обличилъ,
И духъ защитника отечества явилъ;
Сарептски описалъ цѣлительныя воды;
Россійскихъ областей и земли и народы

Описывать начавъ, но смертно занемогъ,
Ко окончанію привесть ужъ не возмогъ.
Полезный трудъ его россійски славятъ музы,
Порочатъ злобные невѣжды и... французы!
Но злыхъ ему хула быть можетъ ли хулой?
Съ Екатерининой онъ кончилъ вѣкъ хвалой.
Спокойно прахъ его въ семъ гробѣ почиваетъ.
Невѣжество Болтинъ и злобу презираетъ.

II.

Литературная дѣятельность Болтина находится въ связи съ его судьбою, съ тѣми обстоятельствами и отношеніями, въ которыя ставила его сама жизнь. Въ первыя лѣта молодости жизнь замѣняла ему школу. Природная любознательность и постоянная работа мысли, восполняя недостатокъ первоначальнаго образованія, служили тѣми двигателями, подъ вліяніемъ которыхъ расширялся кругъ его познаній и слагались его убѣжденія. Рядомъ съ возраставшею начитанностью шло наглядное знакомство съ живыми источниками — съ нравами, понятіями и обычаями, съ экономическимъ и общественнымъ бытомъ различныхъ краевъ Россіи. Болтинъ брался за перо не вслѣдствіе какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а по ясно сознаваемой потребности подѣлиться съ обществомъ плодами своихъ наблюденій и своихъ научныхъ занятій.

Любознательность, жажда знанія — какъ можно выразиться безъ преувеличенія — обнаружилась въ будущемъ историкѣ съ самой ранней молодости. Разумное чтеніе книгъ составляло его жизненную стихію. Читая, онъ постоянно дѣлалъ выписки изъ книгъ и рукописей. Объясняя появленіе примѣчаній своихъ къ драмѣ Екатерины II, онъ говоритъ: «примѣчанія дѣлалъ я для собственнаго моего удовольствія, привыкнувъ отъ юности, читая всякую книгу, замѣчать и выписывать достойныя примѣчанія мѣста» [99]). Толкованія затруднительныхъ мѣстъ въ Русской Прав-

дѣ основаны имъ на «выпискахъ, учиненныхъ чрезъ многія лѣта изъ древнихъ лѣтописей, грамотъ и другихъ сочиненій»[100]). Для удовлетворенія своей любознательности Болтинъ обращался къ памятникамъ отечественной исторіи и словесности, печатнымъ и рукописнымъ, а также и къ произведеніямъ иностранныхъ писателей, преимущественно восемнадцатаго вѣка.

Другимъ и существенно важнымъ источникомъ служили для Болтина путешествія по Россіи и частыя сношенія съ различными слоями русскаго общества и народа. Онъ перебывалъ почти во всѣхъ областяхъ Россіи; около десяти лѣтъ прожилъ въ Малороссіи; ознакомился съ бытомъ инородцевъ и т. д. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, когда приходилось къ слову, онъ упоминалъ о пребываніи своемъ въ различныхъ краяхъ Россіи: «Родясь и бóльшую часть вѣка проживъ въ Россіи, почти ни одной провинціи не оставилъ, въ которой бы я не былъ... Я въ рѣдкой области не бывалъ... Въ Малороссіи прожилъ безъ мала десять лѣтъ... Я во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ татары, не однократно бывалъ, и о ихъ нравахъ, обычаяхъ, образѣ житія достаточно свѣдомъ» и т. п.[101]).

Литературные труды Болтина появлялись въ печати преимущественно въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ началѣ этихъ годовъ издано описаніе сарептскихъ водъ, въ концѣ—вышли въ свѣтъ возраженія противъ Леклерка. Нѣкоторыя изъ сочиненій Болтина изданы уже послѣ его смерти.

Поводомъ къ описанію сарептскихъ водъ послужила болѣзнь автора, заставившая его вникнуть въ свойство и дѣйствіе водъ какъ для собственной пользы, такъ и для того, чтобы дать добрый совѣтъ больнымъ и хворымъ, стекавшимся къ цѣлебному источнику въ весьма значительномъ количествѣ. А разумный совѣтъ былъ тѣмъ необходимѣе, что въ обществѣ распространялись самые неосновательные слухи, вслѣдствіе которыхъ людямъ, черезчуръ довѣрчивымъ, приходилось поплатиться своимъ здоровьемъ. «Донынѣ — говоритъ онъ — не было издано никѣмъ обстоятельнаго описанія о водахъ сарептскихъ, въ недостаткѣ коего имѣли о

нихъ извѣстіе только по слуху отъ пріѣзжающихъ оттуда. Видѣлъ я, будучи при водахъ, двухъ сортовъ людей. Одни, не имѣя собственныхъ началъ, на коихъ бы могли основать свои мысли, рѣчи и дѣянія, прилѣпляются къ чужимъ мнѣніямъ весьма скоро. Другіе же, напротивъ, заразясь самомнѣніемъ, всякую мысль или заключеніе, въ головѣ ихъ порожденное, почитаютъ важнымъ, истиннымъ и непреоборимымъ, и вслѣдствіе того хотятъ, чтобъ всему проповѣдываему ими вѣрили, не взирая на то, что часто предлагаютъ вещи незбыточныя, или толкуютъ ихъ наизворотъ и накось. Сіи самолюбивые краснобаи, увеличивая до крайности разсказываемое, и бездѣлкѣ присвояя видъ важный, собьютъ съ пути. Вдругъ придетъ въ голову сказать, будто бы вода въ колодезѣ совсѣмъ перемѣнилась: «вѣдь были примѣры такіе и въ другихъ государствахъ, что воды вовсе потеряли свою силу, и вмѣсто ожидамаго исцѣленія стали вредить пьющихъ оныя, и для того правительствомъ велѣно ихъ зарыть». Найдется изъ числа слушающихъ сіе таинственное открытіе такой, который, не хотя остаться молчащимъ, къ подтвержденію словъ его скажетъ: «ваше примѣчаніе справедливо; они совсѣмъ не тотъ имѣютъ вкусъ нынѣ, каковъ имѣли прошлаго года. Самая ихъ сила или то существо, которое цѣлительное свойство ихъ составляло, вылетѣло все вонъ, а его мѣсто заступила ржавщина, которой вкусъ чувствовать можно, если съ примѣчаніемъ пить ихъ будете». Таковые и подобные симъ разсказы услышавъ, имовѣрные, прилѣпляющіеся къ чужимъ мнѣніямъ безъ разбору, разнесутъ ихъ повсюду со многимъ прибавленіемъ. Всѣ приходятъ въ смятеніе, а особливо барыни: одна другой пересказываетъ, и другъ друга въ большій приводятъ страхъ. Многій потребенъ будетъ трудъ вывесть ихъ изъ сего страха. Не изъ головы своей взявъ, пишу сіе, но очевиднымъ свидѣтелемъ былъ сказанныхъ разговоровъ и произшедшихъ отъ нихъ смятеній» и т. д.[102]).

Со всевозможною точностью описываетъ Болтинъ цѣлебныя воды, ихъ качество и составъ, положеніе источника, гигіеническія и другія условія, которыя должны быть строго наблюдаемы

при лѣченіи и т. п. Не ограничиваясь описаніемъ главнаго предмета, онъ обращаетъ вниманіе и на другія вещи, казавшіяся сколько-нибудь достопримѣчательными. Онъ самъ говоритъ въ предувѣдомленіи: «всю тамошнюю окольную страну я высмотрѣлъ, и ничего не пропустилъ, встрѣчающагося глазамъ моимъ и мыслямъ, чтобы тогда же не записать». Весьма подробныя свѣдѣнія сообщаются имъ о Сарептѣ, о бытѣ гернгутерской колоніи, о мѣстныхъ растеніяхъ и животныхъ, и т. д.

Любимымъ предметомъ занятій Болтина втеченіе всей его жизни была отечественная исторія. Судьба сблизила его съ людьми, посвящавшими свои досуги историческимъ занятіямъ, и дорожившими памятниками родной старины и древности. Въ кругу этихъ людей было предпринято и исполнено нѣсколько научныхъ работъ, составившихъ украшеніе нашей исторической литературы того времени. Въ весьма близкихъ отношеніяхъ находился Болтинъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ (впослѣдствіи графомъ), извѣстнымъ любителемъ русскихъ древностей, обладавшимъ замѣчательнымъ собраніемъ рукописей. При участіи Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина и Ивана Перфильевича Елагина Болтинъ издалъ знаменитый памятникъ нашей древней литературы—«Русскую Правду»[103]). Объяснительныя примѣчанія къ этому труду, изданному, какъ значится въ заглавіи, *любителями отечественной исторіи*, несправедливо приписывались графу Мусину-Пушкину[104]). Одинъ изъ участниковъ въ предпріятіи, И. П. Елагинъ положительно удостовѣряетъ, что вся заслуга принадлежитъ Болтину, трудъ котораго изданъ подъ собирательнымъ именемъ любителей русской исторіи. Елагинъ говоритъ: «я самъ имѣлъ счастіе въ числѣ сихъ любителей русской исторіи быть, и хотя при изданіи въ печать не участвовалъ, но первыя замѣчанія и сношенія лѣтописцевъ и словъ

объясненія при мнѣ между прочими происходили. Я тогда же о Владимировомъ напоминалъ законѣ духовномъ; но приключившаяся болѣзнь сотруднику нашему *г. Болтину*, который, по отмѣнному знанію русской исторіи, къ изданію упрошенъ былъ, и *единъ трудился*, воспрепятствовала намъ собраться, и *еслибъ кто хотѣлъ изъ насъ въ чести сей ему поспорить, погрѣшилъ бы противу чести*»[105]). По свидѣтельству Калайдовича, въ «числѣ издателей Правды Русской были *гг. Болтинъ*, Елагинъ и графъ Мусинъ-Пушкинъ; *переводъ и объясненія принадлежатъ къ трудамъ перваго*»[106]).

Текстъ «Русской Правды» изданъ по самому полному и притомъ древнѣйшему, пергаминному, списку, который предварительно сличенъ съ пятью другими рукописными списками, а равно и съ тѣми, которые появились уже въ печати. Точность издателей простиралась до того, что они оставляли безъ всякой перемѣны и исправленія самыя очевидныя ошибки, случайную перестановку словъ и статей, и т. п. Рядомъ съ подлинникомъ, напечатаннымъ церковными буквами «ради лучшаго изображенія древнихъ словъ и правописанія», помѣщенъ переводъ на современный русскій языкъ, и къ каждой статьѣ приложены примѣчанія, иногда весьма пространныя и всегда весьма дѣльныя. Примѣчанія эти, какъ справедливо утверждаютъ сами издатели, составлены не по догадкамъ и произвольнымъ предположеніямъ, а на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, извлеченныхъ Болтинымъ изъ древнихъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ. Собирая въ одно цѣлое черты, разсѣянныя въ массѣ историческихъ матеріаловъ, и сближая ихъ съ памятниками законодательства сосѣднихъ намъ народовъ, Болтинъ составилъ себѣ понятіе о нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ, и предлагалъ объясненіе темныхъ и невразумительныхъ мѣстъ въ древнихъ русскихъ законахъ. Историческая критика, въ лицѣ Калайдовича, признала свѣдѣнія, сообщаемыя Болтинымъ въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ, любопытными, важными и драгоцѣнными, и поставила ему въ вину только то, что онъ не указалъ источниковъ, откуда почерпнуты

всѣ эти свѣдѣнія. По замѣчанію Н. В. Калачова, изданіе «Русской Правды» Болтинымъ было для своего времени явленіемъ важнымъ и отраднымъ, которое могло служить примѣромъ для дальнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій; переводъ и объясненія Болтина, въ сравненіи съ переводомъ и объясненіями Татищева, могутъ назваться образцовыми[107]).

Особенное значеніе придавала критика извѣстіямъ Болтина о древнихъ монетахъ и ихъ сравнительной цѣнности. Въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ словамъ «Русской Правды»: «аже не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ;... вирнику 10 кунъ» и т. п., читаемъ[108]):

— *Гривна*, яко вѣсъ, содержала въ себѣ фунтъ, а яко монета представляла цѣну фунта золота или серебра; но та и другая была сугуба, а, яко монета, и многимъ перемѣнамъ подвержена въ слѣдствіи времянъ. Касательно вѣса, гривна кіевская гораздо была меньше гривны новгородскія; перьвая равна была греческой литрѣ, и состояла изъ 72 золотниковъ; а новгородская гривна была равна нынѣшнему нашему фунту, состоящему изъ 96 золотниковъ, слѣдственно сія цѣлою четвертью кіевской гривны была больше. Гривна, яко монета, раздѣлялась на чётыре части, подъ названіемъ *рубль*, который не иное что былъ, какъ кусокъ серебра длиною вершка въ полтора, толщиною въ перстъ, имѣющій на себѣ клейма съ надписью и изображеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ. Такой *рубль*, яко вещь въ разсужденіи древностей нашихъ драгоцѣннѣйшая, подаренъ академіи наукъ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, тщательнымъ рѣдкостей собирателемъ; серебро въ немъ самое чистое, безъ всякія примѣси, вѣсомъ безъ мала 24 золотника. Изъ сего ясно открывается, что названіе *рубль* произошло отъ глагола *рублю*, ибо прутъ серебра, содержащій въ себѣ гривну вѣсомъ, разрубая на четыре равные куска, назвали ихъ рублями. Такъ подобно и названіе *полтина* произошло отъ подобнаго-жъ дѣйствія: для раздѣленія куска, рубль представляющаго, на двое, надлежало его вдоль *располоть*, т. е. разнять, ибо

разрубя поперегъ, не могъ быть въ половинкахъ вѣсъ равенъ, для того, что у рубля одинъ конецъ дѣлался шире и толще другаго, и такъ отъ глагола *располоть*, сирѣчь на двѣ половины вдоль раздѣлить,— произошло слово *полтина*, то есть половина, равно какъ и *полоть* называется отъ того, что свиная туша вдоль на двое раздѣлена. Неравенство вѣса гривны новгородскія съ кіевскою было причиною, что и рубли новгородскіе гораздо были вѣсомъ больше кіевскихъ, и потомъ владимірскихъ и московскихъ; ибо въ сіи княженія вѣсъ и монета перенесены изъ кіевскаго великаго княжества, а Новгородъ оставался всегда при своихъ правахъ и обычаяхъ; и даже въ самыя поздныя времена новгородскіе рубли и другія серебряныя деньги вѣсомъ были гораздо больше московскихъ, въ слѣдствіе чего и въ хожденіи цѣну имѣли различную.

Гривна, яко монета числительная въ отношеніи ходячихъ денегъ, каковы были *куны*, *вѣкши* и *ногаты*, съ первоначалія была равна гривнѣ серебра, но въ послѣдствіи времени стала быть различною, потому что ходячія оныя деньги, состоящія изъ кожаныхъ лоскутковъ, не имѣя никакого внутренняго достоинства, не могли удержать равныя цѣны съ монетою, имѣющею внутреннее достоинство, и время отъ времени теряли сразмѣрность свою противъ серебра. Во время в. князя Ярослава I-го гривна серебра содержала въ себѣ двѣ гривны, а при в. князѣ Владимірѣ Мономахѣ семь съ половиною гривенъ кунами, то есть ходячею монетою; наконецъ въ 1409 году во Псковѣ платили за полтину по 15-ти гривенъ, какъ въ лѣтописи псковской показано, а какъ въ гривнѣ серебра было 8 полтинъ, слѣдственно за гривну серебра платили кунами по 120 гривенъ. Сіе крайнее униженіе кунъ, въ сравненіи серебряной монеты, и въ слѣдствіе того неминуемое въ торговлѣ затрудненіе и замѣшательство, заставило псковитянъ вскорѣ послѣ, а именно въ 1411 году, куны вовсе уничтожить, и уставить ходячую монету серебряную и мѣдную. Для различія гривны серебряныя отъ гривны кунами, первую называли *гривна серебра*, или просто *гривна*, а вторую *гривна*

кунъ, или *кунами*; и сіе различіе означеній и въ самыхъ сихъ законахъ на многихъ мѣстахъ является.

— *Куна.* Въ самой древности повсюду купля производилась мѣною, и по большей части со скотомъ дѣлали сравненіе вещей, сирѣчь ко скоту примѣняяся цѣнили всякіе товары. У древнихъ руссовъ звѣриныя шкуры сравнительную цѣну вещей представляли; 20 кунъ, то есть куньихъ шкуръ, цѣнилися за гривну серебра, а 20 вѣкошъ или вѣверицъ, сирѣчь бѣлокъ, равноцѣнными считалися одной кунѣ. Сіе сравненіе кунъ и вѣкошъ съ серебромъ служило правиломъ оцѣнки всѣхъ прочіихъ вещей въ куплѣ и продажѣ. Неудобность употреблять звѣриныя шкуры вмѣсто ходячей монеты заставила искать другихъ знаковъ, кои бы представляли ихъ цѣну; придумали надѣлать и пустить въ хожденіе кожаные лоскутки съ клеймами, изображающими цѣну кунъ и вѣкошъ, кои подъ тѣмъ же названіемъ заняли мѣсто шкуръ куньихъ и бѣльихъ, и стали представлять ихъ цѣну. Сіи кожаные лоскутки многіе вѣки употреблялись вмѣсто ходячей монеты, и не имѣя внутренняго достоинства, были причиною, что время отъ времени цѣна ихъ, въ сравненіи серебра, унижалась. Татищевъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на «Русскую Правду», сказываетъ, что онъ самъ видѣлъ въ Новѣгородѣ такія кожаныя деньги, представляющія цѣну вѣверицъ или бѣлокъ, и слышалъ, что въ гривнѣ ихъ счислялось 380; но сіе сказано ему несправедливо, ибо достовѣрно есть, что въ гривнѣ считалося кунъ 20, а въ кунѣ вѣкошъ 20-же, слѣдственно вѣкошъ въ гривнѣ было 400. —

Съ объясненіемъ понятій соединяется у Болтина объясненіе словъ, и историкъ нерѣдко входитъ въ область филологіи, сближая русскій языкъ, книжный и разговорный, съ церковно-славянскимъ и отчасти съ греческимъ, средневѣковымъ германскимъ и т. п. По толкованію Болтина:

— *Правда* — судъ, расправа. Въ книгахъ церковныхъ, съ греческаго на славянскій языкъ переведенныхъ, во многихъ мѣстахъ слово *правда* употреблено въ семъ смыслѣ, яко во псал-

тирѣ: Боже, *судъ* твой цареви даждь, и *правду* твою сыну цареву (пс. 71, ст. 1); блаженни хранящіи *судъ* и творящіи *правду* (пс. 105, ст. 2). И въ древнихъ лѣтописяхъ, грамотахъ и сочиненіяхъ, сіе слово также вмѣсто *судъ* и *правосудіе* употреблялося.

— *Дикая вира.* Слово *дикій* въ первобытности своей имѣло другой смыслъ, нежели нынѣ, и употреблялось въ разныхъ значеніяхъ. Иногда означало оно нѣчто *неопредѣленное*, *неизвѣстное*, *понятію невмѣстное*; иногда нѣчто *удаленное отъ общаго порядка вещей*, *странное*, и прочее. То-жъ, что нынѣ мы подъ словомъ *дикій* разумѣемъ, выражали тогда словомъ *дивій*. Однакожъ онаго смысла древняго въ словѣ *дикій* и понынѣ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ чувствуются внушенія, какъ напримѣръ, говоря: «новое дѣло покажется всякому сначала *дико*», или: «*дичь* въ голову лѣзетъ» и тому подобныхъ; также, говоря и о цвѣтахъ, подъ словомъ *дикій* разумѣемъ такой цвѣтъ, который въ воображеніи нашемъ не имѣетъ точнаго опредѣленія, по примѣру прочихъ цвѣтовъ. Держась прописанныхъ древнихъ слова *дикій* пріятій, не находимъ мы сходнѣйшаго толкованія названію *дикая вира* представить, какъ: *цѣна за голову убитаго неизвѣстнымъ убійцею*, названная *дикою* потому, что платежъ ея выходилъ нѣкоторымъ образомъ изъ того порядка, который написуется правилами правды и совѣсти, ибо платить надлежало невиннымъ вмѣсто виноватаго.

— Названіе *тіуна* произошло, по мнѣнію Татищева, отъ греческаго глагола τίω, который имѣетъ три значенія: *почитаю*, *отмщаю* и *воздаю должное;* по мнѣнію-жъ нашему, — отъ германскаго названія *thungini*, какъ назывался у Франковъ судьи по уѣздамъ, коихъ должность съ должностію русскихъ тіуновъ была одинаковая. Первое словопроизводство основаніе свое имѣетъ на сходствѣ названія *тіуна* съ глаголомъ τίω и на отношеніи должности его со значеньемъ онаго глагола по третьему знаменованію. Второе словопроизводство основывается на сходствѣ-жъ словъ и на единствѣ должности германскаго *thungini*

съ русскимъ тіуномъ. Но у грековъ не было судей, *тіунами* называемыхъ, коихъ бы чинъ и должность вкупѣ съ названіемъ могли руссы заимствовать, а у германцевъ были, и заимствовать у нихъ руссы могли по долговременному, въ глубокой древности, однихъ со другими сожитію. Однакожъ мы ни перваго словопроизводства не отрицаемъ, ни собственнаго нашего не выдаемъ за достовѣрное, а оставляемъ читателю на разсужденіе, и т. д.[109]).

Вѣрный своему основному воззрѣнію, Болтинъ не упускаетъ случая доказывать, что предки наши не были варварами, что они имѣютъ всѣ права на сочувствіе и уваженіе, и что темныя стороны въ ихъ частной и общественной жизни находятъ себѣ если не оправданіе, то объясненіе въ бытѣ, нравахъ и учрежденіяхъ другихъ европейскихъ народовъ. По мнѣнію Болтина, нѣкоторые изъ нашихъ древнихъ законовъ сдѣлали бы честь и вѣкамъ просвѣщеннымъ, какъ напримѣръ: за жизнь женщины (рабы) полагалось болѣе строгое наказаніе, нежели за жизнь мужчины (смерда, холопа); если купца, торгующаго чужимъ товаромъ, постигнетъ несчастіе — товаръ потонетъ или сгоритъ, то не дѣлать купцу никакого насилія и въ рабство его не продавать, потому что невиновенъ въ пагубѣ товара и т. д. Чувство правосудія оскорбляется тѣмъ, что за жизнь свободнаго, т. е. благороднаго, полагалось сорокъ гривенъ, а за жизнь землелѣльца только пять. Но не у однихъ руссовъ бывали такія уклоненія отъ праваго суда: въ западной Европѣ законами было постановлено, чтобы убившій свободнаго, т. е. знатнаго, платилъ двѣсти сольдовъ, а убившій земледѣльца — только сорокъ пять и т. п.[110]).

Для знакомства съ переводомъ Болтина приведемъ тѣ мѣста, которыя самъ переводчикъ считалъ особенно трудными и до того темными, что надо было ходить, такъ сказать, ощупью, доискиваясь настоящаго смысла[111]):

Аже кто убіетъ княжа мужа въ разбои, а головника не изыщутъ, то вирную платить во	Ежели кто убіетъ вельможу въ поединочномъ бою, и убійцу сыскать будетъ не можно, то

чьей верви голова ляжеть, то 80 гривенъ; паки ли людинъ, то 40 гривенъ. Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ платятъ ту виру, занеже без головника имъ платити; будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то за-не къ нимъ прикладываютъ, того жъ дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру, но платити имъ вообче 40 гривенъ; а головничество, а то самому головнику, а сороце гривенъ заплатити ему из дружины своею частію. Но оже будетъ убилъ или во свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервиннѣ, еже ся прикладываетъ вирою.

пеню за убійство, именно 80 гривенъ, взыскать съ жителей той волости, въ дачахъ которыя тѣло поднято будетъ; а ежели убитъ будетъ людинъ, то взыскать сорокъ гривенъ. И которая волость начнетъ платити такую пеню, то разложить платежъ ея на нѣсколько лѣтъ, ибо безъ участія убійцы платить они ее будутъ. Естьли жъ убійца послѣ сыщется въ ихъ волости, то какъ онъ имѣлъ участіе равное съ прочіими въ платежѣ пени за неизвѣстнаго убійцу, такъ и имъ помогать ему въ платежѣ пени за убійство, имъ учиненное; или волости заплатить 40 гривенъ токмо, а другія 40 гривенъ заплатить убійцѣ. Также ежели убійство учинится въ ссорѣ или въ пьянствѣ при людяхъ, то платить убійцѣ пеню съ помощію жъ ему въ платежѣ отъ волости, какъ выше сказано.

Будетъ ли стоялъ на разбои безо всякія свады, то за разбойника людіе не платятъ, но выдадутъ и самого его, и съ женою и съ дѣтьми, на потокъ и на разграбленіе.

Ежели кто безъ всякой причины нападетъ на кого и убьетъ, за таковаго убійцу волостные обыватели не платятъ, но выдадутъ его, съ женою и съ дѣтьми, для опредѣленія въ ссылку или заточеніе, а домъ его да отдастся на разграбленіе.

Оже кто не вложится въ дикую виру, тому людіе не помогають, но самъ платитъ.	Ежели кто не возметъ участія въ платежѣ пени за неизвѣстнаго убійцу, тому и другіе не помогаютъ, но платитъ одинъ.

Вообще при переводѣ съ древняго русскаго Болтинъ не считалъ нужнымъ передавать подлинникъ слово въ слово, и заботился отнюдь не о буквальной близости перевода, а главнымъ образомъ о томъ, чтобы смыслъ подлинника переданъ былъ со всевозможною точностью, ясностью и сообразно съ требованіями современнаго литературнаго языка.

Изданіе «Русской Правды» представляетъ нѣкоторыя общія черты, и внѣшнія и внутреннія, съ изданіемъ поученія Владиміра мономаха[112]). Поученье или духовная Владиміра мономаха изданы совершенно такимъ же образомъ, какъ и «Русская Правда»: подлинникъ напечатанъ также славянскими буквами; рядомъ съ нимъ также помѣщенъ переводъ на современный русскій языкъ, и также приложены примѣчанія, довольно пространныя и многочисленныя. Въ предувѣдомленіи говорится, что издаваемая рукопись представляетъ какъ наяву нравы, обычаи и познанія нашихъ предковъ, и опровергается мнѣніе, что предки наши были народъ дикій, кочевой, безъ торговли и просвѣщенія. Тѣже мысли высказываются и въ предисловіи къ «Русской Правдѣ». И въ примѣчаніяхъ къ «Русской Правдѣ», и въ примѣчаніяхъ къ поученью Владиміра мономаха издатели обращаются иногда отъ древности и археологіи къ современной имъ дѣйствительности, и съ одинаковою строгостью осуждаютъ господство французскаго воспитанія и вліянія въ нашемъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ. Хотя изданіе поученья Владиміра мономаха принадлежитъ Мусину-Пушкину, но самъ

издатель говоритъ, что переводъ сдѣланъ былъ имъ *съ помощію пріятелей.* А Болтинъ былъ и однимъ изъ ближайшихъ пріятелей Мусина-Пушкина, и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его въ научныхъ работахъ и предпріятіяхъ. Объяснительныя примѣчанія, насколько можно судить по ихъ изложенію и тону, писаны вѣроятно самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ; но матеріалы для нихъ могли быть сообщены Болтинымъ. Нѣкоторыя выраженія подлинника объясняются въ примѣчаніяхъ при помощи словъ малороссійскихъ; содѣйствіе Болтина въ этомъ случаѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ жилъ долго въ Малороссіи, и слѣдовательно имѣлъ возможность хорошо узнать малороссійскій языкъ: «*Пуща* — лѣсъ очень густой и непроходимый; въ Малороссіи доселѣ сіе слово употребляется. *Рови* — ровъ, оврагъ; въ Малороссіи и поднесь говорится во множественномъ числѣ: *рови. Паробици* — служители; въ Малороссіи и доднесь служитель называется *паробокъ*», и т. д.

Трудами Болтина несомнѣнно воспользовался Мусинъ-Пушкинъ въ описаніи городовъ и урочищъ, изданномъ въ видѣ приложенія къ изслѣдованію о тмутараканскомъ княжествѣ. Самъ издатель указываетъ, какія именно статьи заимствованы имъ у Болтина. Въ числѣ источниковъ названы Мусинымъ-Пушкинымъ: рукописный географическій словарь Болтина и рукописныя географическія описанія намѣстничествъ: владимірскаго, кіевскаго и черниговскаго, входившія вѣроятно, какъ части, въ общій географическій словарь Россіи, составленный Болтинымъ.

Исключительно изъ рукописей Болтина заимствованы статьи: *Черниговъ*, *Изяславль*, *Кабаново*, *Несвижъ*, *Пинскъ*. Изъ рукописей Болтина и изъ другихъ источниковъ, преимущественно изъ исторіи Татищева, взяты статьи: *Владимиръ* (на Клязьмѣ), *Му-*

ромъ, Суздаль, Сіовскъ, Туровъ, Радощь, Черемисы, Шуя, Лубны, Хороль.

Въ описаніи черниговскаго намѣстничества Болтинъ говоритъ: «*Черниговъ* — городъ изъ числа самыхъ древнихъ и едва-ли не современенъ Кіеву; но какимъ народомъ построенъ и когда, никакого свѣдѣнія по исторіи не осталось. То только извѣстно, что великій князь Олегъ I, перенеся въ 882 году княжескій престолъ изъ сѣверной Россіи въ южную, привелъ съ прочими городами и Черниговъ подъ свою власть, и тогда уже въ немъ, по сказанію Нестора, *велицы князи сѣдяху*. О названіи его находятся различныя мнѣнія. Одни приписываютъ оное основателю и владѣтельному его князю по имени *Черному*, которому въ честь и память за одержанную надъ козарами побѣду, жители города Чернигова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ погребенъ, насыпали великую могилу, которая называлася *черною*. Дѣйствительно, и понынѣ, подъ самымъ городомъ, стоятъ двѣ немалыя могилы, но которая изъ нихъ *черною* называлася, никто не знаетъ. Другіе утверждаютъ, что городъ *Черниговъ* отъ *чернаго* лѣса, которымъ онъ въ древности окруженъ былъ, получилъ свое названіе».

Судя по извлеченіямъ изъ рукописей Болтина видно, что онъ обращалъ вниманіе не только на большія, населенныя мѣстности, на выдающіеся города намѣстничествъ, но и на урочища и даже на земляныя насыпи, валы и курганы, имѣющіе неоспоримую важность для историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій:

— *Лубны*—городъ на рѣкѣ Сулѣ; вблизи города, за рѣкою, находится урочище *Воинниха*, на которомъ, по преданію, происходило сраженіе между русскими и половцами. «На томъ же урочищѣ, на седьмой отъ Лубенъ верстѣ, находятся два кургана, кои называются *Вытеизе*, чаятельно отъ того, что убіенные на сказанномъ сраженіи *витязи* тутъ погребены».

— *Радощь*—городъ новгородсѣверскаго княжества, называвшійся когда-то *Радомля*, а въ настоящее время *Погаръ*. «Въ уѣздѣ города сего, между дачами мѣстечка Хмелова, села Будокъ и деревни Басовки есть въ лѣсу земляной валъ съ башнями

вокругъ; другой такой же между дачами селъ Гировки и Подлиннаго, въ полѣ съ двумя башнями, на подобіе крѣпостей; но когда и кѣмъ оныя построены, неизвѣстно»[113]).

Имя Болтина, какъ первостепеннаго знатока русской исторіи, пользовалось громкою извѣстностью въ современномъ ему русскомъ обществѣ, разумѣется, въ той его части, которая не оставалась равнодушною къ движенію русской литературы и науки. Люди, занимавшіеся русскою исторіею, дорожили совѣтами и приговорами Болтина, и неоднократно прибѣгали къ его содѣйствію, которое выражалось иногда самымъ очевиднымъ образомъ, оставляя неизгладимые слѣды въ литературѣ. Въ числѣ лицъ, находившихся въ литературныхъ сношеніяхъ съ Болтинымъ, и пользовавшихся его трудами и указаніями, должна быть названа императрица Екатерина II. Для объясненія темныхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ Екатерина обращалась къ Болтину, и на судъ его отдавала свои произведенія, заимствованныя изъ русской исторіи[114]). Любопытное извѣстіе объ этомъ находимъ въ собственноручной запискѣ императрицы. Въ 1786 году Екатерина написала драму, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой является Рюрикъ. При скудости историческихъ свидѣтельствъ о такой отдаленной эпохѣ, для воспроизведенія тогдашняго быта пришлось ограничиться нѣсколькими чертами, взятыми преимущественно изъ русскихъ лѣтописей и отчасти изъ исторіи Швеціи Далина. Драма написана по образцу Шекспира, т. е. безъ соблюденія правилъ, установленныхъ для драматическихъ произведеній теоріею ложнаго классицизма. Она вышла въ свѣтъ въ томъ же 1786 году, подъ названіемъ историческаго представленія изъ жизни Рюрика, но никто не обратилъ на нее вниманія при первомъ появленіи. Ее не замѣтили бы и впослѣдствіи, если-бы самъ авторъ не позаботился о своемъ, всѣми за-

бытомъ, дѣтищѣ. Когда Болтинъ, при посредствѣ Мусина-Пушкина, представилъ Екатеринѣ свои возраженія противъ князя Щербатова, она выразила желаніе, чтобы драма ея подверглась критической оцѣнкѣ Болтина — à la rude critique de Boltine[115]). Желаніе ея весьма скоро и весьма охотно исполнено Болтинымъ. Съ перомъ въ рукѣ прочиталъ онъ драматическое сочиненіе, представлявшее для него двойной интересъ и по содержанію своему, заимствованному изъ отечественной исторіи, и по имени автора. Съ примѣчаніями Болтина, равняющимися по своему объему съ коментируемымъ произведеніемъ, вышло оно во второмъ изданіи.

Въ примѣчаніяхъ своихъ Болтинъ имѣлъ въ виду подробно изложить и объяснить тѣ черты давноминувшаго быта, которыя только слегка затронуты въ драмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать ея источники. Разсмотрѣвши внимательно пьесу, онъ пришелъ къ заключенію, что основа драмы состоитъ не изъ выдумокъ и сказокъ, а изъ событій достовѣрныхъ; лица, выводимыя на сцену— не подставныя, а дѣйствительно существовавшія; рѣчи и сужденія, влагаемыя въ ихъ уста, содержатъ въ себѣ много историческихъ и нравственныхъ истинъ, назидательныхъ для ума и для сердца. Главнымъ источникомъ для драмы изъ жизни Рюрика служила Іоакимовская лѣтопись; нѣкоторыя подробности напоминаютъ скандинавскую Эдду въ изложеніи Мальета; иныя тирады, по мысли и по выраженію, представляютъ много общаго съ законодательными памятниками временъ Екатерины II, какъ напримѣръ, съ грамотою о дворянствѣ, и т. п.

По мнѣнію Болтина, разбираемая пьеса имѣетъ право называться историческою. Если и встрѣчаются отступленія отъ исторіи, то они бо́льшею частью придуманы такимъ образомъ, что не выходятъ изъ предѣловъ исторически-возможнаго, и не противорѣчатъ духу и бытовымъ условіямъ изображаемаго времени.

Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ являются *три* посадника новгородскіе: *Добрынинъ, Тріянъ* и *Рулавъ*. «Такихъ именъ — замѣчаетъ Болтинъ — ни въ Іоакимѣ, ни въ Несторѣ нѣтъ; но ежели они и вымышленные, то выдуманы прилично, ибо по именамъ

ихъ судить можно, кто изъ нихъ былъ славянинъ, и кто руссъ. Всякому извѣстно, что въ Новѣгородѣ было всегда по *одному* посаднику, а здѣсь о *трехъ* упоминается. Чтобъ разрѣшить могущее быть о семъ недоумѣніе, за нужное сказать нахожу: Посадникъ былъ первостепенный чиновникъ, или паче верховный правитель въ Новѣгородѣ; онъ первое мѣсто занималъ по князѣ, и на вечахъ общенародныхъ предсѣдательствовалъ. Избирали въ посадники ежегодно всѣмъ народомъ изъ сословія бояръ, а по прошествіи года замѣнялъ мѣсто его другой, также по общенародному избранію. Сущій въ должности назывался *степенный посадникъ*, а бывшіе нѣкогда посадниками именовались, по смерть свою, *старыми посадниками*. Они на вечахъ высшія мѣста предъ боярами занимали, и въ опредѣленіяхъ народа отъ каждаго конца одинъ старшій за весь конецъ голосъ подавалъ, и печати концовыя былъ хранитель. Изъ трехъ, здѣсь упоминаемыхъ, первый былъ *степенный*, какъ изъ послѣдствія есть видимо, что онъ прочими двумя посадниками, равно какъ и всѣмъ народомъ, распоряжалъ и управлялъ; а другіе — *старые* посадники, коихъ могло быть въ каждомъ концѣ по нѣскольку».

Въ доказательство того, что авторъ драмы сохраняетъ существенныя черты древнихъ обычаевъ, Болтинъ приводитъ слѣдующее. Людбратъ, отецъ Рюрика — по генеалогіи драмы, сочувственно выслушавъ предложенія новгородскихъ пословъ, говоритъ: «Пусть соединеніе сѣвера въ сей знаменитый день совершится; но прилично въ семъ случаѣ *начать дѣло приношеніемъ жертвы богамъ, и для того пойдемъ на освященный холмъ*». «Такимъ образомъ — поясняетъ Болтинъ — ничего изъ древнихъ обычаевъ, гдѣ только приличность позволяла, авторъ не упустилъ, какъ и здѣсь въ краткой рѣчи два важные вмѣстилъ: первое — что язычники руссы, и другіе имъ соплеменные, ни единаго дѣла важнаго не начинали безъ призванія боговъ, безъ принесенія имъ жертвъ, безъ испрошенія отъ нихъ благословенія начинанію своему; и второе — что не было у нихъ богамъ храмовъ, но обык-

новенно жертвы имъ приносили на горахъ и холмахъ. И сей обычай былъ общій почти всѣмъ древнимъ язычникамъ».

Слова Оскольда: «счастливъ тотъ, кто съ оружіемъ въ рукахъ умираетъ за отечество» послужили темою для одного изъ самыхъ пространныхъ примѣчаній. Смерть за отечество считалась великою заслугою передъ людьми и передъ небомъ у разныхъ народовъ, каковы бы ни были представленія ихъ о загробной жизни. Въ подтвержденіе этого Болтинъ приводитъ и лѣтописное извѣстіе о Святославѣ, говорившемъ: ляжемъ костьми, но не посрамимъ земли русской; и свидѣтельство Валерія Максима о кельтахъ, считавшихъ смерть не на войнѣ позоромъ и несчастіемъ; и отрывки изъ оды датскаго короля Регнера Лодброга: для храбраго человѣка — говоритъ король-поэтъ — нѣтъ лучшей участи, какъ пасть первому посреди тучи пораженій, и т. д.

Въ пространномъ, заключительномъ, примѣчаніи приведенъ рядъ мыслей, высказанныхъ въ драмѣ, которыя возбуждали особенное сочувствіе въ мыслящихъ людяхъ того времени, и по которымъ можно узнать, что авторъ драмы и авторъ наказа—одно и тоже лицо. Вообще примѣчанія Болтина, любопытныя и сами по себѣ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ отголоскомъ тогдашняго настроенія общества. Говоритъ ли онъ о любви къ отечеству, возстаетъ ли противъ иностраннаго вліянія, касается ли отношеній между властью и подвластными, — въ словахъ его выражаются понятія и воззрѣнія достойнѣйшихъ представителей умственной и общественной жизни Россіи восемнадцатаго столѣтія. Правда, въ критикѣ замѣтно до нѣкоторой степени желаніе выгородить историческіе промахи, оправдать появленіе небывалыхъ именъ и событій; онъ допускаетъ иногда благоразумное умолчаніе, и т. п. Поясняя рѣчь Вадима: «вы, храбрые славяне, *пришедъ съ Дона*, руссами овладѣли» и т. д., критикъ говоритъ: «откуда славяне пришли въ новгородскіе предѣлы, *о томъ не мѣсто здѣсь входить въ разсмотрѣніе; но только то примѣтить нужно, что были они пришельцы*» и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и поправки, повидимому незначительныя, но получающія свой смыслъ, если

принять въ соображеніе, что за каждою строкою примѣчаній слѣдили зорко, и что строки эти писаны во времена французской революціи, возбудившей у насъ большую тревогу и гоненіе на писателей: одинъ какой-либо стихъ, одинъ намекъ могъ накликать бѣду, если онъ касался народовластія. Въ четвертомъ дѣйствіи драмы Рюрикъ изображается полнымъ властелиномъ русской земли, распоряжающимся ею по собственному произволу. Примѣчаніе Болтина служитъ какъ бы возраженіемъ автору драмы, выдвигая на первый планъ волю народа: «Рюрикъ, по сказанію автора, *по волѣ своей* послалъ одного своего брата на Бѣлоозеро, а другаго въ Изборскъ. Вѣроятнѣе, что послы русскіе, *по силѣ всенароднаго опредѣленія* учинили съ Рюрикомъ и братьями его *договорныя статьи*, гдѣ кому изъ нихъ имѣть пребываніе, и какими правами власти пользоваться, вслѣдствіе коихъ они въ тѣ города и поѣхали». Коментарій Болтина къ драмѣ Екатерины представляетъ своего рода обмѣнъ мыслей между государыней-писательницей и ея просвѣщеннымъ подданнымъ. Екатерина сама пожелала выслушать правдивый, хотя бы и суровый, отзывъ историка. Болтинъ вообще не любилъ скрывать своего образа мыслей, но въ настоящемъ случаѣ не могъ дать просторъ своему полемическому таланту и остроумію, и долженъ былъ говорить съ величайшею осторожностью и сдержанностью. Тѣмъ не менѣе, онъ не обратился въ панегериста. Самый выборъ мѣстъ, приводимыхъ Болтинымъ въ заключительномъ примѣчаніи, показываетъ, чему онъ всего болѣе сочувствовалъ и въ сочиненіяхъ и въ дѣйствіяхъ Екатерины. Чрезвычайно тщательно подобраны имъ такого рода изрѣченія, вложенныя Екатериною въ уста дѣйствующихъ лицъ ея драмы: излишнія приказанія властелина связываютъ руки подвластныхъ; успѣхъ въ дѣлахъ государя зависитъ отъ того, что ничто не отлагается до другого дни, и всякій, имѣющій дѣло, входитъ свободно и не ждетъ; въ виновномъ я вижу лишь *человѣка*, и т. п.[116]).

Драма Екатерины выдержала нѣсколько изданій. Въ одномъ изъ нихъ русскій подлинникъ помѣщенъ рядомъ съ нѣмецкимъ

переводомъ. Переводчикъ Христіанъ Фридрихъ Фелькнеръ (Völkner, 1722—1796), около сорока лѣтъ пробылъ въ русской службѣ: секретаремъ сената, потомъ совѣтникомъ при академіи наукъ (conferenzrath) и т. д. Онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ рѣчь при погребеніи архіепископа Амвросія, убитаго во время чумы. Въ обширномъ предисловіи къ переводу драмы изъ жизни Рюрика и примѣчаній къ ней, Фелькнеръ отдаетъ полную справедливость глубокимъ познаніямъ Болтина и его проницательности въ историческихъ изслѣдованіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что Болтинъ не желалъ вдаваться въ оцѣнку историческаго содержанія драмы. Нѣмецкій переводчикъ, представляя съ своей стороны нѣсколько дополненій къ примѣчаніямъ Болтина, приводитъ между прочимъ доказательства подлинности новгородской лѣтописи Іоакима, которою пользовались и авторъ драмы—Екатерина, и авторъ примѣчаній — Болтинъ [117]).

Благодаря появленію наказа Екатерины II въ переводѣ на иностранные языки, въ западной Европѣ стало обнаруживаться желаніе ознакомиться съ Россіею, съ ея исторіею, съ ея бытомъ и литературою. Отъ времени до времени выходили за границею статьи, брошюры и даже цѣлыя книги, толкующія, большею частію вкривь и вкось, о нашемъ отечествѣ. Ревностно занимаясь отечественною исторіею, и слѣдя за ея литературою, Болтинъ не могъ равнодушно относиться къ тѣмъ произведеніямъ иностранной литературы, въ которыхъ искажалась русская жизнь, и сообщались невѣрныя свѣдѣнія о Россіи и русскомъ народѣ. Къ числу самыхъ яркихъ, самыхъ выдающихся явленій подобнаго рода принадлежитъ обширная, въ нѣсколькихъ томахъ, исторія Россіи, написанная Леклеркомъ—французомъ, долгое время прожившимъ въ Россіи, и возымѣвшимъ желаніе посвятить иностранную публику во всѣ тайны русской жизни. Многообѣщающее

заглавіе книги — исторія древней и новой Россіи, естественная, нравственная, гражданская и политическая; солидность ея объема; предполагаемая ученость автора, члена разныхъ ученыхъ обществъ и академій, и долговременное пребываніе его въ Россіи, и т. п. возбудили въ Болтинѣ самыя пріятныя надежды. Но при первомъ же знакомствѣ съ книгою радужныя надежды смѣнились разочарованіемъ, возраставшимъ съ каждою прочитанною страницею. Множество невѣрностей, искаженій и завѣдомой лжи поражало Болтина, поднимало его желчь, и заставило его взяться за перо для обличенія невѣжества и недобросовѣстности заносчиваго иностранца. Не измѣняя своимъ обычнымъ пріемамъ, Болтинъ слѣдилъ за разбираемымъ авторомъ, шагъ за шагомъ, и на каждую страницу, чуть не на каждую строку дѣлалъ замѣчанія и возраженія. Въ нихъ, въ этихъ замѣчаніяхъ и возраженіяхъ, обнаруживается и обширная начитанность Болтина и суть его воззрѣній. Книга Леклерка послужила, собственно говоря, только внѣшнимъ поводомъ къ обнародованію того, что давнымъ давно лежало на душѣ у Болтина, и что накопилось въ его матеріалахъ вслѣдствіе также давней привычки его отмѣчать все заслуживающее вниманіе въ каждой книгѣ, русской и иностранной, бывшей у него въ рукахъ. Примѣчанія Болтина выходятъ далеко за предѣлы дополненія, исправленія и опроверженія чего бы то ни было, и заключаютъ въ себѣ много яркихъ чертъ для характеристики литературной дѣятельности автора вобще. Посвящая обзору ея особую главу, мы ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что Болтинъ вооружался противъ Леклерка и по долгу писателя, и по долгу гражданина. До какой степени тяжелое впечатлѣніе книга Леклерка произвела на русскихъ читателей, видно изъ того, что князь Щербатовъ, противникъ Болтина, видѣлъ въ ней хулу на Россію, а Потемкинъ считалъ эту книгу жестокимъ оскорбленіемъ нашего народнаго достоинства.

По признанію самого Леклерка, значительною долею своихъ историческихъ свѣдѣній онъ обязанъ историку Россіи князю Михаилу Михаилову Щербатову. Поэтому весьма понятно, что Бол-

тинъ, порицая Леклерка, задѣвалъ и снабжавшаго его матеріалами и какъ бы руководствовшаго его работами, князя Щербатова. Намеки Болтина, вовсе не отличавшагося сдержанностью, были до того прозрачны, что Щербатовъ не выдержалъ и напечаталъ, въ видѣ письма къ пріятелю, оправданіе свое на явныя и тайныя нападки Болтина, другими словами, обвинительный актъ противъ него. Но Болтинъ, по природѣ своей, нелюбившій оставаться въ долгу, немедленно написалъ свою отповѣдь, изданную подъ названіемъ: Отвѣтъ на письмо князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи. Отвѣтомъ этимъ, хотя и весьма пространнымъ, Болтинъ не ограничился. Онъ началъ перебирать всѣ свидѣтельства Щербатова, всю его исторію, и плодомъ этой работы были два тома Критическихъ примѣчаній на исторію Щербатова, вышедшую уже по смерти обоихъ писателей.

Къ трудамъ Болтина относили также изданіе Книги большому чертежу или древней карты россійскаго государства [118]). Этотъ важный памятникъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ, и первое изданіе, вышедшее въ 1799 году, приписывали Болтину какъ русскіе, такъ и иностранные библіографы.

Издавая памятникъ вторично, въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, Д. И. Языковъ высказалъ предположеніе о Болтинѣ: хотя *первый издатель* «не подписалъ своего имени, но *изъ предувѣдомленія его можно, по слогу и правописанію, догадываться, что это былъ И. Н. Болтинъ*» [119]).

Въ библіографическомъ трудѣ Брюне находимъ: Kniga bolchomow tchertéjow. Le livre au grand plan, ou ancienne carte de l'empire russe mise en tables et transcrite en livre, en 1627 (par *I. Boltine*), 1792 [120]).

Позднѣйшій издатель памятника, Г. И. Спасскій, первое изданіе приписываетъ отнюдь не Болтину, а Ал. Иванов. Мусину-

Пушкину, на томъ основаніи, что безыменный издатель обѣщаетъ вскорѣ показать, гдѣ именно находился Тмутаракань, и обѣщаніе это исполнено Мусинымъ-Пушкинымъ въ книгѣ его о мѣстоположеніи древняго тмутараканскаго княжества [121]).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ ту пору, когда живы были современники и сотрудники Болтина, вся его библіотека и всѣ рукописи куплены, по смерти его, у его наслѣдниковъ императрицею Екатериною II, и подарены ею графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину. Въ числѣ рукописей Болтина, которыхъ было до ста связокъ, находились: часть энциклопедіи въ русскомъ переводѣ и начало толковаго славяно-русскаго словаря. Большая часть рукописей погибла безвозвратно: «жестокая судьба, очевидно гнавшая исторію отечества нашего, — говоритъ Калайдовичъ, — судила единственному и драгоцѣнному стяжанію (рукописямъ Мусина-Пушкина) погибнуть въ бѣдственный и вмѣстѣ славный 1812 годъ, въ который, съ великолѣпнымъ графскимъ домомъ, оно превращено въ пепелъ» [122]). Указанія на архивъ иностранной коллегіи и на военно-топографическое депо, въ которыхъ будто-бы хранились и хранятся рукописи Болтина, оказываются, при тщательной провѣркѣ, несостоятельными. Мусинъ-Пушкинъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе передать свои рукописи въ иностранную коллегію, т. е. въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; но намѣренія своего не привелъ въ исполненіе, какъ это положительно извѣстно [123]). Указаніе на военно-топографическое депо принадлежитъ А. М. Вильбрехту, занимавшему въ двадцатыхъ годахъ должность начальника отдѣленія въ этомъ учрежденіи. Но въ настоящее время нѣтъ и слѣда какихъ бы то ни было рукописей Болтина въ архивѣ военно-топографическаго депо, который называется теперь военно-ученымъ архивомъ. По всей вѣроятности, Вильбрехтъ, говоря библіографу

Анастасевичу, что въ военно-топографическомъ депо находятся всѣ *сочиненія* Болтина, разумѣлъ только тѣ изъ сочиненій Болтина, которыя появились въ печати.

III.

Въ литературной дѣятельности Болтина особенное значеніе имѣетъ капитальный трудъ его—примѣчанія на книгу Леклерка. Авторъ этой книги, покидавшій на нѣкоторое время Францію, жившій и служившій въ Россіи, игралъ довольно замѣтную роль въ русскомъ обществѣ, а благодаря неоспоримой важности примѣчаній Болтина, имя Леклерка пріобрѣло весьма прочную, хотя ужъ и вовсе непочетную извѣстность и въ нашей литературѣ. Поэтому считаемъ умѣстнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о французскомъ писателѣ Леклеркѣ и о тѣхъ его произведеніяхъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ русской исторіи и къ русской литературѣ.

Леклеркъ или Клеркъ, какъ писался онъ до полученія дворянскаго званія (Nicolas-Gabriel *Clerc*, dit *Le Clerc*, 1726—1798), пользовался въ своемъ отечествѣ извѣстностью, какъ ученый врачъ, принимавшій дѣятельное участіе въ преобразованіяхъ по медицинскому вѣдомству. Въ началѣ своего поприща онъ былъ полковымъ докторомъ, и находился въ дѣйствующей арміи; впослѣдствіи его назначили главнымъ инспекторомъ госпиталей королевства и предсѣдателемъ комиссіи для изысканія средствъ къ пресѣченію неурядицъ и злоупотребленій, достигшихъ ужасающихъ размѣровъ при тогдашнихъ порядкахъ въ управленіи больницами. Судьба вдоволь потѣшилась надъ человѣкомъ, желавшимъ прослыть рыцаремъ благородства, и можетъ быть приносившимъ дѣйствительную пользу въ борьбѣ съ

злоупотребленіями. Распорядители судебъ Франціи то оказывали ему особенное вниманіе, награждали его почестями и деньгами, то совершенно устраняли его отъ дѣлъ, и отнимали у него послѣднія средства къ существованію. Въ счастливую пору своей общественной дѣятельности онъ взысканъ былъ королевскою милостью: получилъ орденъ св. Михаила, пенсію въ шесть тысячъ ливровъ и дворянское достоинство. Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ называться *Ле-Клеркомъ,* а не просто *Клеркомъ.* Придворныя интриги лишили его мѣста, а революція — пенсіи.

Враждебныя ли отношенія къ окружающей средѣ, борьба ли партій, честолюбіе или другія какія-либо причины заставляли Леклерка покидать отечество и переселяться вп Россію. Такихъ переселеній было два: одно въ 1759 году, другое ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1769 году. И въ первый, и во второй разъ онъ оставался въ Россіи довольно долго — втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1775 году онъ снова является во Франціи по вторичномъ возвращеніи изъ Россіи. Прибывши въ Россію въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, Леклеркъ поступилъ врачомъ къ брату временщика — къ графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому, и сопутствовалъ гетману въ путешествіяхъ его по Россіи и заграницею. Впослѣдствіи, въ царствованіе императрицы Екатевины II, Леклеркъ занималъ, одно за другимъ и частію одновременно, нѣсколько мѣстъ: былъ лейбъмедикомъ великаго князя Павла Петровича, директоромъ наукъ въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, профессоромъ и совѣтникомъ въ академіи художествъ, инспекторомъ павловской больницы въ Москвѣ, и т. д.

Графъ Разумовскій, какъ и слѣдовало ожидать, много содѣйствовалъ успѣхамъ Леклерка и въ русской службѣ и въ русскомъ обществѣ. Понятно, что Леклеркъ упоминаетъ о Разумовскомъ съ сочувствіемъ и признательностью. Живя у гетмана — говоритъ онъ — я былъ въ хорошей школѣ: этотъ вельможа, вовсе не желающій выказывать свою образованность, обладаетъ свѣтлымъ умомъ, здравымъ образомъ мыслей, большою любовью къ

истинѣ и превосходною библіотекою[124]). Въ свою очередь Разумовскій былъ очень расположенъ къ Леклерку, и даже высказалъ готовность жертвовать личными удобствами, чтобы открыть болѣе широкое поприще своему любимцу. Въ первый разъ въ жизни — писалъ Разумовскій графу М. М. Воронцову — я долженъ просить о достойномъ человѣкѣ вопреки желанію моего сердца. Мой домашній врачъ, г. Клеркъ, который съ такимъ искусствомъ подвизается у меня въ Украйнѣ, желалъ бы получить въ Москвѣ мѣсто, сдѣлавшееся свободнымъ по выѣздѣ изъ Россіи лейбъ-медика Моунзея (Mounsey). Какъ ни прискорбно было Разумовскому разстаться съ Леклеркомъ, онъ ходатайствуетъ о немъ на томъ основаніи, что въ Москвѣ достоинства искуснаго и добродѣтельнаго врача будутъ гораздо виднѣе, нежели въ Глуховѣ — à la vérité l'exercice dans une ville comme Moscou pour un médicin habile et vertuenx lui donnera plus de jour qu' à Gloukoff, où il n'y a que ma maison qui connait son mérite[125]).

Близость отношеній Леклерка къ Разумовскому, занимавшему мѣсто президента академіи наукъ, имѣла быть можетъ нѣкоторое вліяніе на выборъ Леклерка въ почетные члены академіи. По крайней мѣрѣ въ офиціальномъ актѣ объ избраніи въ почетные члены упоминается о томъ, что Леклеркъ — спутникъ президента въ путешествіи по Германіи и Франціи, и это обстоятельство выдвинуто на первый планъ. Предложеніе послѣдовало со стороны академика Штелина, и ученое собраніе, взвѣсивши права и заслуги Леклерка, избрали его большинствомъ голосовъ въ почетные члены академіи наукъ. При извѣстіи о первомъ посѣщеніи академіи Леклеркомъ упоминается о его сочиненіи: Medicus veri amator ad apollineae artis alumnos, о которомъ съ особенною похвалою отзываются и иностранные библіографы: ouvrage estimé; un receuil de bonnes observations, и т. п.[126]).

Несмотря на успѣхи свои въ русскомъ обществѣ, на служебныя выгоды и связи съ сильными міра, Леклеркъ бывалъ иногда предметомъ самыхъ оскорбительныхъ толковъ, и на него

взводились чрезвычайно тяжкія обвиненія. Одна изъ его московскихъ паціентокъ, жена полковника Олсуфьева, пригласила его къ себѣ, какъ врача, по случаю болѣзни. Онъ прописалъ ей лѣкарство, по его увѣренію, совершенно невинное, которое можно дать четырехлѣтнему ребенку; но больной показалось, что оно заключало въ себѣ ядъ, и по городу пошли слухи, что ее хотѣли отравить. На бѣду Леклерка, супруги жили весьма дурно между собою, вслѣдствіе чего слухи объ отравѣ пріобрѣтали нѣкоторую вѣроятность, и становились для врача не только непріятными, но и опасными. Въ оправданіе себя онъ написалъ любопытное письмо, которое мы и помѣщаемъ въ приложеніяхъ [127]). Въ приливѣ негодованія онъ требовалъ, чтобы съ его паціентки, за распространеніе ложныхъ слуховъ, взыскана была непремѣнно пеня въ тысячу рублей въ пользу воспитательнаго дома. Въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ немедленно оставить русскую службу и уѣхать навсегда во Францію, будто-бы ожидавшую его съ распростертыми объятіями. Къ этому присовокуплялъ въ видѣ предостереженія, что, при его заслугахъ для Россіи, клевета на него и ея безнаказанность отзовутся самыми печальными послѣдствіями для нашего отечества: къ намъ перестанутъ ѣздить благодѣтели-иностранцы.

О своемъ пребываніи въ Россіи и о своихъ заслугахъ передъ страною, въ которой прожилъ такъ долго, Леклеркъ говоритъ весьма торжественно и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочно. Я сдѣлалъ для Россіи — восклицаетъ онъ — все, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, не переставая быть французомъ. Я достойнымъ образомъ исполнялъ возлагаемыя на меня обязанности, и быть можетъ сослужилъ Россіи добрую службу, всячески содѣйствуя тому, чтобы отвратить политическую бурю, скопившуюся въ нѣдрахъ государства и готовую разразиться. Но это — моя тайна, и Россія не знаетъ ея [128])...

Леклеркъ извѣстенъ во французской литературѣ, какъ весьма плодовитый писатель. Французскіе библіографы приводятъ длинный рядъ его сочиненій, разнообразныхъ по своему содержанію, относящемуся къ области медицины, исторіи, политики, философіи, и т. д. Въ нихъ находятся и разсужденія о чувствѣ долга и славолюбіи, какъ о двухъ началахъ, руководящихъ дѣйствіями людей, и трактатъ о водобоязни, и наблюденія надъ заразительными болѣзнями, произведенныя въ южной Россіи, и рѣзкое порицаніе англійской политики, и многое другое. Во время пребыванія своего въ Россіи Леклеркъ написалъ и издалъ нѣсколько вещей, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ русской жизни и литературѣ [129]).

Однимъ изъ первыхъ плодовъ его музы было стихотворное посланіе, изданное подъ пышнымъ названіемъ: Le voeu des nations ou le plan du bonheur reciproque. Оно посвящено великому князю Павлу Петровичу, и состоитъ изъ подбора нравоучительныхъ сентенцій, хвалебныхъ возгласовъ и менторскихъ совѣтовъ будущему государю. Въ посланіи встрѣчаются обращенія и замѣтки, подобныя слѣдующимъ:

Pierre le grand fut citoyen
Ce titre seul peint les bons princes.
Pour le malheur de leurs provinces,
Ce titre à peu de rois convient....
Princes, vous êtes trop heureux
Si vous sçavés comme nous sommes.
Pour peu que vous soyez des hommes,
Sujets fidels et généreux,
Nous vous faisons des demi-dieux...

Втеченіе нѣкотораго времени Леклеркъ занималъ должность *директора наукъ* въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ. Обязанность директора наукъ заключалась въ наблюденіи за преподаваніемъ, въ устройствѣ учебной части, въ указаніи легчайшихъ

методъ обученія, въ производствѣ испытаній учащимся и т. п. Уставомъ шляхетнаго корпуса требовалось, чтобы въ директоры наукъ избираемы были лица, имѣющія «отличныя достоинства» и хорошо знакомыя съ дѣломъ воспитанія[130]). При начатіи курса физики, естественной исторіи и химіи, Леклеркъ произнесъ рѣчь, въ которой, обращаясь къ питомцамъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, говоритъ: «Я, нося на себѣ почтенное званіе и должность — пещись о вашемъ здравіи и вспомоществовать по возможности вашему просвѣщенію, избралъ ту часть, которая соединяетъ вкупѣ пріятное съ полезнымъ. Вслѣдствіе онаго предпріялъ изслѣдовать съ вами свойство природы въ подверженныхъ чувствамъ нашимъ ея дѣйствіяхъ и въ ея произведеніяхъ, кои имѣютъ ближайшее и сходнѣйшее отношеніе къ намъ, и кои обѣщаютъ намъ пріобрѣтеніе наивящшихъ благъ... Какое иное государство заключаетъ въ себѣ толикое множество вещей, какъ пространная имперія россійская? Какія бы, до сего времени впустѣ лежащія и не вспаханныя, поля могли дать обильную жатву всякаго рода произрастеній? Сіе удобреніе земли, господа, есть предоставленный для васъ урокъ; вы должны нѣкогда воздать вашему отечеству дань благодарности, коею вы оному обязаны. Подражайте симъ превосходнымъ согражданамъ, симъ новымъ курціямъ, которые посвящаютъ себя съ большею пользою, нежели древніе, блаженству и славѣ сея имперіи. Они—ваши отцы во время воспитанія: да послужатъ они вамъ и зерцалами во время всего жизни вашей теченія. Ваше первое существо есть— быть добрыми гражданами; но любовь къ отечеству не можетъ имѣть истинной пользы, если не будетъ она управляема просвѣщеніемъ, подкрѣпляемымъ трудами и украшеннымъ безкорыстіемъ. Вы будете современемъ почтенными орудіями общаго благополучія, и первая дань, коей отечество отъ васъ потребуетъ, состоять будетъ въ вашемъ просвѣщеніи и» т. д.[131]).

Въ качествѣ профессора и совѣтника академіи художествъ Леклеркъ говорилъ въ публичномъ собраніи академіи художествъ рѣчь о происхожденіи, успѣхахъ, вкусѣ и совершенствѣ необ-

ходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ. Французскій подлинникъ изданъ съ русскимъ переводомъ, и приводимыя нѣсколько строкъ могутъ дать понятіе о способѣ передачи на русскій языкъ эстетическихъ понятій [132]).

En effet, les moyens de la peinture, de la sculpture, de l'architecture, de l'éloquence, de la poésie, de la musique sont les couleurs, *les formes*, *les reliefs*, les discours, *les paroles mesurées* et les sons... Beaux-arts! Prenez le vol de l'aigle, animez la toile, faites respirer le marbre; employez à la fois *le beau naturel*, la force, *l'énergie*, *le sublime*, pour rendre avec *enthousiasme* les sujets majestueux que l'amour a déjà gravés dans nos coeurs...

И въ самомъ, дѣлѣ средствы живописи, скульптуры, архитектуры, краснорѣчія, стихотворства, музыки, суть краски, *кожухи*, *украшенія*,—рѣчи, *слова по размѣру*, и голоса... Свободныя художествы! Возлетайте на подобіе орла быстропарящаго, одушевляйте полотно, вложите дыханіе въ мраморъ; употребляйте вдругъ *красоту природы*, силу, *разительность*, *важность и превосходство*, дабы изобразить съ *восторгомъ* громкія дѣла, уже на сердцахъ нашихъ напечатлѣнныя...

При вступленіи своемъ въ петербургскую академію наукъ въ званіи ея почетнаго члена Леклеркъ произнесъ пространную и витіеватую рѣчь, заключающую въ себѣ похвальное слово Петру Великому и отчасти Ломоносову. Во введеніи ораторъ распространяется о предметѣ, о которомъ, по остроумному замѣчанію современнаго намъ писателя, говорится съ особеннымъ аппетитомъ, именно о самомъ себѣ. Спохватившись, что уже черезчуръ долго занимаетъ почтенныхъ слушателей своею особою — mais c'est trop de vous parler de moi, messieurs,— Леклеркъ неожиданно переходитъ отъ себя къ Ломоносову. Знаменитый академикъ умеръ за нѣсколько дней до этого собранія, и Леклеркъ словно хотѣлъ сказать: не стало среди васъ великаго Ломоносова,

но за то вступаю въ ваше святилище я, Леклеркъ, достойный преемникъ почившаго. Онъ даже спрашиваетъ, обращаясь къ своимъ новымъ сочленамъ: кто изъ *насъ* замѣнитъ Ломоносова— qui de nous, messieurs, se chargera de le remplacer? Въ Ломоносовѣ ораторъ особенно цѣнитъ автора Петріады, изображающей подвиги величайшаго изъ великихъ людей. По словамъ Леклерка, Петръ Великій несравненно выше прославленныхъ героевъ древности: будучи самодержавнымъ властелиномъ, онъ являлся строгимъ исполнителемъ закона; онъ создалъ военную дисциплину, и самъ первый подчинился ей; онъ проходилъ постепенно всѣ должности, начиная съ самыхъ низшихъ, и если иногда бралъ на себя по необходимости первую роль, то никогда не забывалъ, что вторая роль по праву должна принадлежать ученымъ. Тщеславіе заставило Константина перенести на отдаленный востокъ столицу имперіи и назвать ее своимъ именемъ: цѣль болѣе возвышенная и благородная руководила Петромъ, когда онъ рѣшился осушить эстонскія болота и укрѣпиться на берегахъ моря. Изъ глубины водъ вышла его столица, и въ мѣста, до толѣ незнаемыя, стекаются произведенія всѣхъ странъ свѣта; такимъ образомъ Нева приноситъ Россіи тоже изобиліе, какое Нилъ доставлялъ Египту, и т. д.

Нѣкоторыя выраженія въ рѣчи Леклерка не понравились академикамъ, и потому рѣшено было предварительно разослать ее членамъ ученаго собранія, для просмотра и необходимыхъ исправленій [133]). Неизвѣстно, что̀ сталось съ академическимъ спискомъ рѣчи, которая почему-то не была напечатана. Только въ недавнее время появился въ печати небольшой отрывокъ ея, касающійся Ломоносова. Мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ полный текстъ рѣчи въ томъ видѣ, какъ сохранилась она въ единственномъ спискѣ, находящемся въ государственномъ архивѣ [134]).

Ознакомившись, хотя бы и поверхностно, съ современной ему русскою литературою, Леклеркъ поспѣшилъ перевести нѣкоторыя изъ ея произведеній на французскій языкъ. Въ своей исторіи Россіи онъ помѣстилъ переводъ поэмы Хераскова: *Чесменскій бой* и

поэмы Ломоносова: *Петръ Великій* [135]). Имъ же переведена комедія Екатерины II: *О время.* По словамъ переводчика, комедія эта произвела особенно сильное впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ, и должна составить эпоху въ исторіи — celle qui a fait le plus de bruit dans l'empire; qui fera époque un jour dans l'histoire. Въ переводѣ нѣкоторыя явленія слиты одно съ другимъ, вслѣдствіе чего въ первомъ дѣйствіи вмѣсто двѣнадцати явленій оказалось только десять и т. п. Пропущены нѣкоторыя разсужденія и черты, имѣющія значеніе для русскихъ читателей, какъ напримѣръ упоминаніе о ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ. Иное измѣнено на французскій ладъ, и между прочимъ вмѣсто понедѣльника поставлена пятница, которая во Франціи слыветъ такимъ же недобрымъ днемъ, какъ у насъ понедѣльникъ. Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ комедіи Екатерины II въ переводѣ Леклерка, въ сравненіи съ подлинникомъ [136]).

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.	*M. Nepoustof.* En effet, j'ai ouï dire que ta maîtresse s'est jetée dans la haute dévotion. Mais je n'ai entendu citer d'elles ni bonnes actions ni charité.
Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо при *раздачѣ мѣсячины и указнаго.* Сама жъ никогда столько прилежчости къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней, должники требуютъ отъ ней за забранные по счетамъ товары платы... (Дѣйствіе I, явленіе I, стр. 6).	*Mavra.* Franchement, je ne saurais vous en dire grand'chose. Ce que je puis assurer, c'est qu'elle ne manque pas, pour nous prêcher l'abstinence, de choisir l'heure de notre diner. Elle n'a jamais tant de ferveur pour la prière qu'au moment où ses créanciers viennent lui demander le paiement des marchandises qu'elle a prises chez eux (стр. 6).

Мавра. Она называетъ меня *басурманкою* за то, что иногда читаю я Ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда (Д. I, явл. I, стр. 9).

Мавра. Croisiez-vous, monsieur, qu'elle me traite de *païenne*, parce qu'elle m'a surprise lisant l'histoire de Cléveland? (Стр. 9).

Мавра. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акаѳистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи, и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ (д. I, явл. I, стр. 11).

Mavra. Elle se lève à six heures du matin; elle ajuste la lampe qui brûle devant les images; elle dit ses priéres et les litanies du patron du jour; elle peigne son chat en chantant le verset du cantique: heureux celui qui a pitié de son troupeau (стр. 11).

Вѣстникова. Я думала... не здѣсь будь сказано! (Они оплевываются, подергиваютъ себя за ухо и одуваются). Я думала, что черная немочь его убила (д. I, явл. 8, стр. 28).

Madame Vestnicova. J'ai cru... mais cela ne peut pas se dire ici. J'ai cru qu'il tombait d'épilepsie (д. I, явл. 7, стр. 25).

Мавра. Она не новосвѣтская госпожа, и не только по-французски, но и по-русски мало она знаетъ, а потому и языка русскаго не портитъ; но говоря по-русски, брата называетъ *братцемъ*, а не *mon frere*, сестру — *сестрицею*, а не *ma soeur;* не знаетъ и другихъ вытверженныхъ подобно попугаю словъ, ни кривлянья, ни

Mavra. Ce n'est pas une demoiselle façonnée à la mode nouvelle. Elle ignore le français, et même elle ne sait que mediocrement sa propre langue. Elle ne rit jamais hors de propos; *elle ne connait ni les belles manières ni le langage affecté de nos élégantes; elle tient les yeux baissés, au lieu de jouer de la prunelle...* Aimez-la, soyez son

презрѣнья къ людямъ, почтенія достойнымъ. Некстати не хохочетъ; *похабства не имѣетъ;* кушанья за столомъ не называетъ *блюдомъ* славнымъ. Словомъ, когда вы на ней женитесь, и будете ее любить, то хотя она ни *болванчикомъ*, ни *mon mari* называть васъ не станетъ, однако конечно стараться будетъ вамъ угождать, и добродѣтелью столько васъ прельститъ, сколько другіе свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывъ и лбы и глаза свои (д. I, явл. 12, стр. 40—41).

époux; elle mettra tous ses soins à vous plaire, elle vous charmera par sa douceur. Elle ne vous appellera pas *mon cher coeur*, *mon petit mari*, mais elle vous plaira plus que toutes celles qui affectent un air libre et aisé (д. I, явл. 10, стр. 35—36).

Ханжахина. Северни вить понедѣльникъ, да ктому-жъ и первое число мѣсяца, а я ничего въ такіе дни никогда не начинаю. Примѣта худа! Много образцовъ бывало, да и покойный мой мужъ меня утвердилъ въ этомъ: за десять лѣтъ до смерти своей — помяни его, Господи! — предсказалъ онъ однажды въ понедѣльникъ, что онъ умретъ. А то и сбылось (д. III, явл. 5, стр. 79—80).

Madame Ghangeagghina. C'est aujourd'hui vendredi, et qui plus est, le premier vendredi du mois. Je ne commence rien ces jours-là qui sont de mauvais augure. J'en ai vu nombre d'exemples. Mon pauvre défunt — que Dieu ait son âme! — a prédit, dix ans avant sa mort, qu'il mourrait un vendredi, et cela n'a pas manqué (д. III, явл. 5, стр. 73).

Долговременное пребываніе въ Россіи и сношенія съ знатоками и любителями русской исторіи послужили для нашего автора поводомъ къ составленію объемистаго труда, вышедшаго въ свѣтъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ длиннымъ и многообѣщаю-

щимъ заглавіемъ: Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne [187]). Эта всеобъемлющая исторія Россіи начинается обширнымъ и до нельзя многословнымъ введеніемъ, въ которомъ авторъ толкуетъ и о вліяніи климата на человѣка, и о различныхъ темпераментахъ, и о самыхъ удобныхъ формахъ правленія, и о другихъ предметахъ, болѣе или менѣе неидущихъ къ дѣлу. Самъ авторъ, кажется, чувствовалъ это, какъ можно видѣть изъ того, что онъ счелъ нужнымъ доказывать, что подобныя вещи—вовсе не hors d'oeuvre въ отношеніи къ русской исторіи. За введеніемъ слѣдуетъ очеркъ политическаго состоянія Европы и Азіи въ девятомъ столѣтіи, домыслы о происхожденіи славянъ, и т. п., и наконецъ — историческое повѣствованіе о Россіи, отъ временъ Рюрика до кончины императрицы Елисаветы Петровны и вступленія на престолъ Петра III. О царствованіи Петра III и Екатерины II авторъ не считаетъ удобнымъ распространяться.

Самый выгодный отзывъ объ историческомъ трудѣ Леклерка едвали не тотъ, который принадлежитъ самому Леклерку. По крайней мѣрѣ всѣ другіе, болѣе или менѣе благопріятные, отзывы блѣднѣютъ въ сравненіи съ замѣтками, разсѣянными на страницахъ исторіи Россіи, касательно ея автора. Наблюдатель по призванію,—говоритъ онъ о себѣ—проникнутый желаніемъ видѣть и узнавать людей, я никогда не пренебрегалъ полезными свѣдѣніями: втеченіе десятилѣтняго пребыванія своего въ Россіи, я сдѣлалъ всѣ необходимыя разысканія, чтобы написать ея исторію. Самоувѣренность автора бросается въ глаза всѣмъ и каждому изъ читателей. Его наивная откровенность въ признаніи собственныхъ заслугъ просто неподражаема. Что можетъ сравниться съ заключительными словами его при передачѣ труда изъ рукъ отца въ руки сына. Вошедшее въ исторію Россіи топографическое описаніе русскихъ областей и т. п. составлено сыномъ Леклерка Антономъ-Францискомъ (1757—1816). Мы обѣщали публикѣ—говоритъ Леклеркъ-отецъ—полное описаніе обширной русской имперіи: сынъ мой настойчиво просилъ у меня дозволе-

нія исполнить это обѣщаніе, а такъ какъ онъ свѣдущъ въ географіи и въ исторіи, то я и не считалъ себя въ правѣ ему отказать: истинное утѣшеніе для честныхъ и трудолюбивыхъ отцовъ имѣть дѣтей, которыя на нихъ похожи — la consolation des pères *honnêtes et laborieux*, c'est d'avoir des enfants qui *leur ressemblent*. Признательный сынъ начинаетъ свой трудъ торжественнымъ удостовѣреніемъ, что отецъ его дѣйствительно честный человѣкъ, что онъ презираетъ лесть и обманъ, и что онъ не принялъ бы ни почестей, ни денегъ иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы посредствомъ ихъ дѣлать добро, и т. п. [138]).

Первый изъ русскихъ, къ кому обратился Леклеркъ за свѣдѣніями касательно исторіи Россіи, былъ Михаилъ Григорьевичъ Собакинъ. О немъ, какъ о лицѣ, извѣстномъ въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ, упоминаетъ и Новиковъ въ своемъ словарѣ русскихъ писателей, и Леклеркъ въ своей исторіи Россіи, пользуясь въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, словаремъ Новикова [139]).

Сабакинъ, Михайло Григорьевичъ, тайный совѣтникъ, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ членъ, мастерской оружейной конторы главный судья, и ордена святыя Анны кавалеръ. Въ молодыхъ своихъ лѣтахъ писалъ разныя стихотворенія, изъ коихъ извѣстнымъ осталося только одно его стихотворное сочиненіе: *Совѣтъ добродѣтели*, хранящееся въ императорской библіотекѣ; о прочихъ же его сочиненіяхъ извѣстія нѣтъ.	M. Sabakin (Mikael Grégorévitz), conseiller privé des affaires étrangères, et chevalier de Sainte-Anne, a composé dans sa jeunesse plusieurs pièces de vers, dont une est intitulée: *Les conseils de la vertu*. Ce manuscrit est dans la bibliothèque impériale. M. Sabakin qui n'est plus, a constamment prouvé pendant sa vie, que sa conduite était d'accord avec les conseils qu'il donnait aux autres.

Собакинъ отнесся къ Леклерку съ большимъ сочувствіемъ и обязательностью. Онъ ревностно принялся за собираніе матеріаловъ, и при помощи двухъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ сдѣлалъ обширныя извлеченія изъ многихъ рукописей, хранящихся въ различныхъ архивахъ и между прочимъ въ патріаршей (синодальной) библіотекѣ, изъ книгъ родословныхъ, и т. п. И всю эту массу выписокъ представилъ въ распоряженіе Леклерка, принявши на себя трудъ перевести ихъ на французскій языкъ. Съ легкой руки Собакина, котораго Леклеркъ называетъ своимъ наставникомъ и руководителемъ въ знакомствѣ съ источниками русской исторіи, число доставляемыхъ матеріаловъ быстро возрастало. Леклеркъ получилъ выписки изъ лѣтописи князя Ѳедора Ивановича Кемскаго — лѣтописецъ отъ начала россійскихъ князей до дней царя и великаго князя Ивана Васильевича, а равно изъ многихъ другихъ сочиненій.

Матеріаловъ накопилось много, даже черезчуръ много: по крайней мѣрѣ такъ казалось самодовольному автору. Надо было убѣдиться въ ихъ достовѣрности, опредѣлить ихъ дѣйствительное значеніе и пригодность для историческаго труда. Съ этою цѣлью Леклеркъ обратился къ князю Михаилу Михайловичу Щербатову, и получилъ отъ него богатые вклады въ свою исторію. Щербатовъ сообщилъ ему очеркъ или конспектъ русской исторіи (un précis exact de l'histoire de sa nation) отъ Рюрика до Ѳедора Ивановича, а также данныя для исторіи искусствъ въ Россіи и для исторіи дворянства, занимающей въ книгѣ Леклерка нѣсколько главъ, и раздѣленной на восемь эпохъ [140]). Леклеркъ заявляетъ при этомъ случаѣ, что онъ пользуется дружбою и уваженіемъ князя Щербатова. До какой степени простиралось уваженіе Щербатова къ Леклерку и къ его литературнымъ трудамъ, можно отчасти видѣть изъ словъ самого Щербатова: «Раскрывши книгу Леклерка, тотчасъ увидѣлъ нелѣпую смѣсь несправедливыхъ охуленій Россіи и лжи. Я Леклерка довольно лично зналъ: бывъ увѣренъ въ невѣдѣніи его россійскаго языка, въ самомъ его неосмотрительномъ обычаѣ, и въ охотѣ вездѣ излишнее и непринадлежащее

къ причинѣ, о которой онъ пишетъ, вмѣщать, яко въ сочиненіи своемъ *Іу великій* показалъ» и т. д.[141]).

Свѣдѣніями своими о русской литературѣ Леклеркъ, какъ самъ говоритъ, обязанъ преимущественно Новикову. Выражаясь точнѣе, слѣдуетъ сказать, что почти всѣ эти свѣдѣнія заимствованы, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, изъ книги Новикова, вышедшей въ 1772 году подъ названіемъ: Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. Въ обширной главѣ — о поэтахъ, историкахъ и писателяхъ русскихъ, Леклеркъ приводитъ длинный рядъ извлеченій изъ словаря Новикова[142]). Большая часть извѣстій просто переведена, съ большими или меньшими пропусками. Изрѣдка только встрѣчается какая-либо замѣтка, которой не находимъ у Новикова. Едвали надобно прибавлять, что переводъ не всегда отличается точностью[143]).

Новиковъ.	Леклеркъ.
Ильинскій Иванъ, праводушный и добронравный мужъ, другъ нелицемѣрный, довольно искусный въ латинскомъ, нѣсколько въ молдавскомъ и совершенно въ словенскомъ языкѣ, былъ переводчикомъ при императорской академіи наукъ. Онъ писалъ много разнаго содержанія стиховъ; но печатныхъ одно только осмостишіе при Симфоніи на священное четверо-евангеліе и дѣянія святыхъ апостолъ, мъ сочинен ной, и напечатанной въ Москвѣ 1733 года; и еще двустишіе, по окончаніи сей кни	Illinski réunissait beaucoup de connaissances, et cet homme de bien était particulièrement instruit dans la morale si conforme à la pureté de ses moeurs. Il possedait des langues latine et moldave, et parlait éloquemment la langue slavone. Son emploi fut celui de traducteur à l'académie des sciences. Il a composé plusieurs pièces de poésie, dont on n'a imprimé qu'un petit nombre, et un ouvrage théologique imprimé a Moskou en 1733. Il traite des evangiles et des actes des apotres.

ги сочиненное, слѣдующаго содержанія:

Ликуимъ, Моме, оба! се книга кончася:
Мнѣ убо покой, трудъ же тебѣ даровася.

Козловскій князь, Өедоръ Алексѣевичъ, въ юныхъ своихъ лѣтахъ обучался въ московскомъ университетѣ разнымъ наукамъ; опредѣлился лейбъгвардіи въ преображенскій полкъ, гдѣ онъ дослужился до оберъофицерскаго чина. Въ 1767 году взятъ былъ въ комиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія сочинителемъ. Исправляя должность свою рачительно и съ похвалою пробылъ онъ тутъ до 1769 года, въ которомъ отправленъ былъ куріеромъ къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, находившемуся тогда въ Италіи. Въ проѣздъ свой долженъ былъ онъ заѣхать къ славному европейскому писателю г. Вольтеру, чѣмъ князь Өедоръ

Cet ouvrage est terminé par deux vers de l'auteur, qui sont bien singuliers; les voici:

Likouim, Momé, oba! cé Kniga Kontchacaïa
Mnié oubo Pokoi, Troud-gé tiébé Darovacia.

Le sens littéral de ces vers est: «Réjouissons-nous tous deux, Momus! voici un ouvrage de fini. Je vais donc être en repos, et c'est à toi de t'exercer à présent.

Le prince Koslofski (Féodor Aléxiévitz) fut élevé à l'université de Moskou. Après avoir fini ses études, il devint officier aux gardes, et ensuite officier général. Il a été un de ceux qui ont travaillé à la commission établie par l'impératrice pour la rédaction du code. Il fut chargé d'un ordre particulier qui le flatta beaucoup. Il partit comme courier chargé de dépêches de l'impératrice pour m. de Voltaire. De Ferney il se rendit à l'Italie auprès du comte Alexis Orlof, s'ambarqua avec lui, se distingua dans le fameux combat de Tzèm, et sauta en l'air avec le vaisseau Saint-Eustache, en juin 1770... Ce prince, digne d'un meilleur sort, a fait une

Алексѣевичъ чрезмѣрно восхищался, ибо по великой его склонности къ словеснымъ наукамъ, ничего такъ не желалъ, какъ умножить то просвѣщеніе своего разума, которое пріобрѣлъ своими трудами. Прибывъ въ Италію, оставленъ онъ былъ при графѣ Ѳедорѣ Григорьевичѣ Орловѣ, и былъ при немъ безотлучно до чесменскаго бою, въ который при взорваніи корабля святаго Евстафія поднятъ онъ былъ на воздухъ. Смерть его послѣдовала, такъ какъ и сей бой, 1770 года въ іюнѣ мѣсяцѣ... Изъ сочиненій его были: *Одолжавшій любовникъ* — прозою комедія; нѣсколько пѣсень, эклогъ, элегій и другихъ мелкихъ стихотвореній... Онъ перевелъ много комедій для россійскаго театра и другихъ разныхъ матерій. ...Кенотафія князю Ѳедору Алексѣевичу Козловскому:

comédie intitulée *l'Amant obligé*, et en a traduit un grand nombre d'autres en langue russe. Il a laissé beaucoup de pièces de poésie. Voici l'epitaphe fait à sa mémoire:

Одно зришь имя здѣсь, а тѣло— огнь и влага
Пожрали въ Асіи вблизи Архипелага,
Гдѣ турскій россами свирѣпо флотъ сраженъ.
Разбитъ, потопленъ въ хлябь, и въ пепелъ весь сожженъ.

Vous ne voyez ici que son nom.
Son corps réduit en cendres est dispersé
Dans l'Archipel.
Koslofski! ton sort annonce le
Salut de la Grèce et la destruction
De l'empire du faux prophète.

Козловскій! Жребій твой предтечею былъ рока—
Къ избавѣ Греціи, къ паденью лжепророка.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ, перевелъ въ стихи Вольтерову трагедію Алзиру; преложилъ по свойству нашихъ нравовъ Грессетово сочиненіе *Сидней*, и написалъ много острыхъ и весьма хорошихъ стихотвореній. ...Онъ сочинилъ комедію: *Бригадиръ и Бригадирша*, въ которой острыя слова и замысловатыя шутки разсыпаны на каждой страницѣ.

M.. Fon-Visin (Denis Ivanovitz) a traduit en vers Alzire, et le Sydnei de Gresset ajusté aux moeurs russes. Il est permis d'imiter quand on approprie les choses au théâtre et aux moeurs de sa nation. Il a composé une comédie intitulée *le Brigadier et la Brigadière*, pièce vraiment originale, qui a été jouée et admirée dans les pays étrangers...

При оцѣнкѣ произведеній русскихъ писателей Леклеркъ любитъ обращаться къ литературѣ французской, гораздо болѣе ему извѣстной, нежели русская. Тредьяковскаго онъ сравниваетъ съ аббатомъ Прево, Сумарокова съ Расиномъ, Хераскову совѣтуетъ имѣть въ виду Вольтера, и т. п. Находя, что Тредьяковскій, столь же трудолюбивый и написавшій почти столько же сочиненій, какъ аббатъ Прево, уступаетъ Прево въ легкости и естественности дарованія, критикъ отдаетъ предпочтеніе Тредьяковскому въ нравственномъ отношеніи: Тредьяковскій всецѣло предавался наукѣ, а Прево черезчуръ много времени тратилъ на удовольствія. Вскормленный на французскихъ образцахъ, Сумароковъ избралъ своимъ руководителемъ Расина, и лучшаго выбора не могъ сдѣлать, но тѣмъ не менѣе далеко отсталъ отъ безсмертнаго трагика: нерѣдко онъ бываетъ холоденъ именно въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ Расинъ воспламеняетъ сердца и души. Существеннымъ недостаткомъ Сумарокова Леклеркъ при-

знаетъ его стремленіе подражать манерѣ французскихъ комедій вмѣсто того, чтобы обратиться къ русской жизни и представить рѣзкую противоположность настоящаго съ давноминувшимъ въ русскомъ бытѣ и нравахъ. Отдавая должную справедливость разнообразію талантовъ Хераскова, нашъ аристархъ, побуждаемый голосомъ истины, рѣшается откровенно высказать то, что онъ думаетъ о Россіядѣ Хераскова. По его мнѣнію, поэма эта заключаетъ въ себѣ прекрасныя подробности, детали, но въ цѣломъ она не выдержана; впрочемъ, авторъ легко можетъ помочь этой бѣдѣ: ему стоитъ только кое-что поисправить въ своей поэмѣ и придать ей болѣе художественныхъ красотъ и великолѣпія. Примѣромъ ему пусть послужитъ Вольтеръ, тщательно исправлявшій свои произведенія, что доказываютъ многочисленные варіанты въ его Генріадѣ.

Матеріалы, доставленные княземъ Щербатовымъ и Собакинымъ, и заимствованія изъ словаря Новикова составляютъ существенную основу книги Леклерка. Остальное заимствовано большею частью изъ Левека и изъ источниковъ еще менѣе цѣнныхъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и личныя наблюденія автора. По его словамъ, особенно плодотворно въ этомъ отношеніи было его пребываніе въ Малороссіи, между козаками, гдѣ онъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній преимущественно для исторіи козачества. Какими источниками, кромѣ названныхъ, пользовался Леклеркъ, и какъ далеко простиралась его наблюдательность, до какой степени ознакомился онъ съ Россіею, съ русскимъ бытомъ и съ историческою судьбою русскаго народа, на это много яркихъ указаній въ его пространномъ сочиненіи, названномъ исторіею Россіи. Они тщательно сведены въ одно цѣлое, подробно разсмотрѣны и критически оцѣнены Болтинымъ въ его главнѣйшемъ произведеніи, какъ увидимъ это въ слѣдующей главѣ нашего труда, въ которой говорится о Болтинѣ, какъ о писателѣ.

IV.

Въ дѣятельности Болтина, какъ писателя, обнаруживаются многія черты его вѣка. Разнообразіе данныхъ, приводимыхъ Болтинымъ, знакомитъ съ кругомъ тогдашней образованности, показываетъ, чѣмъ всего болѣе интересовались, что̀ особенно цѣнили мыслящіе русскіе люди второй половины восемнадцатаго столѣтія. Въ сужденіяхъ и взглядахъ Болтина отражаются, въ большей или меньшей степени, тѣ начала, которыя такъ горячо отстаивала европейская литература временъ энциклопедистовъ. Но въ основѣ всего слышится здравый смыслъ русскаго человѣка, разумно взвѣшивающаго доводы сторонъ, и нежелающаго быть отголоскомъ чужихъ понятій и воззрѣній. Живая, кровная связь соединяетъ Болтина съ современными ему русскими писателями: Новиковымъ, Фонъ-Визинымъ, Лепехинымъ и другими, и съ представителями предшествующихъ поколѣній — Татищевымъ и Ломоносовымъ. Дорожа печатнымъ словомъ, какъ вѣрнымъ и добросовѣстнымъ выраженіемъ мыслей и знаній писателя, Болтинъ сообщалъ въ трудахъ своихъ то̀, и только то̀, что̀ ему было хорошо извѣстно, что̀ добыто имъ изъ достовѣрныхъ источниковъ. Многое видѣлъ онъ самъ; многое слышалъ отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія; многое, чрезвычайно многое онъ прочиталъ и перечиталъ. И все это продумано, сознательно усвоено, и заняло подобающее мѣсто въ общей картинѣ, начертанной хотя и не художникомъ, но во всякомъ случаѣ отличнымъ знатокомъ своего дѣла.

Болтинъ весьма точно обозначаетъ, что̀ видѣлъ самъ и при какихъ обстоятельствахъ, и что̀ извѣстно ему понаслышкѣ. Пересказъ слышаннаго, будетъ ли то дѣйствительное событіе или только народная молва, представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ съ настроеніемъ общества, расположеннаго вѣрить тому или другому слуху, возникавшему подъ вліяніемъ живыхъ условій дѣйствительности.

Говоря о мѣстности, въ которой искали слѣдовъ древняго

города, прозваннаго русскими Корсунемъ, Болтинъ замѣчаетъ: я самъ былъ на развалинахъ Корсуня, и, несмотря на краткость времени, весьма ясно видѣлъ величину и расположеніе города; различная высота бугровъ можетъ до нѣкоторой степени служить признакомъ различія между зданіями, когда-то здѣсь существовавшими. По мнѣнію Болтина, необходимо было бы произвести раскопки въ этихъ мѣстахъ: археологическіе поиски едва-ли остались бы безплодными [144]).

Будучи въ приволжскомъ краю, и ознакомившись съ тамошнимъ населеніемъ, Болтинъ нашелъ бытъ колонистовъ совершенно инымъ, нежели воображалъ по слуху. Самая малая часть ихъ, — говоритъ онъ — именно геригутеры, которыхъ всего около трехъ-сотъ душъ обоего пола, завели или привели въ лучшее состояніе многія ремесла: пашню, сады и огороды; живутъ въ изобиліи, и вполнѣ довольны своею судьбою. Остальные не имѣютъ понятія ни о земледѣліи, ни о скотоводствѣ; въ отечествѣ своемъ они были бродягами, у насъ они — безполезные тунеядцы, и останутся такими до смерти [145]).

Не оставляя безъ вниманія и повѣрки ни одной бытовой черты, Болтинъ упоминаетъ и о погребальномъ обычаѣ, приписываемомъ русскимъ иностранцами. Два раза въ жизнь мою — говоритъ онъ — пришлось мнѣ видѣть нѣчто подобное на похоронахъ, но не въ русскихъ, а въ нѣмецкихъ семействахъ: тѣло покойника лежитъ на столѣ, а присутствующимъ раздаютъ бѣлыя перчатки и по свѣжему лимону, и подносятъ чай, кофе или пуншъ, и затѣмъ уже начинается обрядъ погребенія [146]).

Бытъ нашихъ крестьянъ описанъ Болтинымъ весьма живыми и яркими красками. Зимою только старики, женщины и дѣти остаются дома для домашнихъ работъ и присмотра за скотиною, а прочіе крестьяне отправляются въ разныя стороны, занимаясь извозомъ. Какіе переносятъ они труды во время своихъ путешествій, — «многократно я былъ самовидцемъ»: стоятъ они на дворахъ въ сутки не болѣе восьми или девяти часовъ, втеченіе которыхъ должны: два раза выпречь и запречь лошадей; два раза

ихъ напоить, и столько же разъ дать имъ сѣна и овса, и т. п., такъ что на сонъ и отдыхъ остается всего три, много четыре часа. Остальные же пятнадцать или шестнадцать часовъ должны они, каждый за возомъ своимъ, идти пѣшими, да еще придерживать возъ, на косогорахъ, раскатахъ и въ выбояхъ, чтобы онъ не упалъ. Къ довершенію бѣдъ они отдаются на жертву вьюгамъ и морозамъ, искалѣчивающимъ ихъ, а нерѣдко отнимающимъ у нихъ и самую жизнь [147]).

Леклеркъ разсказываетъ, что въ Малороссіи есть повѣрье, что душа умершаго странствуетъ по землѣ втеченіе шести недѣль, и по сочувствію къ этой невидимой странницѣ завели такой обычай. Близъ покойника, на окнѣ, ставится чаша, наполненная водою, къ чашѣ приставляютъ лѣсенку, а на верху лѣсенки привязываютъ бѣлую тряпку: лѣсенку—для того, чтобы душѣ легче подняться къ чашѣ, а тряпку—для того,чтобъ было чѣмъ обтереться душѣ, когда она обмоется въ чашѣ. Болтинъ замѣчаетъ на это: что такой суевѣрный обычай ведется въ нѣкоторыхъ мѣстяхъ Малороссіи, *о томъ я слыхалъ*, *но самому видѣть* его *не случилось*, хотя и прожилъ въ Малороссіи безъ малаго десять лѣтъ [148]).

Сказку о разбойникѣ, повинившемся въ душегубствѣ, но не хотѣвшемъ признаться, что ѣлъ мясо по постамъ, Болтинъ *слыхалъ отъ многихъ*, но не беретъ на себя опредѣлить степень ея достовѣрности.

Болтинъ *слыхалъ отъ многихъ стариковъ*, что въ бытность Петра Великаго въ чужихъ краяхъ, пріѣхалъ въ Москву монахъ-грекъ, и сталъ увѣрять, что привезъ съ собою часть Богородицыной сорочки. Онъ былъ представленъ царицѣ, разсказалъ ей вымышленную повѣсть о томъ, откуда, какимъ образомъ и черезъ какія руки дошла до него привезенная имъ драгоцѣнность, и въ заключеніе прибавилъ, что не желая оставлять такое сокровище въ странѣ, обладаемой невѣрными, онъ привезъ ее въ Россію, гдѣ благочестіе находится въ полномъ сіяніи. Чтобы словамъ своимъ придать болѣе убѣдительности, онъ бросилъ мнимую святыню въ огонь, и она осталась неприкосновенною, къ ужасу и

умиленію присутствовавшихъ. Но вскорѣ возвратился въ Россію Петръ Великій; онъ обнаружилъ обманъ, доказавъ, что несгораемая вещь, выдаваемая за что то чудесное и сверхъестественное, есть ничто иное, какъ лоскутокъ полотна, сдѣланнаго изъ аміанта [149])

Съ давней поры народной жизни ведется на Руси вѣра въ предсказанія и въ таинственную силу юродивыхъ. Довѣріе ко всякой нескладицѣ, изрекаемой юродивыми, довольно сильно было и во времена Болтина. У царицы Прасковьи Ѳедоровны — разсказываетъ онъ — жилъ въ домѣ святоша, притворявшійся безумнымъ. Всякій разъ, когда приходила къ нему царевна Анна Ивановна, юродивый говорилъ: донъ, донъ, донъ, царь Иванъ Васильевичъ. Много времени спустя, по вступленіи на престолъ Анны Ивановны, предоставившей полную власть кровожадному Бирону, словамъ юродиваго стали придавать пророческое значеніе, толкуя ихъ такимъ образомъ: когда Анна сдѣлается царицею, то будетъ управлять Россіею такъ же, какъ правилъ ею Иванъ Васильевичъ Грозный! *Слышалъ* я объ этомъ — прибавляетъ Болтинъ — *отъ нѣкоторыхъ старыхъ барынь, кои вѣзжи были къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ.* Сказывали они мнѣ и о другихъ предсказаніяхъ того же самаго юродиваго, которыя, *по ихъ словамъ*, въ точности сбывалися [150]). Все это Болтинъ передаетъ съ оттѣнкомъ ироніи; но замѣчательно то, что онъ не ограничивался насмѣшкою, и понималъ значеніе подобныхъ вещей для характеристики времени, его понятій и вѣрованій.

Давая мѣсто, на страницахъ своего труда, легендамъ, преданіямъ, разсказамъ, повѣрьямъ и т. п., Болтинъ довѣрялъ только *были*, требуя и отъ себя и отъ другихъ, чтобы все признаваемое за *быль* подтверждалось или «самовидѣніемъ» или «ссылкою на достовѣрныхъ людей». Этихъ достовѣрныхъ людей онъ искалъ всюду, во всѣхъ классахъ общества, внимательно прислушиваясь къ ихъ правдивому голосу, къ ихъ разсказамъ о недавней старинѣ, имѣющимъ неоспоримую цѣну для историка. Въ отношеніи къ требованію достовѣрности у него не было выбора

между большимъ и малымъ, важнымъ и незначительнымъ. Чтò бы ни возбуждало повода къ недоумѣнію или сомнѣнію — историческое ли событіе или мелкая подробность обряда, измѣненія въ судьбѣ русскаго общества или смыслъ и употребленіе какого-либо слова и оборота,— писатель нашъ настойчиво допытывался истины, совѣщался съ знатоками дѣла, съ свидѣтелями-очевидцами, и что узнавалъ отъ нихъ, то и сообщалъ своимъ читателямъ.

О числѣ русскихъ войскъ, бывшихъ подъ Нарвою, Болтинъ говорилъ съ однимъ изъ участниковъ въ нарвскомъ сраженіи — *старикомъ, на слова котораго, судя по его разуму и расторопности, можно вполнѣ положиться.* Собесѣдникъ Болтина былъ жестоко раненъ въ началѣ этого сраженія, и потому не могъ сообщить ничего обстоятельнаго о дальнѣйшемъ его ходѣ; но о числѣ войскъ онъ утверждалъ самымъ положительнымъ образомъ, что оно не превышало тридцати тысячъ, и при этомъ называлъ поименно всѣ бывшіе въ дѣлѣ полки, и точно припоминалъ, гдѣ каждый изъ нихъ стоялъ [151])

Встрѣтивши у Леклерка извѣстіе, что въ Греціи священники, совершая таинство крещенія, моютъ руками крещаемаго, Болтинъ *нарочно спрашивалъ объ этомъ многихъ грековъ, духовныхъ и мирянъ, уроженцевъ различныхъ краевъ Греціи.* Всѣ единодушно увѣряли его по совѣсти, что подобнаго обычая никто изъ нихъ въ Греціи ни видывалъ и ни слыхивалъ [152]).

Тотъ же Леклеркъ говоритъ, что много русскихъ словъ есть въ языкахъ: индійскомъ, персидскомъ, тевтонскомъ, *китайскомъ* и другихъ. Болтинъ замѣчаетъ на это: дѣйствительно, нѣсколько славянскихъ словъ находится въ языкахъ персидскомъ и нѣмецкомъ; но чтобы въ *китайскомъ* были *славянскія* слова, никогда я не слыхивалъ, хотя *со многими знающими китайскій языкъ говаривалъ неоднократно* [153]).

Страшная картина бироновщины изображена Болтинымъ отчасти по разсказу живыхъ свидѣтелей, мучениковъ за правое дѣло. Лица, у которыхъ достало мужества не присягать Бирону,

схвачены были въ тайную канцелярію, гдѣ подверглись ужаснымъ мученіямъ, и осуждены на смертную казнь. Но сверхъ ожиданія, Биронъ былъ низверженъ, и въ тотъ же день они освобождены, прикрыты знаменами, награждены деревнями и деньгами; но выстраданное ими нельзя вознаградить всѣми сокровищами свѣта. Въ числѣ этихъ жертвъ — добавляетъ Болтинъ — былъ одинъ близкій свойственникъ жены моей, отъ котораго *слышалъ я* о сказанномъ произшествіи и *о жестокихъ мукахъ, ими претерпѣнныхъ* [154]).

То, что̀ видѣлъ и слышалъ Болтинъ, соединяется въ его повѣствованіи съ тѣмъ, что̀ онъ читалъ, что̀ почерпнуто имъ изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. Весьма замѣчательно и количество, и качество прочитаннаго Болтинымъ. Безчисленныя ссылки и цитаты въ его сочиненіяхъ показываютъ, съ какимъ вниманіемъ вникалъ онъ въ каждую мысль, отмѣчалъ каждую черту въ каждой изъ книгъ, которыя были имъ прочитаны. Многія произведенія самаго серьезнаго и многосторонняго содержанія, къ которымъ обыкновенно обращаются только за справками, прочитаны Болтинымъ самымъ отчетливымъ образомъ, отъ доски до доски, и чтеніе сопровождалось рядомъ выписокъ, въ которыхъ живо высказываются впечатлѣнія мыслящаго читателя. Болтинъ не считалъ себя присяжнымъ литераторомъ, вовсе не думалъ объ авторствѣ, писалъ и выписывалъ единственно для себя, и если что-либо изъ написаннаго имъ и появлялось въ печати, то большею частью по причинамъ болѣе или менѣе случайнымъ, причемъ онъ выбиралъ изъ своихъ рукописныхъ замѣтокъ такія, которыя ближе всего подходили къ содержанію и цѣли издаваемой книги. Это изобиліе выписокъ, иногда весьма пространныхъ, дорого для историка литературы потому, что наглядно говоритъ о писателѣ и его вѣкѣ, о тогдашнемъ состояніи нашей образованности.

Одного перечня авторовъ и сочиненій, упоминаемыхъ Болтинымъ, достаточно для того, чтобы видѣть, какъ обширенъ былъ кругъ начитанности нашего писателя, хотя бы свѣдѣнія свои онъ и не всегда черпалъ изъ первыхъ источниковъ, ограничиваясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ только пособіями. Въ трудахъ его находится множество ссылокъ на произведенія и цитатъ изъ произведеній: Тацита, Тита Ливія, Цезаря, Геродота, Полибія, Платона, Демосѳена, Эврипида, Теокрита, Горація, Овидія; — Тертуліана; — Кедрина, Зонары; — Адама Бременскаго, Гельмольда, Кадлубка; — Дюканжа, — Бэля, Монтескье, Вольтера, Руссо, Рейналя, и многихъ другихъ писателей разныхъ вѣковъ и народовъ. Въ числѣ этихъ писателей встрѣчаются слѣдующіе:

Beaumanoir, жившій въ средніе вѣка (умеръ 1296), сочиненіемъ котораго такъ восхищался Монтескье; оно называется: Livres des coustumes et usages de Beauvoisins.

Nicolas de Clemangis (ум. послѣ 1434), одинъ изъ ученѣйшихъ литераторовъ своего времени, и одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ обличителей злоупотребленій католическаго духовенства.

Jean *Bouchet* (1476 — 1550) — литературная знаменитость Франціи шестнадцатаго столѣтія; главный трудъ Буше: Annales d'Aquitaine; faits et gestes en semaine des rois de France et d'Angleterre, pays de Naples et Milan.

Jean *Bodin* (1530 — 1596), называемый отцомъ политической науки во Франціи; въ числѣ его сочиненій: Methodus ad facilem historiarum cognitionem.

Etienne *Pasquier* (1529—1615) — французскій историкъ, сочиненіемъ своимъ: Recherches de la France, проливиій много свѣта на древнѣйшую исторію Франціи.

René *Chopin* (1537—1606) — одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ юристовъ, бывшій сперва противникомъ папства, а потомъ его защитникомъ; въ числѣ его сочиненій: De legibus Andium municipalibus.

Roberto *Bellarmino* (1542—1621) — итальянскій богословъ, авторъ сочиненія: De romano pontifico и многихъ другихъ.

François *de la Mothe le Vayer* (1588—1672) - французскій литераторъ; въ свое время большою извѣстностью пользовались его «письма», состоящія изъ ряда разсужденій о различныхъ предметахъ, какъ напримѣръ: о мирѣ, о воспитаніи дѣтей; о поэзіи и поэтахъ; объ изученіи математики; о томъ, что есть бѣдность, которую слѣдуетъ предпочитать богатству, и т. п.

Marc-Antoine Gerard sieur de *Saint-Amant* (1594—1661)—французскій стихотворецъ, авторъ поэмы: Moïse sauvé, и др.

Hermann *Conring* (1606—1681)—публицистъ и полигисторъ нѣмецкій, написавшій на своемъ вѣку около двухъ-сотъ сочиненій.

Antoine *Varilas* (1624—1696) — французскій историкъ; авторъ сочиненія: Charles XI, и др.

Eusèbe-Jacob *de Laurière* (1659—1728) – извѣстный французскій писатель, въ области юридической литературы. Въ числѣ трудовъ его: Ordonnances des rois de France, и мн. др.

Ioachim *Potgieser* (1679—1745) — авторъ сочиненія: De conditione et statu servorum apud Germanos, tam veteri, quam novo, и др.

Martin *Bouquet* (1685—1754)—авторъ сочиненія: Recueil des historiens des Gaules et de la France, и др.

Jean Baptiste de la Curne de *Sainte-Palaye* (1697—1781)—авторъ сочиненія: Mémoires sur l'ancienne chevalerie, considérée comme un établissement politique et militaire, и др.

Paul Henri *Mallet* (1730—1807), швейцарскій уроженецъ, родившійся и умершій въ Женевѣ; занимался скандинавскою литературою; перевелъ Эдду на французскій языкъ, и т. д., и т. д.

Особенно часто обращался Болтинъ къ французскимъ писателямъ восемнадцатаго столѣтія, произведенія которыхъ представляли для европейскаго общества того времени самый живой интересъ; сочувствіе къ нимъ было тогда въ воздухѣ. Первое

мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ энциклопедисты, съ Вольтеромъ во главѣ, и предшественникъ ихъ Бэль (Pierre Bayle, 1647—1706).

Гоненіе на свободу слова и совѣсти заставило Бэля покинуть Францію и переселиться въ Голландію, гдѣ онъ продолжалъ дѣйствовать и какъ писатель и какъ профессоръ, занимая втеченіе нѣкотораго времени каѳедру философіи и исторіи. Неутомимый труженикъ, многосторонній ученый и замѣчательный мыслитель, Бэль всю жизнь свою посвятилъ научнымъ изысканіямъ; труды его имѣютъ двоякое значеніе для исторіи литературы: они служатъ памятникомъ и обширной учености автора и его просвѣтительной дѣятельности, усвоившей за нимъ названіе предтечи энциклопедистовъ [155]).

Громкую извѣстность въ литературномъ мірѣ Бэль пріобрѣлъ сочиненіемъ своимъ о кометахъ — Pensées diverses sur les comètes. Цѣль этой книги состояла въ томъ, чтобы уничтожить предразсудки, разсѣять ложный страхъ, вселяемый кометами, отъ которыхъ ожидали всевозможныхъ бѣдствій. Сочувствіе къ Бэлю его многочисленныхъ читателей росло съ каждымъ новымъ произведеніемъ его пера. Большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ имѣло предпринятое имъ повременное изданіе: Nouvelles de la république des lettres. Здѣсь во всемъ блескѣ раскрылся его критическій талантъ и умѣнье представить въ живыхъ и вѣрныхъ чертахъ суть разбираемаго произведенія.

Бэль, протестантъ по религіи, былъ свидѣтелемъ вражды и преслѣдованій, которымъ подвергались его единовѣрцы: онъ самъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи; его отецъ и братья пали жертвами католическаго фанатизма. Горе, выстраданное имъ и близкими къ нему людьми, излилось въ литературномъ его трудѣ, въ которомъ онъ громитъ католичество, видя въ немъ не только искаженіе, но и полнѣйшее отрицаніе христіанства. Предлагая философскій коментарій на нѣкоторыя выраженія св. писанія, Бэль вооружается противъ папистовъ, какъ противъ враговъ Христа, и призываетъ протестантовъ соединиться съ невѣрными,

чтобы образумить папство, позорящее христіанскій міръ и весь родъ человѣческій.

Истинную славу Бэля, какъ писателя, составляетъ его знаменитый словарь — Dictionnaire historique et critique. Трудъ этотъ обнаруживаетъ изумительную начитанность автора и силу мысли, проникающей и оживляющей безчисленное множество матеріаловъ, накопленныхъ съ необычайнымъ терпѣніемъ, и прошедшихъ черезъ горнило научной критики. Скептическій умъ автора находилъ обильную пищу въ разработкѣ этихъ матеріаловъ, добытыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, и требовавшихъ самаго строгаго изслѣдованія, сличеній и провѣрки.

Для мыслящихъ людей вообще, а слѣдовательно и для Болтина, бывшаго притомъ усерднѣйшимъ читателемъ и почитателемъ Бэля, неоспоримое значеніе имѣли тѣ данныя, которыя находятся въ словарѣ Бэля по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ умственной жизни — по вопросу объ отношеніи вѣры и знанія, откровенія и разума. Словарь Бэля былъ запрещенъ во Франціи главнымъ образомъ за статьи, относящіяся къ области религіозныхъ вѣрованій, какъ напримѣръ: о пророкѣ Давидѣ; о манихеяхъ; о вольнодумцахъ, отрицавшихъ божественный промыслъ и бытіе Бога, и т. д. Бэль проводитъ рѣзкую грань между вѣрою и знаніемъ, указывая на многознаменательныя слова великаго двигателя христіанства (2 Кор. V, 7): мы ходимъ вѣрою, а невидѣніемъ — nous cheminons par foi et non point par vue. Я не позволю себѣ — гововитъ Бэль — высказывать лично отъ себя что-либо противное догматамъ реформатской религіи, въ которой я родился и которую исповѣдую. Но обязанный, въ качествѣ историка, сообщать вещи, для которыхъ нѣтъ естественныхъ доказательствъ, могущихъ убѣдить невѣрующихъ, я стараюсь въ такихъ случаяхъ сводить все къ тому принципу реформатской церкви, что нашъ слабый разумъ не можетъ быть руководителемъ и мѣриломъ нашей вѣры. Собственный образъ мыслей автора сквозитъ въ замѣткахъ и оговоркахъ, въ родѣ слѣдующей. Паскаль въ сущности развиваетъ мысль одного изъ отцовъ церк-

ви, говоря: люди, вѣрующіе въ Бога, могутъ получить вѣчное блаженство, если вѣра ихъ имѣетъ основаніе, а если они и обманываются, то все-таки ничего не теряютъ; люди же невѣрующіе, если они правы въ своемъ невѣріи, ничего этимъ не выигрываютъ, а если же они неправы, отрицая Божество, то ихъ ожидаетъ вѣчное несчастіе, и т. п.

Защищая свободу изслѣдованія, Бэль не скрываетъ и темныхъ сторонъ въ дѣятельности непризванныхъ поборниковъ этой свободы. Но никакія злоупотребленія не даютъ права бросать тѣнь на тò, чтò въ существѣ своемъ истинно и справедливо. Такова — говоритъ онъ — печальная судьба человѣка: просвѣщеніе, избавляя отъ одного зла, ввергаетъ въ другое. Прогоняя невѣжество, вы разрушаете суевѣріе, выгодное только для вожаковъ, утопающихъ въ лѣни и сластолюбіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ вы вселяете желаніе *все* изслѣдовать, *все* уразумѣть, и мелкіе умы, взявъ на себя такую непосильную для нихъ работу, до того перемудрятъ, что уже ни въ чемъ не могутъ найти удовлетворенія своей жалкой и убогой мысли. Но все-таки не слѣдуетъ заподозрѣвать знанія; лучше, поучительнѣе утверждать съ Плутархомъ, чтò знаніе есть средство, врачующее отъ суевѣрія, и съ Оригеномъ, — что безъ знанія нельзя быть истинно благочестивымъ [156]).

Въ словарѣ Бэля разсѣяно весьма много замѣчаній и по вопросамъ политическимъ. Легко доказать, — говоритъ Бэль — что никогда Франція не была въ такомъ бѣдственномъ и отчаянномъ положеніи, какъ въ тѣ времена, когда вся власть находилась въ рукахъ парламента, имѣвшаго право отвергать требованія и повелѣнія главы государства. О правахъ народа на политическую свободу Бэль выражается такимъ образомъ: надо имѣть особый складъ ума, чтобы не злоупотреблять свободой, но не всѣ народы обладаютъ подобнымъ складомъ. Ничего нѣтъ ужаснѣе бунтующихъ массъ. Толпа мятежниковъ опаснѣе стада бѣшеныхъ быковъ и точно такъ же, какъ и оно, неспособна внимать голосу разума. Бэль приводитъ замѣчаніе Тита-Ливія о томъ, что народъ

не знаетъ разумной свободы: чернь или пресмыкается вь рабствѣ, или захвативъ власть, высокомѣрно угнетаетъ подвластныхъ, и т. д.[157]).

Словарь Бэля послужилъ для Болтина однимъ изъ важнѣйшихъ пособій въ полемикѣ съ иностраннымъ историкомъ Россіи. Дѣлая заимствованія, Болтинъ указываетъ ихъ, говоря: все это выписалъ я изъ Белева словаря и т. п., и точно ѳбозначая соотвѣтствующія мѣста, какъ напримѣръ: словарь Белевъ, въ словѣ Cesar, въ примѣчаніи подъ буквою A; Бель, въ словѣ Hospital, въ примѣчаніи подъ буквою K; обстоятельно объ этомъ пишетъ Бэль, въ словахъ: Banck (Laurent), въ примѣчаніяхъ подъ буквою B, Pinet подъ буквою B, и Tuppius подъ буквою A, и т. д. Но нерѣдки случаи, что Болтинъ пользуется словаремъ Бэля, не называя своего источника[158]):

Болтинъ.	Бэль.
Пронесся было слухъ, что хочетъ онъ (папа Адріанъ VI) запретить строго содомство, и произвелъ въ городѣ и при дворѣ великое безпокойство; но вскорѣ послѣдовала смерть его, которой молодые люди такъ обрадовалися, что ворота врача его цвѣтами увѣнчали, и крупными буквами на нихъ подписали: *избавителю отечества*.... Онъ старался всячески о исправленіи нравовъ и поведенія духовенства; но столько нашелъ затрудненій въ намѣреніи своемъ, что принужденъ былъ оставить вещи такъ, какъ они были, боялся подвергнуть себя опасности.	Le bruit courrait qu'il allait publier de terribles bulles contre les judaïsans, contre les moqueurs des choses saintes, contre les simoniaques, contre les usuriers et contre les sodomites. Ce dernier point jetta l'alarme à la cour et à la ville, et il y eut de jeunes gens, qui après sa mort mirent des festons sur la ports de son médecin avec cette inscription en grosses lettres: *au liberateur de la patrie*... Il n'oubliait rien pour les obliger à rompre ce mauvais commerce. Mais il trouva tant d'obstacles à cause que quelques uns des plus agés et des plus puissans s'opposaient

Усердіе его къ сему едва не лишило его жизни: будучи за то отравленъ ядомъ, съ трудомъ могъ излѣченъ быти помощію благовременною его врача.

à son dessein, qu'il y renonça. Peu s'en falut que son zèle ne lui coutât la vie; il serait mort empoisonné si son médecin n'eût trouvé un bon remède contre l'arsenic.

Наказъ Адріана VI нюренбергскому нунцію, на латинскомъ языкѣ, выписанъ Болтинымъ изъ Бэля; пропущена только ссылка, которая у Бэля есть. Заключительная ссылка у Болтина — таже, что у Бэля: Gerardus Moringus in vita Hadriani VI.

Киръ, прося помощи противу брата своего Артаксеркса, между прочими качествами, коими онъ хотѣлъ себя показать достойнѣйшимъ престола, нежели братъ его, включаетъ и то, что онъ больше пьетъ, и лучше вино сноситъ, нежели онъ: οἶνον δὲ πλείονα πίνειν καὶ φέρειν. Plutarchus in Artaxerxe. Дарій, въ эпитафіи своей, хвалится быть великимъ питухомъ: Ἠδυνάμην καὶ οἶνον πίνειν πολὺν, καὶ τοῦτον φέρειν καλῶς. Athen. lib. X. cap. IX [159]).

J'ai plus de coeur que lui, je suis meilleur philosophe, j'entens mieux la magie, je bois mieux que lui, et je porte mieux le vin que lui: οἶνον δὲ πλείονα πίνειν καὶ φέρειν—vinum potare et ferre largius. Plutarchus in Artaxerxe. Darius dans son épitaphe se vante d'avoir été un grand buveur (у Бэля таже цитата и ссылка).

Историческія свѣдѣнія о томъ, какъ смотрѣли въ древнія времена на второй бракъ и на честное вдовство, выписаны Болтинымъ, хотя и съ большими пропусками, изъ словаря Бэля, изъ статьи: Lucrece de Gonsague, съ тѣми же ссылками и цитатами изъ Плутарха, Тацита, и т. д.[160]).

Для того, чтобы съ возможною точностью опредѣлить кругъ начитанности Болтина и его непосредственнаго знакомства съ

литературными памятниками различныхъ эпохъ и народовъ, надо имѣть въ виду, что многія цитаты изъ древнихъ писателей, греческихъ и римскихъ, приведены Болтинымъ изъ словаря Бэля. Тоже можно сказать и въ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ изъ упоминаемыхъ Болтинымъ писателей, сочиненія которыхъ весьма мало извѣстны были въ образованномъ обществѣ восемнадцатаго столѣтія. Въ доказательство древности обычая нанимать плакальщицъ по умершимъ Болтинъ приводитъ тѣже строки изъ Горація (de arte poetica), что и Бэль въ статьѣ: Juste Lipse (Lipsius)[161]). Слова Теокрита объ ораторѣ, изливающемъ потоки словъ, а не мыслей, приведенныя Болтинымъ, находятся и въ словарѣ Бэля, въ статьѣ объ Андрелинѣ, профессорѣ піитики въ парижскомъ университетѣ, въ шестнадцатомъ столѣтіи[162]). Мѣста изъ сочиненій: писателя того же столѣтія Муціуса; средневѣковаго лѣтописца Ламберта ашафенбургскаго (ум. 1077); итальянскаго поэта Аммоніо (1477—1517), увѣдомлявшаго своего друга, Эразма, что дрова вздорожали оттого, что каждый день сожигаютъ еретиковъ, и т. д. — заимствованы Болтинымъ изъ словаря Бэля[163]).

Темныя стороны католичества, поддерживаемыя и развиваемыя папами, изображены Болтинымъ преимуществнно на основаніи Бэля, собравшаго всевозможныя свидѣтельства о властолюбіи, своекорыстіи и безнравственности римскаго духовенства, державшаго народъ въ невѣжествѣ и суевѣріи. Папа разрѣшилъ графу Глейхену имѣть двѣ жены. Нѣкоторые духовники осматривали и ощупывали у своихъ исповѣдниковъ и исповѣдницъ тѣ части тѣла, которыя были орудіями грѣха. Одинъ проповѣдникъ заставлялъ женщинъ раздѣваться донага, и сѣкалъ ихъ по голымъ ляшкамъ для очищенія грѣховъ. Іезуиты морочили народъ книжками, въ которыхъ расписывали блаженства будущей жизни. Въ этихъ книжкахъ говорилось, что праведники будутъ на томъ свѣтѣ плавать какъ рыбы и пѣть какъ соловьи; что безплотные духи будутъ одѣты поженски, съ подвитыми волосами, въ юбкахъ и фижмахъ, и т. п.[164]). Всѣ эти вещи взяты Болтинымъ у

Бэля, который въ свою очередь заимствовалъ ихъ изъ различныхъ книгъ и брошюръ, преимущественно изъ тѣхъ, которыя появлялись во времена ожесточенной борьбы католичества съ протестантствомъ.

Болтинъ обращается къ богатому содержанію словаря Бэля и при описаніи нравовъ и при оцѣнкѣ явленій общественной и политической жизни.

Повсюду, — говоритъ Болтинъ — гдѣ женщины находятся въ жестокомъ порабощеніи, они посягаютъ на жизнь своихъ мужей: во Франціи, какъ свидѣтельствуетъ Бэль, подобныя убійства бывали довольно часто, слѣдовательно не подлежитъ сомнѣнію, что во Франціи мужья обращались невыносимо дурно съ своими женами. Въ доказательство того, что во Франціи не только мужчины, но и женщины предавались пьянству, Болтинъ ссылается на Бэля, который говоритъ въ своемъ словарѣ, что въ доброе старое время женщины вмѣсто всякихъ напитковъ пили одну только воду, хотя и не было никакихъ законовъ, запрещавшихъ имъ употребленіе вина, а теперь француженки съ жадностью бросаются на всякія вина и ликеры[165]).

Приведя замѣчанія Бэля о необходимости и взаимномъ отношеніи двухъ властей: духовной и свѣтской, изъ которыхъ первая служитъ для второй уздою, а вторая для первой — шпорою, Болтинъ прибавляетъ, что именно въ такомъ отношеніи эти двѣ власти находились въ старину и у насъ. Оправдывая мнѣніе тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые полагали, что власть *одного* во всякомъ случаѣ лучше и полезнѣе для общества, нежели власть *многихъ*, Болтинъ ссылается на отзывъ Бэля о вредѣ, нанесенномъ Франціи парламентомъ. Слова Тита-Ливія о крайностяхъ, въ которыя впадаетъ народъ-правитель, приводимыя Бэлемъ, повторяетъ и Болтинъ[166]).

Словарь Бэля, по всей вѣроятности, былъ настольною книгою Болтина, который до того сдружился съ своимъ любимымъ писателемъ, что слова и мысли его приводилъ какъ бы невольно: они припоминались ему при каждомъ малѣйшемъ поводѣ, вслѣд-

ствіе того сильнаго впечатлѣнія, которое производили они на его ясный и воспріимчивый умъ. Болтинъ выписывалъ изъ словаря Бэля не только фактическія свѣдѣнія, не только философскіе выводы и воззрѣнія, но и множество отдѣльныхъ мыслей, летучихъ замѣтокъ, счастливыхъ выраженій, и т. п. Идетъ ли рѣчь объ истинномъ значеніи воинскихъ доблестей и побѣдъ, которыя такъ высоко цѣнятся и современниками и потомствомъ; указывается ли на призваніе писателя и на печальныя уклоненія отъ его благородныхъ обязанностей, и т. п. — все сказанное подтверждается и какъ бы скрѣпляется умнымъ и правдивымъ свидѣтельствомъ Бэля.

О бо́льшей части сраженій — говоритъ Болтинъ — ходятъ разнорѣчивые слухи: каждая сторона приписываетъ себѣ побѣду. Лучшее средство рѣшить споръ объ этомъ — опредѣлить *послѣдствія* побѣды. Кто увѣренъ, что онъ одержалъ побѣду, тотъ долженъ указать плоды ея: тогда всѣ убѣдятся, что увѣренность его вполнѣ основательна, тогда всѣ признаютъ его побѣдителемъ. Слова свои Болтинъ сопровождаетъ цитатою изъ Бэля, въ которой говорится, что въ воинскихъ подвигахъ истинная слава неразлучна съ пользою.

Оскорбленный выходками краснобая, выдающаго себя за историка, Болтинъ примѣняетъ къ нему жолчное замѣчаніе Бэля: обманывайте смѣлѣе, печатайте вещи самыя дикія, и найдутся люди, которые станутъ списывать ваши сказки; хотя васъ обличатъ и опозорятъ впослѣдствіи, но обстоятельства могутъ сложиться и такимъ образомъ, что инымъ будетъ на руку снова пустить васъ въ ходъ.

Но не такъ обращаются съ печатнымъ словомъ писатели, понимающіе истинное значеніе литературы. Свой образъ мыслей въ этомъ отношеніи Болтинъ выражаетъ словами Бэля, утверждающаго, что писатели, достойные своего имени, не признаютъ другой власти, кромѣ правды и разума, и подъ ихъ защитою ведутъ войну со всякимъ уклоненіемъ отъ разума и правды, со всѣмъ ложнымъ и нечистымъ [167]).

Другимъ любимымъ писателемъ Болтина, изъ европейскихъ знаменитостей, былъ кумиръ своего вѣка Вольтеръ. Ссылаясь на Вольтера, Болтинъ иногда, не называя его, говорилъ только: *писатель знаменитый нашего вѣка*, и не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь разумѣлся никто другой, какъ Вольтеръ. Всего чаще обращался Болтинъ къ сочиненію Вольтера: Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, заключающему въ себѣ обзоръ главнѣйшихъ событій отъ временъ Карла Великаго до Людовика XIII. Цѣль этого блестящаго опыта состояла въ томъ, чтобы вмѣсто утомительныхъ, quasi-историческихъ подробностей и скучныхъ разсказовъ о ничтожныхъ произшествіяхъ и лицахъ, представить то̀ и только то̀, что̀ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія и изученія — духъ, нравы и обычаи народовъ, имѣющихъ особенное значеніе для исторіи человѣчества. Духовныя особенности народовъ слагаются, по мнѣнію Вольтера, подъ вліяніемъ трехъ силъ: климата, политическаго устройства и религіи, и благодаря дѣйствію этихъ силъ Европа не погибла въ тяжкія времена, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ среднихъ вѣковъ. Съ окончаніемъ ихъ тьма все-таки не разсѣялась: она тяготѣла еще долго и долго надъ европейскимъ обществомъ, пока не засіялъ надъ нимъ свѣтъ разума. Куда ни обращался взоръ въ эту темную годину, всюду открывалась подавляющая смѣсь жестокости и суевѣрія, нищеты и разбойничества. Представьте себѣ — говоритъ Вольтеръ — пустыню, въ которой волки, тигры и лисицы преслѣдуютъ и губятъ беззащитныхъ и робкихъ животныхъ, и передъ вами — вѣрная картина Европы втеченіе многихъ вѣковъ. Самую мрачную сторону этой картины составляютъ папы съ ихъ отвратительнымъ образомъ дѣйствій. Убійцы и отравители, развратники и торгаши, продающіе отпущеніе грѣховъ, они были позоромъ, ужасомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ божествомъ католической Европы[168]).

Но несмотря на всѣ пороки и преступленія духовныхъ вождей католичества, ихъ совокупныя, многовѣковыя усилія не въ состояніи были поколебать священную основу христіанства.

Подобно тому, какъ въ новеллѣ Бокачіо, невѣрный, увидѣвши всѣ мерзости и безобразія папской столицы, призналъ христіанскую вѣру истинною именно вслѣдствіе того, что даже католическое духовенство не могло истребить ее съ лица земли,—такъ и Вольтеръ говоритъ о христіанствѣ: оно божественно потому, что семнадцать столѣтій надувательства и тупоумія не могли его разрушить, и мы тѣмъ глубже чтимъ истину, чѣмъ сильнѣе презираемъ обманъ. Истина, проявляясь въ жизни, становится нравственною силою, добродѣтелью (vertu). Преклоняясь передъ нею, Вольтеръ восклицаетъ: все измѣняется на землѣ, одна добродѣтель остается вѣчною и неизмѣнною; она подобна свѣту солнца, непреходящему, чистому и невозмутимому, когда все вокругъ волнуется и исчезаетъ; стоитъ только открыть глаза, чтобы благословить ея Создателя. Выдвигая на первый планъ нравственное достоинство, Вольтеръ видитъ въ немъ примиряющее начало, залогъ терпимости, которая составляетъ одно изъ существенныхъ свойствъ христіанства. Во имя ея Вольтеръ не допускаетъ обвиненія въ нечестіи тѣхъ мыслителей, которые сомнѣвались въ подлинности нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія, и отвергали иное изъ того, что̀ скрѣплено авторитетомъ церкви. Говоря о Моисеѣ, исключительно какъ о народномъ вождѣ, и упомянувъ о сомнѣніяхъ касательно пятикнижія, высказанныхъ знаменитымъ Ньютономъ, вѣровавшимъ въ божественность книгъ св. писанія, Вольтеръ заключаетъ свой бѣглый очеркъ такимъ образомъ: Сохрани насъ Богъ отъ малѣйшаго желанія уподобиться тѣмъ лицемѣрамъ, которые хватаются за всякій поводъ къ обвиненію великихъ мужей въ безбожіи, какъ прежде обвиняли ихъ въ чернокнижіи; мы полагаемъ, что поступокъ нашъ былъ бы не только безчестенъ, но и крайне оскорбителенъ для христіанства, если бы мы стали увѣрять, что ученѣйшіе, геніальные и добродѣтельные люди не были истинными христіанами. Въ одной изъ главъ своего сочиненія Вольтеръ указываетъ тѣ мѣста св. писанія, въ которыхъ замѣтна снисходительная уступка народнымъ понятіямъ и вѣрованіямъ — des prejugés populaires auxquels les ecrivains

sacrés ont daigné se conformer par condescendance. Основная мысль выражена въ словахъ, которыми начинается глава: les livres saints sont faits pour enseigner la morale et non la physique [169]).

Проповѣдуя терпимость въ дѣлахъ религіи, Вольтеръ и самъ обнаруживалъ порою большую терпимость, но только въ иной сферѣ и не всегда въ такой степени, какъ слѣдовало бы ожидать отъ человѣка, обрекшаго себя на борьбу за просвѣтительныя идеи. Рѣзкій и неумолимый обличитель въ вопросахъ, касающихся религіи, Вольтеръ является весьма сдержаннымъ во взглядахъ своихъ на явленія общественной и политической жизни; въ отзывахъ его проглядываетъ довольно спокойная готовность мириться съ существующими фактами, для которыхъ представляются объясненія вовсе неудовлетворительныя. Такъ напримѣръ, хотя онъ и не сочувствовалъ рабству, называя освобожденіе отъ него дѣломъ хорошимъ и добрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы оправдывалъ торговлю людьми-невольниками. Насъ осуждаютъ — говоритъ онъ — за торговлю рабами, но мы покупаемъ ихъ только у негровъ, и притомъ въ подобнаго рода сдѣлкахъ продавцы гораздо болѣе виновны, нежели покупатели, за которыми остается по крайней мѣрѣ нравственное превосходство: кто отдаетъ себя въ рабство, тотъ — рабъ по природѣ своей, съ минуты рожденія. Даже самые рьяные поклонники автора не могли переварить этого парадокса, какъ видно изъ опровергающаго его примѣчанія, въ которомъ между прочимъ сказано, что слова Вольтера надо понимать въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ, напримѣръ, что скупецъ заслуживаетъ того, чтобы его обкрадывали.

Касательно формъ правленія Вольтеръ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Если повѣрить на слово инымъ краснобаямъ, которые все перетолковываютъ на свой образецъ, то пришлось бы согласиться, что республики, по существу своему, и добродѣтельнѣе и счастливѣе монархій. Но дѣйствительность показываетъ намъ совершенно другое: не говоря уже о продолжитель-

ныхъ и ожесточенныхъ войнахъ генуэзцовъ съ венеціанцами изъ-за торговли съ магометанами, сколько потрясеній испытали Венеція, Генуя, Флоренція, Пиза; сколько разъ Генуя, Пиза и Флоренція мѣняли своихъ властителей, и если Венеція никогда не имѣла ихъ, то единственно благодаря своимъ глубокимъ болотамъ, которыхъ называютъ лагунами, и т. д.[170]).

Въ восемнадцатомъ столѣтіи имя Вольтера пользовалось у насъ громкою извѣстностью не только въ кругу людей, имѣвшихъ возможность побывать заграницею и воспитанныхъ на французскій ладъ, но и въ различныхъ слояхъ русскаго общества. Читателей Вольтера можно было встрѣтить и въ царскомъ дворцѣ, и въ палатахъ вельможъ, и въ бѣдныхъ жилищахъ низшаго духовенства. Въ то время, когда императрицѣ приходилось оправдываться въ перепискѣ съ отъявленнымъ безбожникомъ, ѣдкимъ упрекамъ если не за переписку съ Вольтеромъ, то за чтеніе его сочиненій подвергся священникъ, оказавшійся, по мнѣнію обличителя, большимъ вольтеріанцемъ[171]). Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ Болтинъ заплатилъ неизбѣжную для русскаго писателя того времени дань уваженія фернейскому философу, но вопреки господствующей модѣ не сдѣлался его безусловнымъ поклонникомъ, и умѣлъ сохранить самостоятельность мысли. Болтинъ отдавалъ должную справедливость блестящему таланту Вольтера и жизненному содержанію его произведеній. Прошедшее, незапамятная даль временъ, проходитъ въ живыхъ образахъ передъ глазами читателей, знакомящихся съ исторіею по мастерскому очерку Вольтера. Хотя нѣкоторыя идеи и воззрѣнія, относящіяся къ области религіи, не могли быть общими у Болтина и у Вольтера; но рознь между ними умѣрялась тѣмъ, что Вольтеръ высоко цѣнилъ нравственное начало въ христіанствѣ, и о библейскихъ книгахъ говорилъ совершенно инымъ языкомъ, нежели о произведеніяхъ исключительно католическихъ. Не безъ значенія для Болтина могло быть и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ между католичествомъ и православіемъ Вольтеръ становился на

сторону послѣдняго. Онъ признаетъ, что filioque есть позднѣйшая прибавка, и что патріархъ Фотій былъ однимъ изъ великихъ и просвѣщенныхъ іерарховъ христіанской церкви вообще, и т. п. Взглядъ Вольтера на свободу и независимость научныхъ изслѣдованій не заключалъ въ себѣ ничего враждебнаго христіанству по понятіямъ Болтина, хорошо знакомаго съ трудами Ломоносова, который такъ горячо защищалъ права разума, и доказывалъ тѣсную, живую связь между знаніемъ и вѣрою. Отношеніе религіи къ наукѣ, выраженное Вольтеромъ словами: «книги св. писанія даны намъ для того, чтобы учиться по нимъ нравственности, а не физикѣ», почти такимъ же образомъ опредѣлено Ломоносовымъ, находившимъ, что такъ же неразумно измѣрять волю Божію циркулемъ, какъ и учиться химіи по псалтыри: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю; первая — видимый сей міръ, вторая — священное писаніе. Нездраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтырю научиться можно астрономіи или химіи[172]).

Изъ сочиненій Вольтера и преимущественно изъ его Essai sur les moeurs Болтинъ заимствовалъ нѣкоторыя черты, рисующія бытъ и нравы европейскихъ народовъ. Данныя, находимыя у сѣверныхъ писателей, о бытѣ нашихъ предковъ Болтинъ сопоставляетъ съ свидѣтельствомъ Вольтера, что въ Европѣ четырнадцатаго столѣтія мало было хорошихъ городовъ въ родѣ Венеціи, Генуи, Болоніи, Флоренціи, составлявшихъ блестящее исключеніе: во всѣхъ почти городахъ Франціи, Англіи, Германіи дома были покрыты соломою, и т. д. Болтинъ вполнѣ согласенъ съ Вольтеромъ, что гражданская свобода есть лучшій залогъ политической силы и независимости: Испанія, такъ счастливо отражавшая нападенія римлянъ, не въ состояніи была бороться съ варварами, и такъ скоро подпала ихъ власти; разгадка этого явленія заключается въ томъ, что съ римлянами боролись свободные граждане, а съ варварами — рабы [173]).

Для чего Ишпанія, столь сильно защищавшаяся отъ римлянъ, безъ сопротивленія предалася впадшимъ въ нее варварамъ? Когда римляне на нее нападали, тогда составлена она была изъ сыновъ отечества, а когда нападали на нее Свевы, Аланы и Вандалы, тогда состояла она изъ рабовъ, сущихъ подъ игомъ изнѣженныхъ господъ.

Peurquoi l'Espagne qui s'était si bien défendue contre les Romains, céda-t-elle tout d'un coup aux barbares? C'est qu'elle était composée de patriotes lorsque les Romains l'attaquèrent, mais sous le joug des Romains elle ne fut composée que d'esclaves, maltraités par des maîtres amollis; elle fut donc tout d'un coup la proie des Suèves, des Alains, des Vandales.

Болтинъ приводитъ въ подлинникѣ то мѣсто, въ которомъ Вольтеръ сравниваетъ европейскіе народы съ волками, тиграми и лисицами. Говоря о движеніи народонаселенія въ Россіи, Болтинъ ссылается на слова Вольтера: родъ человѣческій не размножается съ такою быстротою, какъ думаютъ; по наблюденіямъ статистиковъ (les calculateurs de la propagation de l'espèce humaine), необходимы исключительныя, особенно благопріятныя условія для того, чтобы втеченіе ста лѣтъ населеніе увеличилось на двадцатую долю; весьма часто бываетъ, что оно уменьшается вмѣсто того, чтобы возрастать [174]).

Цитата изъ Вольтера встрѣчается у Болтина довольно неожиданно при извѣстіи о двухъ видахъ крещенія—посредствомъ обливанія и посредствомъ погруженія. На вопросъ о крещеніи обливательномъ Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, отвѣчалъ: многія церкви не вѣрятъ, чтобы обливанцы были христіане, но по моему мнѣнію, они также христіане, хотя благодати имѣютъ несравненно меньше, нежели тѣ, которые были троекратно погружены при крещеніи [175]). Въ подтвержденіе древности догмата о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца (а не отъ Отца и Сына) Болтинъ приводитъ изъ папскаго посланія къ патріарху Фотію именно тò, чтò находится въ Essai sur les moeurs Вольтера, на котораго онъ и ссылается [176]).

Извѣстія и замѣтки о злоупотребленіяхъ папъ и подвластнаго имъ духовенства, о суевѣрныхъ обычаяхъ католическаго міра, напоминающихъ языческіе обряды, и т. п. приводятся Болтинымъ изъ сочиненій Вольтера, частью въ подлинникѣ, частью въ русскомъ переводѣ. Во времена Вольтера, въ различныхъ мѣстахъ Франціи и въ самомъ Парижѣ можно было видѣть въ церквахъ отвратительныя сцены кощунства: мнимые бѣсноватые неистово метались и наконецъ падали въ изнеможеніи передъ кускомъ дерева, будто бы того самаго, на которомъ былъ распятъ Христосъ. Истязанія, которымъ подвергали себя жрецы Изиды, Беллоны, Діаны и другихъ языческихъ божествъ послужили, по мнѣнію Вольтера, первообразомъ для католическаго обычая бичеванія. Болтинъ былъ неоднократно свидѣтелемъ этого обычая; историческія свѣдѣнія о немъ приводитъ изъ Questions sur l'encyclopédie Вольтера [177]).

Слова Вольтера: «пора намъ покинуть постыдную привычку клеветать на всѣ вѣры и злословить всѣ народы» Болтинъ повторяетъ тѣмъ охотнѣе, что видитъ въ нихъ живой укоръ нашимъ врагамъ, позволяющимъ себѣ клеветать на православную вѣру и злословить русскій народъ [178]).

Обаяніе имени Вольтера не заставило нашего писателя покорно внимать вѣщаніямъ европейскаго оракула. Вполнѣ цѣня заслуги Вольтера, Болтинъ тѣмъ не менѣе совѣтуетъ не питать къ нему *слѣпаго* довѣрія и отнюдь не считать его *непогрѣшимымъ*. Болтинъ указываетъ на невѣрность нѣкоторыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Вольтеромъ и о событіяхъ историческихъ и о народныхъ обычаяхъ. Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ вслѣдствіе того, что Вольтеръ утверждаетъ, вопреки исторической истинѣ, что Петръ Великій требовалъ отъ судей только мнѣнія, а никакъ не приговора. Вольтеръ *пустословилъ*, будто бы въ старину въ Россіи погребали мертвыхъ съ письмомъ къ св. Петру и къ св. Николаю, которое священникъ вкладывалъ въ руки умершаго. По замѣчанію Болтина, Вольтеръ иногда выдавалъ

бредни за истину, заимствуя свѣдѣнія о Россіи изъ разсказовъ лживыхъ путешественниковъ [179]).

Мыслящему русскому человѣку восемнадцатаго столѣтія, хорошо знакомому съ русскою жизнью и съ русскою литературою, мудрено было оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что̀ дѣлалось въ странѣ, откуда заимствовались у насъ и новые обычаи и новыя идеи. Я говорю о Франціи, вліяніе которой усиливалось все болѣе и болѣе въ нашемъ образованномъ обществѣ. Свѣтское большинство увлекалось блестящею внѣшностью; умы серьезные помнили, что не все то̀ золото, что̀ блеститъ, и старались ближе и глубже узнать то̀, чему иные покланялись почти безсознательно. Для ознакомленія съ бытомъ французскаго общества и народа Болтинъ обратился къ сочиненіямъ Мерсье (Louis Sébastien Mercier, 1740—1814) — писателя, мастерски изображавшаго тѣневую сторону политической и общественной жизни своего отечества.

Имя Мерсье пользовалось большою извѣстностью и въ русскомъ литературномъ мірѣ. Мерсье называли у насъ «лучшимъ изъ французскихъ писателей», и сочиненіямъ его придавали особенное значеніе, не только литературное, но и общественное. Въ прошломъ столѣтіи переведены на русскій языкъ: Картина Парижа; драмы: Женневаль, Судья, Бѣглецъ, Уксусникъ, и др. Рядъ переводовъ тянется съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія до тридцатыхъ настоящаго [180]).

Изъ всѣхъ произведеній Мерсье особенный, необыкновенный успѣхъ имѣли во Франціи: *Картина Парижа* (Tableau de Paris) и *Двѣ тысячи четыреста сороковой годъ* — L'an deux mille quatre cent quarante, rêve s'il en fut jamais [181]).

Въ обширномъ сочиненіи своемъ Tableau de Paris Мерсье, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ цѣлью изобразить обще-

ственные и семейные нравы, ходячія понятія, господствующее настроеніе умовъ и все тò, чтò поражаетъ наблюдателя въ Парижѣ, въ этой пестрой и обманчивой смѣси ума и глупости, въ этомъ накопленіи чудовищныхъ богатствъ, которыя утопающій въ роскоши Парижъ извлекаетъ отовсюду, какъ звѣрь, алчущій кого бы поглотить.

Тоже рѣзкое осужденіе тогдашней Франціи находимъ и въ L'an deux mille cent quarante. Авторъ представляетъ себѣ Францію, какою она будетъ ровно черезъ семьсотъ лѣтъ отъ его рожденія, въ блаженномъ 2440 году, и описывая свое видѣніе, свой пророческій сонъ, неумолимо выставляетъ на показъ тò, чтò совершалось на яву въ окружающей его средѣ. Тò же, чтò видится автору во снѣ, составляло любимую мечту и лучшую надежду тѣхъ изъ его современниковъ, которые не въ силахъ были помириться со зломъ, и искали изъ него выхода. Зловѣщія тучи уже начинали скопляться въ воздухѣ, и пока гроза была еще далеко, взволнованная мысль искала успокоенія въ грезахъ о счастливой будущности.

Современная автору дѣйствительность, изображенная имъ въ двухъ главныхъ его трудахъ, является въ самомъ мрачномъ и безотрадномъ видѣ. И правительственная система, и общественные нравы, и положеніе простаго народа, все возбуждало опасеніе, во всемъ обнаруживалось зло и обманъ, выгодный для горсти счастливцевъ, и ужасный для массы несчастныхъ. Не подкупаютъ автора и блестящія преданія недавней старины; не только съ равнодушіемъ, но съ презрѣніемъ смотритъ онъ на прославленный вѣкъ Людовика XIV, такъ незаслуженно превознесенный льстецами. Въ этотъ желѣзный вѣкъ, когда Людовикъ XIV изумлялъ великолѣпіемъ и изяществомъ придворныхъ празднествъ, а Корнель, Расинъ и Лафонтенъ писали свои произведенія, парламентъ парижскій заставилъ сжечь безвреднаго мечтателя, вообразившаго себя воплощеніемъ божества. И не нашлось ни одного писателя, чтобы спасти жизнь ни въ чемъ неповиннаго безумца (Simon Marin). Въ томъ же году, когда его

сожгли, Буало состряпалъ плоскую сатиру, но не противъ парламента, поступившаго такъ безчеловѣчно, а противъ какихъ-то риѳмоплетовъ, уступавшихъ ему въ искусствѣ стихописанія. Расинъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, сочинилъ французскую трагедію по греческому образцу: приносилъ въ жертву Ифигенію, разглагольствовалъ о Калхасѣ, и не посмѣлъ обронить ни одного намека о злодѣйствѣ, совершившемся на его глазахъ. Самъ Фенелонъ хранилъ молчаніе. Вѣчный позоръ писателямъ вѣка Людовика XIV, который называютъ обыкновенно прекраснымъ (beau siècle de Louis XIV), но который слѣдовало бы назвать полу-варварскимъ[182]). Немного времени прошло со смерти Людовика XIV, а дѣла во Франціи во многомъ еще ухудшились. Администрація не знаетъ предѣловъ своей власти и своего произвола; нищета подавляетъ народъ; единственный выходъ изъ бѣды открывается въ самоубійствѣ.

Въ наши времена — говоритъ Мерсье — каждый начальникъ дѣйствуетъ также самовластно, какъ и самый неограниченный изъ государей. Поистинѣ забавны всѣ эти проэкты о развитіи земледѣлія, объ успѣхахъ народонаселенія и т. п., — когда подати и налоги, доселѣ небывалые и ни съ чѣмъ несообразные, похищаютъ у народа все, что̀ добыто имъ самымъ тяжелымъ трудомъ. Надобно ли повторять, что единственное спасеніе заключается въ полной и совершенной свободѣ торговли и мореплаванія и въ уменьшеніи податей. Но увы! любовь къ отечеству сдѣлалась контрабандою. Хорошимъ гражданиномъ называютъ того, кто живетъ для себя, думаетъ только о себѣ, осторожно помалчиваетъ и закрываетъ глаза на всѣ общественныя бѣдствія. Въ большей части провинцій народъ находится на краю гибели; всѣ пожитки проданы, жить крестьянамъ рѣшительно нечѣмъ. Какое изумительное терпѣніе у этого бѣднаго народа[183]).

Число самоубійствъ въ Парижѣ чрезвычайно велико въ сравненіи со всѣми другими городами въ мірѣ: оно простирается до полутораста въ годъ. Напрасно ищутъ въ этомъ вліянія новыхъ идей: виною всему не философскія идеи, а правительствен-

ная система. Недостатокъ средствъ къ жизни увеличивается съ каждымъ днемъ, а подати и налоги не уменьшаются. Пошлины, таможни, запретительные законы связали торговлю и промышленность или, вѣрнѣе, убили ихъ. Всѣ источники доходовъ перешли въ руки правительства, и агенты его высасываютъ послѣдній сокъ изъ народа[184]).

Для характеристики нравовъ и понятій восемнадцатаго столѣтія весьма любопытно то̀, что̀ говоритъ Мерсье о положеніи женщинъ во Франціи. Рисуя идеальный бытъ той далекой поры, въ ожиданіи которой исчезнутъ съ лица земли, одно за другимъ, тридцать человѣческихъ поколѣній, авторъ противополагаетъ ей современную дѣйствительность, и проводитъ, какъ исключеніе, тотъ взглядъ на призваніе женщины, который сложился въ разумнѣйшей части тогдашняго французскаго общества. Обитатель идеальнаго царства, которое наступитъ въ двадцать пятомъ столѣтіи по Р. Х., сообщаетъ своему собесѣднику слѣдующее: Браки у насъ совершаются по свободному выбору, безъ всякихъ принужденій, происковъ и разсчетовъ. Закономъ запрещено у насъ приданое, и этою мудрою мѣрою сокрушена гидра тщеславія со всѣми его гибельными послѣдствіями. Наши браки счастливы, потому что они не осквернены грязными своекорыстными разсчетами. Всякій честный гражданинъ, будь онъ изъ самаго низкаго слоя общества, можетъ жениться на дѣвушкѣ изъ самаго высшаго круга, и такимъ образомъ въ брачномъ союзѣ, и только въ немъ одномъ, воскресаетъ первобытное, установленное природою, равенство всѣхъ людей между собою. У женщинъ нѣтъ и не должно быть приданаго, потому что сама природа подчинила ихъ мужчинамъ, и эта вполнѣ законная власть гораздо менѣе ужасна, нежели то иго, которое женщины надѣваютъ сами на себя, гоняясь за пагубною свободой. Получая все изъ рукъ своихъ мужей, жены естественно располагаются и къ вѣрности и къ повиновенію; честь свою онѣ поставляютъ въ исполненіи своихъ обязанностей; вмѣсто того, чтобы развивать суетность, они заботятся объ умственномъ и нравственномъ развитіи; кругъ

ихъ познаній не ограничивается, какъ бывало прежде, музыкою и танцами: они считаютъ нужнымъ изучать домашнее хозяйство, искусство нравиться своимъ мужьямъ и воспитывать своихъ дѣтей. Природа предназначила женщинъ для домашней жизни и для занятій, повсюду одинаковыхъ. Она вложила въ женскій характеръ гораздо менѣе разнообразія, нежели въ мужской; почти всѣ женщины похожи одна на другую: у всѣхъ у нихъ одинаковыя цѣли и стремленія, которыя обнаруживаются во всѣхъ странахъ почти однимъ и тѣмъ же образомъ. Такъ какъ ошибки возможны и при свободномъ выборѣ, то необходимъ и разводъ, возвращающій обществу двухъ людей, потерянныхъ другъ для друга. Но разводъ допускается у насъ только на законномъ основаніи, какъ напримѣръ, если обѣ стороны требуютъ его или если мужъ и жена не сходятся характерами. И странное дѣло! чѣмъ легче у насъ разводъ, тѣмъ менѣе желающихъ имъ воспользоваться, ибо есть что-то позорящее въ признаніи супруговъ, что они не могутъ вмѣстѣ переносить невзгоды этой скоропреходящей жизни[185]).

Таковы семейные нравы будущей Франціи: они водворятся въ ней черезъ семьсотъ лѣтъ; а какими они были во времена автора, видно изъ той главы Картины Парижа, въ заглавіи которой сопоставлены вещи повидимому противоположныя: Mariage; adultère. Содержаніе ея подтверждаетъ любимую мысль автора о необходимости развода. Въ нерасторжимости брака — говоритъ онъ — заключается источникъ прелюбодѣянія: нельзя развязать узелъ, и потому его разсѣкаютъ. И это неудивительно. Брачныя узы одинаково тяготѣютъ надъ всѣми и каждымъ, не смотря на физическое, умственное, нравственное и общественное различіе между лицами, вступившими въ бракъ; солдатъ, купецъ, матросъ, писатель и т. д. подчинены одному и тому же закону въ отношеніи брака. Въ былое время прелюбодѣяніе наказывалось смертью; теперь оно всячески поощряется; всѣ искусства содѣйствуютъ этому; наши картины, какъ и наши стихи, прославляютъ развратъ и издѣваются надъ святынею брака. Если мужъ слѣдитъ

за поведеніемъ жены, его называютъ ревнивцемъ; если жена обманываетъ мужа, мужъ становится для всѣхъ посмѣшищемъ. Во всѣхъ нашихъ комедіяхъ предметомъ насмѣшки бываютъ обыкновенно мужья; наша легкая поэзія служитъ безконечною апологіею разврата, и т. п.[186]).

Въ живыхъ и яркихъ очеркахъ одного изъ популярнѣйшихъ писателей своего вѣка Болтинъ видѣлъ вѣрное и безпристрастное изображеніе тогдашняго состоянія Франціи и ея общественнаго устройства. Болтинъ приводитъ изъ Мерсье, частію въ подлинникѣ, частію въ переводѣ, свидѣтельства: о злоупотребленіи власти; о вопіющей нищетѣ народа; о невыносимыхъ податяхъ; о суевѣріяхъ, поддерживаемыхъ католическимъ духовенствомъ; о французскомъ легкомысліи; о семейной жизни во Франціи, и т. п. Приводимыя мѣста знакомятъ съ основными воззрѣніями французскаго писателя; вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ умѣнье Болтина выбирать изъ своихъ источниковъ то̀, что̀ всего болѣе заслуживаетъ вниманія. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Людовикъ XIV смотрѣлъ на государство какъ на свою личную собственность, и истощилъ народъ войнами, которыя предпринималъ изъ тщеславныхъ видовъ, въ прямой ущербъ государству. Онъ потушилъ послѣднія искры свободы, и могъ ли онъ не быть деспотомъ, когда все раболѣпно склонялось передъ нимъ, и ни откуда не слышалось ни малѣйшаго протеста противъ его самовластія. Вдохновляемый духовенствомъ, онъ издавалъ жестокіе эдикты, поражающіе фанатизмомъ и нетерпимостью, и показывающіе, до какой степени этотъ человѣкъ, прослывшій великимъ, былъ погруженъ въ невѣжество варварскихъ вѣковъ.

Да что говорить о прошломъ: теперешніе порядки ни чуть не лучше прежнихъ. Тюрьма и ссылка угрожаютъ каждому гражданину, и на вопросъ о причинѣ незаслуженной кары нѣтъ другаго отвѣта, какъ только: такъ угодно королю. Многіе состарѣлись въ темницѣ, всѣми позабытые и оставленные, а король ничего не зналъ ни объ ихъ винѣ, ни объ ихъ наказаніи, ни о томъ даже, что они живутъ на бѣломъ свѣтѣ. Говорятъ: законы, за-

коны! Но можно ли назвать законами безобразную груду разнородныхъ обычаевъ, эти лохмотья и ветошь, набросанные кое-какъ, безъ всякаго плана, безъ всякаго порядка и связи [187]).

Подати во Франціи самыя тяжкія, и сборы ихъ отданы на откупъ; откупщиковъ и сборщикомъ крестьяне страшатся больше чумы; сколько слезъ, сколько крови выжато изъ народа установленіемъ налога на соль. Едва-ли въ цѣломъ мірѣ найдется страна, въ которой было бы столько нищеты и такое множество бѣдныхъ; гдѣ были города, тамъ видишь деревни; гдѣ были деревни, тамъ теперь шалаши, а вмѣсто жителей—нищіе. Чѣмъ питались бѣдняки вслѣдствіе дороговизны соли, видно изъ «достовѣрнаго свидѣтельства» Мерсье: Dois-je aussi parler des vendeuses de marons et des châtaignes, qui les font rôtir ou bouillir? Elles glapissent du matin au soir, criant: *tout chauds*, *tout brûllans*. On dit qu'attendu que les fermiers-généraux nous vendent le sel treize sols la livre (falsifié encore), elles versent, par économie, dans la chaudiere aux marrons un sel qui leur est propre, qui ne vient ni de l'océan ni des mines, et n'est pas encore assujeti à aucun droit [188]).

Французскій писатель влагаетъ въ уста народа, крестьянъ-земледѣльцевъ, краснорѣчивую тираду, обращенную къ государямъ. Болтинъ приводитъ ее въ русскомъ переводѣ, съ пропускомъ нѣкоторыхъ чертъ и всего того, что̀ ослабляетъ впечатлѣніе, служа варіацией на одну и туже тэму, и заключая въ себѣ совершенно излишнія повторенія [189]).

Nous vous avons élevés au-dessus de nos têtes; nous avons engagé nos biens et notre vie à la splendeur de votre trône et à la sûreté de votre personne. Vous nous aviez promis en échange de nous procurer l'abondance, de nous faire couler les jours	Мы вознесли величіе ваше выше нашихъ главъ; мы жертвовали нашими имѣніями и нашею жизнью велелѣпію вашего престола и безопасности вашея особы. Вы намъ обѣщали въ замѣну того доставить намъ обиліе, тишину и спокойствіе. Ктобъ

sans alarmes. Qui l'aurait cru, que sous votre gouvernement la joie eût disparu de nos cantons, que nos fêtes se fassent tournées en deuil, que la crainte et l'effroi eussent succédé à la douce confience! Autrefois nos campagnes verdoyantes souriaient à nos yeux; nos champs nous promettaient de payer nos travaux. Aujourd'hui le fruit de nos sueurs passe dans des mains étrangères; nos hameaux que nous nous plaisions à embellir, tombent en ruine; nos viellards, nos enfans ne savent plus où reposer leurs têtes: nos plaintes se perdent dans les airs, et chaque jour une pauvreté plus extrème succede à celle sous laquelle nous gémissions la veille. A peine nous reste-t-il quelque trait de la figure humaine, et les animaux qui broutent l'herbe, sont, sans doute, moins malheureux que nous.

могъ повѣрить, что при вашемъ правленіи веселіе изъ жилищъ нашихъ сокрылося; чтобъ праздники наши обратилися въ сѣтованіе; чтобъ страхъ и ужасъ заступилъ мѣсто сладкія довѣренности. Прежде поля наши зеленѣющія осклаблялися въ глазахъ нашихъ; нивы наши обѣщевали намъ награду за наши труды. Нынѣ плоды нашихъ потовъ преходятъ въ чужія руки; хижины наши, кои украшать почитали мы себѣ забавою, отъ ветхости валятся; старики наши и дѣти не знаютъ, гдѣ главы подклонити: наши жалобы теряются въ воздухѣ, и каждый день бѣдность тягчайшая послѣдуетъ тяготившей насъ наканунѣ. Едва остаются въ насъ нѣкоторыя черты образа человѣческаго; и скоты жвущіе траву суть, безъ сумнѣнія, меньше несчастливы, нежели мы...

Des coups plus sensibles sont venus fondre sur notre tête. L'homme puissant nous meprise et ne nous attribue aucun sentiment d'honneur; il vient nous troubler sous le chaume, il séduit l'innocence de nos filles, il les enlève; elles deviennent la proie de l'impudence. Envain implorons-nous le bras qui tient le glaive des loix: il se détourne, il se refuse à notre douleur; il ne se prête qu'à ceux qui nous oppriment.

L'aspect du faste qui insulte à notre misère, rend notre étât plus insupportable. On boit notre sang, et on nous défend la plainte! L'homme dure, environné d'un luxe insolent, s'enorgueillit des ouvrages qu'ont fabriqué nos mains: il oublit notre propre industrie, tandis qu'il n'a en partage que la soif vile de l'or; il nous croit ses esclaves, parce que nous ne sommes ni furieux, ni sanguinaires.

Пьютъ кровь нашу, и запрещаютъ намъ жаловаться...

Les besoins renaissans qui nous tourmentent, ont altéré la douceur de nos moeurs; la mauvaise foi et la rapine se sont glissées parmi nous, parce que la nécéssité de vivre l'emporte ordinairement sur la vertu. Mais qui nous a donné l'exemple de la rapine. Qui a éteint dans nos coeurs ce fond de candeur qui nous liait tous dans une parfaite concorde? Qui a fait notre infortune, mère de nos vices? Plusieurs de nos concitoyens ont refusé de mettre au jour des enfans que la famine viendrait saisir au berceau. D'autres, dans leur désespoir, ont blasphêmé contre la Providence. Quels sont les vrais auteurs de ces crimes?

Нужды, ежедневно рождающіяся и непрестанно насъ томящія, измѣнили тихость нашихъ нравовъ; обманъ и хищеніе водворилися между насъ, понеже недостатокъ пищи преодолѣваетъ добродѣтель....

Многіе изъ нашихъ сограждань отреклися отъ произведенія на свѣтъ дѣтей, коихъ гладъ похищалъ еще въ зыбкѣ. Другіе, въ ихъ отчаяніи, произносили хулу противу Провидѣнія...

Que nos justes plaintes percent l'athmosphère qui environne les trônes! Que les rois se réveillent et se souviennent qu'ils pouvaient naître à notre place, et que leurs enfans pourront y descendre! Attachés au sol de la patrie, ou plutôt en formant une partie essentielle, nous ne pouvons point nous dispenser de fournir à ses besoins. Ce que nous demandons, c'est un homme équitable qui s'applique à connaître la mesure de nos forces, et qui ne nous écrase pas sous le fardeau que dans une plus juste proportion nous aurions porté avec joie. Alors tranquilles et riches de notre économie, contens de notre sort, nous verrons le bonheur des autres sans nulle inquiétude sur le nôtre.

La moitié de notre carriere est plus que remplie. Notre coeur est à moitié livré à la douleur. Nous n'avons que peu d'instans à vivre. Les voeux que nous formons sont plus pour la patrie que pour nous-mêmes. Nous sommes ses soutiens.

Mais si l'oppression va toujour en croissant, nous succomberons, et la patrie se renversera: en tombant elle écrasera nos tyrans. Nous ne demandons point cette vaine et triste vengeance. Que nous importerait dans la tombe le malheur d'autrui...

Если угнетеніе еще пріумножится, мы падемъ, и отечество наше разрушится: разрушаяся, оно сокрушитъ нашихъ тирановъ...

Говоря о положеніи женщинъ въ Россіи, Болтинъ приводитъ, для сравненія, двѣ-три черты изъ Картины Парижа Мерсье, изъ главы: Mariage; adultère.

По этому же поводу Болтинъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Монтескье, изъ его Lettres persannes: Французы никогда почти не говорятъ о своихъ женахъ, потому что боятся говорить о нихъ лицамъ, знающимъ ихъ лучше, нежели сами мужья. Ревнивый мужъ — самое несчастное созданіе: его всѣ ненавидятъ и презираютъ. Нѣтъ страны, гдѣ было бы такъ мало рев-

нивыхъ мужей, какъ во Франціи, но причина этому заключается отнюдь не въ довѣріи къ женамъ, а напротивъ того — въ дурномъ о нихъ мнѣніи. Мужъ, возымѣвшій намѣреніе владѣть своею женою нераздѣльно, прослыветъ безумцемъ, мечтающимъ воспользоваться солнечнымъ свѣтомъ единственно для себя, закрывъ его для другихъ. Любить свою жену — значитъ предпочитать личное благо общему, присвоивать себѣ то̀, что̀ дано во временное владѣніе, и ниспровергать порядокъ, установившійся къ общему удовольствію какъ для того, такъ и для другаго пола[190]).

Болтинъ неоднократно обращался къ знаменитому произведенію Монтескье, которое послужило основою для наказа, даннаго Екатериною II комиссіи, трудившейся надъ составленіемъ проэкта новаго уложенія. Говоритъ ли Болтинъ объ отношеніи между закономъ и обычаемъ, о вліяніи климата, и т. п., въ его сужденіяхъ отзываются, съ бо̀льшей или мѐньшей степени, идеи автора Духа законовъ.

Ссылаясь на Монтескье, Леклеркъ говоритъ, что въ Россіи нѣтъ средняго сословія. Болтинъ замѣчаетъ на это: «Г. Монтескю *не въ одномъ мѣстѣ*, говоря о Россіи, заблуждаетъ, повѣря безъ разсмотрѣнія сказкамъ путешественниковъ, подобныхъ г. Леклерку»[181]). Даже подобныя, совершенно случайныя замѣтки показываютъ, что Болтинъ хорошо былъ знакомъ съ сочиненіями Монтескье.

Тоже можно сказать о книгѣ Рейналя (1711—1796): Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des européens dans les deux Indes. Леклеркъ неоднократно повторялъ въ своей исторіи, что деспотизмъ «превращаетъ въ прахъ твореніе, а твореніе въ прахъ» — le despotisme met de la poussière en oeuvre et de l'oeuvre en poussière: «рѣчь сію — говоритъ Болтинъ — присвоилъ г. Леклеркъ изъ мыслей сочинителя Философической и политической исторіи о торговлѣ обѣихъ Индій. *Осталася она у меня въ памяти по новости ея, и пріискать ее было мнѣ нетрудно.* Вотъ его (Рейналя) слова:

«Народы художники или воины, что есте вы въ рукахъ природы, какъ игралище ея законовъ, опредѣленные поочередно превращати прахъ въ твореніе, а сіе твореніе въ прахъ»[192]).

Объясняя причину постоянной вражды между Россіею и ея сосѣдями, Болтинъ ссылается на Руссо, и сказанное имъ о враждѣ и ненависти, какъ неизбѣжныхъ проявленіяхъ человѣческой природы, примѣняетъ и къ международнымъ отношеніямъ. Пускай превозносятъ человѣческое общество, сколько кому угодно, — говоритъ Руссо — но тѣмъ не менѣе справедливо то̀, что само общественное устройство побуждаетъ людей дѣлать другъ другу зло. Каждый членъ общества основываетъ свое благосостояніе на несчастіи другаго. Быть можетъ, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, смерти котораго, если онъ богатъ, не ожидали бы съ нетерпѣніемъ наслѣдники и родственники, даже собственныя дѣти; нѣтъ ни одного корабля, гибели котораго не желалъ бы кто-либо изъ участниковъ въ морской торговлѣ; нѣтъ ни одного народа, который бы не радовался несчастію своихъ сосѣдей. Наша выгода всегда сопряжена съ ущербомъ для нашихъ ближнихъ; потеря для одного изъ насъ служитъ почти всегда пріобрѣтеніемъ для другаго[193]).

Изъ словъ Руссо въ письмѣ къ Даламберу можно бы заключить, что оригинальный философъ считалъ пьянство чуть не добродѣтелью. Болтинъ воспользовался этими словами, чтобъ сколько-нибудь смягчить обвиненіе, взводимое на русскій народъ въ непомѣрной страсти къ вину. Люди, сильно пьющіе — говоритъ Руссо — отличаются вообще искренностью и задушевностью; они — добрые малые, честные, хорошіе, вѣрные и правдивые. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нравы испорчены происками, измѣнами и развратомъ, страшно боятся пьянства, потому что у пьянаго

11*

что̀ на умѣ, то̀ и на языкѣ. Въ Швейцаріи пьянство почти пользуется уваженіемъ; въ Неаполѣ, напротивъ того, приходятъ отъ него въ ужасъ; но въ дѣйствительности что̀ опаснѣе: невоздержность ли швейцарца или крайняя сдержанность итальянца? [194])

Для избѣжанія ошибокъ при сужденіи о бытѣ русскаго народа Болтинъ совѣтуетъ обратить вниманіе на движеніе народонаселенія въ Россіи, и припомнить слова Руссо: государственное устройство, при которомъ народонаселеніе наиболѣе увеличивается, есть безспорно наилучшее; наоборотъ, то правленіе, при которомъ народъ убываетъ и гибнетъ, есть наихудшее [195]).

Взглядъ Руссо на свободу нашъ писатель находитъ вполнѣ основательнымъ. Полагая, что благоразуміе требуетъ большой осторожности въ дарованіи рабамъ свободы, Болтинъ подкрѣпляетъ мысль свою цитатою изъ Руссо, считавшаго свободу такого рода пищею, которая предназначена не для всѣхъ и каждаго, а только для избранныхъ желудковъ [196]).

Какъ на несомнѣнную истину Болтинъ указываетъ на замѣчаніе Руссо, что законодатели должны сообразоваться съ народными особенностями: если не знаютъ глубоко народа, для котораго пишутъ законы, то какихъ бы прекрасныхъ вещей ни написали, всѣ они окажутся никуда негодными въ примѣненіи [197]).

Но Болтинъ расходится съ Руссо во взглядѣ на связь между просвѣщеніемъ и нравственностью, Не выступая рѣшительнымъ противникомъ Руссо, не доказывая, что добродѣтель зависитъ *исключительно* отъ просвѣщенія, Болтинъ признаетъ мнѣніе о вредѣ наукъ одностороннимъ, *крайнимъ*, а слѣдовательно невѣрнымъ. Онъ говоритъ: «знаменитый Руссо, *попустясь въ крайность*, коренемъ всего зла просвѣщеніе признаетъ; по его мнѣнію, оно есть главною причиною растлѣнія нашего сердца и повреждения нашихъ нравовъ. Но держась средины, можно за неопровергаемое правило поставить, что ни добродѣтели отъ просвѣщенія, ни пороки отъ простоты нравовъ не зависятъ» [198]).

Что касается до произведеній русской литературы, древней, старинной и современной, то знакомство съ ними простиралось у Болтина до самыхъ обширныхъ предѣловъ, которые возможны были при тогдашнемъ состояніи нашей образованности. Судя по тѣмъ только даннымъ, которыя находятся въ печатныхъ трудахъ Болтина, можно уже заключить, что все сколько-нибудь цѣнное, какъ для историка, такъ и для образованнаго человѣка вообще, было внимательно прочитано Болтинымъ, и многое и существенное подвергнуто критическому разсмотрѣнію. Въ самыхъ бѣглыхъ замѣткахъ, оброненныхъ, такъ сказать, въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій, видно, что онъ говоритъ не на авось, а хорошо зная дѣло, и недовѣряя слѣпо ни одному авторитету. Обладая самою широкою начитанностью, онъ не повторялъ, безъ провѣрки или безъ убѣжденія, ни одной мысли, ни одного свидѣтельства, на которомъ строилъ свои доводы.

Источниками для трудовъ Болтина въ области русской исторіи служили какъ печатныя изданія памятниковъ, такъ и *рукописи*. Въ то время одно уже основательное знакомство съ рукописями составляло заслугу и весьма существенную. О собираніи рукописей едва начинали думать. Правительство разослало требованія о присылкѣ рукописей изъ разныхъ мѣстъ въ столицу. Въ обществѣ появлялись любители рукописной древности и старины, но число ихъ было весьма ограничено, и цѣль, ими предположенная, достигалась съ большими затрудненіями. Многое предоставлялось случаю, и надо было умѣнье, чтобы воспользоваться случайными находками. Благодаря также случаю, Болтинъ имѣлъ въ рукахъ своихъ множество рукописей. Съ одними изъ нихъ онъ могъ ознакомиться только поверхностно; другія онъ разсматривалъ съ особеннымъ вниманіемъ, сравнивалъ ихъ между собою весьма тщательно, и на основаніи этого сличенія опредѣлялъ ихъ относительное достоинство. Разысканія его въ архивахъ привели его къ тому заключенію, что отъ древнихъ временъ уцѣлѣло у насъ мало, чрезвычайно мало; но за то для «среднихъ временъ» нашей исторіи матеріаловъ сохранилось въ

изобиліи. Матеріаловъ этихъ — говоритъ онъ — мы имѣемъ «болѣе, нежели воображаемъ, *что я не въ одномъ мѣстѣ собственными глазами видѣлъ*; но о томъ должны сожалѣть, что по сіе время, къ великому ущербу нашей исторіи, не приложено довольнаго старанія объ ихъ отысканіи, собраніи и разсмотрѣніи, или доставался разборъ оныхъ въ руки людей неспособныхъ, то есть или нерадивыхъ или незнающихъ. Одинъ Миллеръ имѣлъ къ тому способность, чтобъ изъ великихъ кучъ дрязгу избирать драгоцѣннѣйшіе зарытые въ нихъ перла; но когда былъ опредѣленъ къ сему, былъ уже старъ, и слѣдственно ни довольнаго времени, ни нужныхъ силъ, чтобъ окончить превеликій трудъ сей, не имѣлъ. Тѣмъ паче великаго сожалѣнія достойно, что сіи историческія, въ помянутыхъ рукахъ скрывающіяся, сокровища, отъ худаго присмотра и содержанія, время отъ времени тлѣютъ, расхищаются, и невѣжами нужныя бумаги вмѣсто черныхъ на обвертки употребляются, чему я самъ былъ неоднокротно свидѣтелемъ» [199]).

Личныя связи Болтина открывали ему доступъ къ частнымъ библіотекамъ и архивамъ. Болтину предоставлено было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ право пользоваться однимъ изъ богатѣйшихъ собраній рукописей. Оно погибло въ московскомъ пожарѣ 1812 года, и лица, видѣвшія это собраніе, вспоминали о немъ, какъ о потерянномъ кладѣ. «Многія древнія рукописи — говоритъ Болтинъ — имѣю я отъ пріятеля моего г. церемонимейстера Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, который, будучи крайній древностей нашихъ любитель, великимъ трудомъ и иждивеніемъ, а больше по счастію, по пословицѣ: *на ловца и звѣрь бѣжитъ*, собралъ много книгъ весьма рѣдкихъ и достойныхъ уваженія отъ знающихъ въ такихъ вещахъ цѣну; невозбранно я, по дружбѣ его ко мнѣ, оными пользуюсь, но не имѣлъ еще время не только всѣхъ ихъ прочесть, ниже пересмотрѣть. *Изъ надписей ихъ и изъ почерка письма* предварительно я увѣренъ, что прочетши ихъ много можно открыть относительно до нашей

исторіи, что̀ понынѣ остается или въ темнотѣ или въ совершенномъ безвѣстіи; но сіе требуетъ великихъ трудовъ» [200]).

Болтинъ пользовался также рукописями, присланными въ св. синодъ изъ различныхъ краевъ Россіи, изъ монастырскихъ архивовъ и библіотекъ. Къ сожалѣнію Болтину пришлось уже на закатѣ дней своихъ ознакомиться съ этими сокровищами: они присланы въ послѣдній годъ его жизни. Но до какой степени онъ трудился надъ ихъ разработкою, несмотря на истощеніе своихъ силъ, блестящимъ свидѣтельствомъ служитъ Русская правда, изданная любителями отечественной исторіи. Мы уже говорили, что изданіе это составляетъ почти исключительно трудъ Болтина.

Мнѣніе свое о томъ, что еще до Нестора были у насъ лѣтописцы, Болтинъ основываетъ на личномъ знакомствѣ своемъ съ рукописями, въ которыхъ лѣтописный текстъ представляетъ весьма рѣзкія видоизмѣненія. Онъ говоритъ: «Изъ премногихъ списковъ съ лѣтописей, находящихся въ государственныхъ книгохранилищахъ и людей частныхъ, не найдется двухъ во всемъ между собою согласныхъ. *Я имѣлъ у себя въ рукахъ семь, и всѣ весьма стариннаго письма, въ томъ числѣ два съ юсами и на пергаментѣ писанныхъ; но всѣ между собою разнствовали: одинъ другаго или полнѣе или сокращеннѣе; въ одномъ того бытія или обстоятельства, а въ другомъ другаго не доставало, а иные написаны совсѣмъ иначе.* Который назвать изъ нихъ правильнымъ и Нестору принадлежащимъ, рѣшить едва-ли возможно. Сколько есть повѣствованій въ прологахъ, въ лѣтописи никоновской, въ польскихъ и другихъ иностранныхъ писателяхъ, коихъ ни въ одномъ спискѣ несторовомъ нѣтъ. Какъ же намъ изъ сея трудности выпутаться, ежели кромѣ Нестора никому другому не вѣрить?» [201]).

У Болтина было, какъ видно и свое, хотя бы и небольшое, собраніе рукописей. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ словъ его: «Въ одной *рукописной лѣтописи, имѣющейся у меня*, весьма древняго почерка [202])... *Есть у меня письменная тетрадка* о началѣ запорожскихъ казаковъ, сочиненная съ пре-

данія обносящагося между ними, или, паче, слѣдуя точному ихъ о самихъ себѣ разсказыванію [203])... Все сіе взято мною изъ *имѣющейся у меня письменной поденной записки* осады города Оренбурга, сочиненной г. Рычковымъ, который во все то время находился въ Оренбургѣ, и былъ всему описанному имъ очевидный свидѣтель», и т. д. [204]).

Въ распоряженіи Болтина находился архивъ военной коллегіи. Къ этому архиву, а равно и къ канцеляріямъ различныхъ вѣдомствъ, онъ обращался не только по текущимъ дѣламъ, для справокъ и официальной переписки, но и съ цѣлію научною—для собиранія свѣдѣній историческихъ и статистическихъ.

Изъ архива военной коллегіи извлечены Болтинымъ точныя данныя, относящіяся къ рекрутскимъ наборамъ. По словамъ Манштейна, война съ Пруссіей стоила Россіи слишкомъ триста тысячъ людей и болѣе тридцати милліоновъ рублей. Но оказывается, что втеченіе всей этой войны, для укомплектованія всѣхъ войскъ, сухопутныхъ и морскихъ, собрано всего 121,315 человѣкъ въ три рекрутскіе набора, производившіеся три года сряду. Въ 1757 году собрано рекрутъ 30,425; въ 1758 году—50,891; въ 1759 году — 39,999. Съ 1759 по 1767 годъ рекрутскихъ наборовъ не было [205]).

Изъ вѣдомости шуйскаго уѣзднаго суда, присланной въ 1782 году въ московскую губернскую канцелярію, Болтинъ приводитъ удивительный и «достовѣрный образчикъ плодородія». У крестьянина экономическаго вѣдомства, бывшаго владѣнія николаевскаго монастыря, что на рѣчкѣ на Каширкѣ, Ѳедора Васильева было, отъ двухъ женъ, 87 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ 4 умерло, а 83 находились на лицо. Съ первою женою онъ прижилъ 69 человѣкъ, со второю—18. Въ числѣ 69, родившихся отъ первой жены были шестнадцать разъ двойни, семь разъ тройни и четыре раза четверни; отъ второй жены—шесть разъ двойни и два раза тройни. Плодовитому отцу было, въ 1782 году, 75 лѣтъ [206]).

Само собою разумѣется, что рукописи составляли только малую часть въ огромномъ количествѣ матеріаловъ, которыми поль-

зовался Болтинъ для своихъ научныхъ работъ. Большинство составляли произведенія печати. Едва-ли когда-либо русскія книги имѣли болѣе усерднаго, болѣе вдумчиваго читателя. Съ неутомимымъ постоянствомъ слѣдя за движеніемъ русской литературы и науки, Болтинъ читалъ съ напряженнымъ вниманіемъ все сколько-нибудь выдающееся, отъ лирическаго стихотворенія до строгаго научнаго изслѣдованія. Въ числѣ матеріаловъ, которыми пользовался Болтинъ, дѣлая изъ нихъ извлеченія, и сопровождая ихъ умными и дѣльными замѣчаніями, находятся: сочиненія Ломоносова, Татищева, Тредьяковскаго, Кантемира, Хераскова, академика Миллера; повременныя изданія академіи наукъ, записки Манштейна, древняя россійская вивліоѳика, и весьма многое другое.

Отдавая должную справедливость трудамъ нашихъ ученыхъ и писателей, и высоко цѣня заслуги нѣкоторыхъ изъ нихъ, Болтинъ тѣмъ не менѣе относился и къ нимъ критически. При всемъ сочувствіи и уваженіи своемъ къ такимъ свѣтиламъ нашей литературы и науки, какъ Ломоносовъ и Татищевъ, критикъ нашъ указывалъ и ихъ слабыя стороны, не затрудняясь признать въ томъ или другомъ случаѣ превосходство иностраннаго писателя, если только онъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ. Сличая изложеніе договора Олега съ греками у Ломоносова и у Левека, Болтинъ находитъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надо отдать преимущество Левеку, именно потому, что онъ обратился къ источникамъ, а Ломоносовъ ограничился пособіями. «Переводъ Левековъ — замѣчаетъ Болтинъ — сдѣланъ съ Нестора, а переводъ Леклерковъ съ Ломоносова, и первый предпочесться долженъ послѣднему, яко *изъ самаго источника почерпнутый.* Ломоносовъ впалъ въ заблужденіе не по незнанію славянскаго языка, но *повѣря лѣтописи Татищева,* не хотѣлъ или полѣнился справиться съ несторовскою и никоновскою. Леклеркъ, послѣдуя Ломоносову, не могъ справиться съ сказанными лѣтописьми за незнаніемъ языка, и погрѣшность предпочелъ истинѣ тѣмъ охотнѣе, чтобъ укорить могъ Левека» [207]).

Особенно замѣчательно отношеніе Болтина къ предшественнику своему въ работахъ по русской исторіи — Татищеву. Противники Болтина ставили ему въ укоръ безпредѣльное, какъ утверждали они, довѣріе его къ Татищеву, въ которомъ онъ будто бы не видѣлъ никакихъ недостатковъ. Но если глубже вникнуть въ это, то придется отказаться отъ подобнаго обвиненія. Живая связь между Татищевымъ и Болтинымъ; преемство идей и воззрѣній; общія черты, замѣчаемыя въ литературной дѣятельности обоихъ писателей — явленіе весьма естественное. Татищевъ и Болтинъ трудились на одномъ и томъ же поприщѣ; жили и дѣйствовали въ средѣ, представлявшей много одинаковыхъ условій: то̀, что̀ совершалось во времена Болтина въ умственной и общественной жизни Россіи, было продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ того, что̀ происходило на Руси во времена Татищева. Складъ народной жизни не мѣняется съ каждымъ поколѣніемъ, а потому и представители различныхъ поколѣній одного и того же народа, и притомъ одного и того же слоя общества, — люди совсѣмъ нечужіе другъ другу. Татищевъ и Болтинъ сходились между собою во взглядахъ на многія событія отечественной исторіи вслѣдствіе того, что оба строго держались дѣйствительности, а не витали въ облакахъ. Если объясненіе, данное Татищевымъ тому или другому историческому факту, не противорѣчило дѣйствительности, т. е. тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилось русское общество и русскій народъ, то Болтинъ не считалъ нужнымъ отвергать взглядъ своего предшественника ради того, чтобы придумать что-нибудь новенькое. Игра въ новинки, отъ которой не прочь иные теоретики, была вовсе не въ духѣ Болтина, смотрѣвшаго на исторію, какъ на правдивую повѣсть о томъ, что̀ дѣйствительно пережито народомъ, и нелюбившаго прибѣгать къ отвлеченнымъ толкованіямъ и предположеніямъ.

Сходясь съ Татищевымъ въ воззрѣніяхъ своихъ на многіе вопросы общественной и политической жизни, Болтинъ довѣрялъ, хотя отнюдь не слѣпо, и фактической сторонѣ исторіи Татищева, и довѣрялъ главнымъ образомъ потому, что Татищевъ добро-

совѣстно пользовался *источниками*, а не полагался на *пособія*, болѣе или менѣе сомнительныя. Болтинъ цѣнилъ въ Татищевѣ его правдивость; его *осторожную разборчивость* при пользованіи многочисленными матеріалами; простоту и вѣрность его историческаго повѣствованія. Довѣріе мое къ Татищеву — говоритъ Болтинъ—основывается, вопервыхъ, на томъ, что «я не примѣтилъ въ его исторіи ничего ни легковѣрнаго, ни сумнительнаго, а все *съ разсужденіемъ*, *съ точностію и съ доводами* писанное»; вовторыхъ, на томъ, что «все то̀, что̀ онъ писалъ, находилъ я *согласнымъ и съ нашими лѣтописями и съ обстоятельствами временъ и произшествій*» [208]).

На этомъ основаніи Болтинъ неоднократно приводитъ дословныя выписки изъ исторіи Татищева, какъ свидѣтельства вполнѣ достовѣрныя. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Обрядъ постриженія волосъ — замѣчаетъ Болтинъ — существовалъ у руссовъ и у славянъ и въ языческую и въ христіанскую эпоху. Въ подтвержденіе словъ своихъ приводитъ свидѣтельство Татищева, который между прочимъ говоритъ слѣдующее: «О подстриганіи Георгія, сына великаго князя Ивана Васильевича, въ его жизни написано, что по прошествіи седьми лѣтъ его *на сѣдлѣ* со стрѣлами постригали, и на конь посадили. Сіе хотя о государяхъ, *сколько мнѣ извѣстно*, болѣе не упоминается, но *въ моей памяти между знатными еще употреблялось. Въ шляхетствѣ подстриганіе на сѣдлѣ доднесь въ обычаѣ*» [209]).

Указывая источники постановленій нашихъ о престолонаслѣдіи, Болтинъ приводитъ изъ Татищева и основныя начала, почерпнутыя изъ естественнаго права, и историческіе примѣры тому, что властитель можетъ по своей волѣ избирать себѣ наслѣдника. Основываясь на естественномъ правѣ, Татищевъ утверждаетъ, что всякій воленъ отдавать свое имѣніе, какое бы оно ни было, кому и когда хочетъ; что родители *обязаны* дѣтямъ дать одно только воспитаніе: «родители дѣтямъ ничѣмъ, кромѣ воспитанія не должны»; что первородный никакого преимущества передъ другими дѣтьми не имѣетъ. Примѣры Татищевъ заимствуетъ

изъ русской исторіи, а именно: Гостомыслъ, помимо дѣтей старшей дочери, назначилъ наслѣдникомъ сына средней; Рюрикъ, имѣя старшаго сына на удѣлѣ, отдалъ престолъ шурину своему Олегу; Иванъ Великій назначилъ своимъ наслѣдникомъ сперва внука своего, а потомъ сына, о чемъ постановилъ и законъ, утвердя его соборомъ: объ этомъ упоминаетъ Иванъ Грозный въ своей рѣчи къ вельможамъ; Петръ Великій подтвердилъ этотъ законъ, о чемъ подробно говорится въ Правдѣ о волѣ монаршей [210]).

Разсуждая о причинахъ, по которымъ монархическое правленіе предпочиталось у насъ аристократическому, Болтинъ заимствуетъ у Татищева два примѣра. По сверженіи Шуйскаго, власть перешла въ руки семи бояръ, слѣдовательно утверждено правленіе чисто-аристократическое: отъ этого «безпутнаго правительства» государство пришло въ крайнее разореніе и въ такой упадокъ, что едва не распалось на части и не сдѣлалось добычею враговъ. По кончинѣ Петра Великаго горсть коварныхъ вельможъ учредила верховный тайный совѣтъ, ознаменовавшій свою дѣятельность тѣмъ, что «многіе знатные люди неповинно перепытаны, ограблены и въ ссылки разосланы» [211]).

Что Болтинъ довѣрялъ Татищеву не безусловно и не во всемъ, на это много доказательствъ въ сочиненіяхъ Болтина. Въ иныхъ случаяхъ онъ выражаетъ сомнѣніе, въ другихъ указываетъ очевидную ошибку, объясняя при этомъ, отчего она произошла.

Татищевъ полагалъ, что древній *Корсунь* былъ тотъ же городъ, который называется теперь *Кинбурномъ*. Онъ основывался на томъ, что, по Птоломею, стѣна корсунская была въ междоморіи, а по Нестору, Корсунь стоялъ надъ лиманомъ. Ошибка Татищева происходитъ, по замѣчанію Болтина, отъ словъ Нестора, сказавшаго, что Корсунь стоялъ надъ лиманомъ, надъ которымъ въ дѣйствительности нѣтъ другаго города, кромѣ Кинбурна [212]).

Въ пространномъ примѣчаніи къ статьѣ Русской Правды «о мѣсячномъ рѣзѣ» Болтинъ говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«*Не безъ удивленія видимъ*, что Татищевъ въ объясненіяхъ своихъ на судебникъ царя Ивана Васильевича написалъ, якобы росты въ Россіи издревле не болѣе были какъ по 10 на 100. Но въ какой исторіи нашелъ онъ на предлагаемое имъ свидѣтельство, того онъ не сказалъ, а *потому и имѣемъ мы право* усумниться о томъ, тѣмъ паче, что въ статьѣ, на кою онъ ссылается, обрѣтаемъ совсѣмъ противное утверждаемому имъ» [213]).

По поводу одного весьма неяснаго и запутаннаго мѣста въ спискахъ древней лѣтописи Болтинъ замѣчаетъ: «Татищевъ, при всей своей осторожной разборчивости, не проникъ въ семъ мѣстѣ до первобытнаго смысла, и *послѣдовалъ разумѣнію другихъ*, однакожъ не во всемъ никоновскому списку подражалъ» [214]).

Значеніе историческаго труда Татищева Болтинъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «Не погрѣшилъ я противу справедливости, сказавъ, что нѣтъ у насъ понынѣ полной хорошей исторіи, и не оскорбилъ тѣмъ нимало памяти достопочтенныхъ моихъ согражданъ Ломоносова и Татищева. Я увѣренъ, что и сами бы они тѣхъ словъ моихъ за оскорбленіе себѣ не приняли, ибо не сказалъ я, что нѣтъ у насъ никакой хорошей исторіи, но нѣтъ полной, каковою ни Ломоносова, ни Татищева назваться не можетъ, тѣмъ менѣе послѣдняго, которая *не иное что есть, какъ лѣтопись Несторова и продолжателей его, безъ всякой перемѣны, но токмо исправленная, пополненная изъ разныхъ списковъ, и примѣчаніями обогащенная*. Онъ самъ не назвалъ ея исторіею, но лѣтописью Нестора черноризца, и слѣдуя во всемъ ему изъ слова въ слово, не исключилъ даже и тѣхъ мѣстъ, гдѣ Несторъ и Сильвестръ о себѣ говорили». Вслѣдствіе чего выходитъ, какъ будто бы Татищевъ былъ *самовидцемъ* открытія мощей св. Ѳеодосія въ 1091 году, и т. п.[215]).

Отличительными чертами Болтина, какъ писателя, служатъ: уваженіе къ факту, строгая правдивость, неуклонное стремленіе

къ истинѣ — дѣйствительной, а не воображаемой. Отъ историка онъ прежде всего требовалъ правды, фактической достовѣрности: «историкъ не тò долженъ писать, чтò *могло бы быть,* но тò, чтò *дѣйствительно было,* не *могущее статься,* но *собывшееся».* На этомъ основаніи онъ не прощаетъ разбираемому автору даже такой невинной вещи, какъ слегка присочиненное извѣстіе о томъ, что видъ прелестнаго ребенка, Людовика XV, произвелъ пріятное впечатлѣніе на Петра Великаго: «Я того не отрицаю, чтобъ благородный видъ и пріятности особы юнаго Лудовика не могли произвести впечатлѣнія въ царѣ, но чтобъ сіе *въ самой вещи было,* того ни однимъ изъ современныхъ не засвидѣтельствовано» [216]).

Требуя вѣрности и точности въ изложеніи того, чтò было дѣйствительно, Болтинъ избѣгалъ всего неопредѣленнаго, гадательнаго, произвольнаго. Онъ не успокоивался на фразахъ, въ которыхъ главную роль играютъ слова: *быть можетъ, мнѣ кажется, приблизительно,* и тому подобныя. Онъ неограничивался *нѣкоторыми* данными тамъ, гдѣ имѣлъ возможность узнать *всѣ.* Добиваться возможно большей точности, не пренебрегая и мелкими подробностями, сосчитывать и провѣрять, вошло у него въ привычку, отъ которой онъ не любилъ отступать, о чемъ бы ни заводилъ рѣчи въ своихъ сочиненіяхъ.

Присутствуя на празднествѣ годовщины сарептской колоніи, Болтинъ, сидя на хорахъ, сосчиталъ *всѣхъ* находившихся въ церкви, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей: мужчинъ, съ тѣми, которые играли и пѣли на хорахъ, было сто двадцать два; женщинъ, замужнихъ и дѣвушекъ, сто двадцать восемь; въ томъ числѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, тридцать [217]). Леклеркъ въ своей исторіи Россіи замѣтилъ мимоходомъ, что между русскими пословицами есть одна весьма непристойная. Вслѣдствіе этого Болтинъ перечиталъ съ величайшимъ вниманіемъ *весь* сборникъ пословицъ, бывшій въ рукахъ Леклерка, и такимъ образомъ могъ сказать съ увѣренностью, что подобной русской пословицы не существуетъ, по крайней мѣрѣ ее

нѣтъ въ указанномъ сборникѣ: «Я прочелъ всю книжку, отъ доски до доски, *употребляя всевозможную осторожность и вниканіе, чтобъ не пропустить сказанныя пословицы;* но трудъ мой былъ тщетенъ. Видно кто-нибудь сказалъ ему нàсмѣхъ о томъ или самъ онъ читая, по незнанію языка, счелъ пристойное за непристойное и обыкновенное за странное» [218]). Предположеніе Болтина о томъ, что иныя извѣстія сообщали Леклерку просто нàсмѣхъ, весьма правдоподобно. Позабавиться на счетъ легковѣрныхъ иностранцевъ, поразсказать имъ разнаго рода небывальщины, доставляло немалое удовольствіе русскимъ людямъ не только въ шестнадцатомъ столѣтіи, но и въ восемнадцатомъ и даже въ девятнадцатомъ.

Отвергая все ложное, сомнительное и недостовѣрное, историкъ дорожитъ и руководствуется правдивымъ свидѣтельствомъ памятниковъ, выдерживающихъ самую строгую критику. Собирая всѣ уцѣлѣвшія въ нихъ указанія, онъ долженъ вникать въ смыслъ ихъ и постоянно имѣть въ виду условія мѣста и времени, измѣняющіяся съ движеніемъ исторической жизни. «Историку—говоритъ Болтинъ — должно опасаться, чтобъ объясняя темныя мѣста лѣтописей, не устраниться отъ подлиннаго ихъ смысла и не написать чего ни есть съ обстоятельствами времени или мѣстоположенія несогласнаго» [219]).

Собираніе матеріаловъ — вещь весьма почтенная; но одного накопленія фактовъ, какъ бы ни были они любопытны и важны, недостаточно для историческаго труда. Не обширность, также, какъ и не краткость, составляетъ существенное достоинство исторіи, а разумный выборъ матеріаловъ, точность и безпристрастіе въ повѣствованіяхъ, дѣльность въ сужденіяхъ, ясность и чистота въ слогѣ, и т. д. Разнообразныя данныя, заимствованныя изъ многочисленныхъ источниковъ, должны быть соединены въ одно цѣлое, освѣщены пытливою мыслью и согрѣты человѣческимъ чувствомъ. Историку надо «ежечасно помнить, что онъ *человѣкъ*» и описываетъ дѣйствія подобныхъ себѣ людей [220]). Исторія, вполнѣ достойная этого имени, должна совмѣ-

щать въ себѣ богатство фактическихъ свѣдѣній съ ихъ художественнымъ изображеніемъ и критическимъ изслѣдованіемъ. Весьма тѣ ошибаются — говоритъ Болтинъ — которые думаютъ, что всякій тотъ, кому случай поможетъ достать нѣсколько древнихъ лѣтописей и собрать достаточное количество *историческихъ припасовъ*, можетъ сдѣлаться историкомъ. *Многаго еще ему не достаетъ, если кромѣ этого ничего не имѣетъ. Припасы необходимы, но необходимо также умѣнье располагать ими*, которое вмѣстѣ съ ними не пріобрѣтается[221])... Нельзя жаловаться на недостатокъ *припасовъ* для составленія русской исторіи: они такого же рода, изъ которыхъ составлена исторія французская, англійская, испанская и другія, съ тѣмъ еще преимуществомъ, что русскія лѣтописи «достаточнѣе» иностранныхъ. «Недостаетъ понынѣ у насъ полной хорошей исторіи не по недостатку къ тому припасовъ, но по недостатку искуснаго *художника*, который бы умѣлъ тѣ припасы *разобрать, очистить, связать, образовать, расположить и украсить*. Требуется къ сему особливое *искусство, даръ, остроуміе, обильность воображенія, тонкость разсужденія и точность опредѣленія*»[222]).

Счастливое сочетаніе трехъ началъ, указанныхъ Болтинымъ — фактическаго, художественнаго и критическаго, приближаетъ твореніе историка къ его идеалу. Но какъ дѣйствительность всегда болѣе или менѣе расходится съ идеаломъ, то и русская исторіографія не представляетъ подобнаго сочетанія: не было у насъ, говоря словами Болтина, полной хорошей исторіи. Работая неутомимо на избранномъ поприщѣ, ясно сознавая свое призваніе, и не поддаваясь самообольщенію, Болтинъ далекъ былъ отъ мысли считать себя историкомъ-художникомъ. Его силу составляли два другія начала, присутствіе которыхъ даетъ себя чувствовать въ его историческихъ трудахъ. Всѣ труды его основаны на точныхъ и достовѣрныхъ *фактахъ*, и въ разработкѣ ихъ онъ является основательнымъ и мыслящимъ *критикомъ*. Скептицизмъ, критическое начало составляетъ душу его сочиненій. Подобно тому, какъ Ломоносовъ требовалъ, чтобы изслѣдователь никому

не вѣрилъ на слово, и упорно добивался истины, споря со всѣми, даже съ Аристотелемъ, даже съ самимъ собою, такъ и Болтинъ находилъ, что нельзя слѣпо вѣрить никакимъ авторитетамъ, даже самому Вольтеру, и надо крѣпко-на-крѣпко затвердить, что всякій человѣкъ есть ложь, и что считать кого-либо непогрѣшимымъ могутъ одни только суевѣрные паписты. Свидѣтельство самаго знаменитаго писателя, самаго ученѣйшаго человѣка, не сдѣлаетъ ложь правдою.

Скептицизмъ Болтина нашелъ для себя богатую пищу въ сочиненіяхъ, на которыя натолкнула нашего критика сама судьба. Сочиненія эти — исторія Россіи Леклерка и россійская исторія князя Щербатова. Разборъ этихъ объемистыхъ произведеній составляетъ содержаніе нѣсколькихъ томовъ, написанныхъ Болтинымъ, и заключающихъ въ себѣ яркія черты, рисующія и его полемическій талантъ, и складъ его ума, и его научныя и общественныя понятія.

Полная, достойная своего имени, исторія Россіи, была однимъ изъ самыхъ горячихъ желаній Болтина, и появленіе ея онъ привѣтствовалъ бы съ искреннимъ восторгомъ. Предоставляя времени осуществить свою любимую мечту, онъ велъ въ тишинѣ своего кабинета подготовительныя работы, собирая и изучая матеріалы, число которыхъ возрастало съ каждымъ новымъ досугомъ, съ каждою прочитанною рукописью или книгою. Кабинетнымъ работамъ Болтина суждено было выйти на свѣтъ Божій совершенно неожиданно: они вызваны появленіемъ книги, претендующей именно на такую исторію, которую ожидалъ онъ въ отдаленномъ будущемъ отъ кого-либо изъ своихъ соотечественниковъ. Но книга Леклерка выдала себя съ первой страницы, и вмѣсто ожидаемой полной и хорошей русской исторіи Болтину пришлось разбирать произведеніе совершенно другаго рода.

Книга Леклерка — говоритъ Болтинъ — отнюдь не исторія, и не заслуживаетъ этого имени; это — всякая всячина, всякій сборъ; это — мелочная лавочка, въ которой можно найти все, что

угодно, но не спрашивайте о качествѣ того, что̀ вы въ ней найдете. «По странному всякородныхъ вещей смѣшенію, приличнѣе бы сочиненіе сіе назвать *всякою всячиною* или pot pourri... Пришло мнѣ въ умъ сдѣлать страннаго рода, но весьма близкое и сходное, сравненіе тамошнія (сарептской) лавки съ книгою, на которую пишу я теперь возраженіе. Есть тамъ (въ лавкѣ) бархатъ и штофъ, крашенина и посконный холстъ, астролябіи и микроскопы, сѣнокосныя косы и сошники, душистыя воды и помада, вакса и деготь, позументы и ленты, снурки и нитки, золотые часы и табакерки, мѣдныя кольца и стеклянныя пронизки, конценель и сурикъ. Въ жизнь мою не видалъ я такой лавки, въ которой толикая разнообразность вещей находится. Въ первый разъ въ жизнь мою читаю такую книгу, въ которой толикая смѣсь вещей разнородныхъ и разнообразныхъ содержится»[223]).

Леклерка никакимъ образомъ нельзя назвать историкомъ: онъ просто-на̀-просто *бахаръ,* въ родѣ тѣхъ, какіе водились встарину у нашихъ вельможъ. Обязанность бахарей состояла въ томъ, чтобы потѣшать и усыплять вельможъ своими разсказами о чемъ бы то ни было. Книга Леклерка производитъ совершенно то же впечатлѣніе, что и розказни бахарей. Нѣтъ въ ней ни послѣдовательвости, ни связи; закрывая ее, забываешь прочитанное, а принимаясь за нее вновь, не имѣешь нужды справляться, на чемъ остановились; можно пропустить нѣсколько страницъ, и потери отъ этого никакой не будетъ: до такой степени все нагромождено, столько вещей, попавшихъ въ книгу случайно, безъ всякаго отношенія къ предыдущему и послѣдующему. Исторія Леклерка послужитъ для потомства образцомъ сказаній старинныхъ нашихъ бахарей: вотъ единственная услуга, которую сдѣлалъ намъ Леклеркъ изданіемъ своей исторіи[224]).

Про такихъ пустослововъ, какъ Леклеркъ, говорятъ у насъ пословицей: *языкъ вретъ, а умъ не вѣдаетъ*[225]). Во всѣхъ его разсказахъ, многословныхъ до невозможности, недостаетъ одного только слога: слогъ этотъ νοῦς, что̀ порусски значитъ *умъ*[226]).

Ошибки вольныя и невольныя, наивная ложь и умышленная

клевета, представляютъ пеструю смѣсь въ книгѣ Леклерка. Въ указателѣ предметовъ, приложенномъ къ замѣчаніямъ Болтина противъ Леклерка, самое обширное мѣсто занимаетъ отдѣлъ подъ названіемъ *Лжи и клеветы* Леклерковы. Чего, чего ни наговорилъ Леклеркъ про Россію, какихъ напраслинъ и небылицъ ни взвелъ онъ на всѣ классы русскаго общества, на весь русскій народъ,— словомъ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ отъ расходившагося краснобая. Досталось и купцамъ, и вельможамъ, и духовенству, и крестьянамъ; Леклеркъ говоритъ, что народъ нашъ и суевѣренъ и грубъ, и покоренъ и ослушливъ (?), и коваренъ и лживъ, и лѣнивъ и пьянъ, и обладаетъ многими другими качествами, все въ такомъ же родѣ. Правдолюбивый авторъ старается увѣрить своихъ читателей, что у насъ вкладываютъ въ руки мертвому паспортъ съ надписью на имя св. Николая; что до временъ Петра Великаго не было въ Россіи законовъ; что русскіе не ѣдятъ пѣтуховъ, потому что считаютъ ихъ многоженцами; что въ Россіи отъ сильной стужи и морозовъ замерзаютъ зайцы, стоя на ногахъ, и т. п. Авторъ, увидя на сытномъ рынкѣ мерзлыхъ зайцевъ, т. е. убитыхъ и замороженныхъ, которыхъ продавцы разставляютъ наприлавкахъ, вообразилъ, что ихъ находятъ въ такомъ положеніи по полямъ, и оттуда привозятъ на продажу [227]).

По поводу замѣчанія Леклерка о томъ, что музыкальныя орудія, употребляемыя нашимъ народомъ, издаютъ рѣзкіе и несносные звуки, и сдѣланы изъ скотскихъ роговъ, Болтинъ входитъ въ такого рода объясненія. Музыкальныя орудія «русской черни» слѣдующія: *гудокъ, балалайка, свирѣль, дудка* и *рогъ*. Изъ нихъ всего употребительнѣе *гудокъ* и *балалайка*. *Гудокъ* — не иное что̀, какъ скрыпка о трехъ струнахъ; *балалайка* — видъ бандоры; *свирѣль* — видъ флейты о шести ладахъ; *дудка* — маленькая флейта о четырехъ ладахъ; *рогъ* — видъ *деревянной* трубы, выгнутой на подобіе рога, о шести ладахъ. Леклеркъ слыхалъ, что въ Россіи играютъ на рогахъ, а можетъ издали и видѣлъ играющихъ, и обманувшись видомъ и названіемъ, деревянные рога принялъ за звѣриные [228]).

Леклеркъ говоритъ, что въ Россіи какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, волосы длинные, обыкновенно черные, лоснящіеся, густые, липкіе, и т. д. Болтинъ замѣчаетъ на это: ложь безкорыстная и безполезная. Волосы у нашихъ крестьянъ обыкновенно русые; черноволосыхъ очень мало, да и о тѣхъ навѣрно можно сказать, что происходятъ отъ инородцовъ, когда-то обитавшихъ среди русскаго населенія, а «чтобъ безъ примѣси иноплеменныя крови русскій былъ черноволосымъ, тому нельзя статься»: нѣкоторые писатели самое названіе *русскаго* народа производятъ отъ *русыхъ* волосъ. Что касается до дворянъ, то между ними больше найдется черноволосыхъ или темнорусыхъ, нежели свѣтлорусыхъ, и это потому, что большинство нашихъ дворянскихъ родовъ выѣхало изъ чужихъ земель: изъ Греціи, изъ Золотой орды, изъ Грузіи, изъ Германіи, и т. д. Но и у дворянъ хотя и черные волосы, но не жосткіе и не лоснящіеся. Такіе волосы, т. е. черные, жосткіе и лоснящіеся, находятся только у калмыковъ, а изъ русскихъ только у тѣхъ, у которыхъ отецъ или дѣдъ былъ калмыкъ. Липкихъ же волосъ, безъ искусственнаго ихъ смазыванія, въ природѣ не бываетъ. Говорятъ, что у страждущихъ болѣзнію, называемою plica polonica, волосы слипаются; но «мнѣ — прибавляетъ Болтинъ — таковыхъ болящихъ видѣть не случалося»[229]).

Леклеркъ искажаетъ и русскія имена, и русскія пословицы, и событія русской исторіи.

Вмѣсто *Свирговскаго* у Леклерка *Тверковскій;* вмѣсто *Вишневецкаго* — *Вишневскій*, и т. п. Встрѣчаются такія прозванія, какихъ на Руси никогда не бывало: *Кситровъ*, *Риссоксилъ*, и др. Названія княжескихъ и дворянскихъ родовъ передѣланы до такой степени, что̀ ихъ невозможно узнать: *Стешадимъ*, *Облаизовъ*, *Котоница*, и т. д.[230]).

Русскія пословицы переданы Леклеркомъ въ такомъ видѣ[231]):

Браги частыя, но руки одинакія.	On a plus d'un *ennemi*, mais on n'a qu'un bras.

Воинъ воюетъ, а жена дома *горюетъ.*	Tandis que militaire combat, sa femme *brûle* la maison.
Пьянъ *проспится,* а *дуракъ* никогда.	L'ivrogne *s'endort* souvent, *le mechant* jamais.
Всѣ люди въ избѣ, одинъ чортъ *на дворѣ.*	*L'honnete homme* habite une cabane; le diable occupe le palais.

Но и самъ Болтинъ невѣрно перевелъ одну изъ пословицъ, съ французскаго на русскій, если только это не просто типографская ошибка — пропускъ отрицательной частицы, а именно: Vous *avez beau faire* requête à Toula, il faut aller chercher la justice à Moscou — *Хорошо* ты *сдѣлалъ,* что билъ челомъ въ Тулѣ, надобно искать правосудія въ Москвѣ.

Пословицу: *громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится* Болтинъ называетъ «подлою, рѣдкимъ извѣстною», т. е. простонародною и малоизвѣстною въ образованномъ обществѣ.

Не говоримъ о невѣрностяхъ, промахахъ и искаженіяхъ при передачѣ крупныхъ и мелкихъ фактовъ изъ области русской исторіи. Въ указателѣ своемъ, подъ словомъ: *ошибки,* Болтинъ сдѣлалъ общее примѣчаніе: «*Ошибки, заблужденія, погрѣшности* г. Леклерка указывать за излишное считаемъ: они безъ пріисканія на каждой страницѣ представляются»[233]).

Многотомное сочиненіе Леклерка есть трудъ весьма поверхностный, сшитый на живую нитку изъ разныхъ лоскутковъ, частью вырванныхъ изъ чужихъ книгъ, частью собственнаго издѣлія автора. Съ міра по ниткѣ, голому рубаха — изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ страницы по двѣ и по три, и составится цѣлый томъ: вотъ тайна творчества Леклерка. Многое взялъ онъ изъ архива своей головы, откуда рѣдко выносятся достовѣрныя справки; но многое заимствовалъ изъ источниковъ гораздо болѣе дѣльныхъ[234]). Опредѣленіе источниковъ, изъ которыхъ взято множество данныхъ, нагроможденныхъ въ исторіи Леклерка, составляетъ безспорную заслугу Болтина, и доказываетъ его обширную начитанность.

Болтинъ указываетъ и доказываетъ, что Леклеркъ заимствовалъ свои матеріалы: изъ исторіи Левека; изъ записокъ Манштейна; изъ книги, приписываемой фельдмаршалу Миниху; изъ географіи Бюшинга; изъ сочиненій Вольтера; изъ записокъ русскихъ академиковъ, путешествовавшихъ по Россіи, и т. д. Постороннія вещи, наполняющія двѣ трети всего сочиненія, взяты изъ всеобщихъ путешествій, Кука и другихъ; изъ книги Рейналя о торговлѣ обѣихъ Индій; изъ исторіи древней, римской, и т. д., и т. д.,—изъ которыхъ онъ бралъ и краткими отрывками, и цѣлыми страницами, и слегка передѣлавъ по своему, выдавалъ за собственное произведеніе[285]).

Компилятору нашему крайне не посчастливилось въ заимствованіяхъ; онъ бралъ какъ нарочно не тò, чтò слѣдуетъ. Дѣлая изъ Левека сплошныя выписки, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ слога и порядка предложеній, онъ строго держался своего источника во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя не согласны ни съ тогдашними обстоятельствами, ни съ здравымъ смысломъ, и расходился съ Левекомъ именно тамъ, гдѣ его свидѣтельства не противорѣчатъ ни лѣтописямъ, ни здравому смыслу. Левекъ говоритъ, что прибывъ къ устью Днѣпра, пристали къ острову, находящемуся между Очаковымъ и Кинбурномъ. Слова Левека повторяетъ Леклеркъ, не справившись, есть ли тамъ островъ или нѣтъ, а оказывается, что между Кинбурномъ и Очаковымъ никакого острова нѣтъ. Левекъ говоритъ, что въ Россіи закономъ запрещено ѣсть телятъ, и кто нарушитъ этотъ законъ, того подвергаютъ смертной казни: тоже самое утверждаетъ Леклеркъ, принимая бредни и выдумки за сущую правду. Левекъ говоритъ, что всѣ жители, взятые въ плѣнъ половцами, замерзли на дорогѣ. Леклеркъ выписываетъ и это извѣстіе, какъ вполнѣ достовѣрное, забывая или не примѣтя, что дѣло происходило лѣтомъ и въ мѣстности, лежащей между 49° долготы и 50° широты, и т. д. Бюшингъ приписываетъ, по ошибкѣ, русскимъ крестьянамъ нѣкоторые суевѣрные обычаи чувашъ и мордвы; Левекъ безъ дальнихъ спра-

вокъ пользуется извѣстіями Бюшинга, и тѣмъ заставляетъ Леклерка поневолѣ говорить пустяки [236]),

Иногда Леклеркъ лукаво умалчиваетъ о своихъ источникахъ, но неумолимый и зоркій Болтинъ открываетъ ихъ, изобличая историка-самозванца съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Леклеркъ хвастливо заявилъ въ своей исторіи, что свѣдѣнія о казакахъ, чрезвычайно любопытныя и важныя, онъ собралъ самъ на мѣстѣ, живучи долгое время между казаками. Но Болтинъ доказалъ, что всѣ эти свѣдѣнія собраны не въ украинскихъ степяхъ, а выписаны слово въ слово изъ книги, напечатанной въ Петербургѣ, при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ корпусѣ, въ 1777 году, подъ названіемъ: Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ [237]).

Сближая слово *красавица* съ названіемъ *краснаго* цвѣта, Леклеркъ говоритъ, что понятіе *хорошая женщина* русскіе выражаютъ словами: *самая красная баба* — femme très rouge. Онъ повторяетъ въ этомъ случаѣ ошибку Бюшинга, но чтобы скрыть свой источникъ, замѣняетъ слово: *дѣвица* (у Бюшинга: *дѣвица красная*) словомъ: *баба*. Замѣна эта — говоритъ Болтинъ — весьма основательна, потому что большая часть тѣхъ, которыя при Бюшингѣ были *дѣвицами*, сдѣлались теперь уже *бабами* [238]).

Подбирая ошибки и промахи Леклерка, и издѣваясь надъ ними, Болтинъ не забываетъ однакоже указывать и тѣ случаи, въ которыхъ Леклеркъ былъ болѣе или менѣе правъ. Было бы противно справедливости — говоритъ Болтинъ — утверждать, что въ пяти томахъ, написанныхъ Леклеркомъ, нѣтъ ничего дѣльнаго и полезнаго; но того, что̀ есть хорошаго, черезчуръ мало сравнительно съ намѣреніями автора и, главное, съ его широкими обѣщаніями. Что касается Сибири, то надобно вполнѣ согласиться съ Леклеркомъ, что тамъ и такихъ мѣстъ немного, гдѣ на каждую квадратную милю приходится *двадцать* жителей, а въ остальныхъ мѣстахъ населенія гораздо меньше. *Благоразумно и разсудительно сказалъ Леклеркъ* объ Иванѣ Грозномъ: онъ имѣлъ

все отъ природы, а отъ воспитанія ничего; хорошія качества были его собственныя, а пороки прививные, и т. д.[239]).

Обычный пріемъ Болтина въ полемикѣ съ Леклеркомъ заключается въ сравненіи Россіи съ западною Европою и преимущественно съ Франціею. Сравненіе это имѣетъ цѣлью показать, что все тò, надъ чѣмъ такъ глумятся иностранцы, водилось и водится также у нихъ, и порою достигало тамъ гораздо большихъ размѣровъ, нежели у насъ.

Напрасно — говоритъ Болтинъ — иностранные писатели стараются показать, что втеченіе многихъ вѣковъ, съ девятаго и до семнадцатаго, русскій народъ былъ самымъ несчастнымъ на землѣ народомъ. Не лучшимъ жребіемъ пользовались всѣ вообще европейскіе народы со времени завоеванія римлянъ и до четырнадцатаго вѣка и даже гораздо позднѣе. Стоитъ только сравнить Европу, какою она была во времена римскаго владычества, съ тою Европою, какою стала она послѣ нашествія варваровъ, въ исходѣ шестаго вѣка. Римляне вводили всюду свой языкъ и нравы, науки и искусства — въ награду за лишеніе свободы. Съ новыми побѣдителями, сокрушившими римское господство, все перемѣнилось: являются новыя формы правленія, новые законы, новые нравы, новыя платья, новые языки и новыя имена людямъ и странамъ. Перемѣна эта, совершившаяся чрезвычайно быстро, сопряжена была съ поголовнымъ почти истребленіемъ жителей. Уцѣлѣвшіе остатки ихъ оказались несчастнѣе истребленныхъ. Народъ былъ приведенъ въ ужаснѣйшее состояніе. Междоусобіе стало общимъ и повальнымъ, и не предвидѣлось ему конца, и не было силъ положить ему предѣлы. Власти духовныя и свѣтскія истощили всѣ свои средства: указы, запрещенія, отлученія отъ церкви, поддѣльныя чудеса и знаменія не достигали желаемой цѣли, не могли истребить вопіющее зло. Разумъ человѣческій

лишенъ былъ свободы, и оставшись безъ просвѣщенія, низпалъ до глубочайшаго невѣжества. Въ половинѣ четырнадцатаго вѣка Франція была на одинъ перстъ отъ разрушенія. Войско разбито было англичанами; первостепенные вельможи и самъ король взяты въ полонъ. Крестьяне возмутились, и стали мучить и умерщвлять попадавшихъ въ ихъ руки дворянъ; одного изъ нихъ сжарили, и заставили его жену и дочерей ѣсть его мясо. Въ началѣ пятнадцатаго вѣка положеніе Франціи было не лучше. Въ Англіи, въ исходѣ четырнадцатаго вѣка, народное возстаніе надѣлало много бѣдъ государству, и т. д. Вообще въ Европѣ феодальное правленіе превратилось въ самое тяжкое рабство, и тѣ, которые назывались вольными людьми, въ дѣйствительности были рабами. Гнетъ тяготѣлъ и надъ крестьянами, надъ деревенскимъ населеніемъ, и надъ жителями городовъ и мѣстечекъ; полновластные бароны творили судъ и расправу по своему произволу, и лишая жителей всѣхъ человѣческихъ правъ, держали ихъ въ тяжеломъ и унизительномъ порабощеніи. Русскій народъ не испытывалъ такихъ рѣзкихъ и быстрыхъ перемѣнъ, какъ другіе европейскіе народы. Татары, завоевывая удѣльныя княжества, одно за другимъ, налагали на нихъ дань, и оставляя для взысканія ея своихъ баскаковъ, возвращались восвояси. При монголахъ, какъ и до нихъ и послѣ нихъ, русскіе управлялись одними и тѣми же, своими собственными, законами. Нравы, платье, языкъ, названіе людей и странъ, остались такіе же, какіе были и прежде, за ничтожными исключеніями въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, повѣрьяхъ и словахъ, заимствованныхъ нами отъ монголовъ. Все это доказываетъ, что разореніе и опустошеніе Россіи не было такъ велико и повсемѣстно, какъ то, которому подверглись другія европейскія государства. Краски свои для изображенія средневѣковой Европы Болтинъ заимствовалъ у одного изъ первостепенныхъ европейскихъ историковъ, котораго и называетъ, говоря: «пособіе въ семъ подаетъ мнѣ Робертсонъ въ житіи Карла Великаго» [240]).

Люди, выбранные русскимъ княземъ Владиміромъ для испы-

танія вѣръ, были не Богъ вѣсть какіе мудрецы; но также мало просвѣщенія было тогда и во всей Европѣ. Большая часть вельможъ и сами короли грамотѣ не знали; доселѣ уцѣлѣло много грамотъ, на которыхъ короли вмѣсто подписи собственноручно ставили кресты по причинѣ своей неграмотности [241]).

Ярополкъ, какъ говорятъ, взялъ себѣ въ жены свою мачиху. Но Ярополкъ былъ язычникъ, а въ западной Европѣ водились такіе обычаи и въ христіанскія времена. Французскіе короли перваго поколѣнія женились на близкихъ родственницахъ, и имѣли по нѣскольку женъ. У Пепина было двѣ жены, у Дагоберта—три, у Карла Великаго—девять. Частные люди, подражая государямъ, женились на своихъ мачихахъ. Оставя древніе примѣры, приведемъ не очень давній: Діана де Пуатье была наложницею у Франциска I, а потомъ у сына его Генриха II, что̀ извѣстно всему свѣту [242]).

Русскій народъ имѣетъ великую вѣру въ чудотворца св. Николая, но съ Богомъ его отнюдь не равняетъ, какъ дѣлаютъ это французы съ своимъ Францискомъ. Кто хочетъ удостовѣриться въ этомъ, пусть прочитаетъ книгу подъ названіемъ: Conformités de St. François avec Iesus Christ, т. е. сравненіе св. Франциска съ Іисусомъ Христомъ. Книга эта, признаваемая папистами за благочестивую, содержитъ въ себѣ столько странностей и нелѣпостей, столько изувѣрства и богохульства, что прочтя ее, всякій убѣдится, до какой степени «западный законъ» отдалился отъ своего источника [243]).

Въ Россіи — говоритъ Леклеркъ — многіе монахи добивались себѣ короны, и нѣкоторые ее достигли. Тщетный трудъ—возражаетъ Болтинъ — предстоитъ тому, кто, повѣря Леклерку, станетъ искать многихъ монаховъ, добивавшихся царскаго престола. Ссылка на Гришку Отрепьева была бы некстати потому, что онъ получилъ престолъ не подъ своимъ именемъ, и успѣхъ его надо отнести къ имени, имъ похищенному. Да и можно ли изъ одного, и притомъ неподходящаго, примѣра выводить общее заключеніе. Въ Англіи тоже появлялись иногда самозванцы: одинъ изъ нихъ —

жидъ, другой — хлѣбничій подмастерье; но было бы въ высшей степени странно, еслибы кто, пиша исторію Англіи, сталъ утверждать, что въ Англіи многіе жиды и хлѣбники искали престола и получили его [244]).

Леклеркъ, говоря о нашемъ древнемъ законодательствѣ, находитъ, что планъ Судебника очень стѣсненъ. Болтинъ возражаетъ на это: Судебникъ есть произведеніе такихъ временъ, когда и стѣсненный планъ законодательства могъ обнимать всѣ несложныя еще потребности народной жизни. Планъ первобытнаго закона римлянъ — такъ называемыхъ *двѣнадцати таблицъ*, которымъ довольствовались многія столѣтія, не пространнѣе плана нашего Судебника. Прибыли нужды, прибавлены и законы: чего не доставало въ судебникѣ, то пополнено въ уложеніи, въ губной и уставной грамотахъ и указахъ [245]).

На замѣчаніе Вольтера, что право участвовать въ боярской думѣ пріобрѣталось у насъ рожденіемъ, а не знаніями, Болтинъ отвѣчаетъ: Повсюду было и прежде, повсюду ведется и теперь, что рожденіе, богатство и случай предпочитаются знанію, талантамъ и способностямъ. «Сказываютъ, что и въ Англіи подобное случается, что при избраніи въ члены парламента болѣе иногда уважается богатство, нежели знаніе и способность» [246]).

Утверждать, что законы наши, именно уложеніе, давали мужу власть дѣлать съ женою своею все что угодно, Болтинъ признаетъ и безстыдствомъ и наглостью. О власти мужа надъ женою въ уложеніи не сказано ни слова. Если русскіе мужья и распространяли свою власть далѣе дозволенныхъ предѣловъ, то это надо приписывать не законамъ, а ихъ злоупотребленію. Во Франціи встарину мужья имѣли такую же власть надъ женами: по свидѣтельству Бомануара, обычай давалъ имъ полное право бить своихъ женъ — l'usage les autorisait à battre leurs femmes à loisir [247]).

Въ правахъ и обычаяхъ русскаго народа, а равно и въ его дѣйствіяхъ, начиная съ самой глубокой древности, не найдется такой жестокости, такого звѣрства и безчеловѣчія, которымъ

отличаются поступки древнихъ французовъ. Болтинъ приводитъ цѣлый рядъ возмутительныхъ жестокостей, совершенныхъ французскими королями. Самое видное мѣсто въ ряду королей-тирановъ принадлежитъ французскому Нерону, Людовику XI, подобнаго которому не представляютъ лѣтописи ни одного въ мірѣ народа[248]).

Однимъ изъ яркихъ признаковъ мягкости и человѣчности нравовъ служитъ гостепріимство. Нигдѣ въ Европѣ гостепріимство не достигало такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи; нигдѣ иностранцы не находили такихъ выгодъ и такого спокойствія, какъ у насъ. Въ западной Европѣ владѣлецъ той земли, гдѣ поселялся чужестранецъ, могъ сдѣлать его своимъ рабомъ. Въ иныхъ государствахъ законы позволяли жителямъ обращать въ рабовъ тѣхъ несчастныхъ, которые, потерпѣвъ крушеніе на морѣ, и едва спасшись отъ гибели, высадились на чужой берегъ. Жители землицы Гальской могли безнаказанно предавать смерти людей трехъ видовъ: безумныхъ, прокаженныхъ и пришлыхъ[249]).

Чѣмъ же объяснить обычное, систематическое сопоставленіе русскихъ съ иностранцами, Россіи съ западною Европою—этотъ излюбленный пріемъ нашего автора? Объясненіе должно основываться на общемъ складѣ понятій русскаго восемнадцатаго вѣка, живымъ представителемъ котораго является Болтинъ. По тогдашнимъ понятіямъ, идеала человѣчества надо было искать въ европейскомъ обществѣ, въ избранной семьѣ *европейскихъ* народовъ. Слова: *человѣкъ*, какъ существо нравственно-разумное и свободное, и *европеецъ*, заслуживающій этого имени по своимъ духовнымъ способностямъ,—значило одно и тоже. Поэтому русскимъ людямъ было весьма пріятно, когда европейскія знаменитости называли ихъ европейцами. Такое названіе дано русскимъ и Монтескье: поводомъ послужила оцѣнка преобразованій Петра Великаго.

Монтескье говоритъ: Если какой-либо государь предпринимаетъ большія преобразованія въ своемъ народѣ, то онъ долженъ измѣнять посредствомъ законовъ то̀, что̀ было постановлено так-

же законами, и посредствомъ обычаевъ тò, чтò введено обычаями. Весьма плоха та политика, которая пытается измѣнить законами тò, чтò должно быть измѣнено только обычаями. Законъ Петра перваго, требовавшій, чтобы русскіе брили бороды, и обрѣзывали до колѣнъ свои долгополыя платья, былъ мѣрою насильственною, жестокою (tyrannique). Легкость и быстрота, съ которою русскіе усвоили образованность (cette nation s'est policée), достаточно показываетъ, что крутыя мѣры его были безполезными: онъ достигъ бы той же цѣли и мѣрами кроткими. Опытъ показалъ, какъ легко было произвести перемѣну. Петръ сталъ призывать ко двору женщинъ, которыхъ до того времени держали въ затворничествѣ, заставлялъ ихъ одѣваться по иностранному, и присылалъ имъ матеріи на платья: прекрасному полу скоро полюбился образъ жизни, удовлетворявшій женскому тщеславію, и отъ женщинъ вкусъ перешелъ и къ мужчинамъ. Преобразованію много содѣйствовало то обстоятельство, что тогдашніе нравы не соотвѣтствовали климату, власть котораго сильнѣе всѣхъ другихъ властей. Петръ первый, давая европейскіе нравы и обычаи европейскому же народу, вводилъ ихъ съ такимъ успѣхомъ, какого и самъ не ожидалъ. Вотъ подлинныя слова Монтескье: Ce qui rendit le changement plus aisé, c'est que les moeurs d'alors étaient étrangères au climat et y avaient été apportées par le mélange des nations et par les conquêtes. Pierre I *donnant les moeurs et les manières de l'Europe à une nation d'Europe*, trouva des facilités qu'il n'attendait pas lui-même. L'empire du climat est le premier de tous les empires [250]).

Изъ приведеннаго мѣста очевидно, что авторъ назвалъ русскихъ европейцами только для того, чтобы, несмотря на кажущееся противорѣчіе, подтвердить любимую мысль свою о безполезности насилія и личнаго произвола при перемѣнѣ обычаевъ, сложившихся вѣками, и созданныхъ не однимъ человѣкомъ, а цѣлымъ народомъ. Яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляло преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ, которое было тогда у всѣхъ въ свѣжей памяти. Петръ Великій употреблялъ

насиліе, а между тѣмъ цѣль достигнута. Для того, чтобы объяснить такое противорѣчіе теоріи съ дѣйствительностью, надо было признать русскій народъ европейскимъ: иначе теорія оказалась бы несостоятельною.

Каковъ бы ни былъ настоящій смыслъ словъ Монтескье, для насъ особенно важно то̀, что они выдвинуты на первый планъ въ знаменитомъ наказѣ Екатеринѣ II, и имъ придано значеніе одного изъ руководящихъ началъ не только въ сужденіяхъ о русскомъ народѣ, но и въ *дѣйствіяхъ*, обращенныхъ непосредственно къ народу, и касающихся существенныхъ, насущныхъ интересовъ народа. Первыя строки первой главы наказа заключаютъ въ себѣ переводъ изъ Монтескье: «Россія есть *европейская* держава. *Доказательство сему* слѣдующее. Перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ, и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ первый, *вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ*, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ». Такимъ образомъ Екатерина II, слѣдуя Монтескье, но придавая словамъ его болѣе глубокое значеніе, признавала русскихъ европейцами, способными принять въ себя и развить нечуждыя имъ по существу своему начала европейской образованности. Въ названіи русскаго народа *европейскимъ*, выражалось и сознаніе его духовныхъ силъ, и вѣра въ его великое, историческое призваніе. Въ этомъ сознаніи, въ этой вѣрѣ Болтинъ вполнѣ сходился съ лучшими людьми современнаго ему русскаго общества. Проводя рѣзкую грань между Россіею и западною Европою, онъ имѣлъ въ виду преимущественно внѣшнія условія. Судить о Россіи, — говоритъ онъ — «примѣняяся къ другимъ государствамъ европейскимъ, есть тожъ, что сшить на рослаго человѣка платье по мѣркѣ, снятой съ карлы. Государства европейскія во многихъ чертахъ довольно сходны между собою: знавши о половинѣ Европы, можно судить о другой, примѣняясь къ первой, и ошибки во всеобщихъ чертахъ будетъ немного. Но

о Россіи судить такимъ образомъ не можно, понеже она ни въ чемъ на нихъ непохожа, а особливо *въ разсужденіи физическихъ мѣстоположеній ея предѣловъ*» [351]). Болтинъ имѣлъ здѣсь въ виду не *народы*, съ ихъ духовными особенностями, но исключительно *государства*, ихъ объемъ и топографическое свойство. Сравненіе рослаго человѣка съ карломъ относится очевидно къ пространству, занимаемому различными государствами, и самое замѣчаніе о непримѣнимости къ Россіи европейской мѣрки вызвано увѣреніемъ французскаго писателя, что русскому государству для защиты его обширныхъ предѣловъ необходимо содержать не менѣе десяти армій. Въ полемикѣ своей съ Леклеркомъ Болтинъ вынужденъ былъ касаться преимущественно темныхъ сторонъ народной жизни, выдвигаемыхъ на первый планъ его противникомъ. Настойчиво и послѣдовательно сближая между собою каждое явленіе, каждую черту въ бытѣ и судьбѣ русскаго и другихъ европейскихъ народовъ, Болтинъ тѣмъ самымъ показываетъ, что Россія и Европа — двѣ соизмѣримыя, двѣ однородныя, въ духовномъ, а не физическомъ смыслѣ, величины, которыя вслѣдствіе этого и могутъ быть сравниваемы одна съ другою. Въ этой-то однородности, въ этой-то разумной, человѣческой *равноправности* между народами и кроется основная мысль, руководившая Болтинымъ при сравненіи русской жизни съ западно-европейскою. Болтинъ не только признавалъ русскихъ *европейцами* въ томъ смыслѣ, какой придавали этому слову многіе западно-европейскіе писатели, но находилъ въ русскомъ народѣ и такія черты, которыя безспорно возвышаютъ его надъ его европейскими собратами. Для Болтина, говоря словами наказа, русскіе были народомъ *европейскимъ*, т. е. способнымъ и призваннымъ къ умственному, нравственному и общественному развитію, какое только возможно для человѣчества. Но не такъ смотрѣли на русскій народъ иностранные публицисты.

При первыхъ попыткахъ нашихъ тѣснѣе сблизиться съ западною Европою, при первомъ знакомствѣ нашемъ съ европейскою литературою, мы наталкивались уже на вещи крайне для

насъ оскорбительныя. Живой свидѣтель нашихъ первыхъ шаговъ на пути сближенія съ западною Европою, писатель временъ преобразованія, былъ пораженъ отзывами о насъ въ историческомъ трудѣ Пуффендорфа. Только по настоянію Петра Великаго Гавріилъ Бужинскій, переводившій сочиненіе Пуффендорфа, перевелъ и эти отзывы на русскій языкъ [252]). По мнѣнію Пуффендорфа, русскіе—не европейскій народъ: они и не такъ «устроены и политичны»,какъ европейцы; они и невѣжественны и малодушны, и свирѣпы и кровожадны; они—*рабы* по самой природѣ своей, по своврожденнымъ наклонностямъ [253]). Коренное отличіе русскаго намъ рода отъ другихъ европейскихъ народовъ возведено иностранными публицистами въ принципъ. Такъ или иначе, вполнѣ ясно или только намеками, европейская печать проводила ту же мысль, которая высказана и Пуффендорфомъ. Знаменитый представитель тогдашней публицистики, истолкователь «духа законовъ», считая свободу, въ ея идеѣ, общимъ достояніемъ человѣчества, допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенное различіе въ этомъ отношеніи между народами: одни изъ нихъ имѣютъ несомнѣнное право на свободу, у другихъ оно очень сомнительно. Различіе установлено самою природою. Съ одними она поступила какъ мать, съ другими — какъ мачиха. Къ числу народовъ-пасынковъ Монтескье относитъ и русскихъ. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ замѣчаній и оговорокъ, разсѣянныхъ въ его сочиненіяхъ. Всѣ люди — говоритъ онъ — рождаются равными, и поэтому надо полагать, что рабство противно человѣческой природѣ, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ оно условливается естественными причинами. Необходимо строго отличать эти страны отъ тѣхъ, въ которыхъ не существуетъ подобныхъ условій. Въ примѣръ народовъ, свободныхъ какъ бы по самой природѣ своей, Монтескье приводитъ жителей тѣхъ странъ Европы, въ которыхъ такъ счастливо уничтожено рабство. Къ народамъ, добровольно налагающимъ на себя рабство, онъ относитъ русскихъ, да одинъ изъ малоизвѣстныхъ народцевъ, обитающихъ на островѣ Суматрѣ [254]). Въ источникѣ, къ которому Монтескье обращался

съ полнымъ довѣріемъ, русскіе изображаются въ самомъ отвратительномъ видѣ: будучи вмѣстилищемъ всевозможныхъ пороковъ, они вынуждаютъ обходиться съ ними не какъ съ людьми, а какъ со скотами, и повидимому обречены на рабство самою природою[255]). Свѣдѣнія свои о дикаряхъ Монтескье заимствовалъ изъ описаній кругосвѣтныхъ путешествій, а извѣстія о русскихъ бралъ изъ разсказовъ путешественниковъ, пріѣзжавшихъ въ Россію съ тою или другою цѣлью. Большинство незваныхъ гостей являлось къ намъ для наживы, и свои понятія о Россіи основывало на успѣхѣ своихъ дѣлишекъ. На многое иноземцы смотрѣли невѣрно и пристрастно; осыпали бранью то̀, что̀ не заслуживало порицанья, а бывали случаи, что и хвалили такія вещи, которыя собственно не заключаютъ въ себѣ ничего похвальнаго, но были на руку иностранцамъ. Да и можно ли требовать безпристрастія отъ людей, пріѣзжавшихъ въ Россію съ цѣлями чисто корыстными, когда и люди науки, долго жившіе въ Россіи, и имѣвшіе возможность узнать ее, если бы хотѣли, въ сужденіяхъ о ней руководствовались не голосомъ истины, а предвзятыми взглядами, мѣшающими вѣрному пониманію дѣйствительности[256]).

Сопоставленіе русскихъ съ дикарями и варварами, отрицаніе у русскаго народа его неотъемлемыхъ правъ и произвольное исключеніе его изъ семьи европейскихъ народовъ оскорбляло мыслящихъ русскихъ людей, считавшихъ себя *европейцами* не только въ географическомъ, но и въ духовномъ смыслѣ этого слова. Равнодушно относиться къ такого рода приговорамъ и къ такому презрительному тону могъ только книжникъ, весь ушедшій въ свои книги, и разорвавшій всѣ связи свои съ Россіею и съ русскимъ народомъ. Но отъ писателя, у котораго связи эти были особенно живы, невозможно требовать подобнаго равнодушія. Какъ истый русскій человѣкъ и какъ просвѣщенный писатель восемнадцатаго вѣка, Болтинъ долженъ былъ возвысить свой голосъ въ защиту русской народности. Пріемъ, употребляемый имъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ основной мысли его возраженій. Противникамъ своимъ, порицаю-

щимъ Россію и превозносящимъ западную Европу, онъ говоритъ: вы называете насъ варварами, но вотъ вамъ примѣры изъ вашей собственной исторіи и быта, доказывающіе что прозвище это пристало вамъ гораздо болѣе, нежели намъ. Несмотря на то, мы не обзываемъ васъ варварами. Не давайте же и намъ несвойственнаго намъ имени, и не отрицайте той очевидной истины, что и мы и вы, и русскій народъ и его западныя братья, одинаково способны къ умственному и политическому развитію; и вы и мы — *европейцы* и по крови и по духу.

Сравненіе Россіи съ западною Европою, послѣдовательно проводимое Болтинымъ въ его критическомъ разборѣ книги Леклерка, отзывается нерасположеніемъ къ Франціи. И это также весьма понятно и естественно. Осужденіе Россіи и русскаго народа шло преимущественно изъ Франціи, высказывалось представителями ея литературы. Поводомъ къ самому появленію книги Болтина было сочиненіе французскаго писателя, разсказавшаго Европѣ про Россію немного были и множество небылицъ. Вліяніе Франціи чувствовалось у насъ не только въ литературѣ, но и въ жизни. Оно отражалось не только въ нашихъ понятіяхъ, но и въ нашихъ нравахъ, общественныхъ и даже семейныхъ; оно разрывало живую связь русскихъ людей съ русскою землею; оно грозило имъ умственнымъ и нравственнымъ порабощеніемъ. Въ виду этого писатели наши не могли и не должны были молчать. Сама собою создалась у насъ обличительная литература, направленная противъ иноземнаго вліянія. Въ смѣлыхъ и правдивыхъ укорахъ, выходившихъ изъ круга людей, подобныхъ Новикову и Болтину, слышится не слѣпая ненависть къ иностранцамъ, а горячая любовь къ Россіи и сознаніе духовныхъ силъ русскаго народа. Не говорите съ чужаго голоса, а работайте собственною мыслію; дорожите своимъ нравственнымъ достоинствомъ, и не жертвуйте имъ изъ подражанія иностраннымъ образцамъ, — вотъ сущность проповѣди Новикова и Болтина, обращенной къ современному имъ русскому обществу. И Новиковъ и Болтинъ, осуждая и осмѣивая слѣпое и жалкое подчиненіе чужеземному

игу, ратовали за умственную и нравственную самостоятельность русскаго народа, за сохраненіе въ немъ добрыхъ началъ, потеря которыхъ была бы для него великимъ несчастіемъ. Дорожа лучшими преданіями народной жизни, они не могли помириться съ ихъ утратою и истребленіемъ подъ наплывомъ иностранныхъ обычаевъ, безсознательно усвоиваемыхъ нашимъ обществомъ. Совершенно тотъ же взглядъ и даже тотъ же пріемъ при оцѣнкѣ французскаго вліянія находимъ и у Болтина и у Новикова. Припомнимъ, что говорилъ Новиковъ въ своемъ замѣчательномъ предисловіи къ древней россійской вивліоѳикѣ: «Не всѣ у насъ еще слава Богу *заражены Франціею;* но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ читать будутъ описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ житіи *предковъ нашихъ* употреблявшихся; съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и *съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ,* украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣнія о своихъ предкахъ; *похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ, но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ.* Напоенные сенскимъ воздухомъ сограждане наши станутъ, можетъ быть, пересмѣхать *суевѣріе* и простоту нашихъ прапрадѣдовъ. Но *пусть припомнятъ наши полуфранцузы день св. Варѳоломея: тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторые частные люди отъ суевѣрія пострадали».* Болтина возмущало то̀, что французское воспитаніе породило у насъ рознь: русскіе люди раздѣлились на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стоятъ образованные или *благородные*, а въ другомъ — невѣжественная *чернь*, и эти такъ называемые образованные люди «съ презрѣніемъ смѣются» надъ прекрасными обычаями родной стороны потому только, что подобныхъ обычаевъ не водится у французовъ [257]). По мнѣнію Болтина, французское вліяніе вносило къ намъ и сословную разнь: дворянство наше — говоритъ онъ — не заразилось еще безмѣрнымъ чванствомъ французскаго. Воспитаніе французское не успѣ-

ло еще истребить изъ насъ истинныхъ началъ благоразумія, устраненіе отъ коихъ произвело въ учителяхъ нашихъ ложныя понятія о честномъ и о полезномъ» [258]). Эта-то ложь въ понятіяхъ и оскорбляла нравственное чувство нашихъ писателей заставляя ихъ выставлять съ особенною яркостью ту нравственную распущенность, то непростительное легкомысліе, которыя обнаруживались при замѣнѣ русскаго французскимъ. Въ одномъ изъ примѣчаній къ поученію Владимира Мономаха говорится о русскихъ людяхъ, получившихъ французское воспитаніе: «Будучи утверждены во мнѣніи отъ учителей, что все французское хорошо и *все русское дурно*, при всякомъ случаѣ не оставляютъ изъявлять своего къ первому уваженія, а къ послѣднему *презрѣнія*, не выключая изъ того и вѣры, *хотя ея и не знаютъ*; смѣются всему тому, что̀ предки наши за священное почитали, и что̀, не по внушенію невѣжества и суевѣрія, но *по наставленію здраваго разсудка, должно чтить и уважать*, то̀ они считаютъ за басни, за игрушки, недостойныя вниманія людей просвѣщенныхъ, каковыми они сами себя признаютъ и величаютъ. Вотъ плоды французскаго воспитанія» [259]).

Историческій трудъ князя Щербатова разсмотрѣнъ Болтинымъ такъ же подробно и внимательно, какъ и многотомная исторія Россіи Леклерка. Разбирая сочиненіе князя Щербатова, Болтинъ обнаружилъ туже критическую пытливость, туже научную требоватеьность и тоже неистощимое остроуміе.

Книга Щербатова подверглась не только суду, но въ той же мѣрѣ и осужденію безпощаднаго критика. По его словамъ, рѣдкое событіе представлено авторомъ въ своемъ настоящемъ видѣ, съ желаемою точностью и ясностью; большая часть перемѣшана съ посторонними обстоятельствами, прерывающими нить историческаго повѣствованія; вещи же дѣйствительно важныя неизвѣстно

почему пропущены, вслѣдствіе чего происходитъ такая темнота и путаница, что безъ помощи лѣтописей ничего нельзя понять. Вмѣсто стройнаго и связнаго изложенія событій встрѣчается безобразная куча словъ, въ которой малая доля историческихъ истинъ засыпана безчисленнымъ множествомъ счебня и мусора.

И Щербатовъ и Татищевъ пользовались для своихъ трудовъ одними и тѣми же источниками, т. е. лѣтописями; но отчего же — спрашиваетъ Болтинъ — такая разница между произведеніями этихъ историковъ? Оттого, что Татищевъ прежде обдумывалъ, соображалъ, справлялся и повѣрялъ, а потомъ уже писалъ, а Щербатовъ, выписывая изъ своихъ источниковъ, нисколько незаботился о томъ, достовѣрно или нѣтъ содержаніе его выписокъ [260]). Въ иныхъ случахъ, на вопросъ, почему то или другое извѣстіе попало на страницы его исторіи, у него не нашлось бы другаго отвѣта, какъ такой: я и самъ не помню, что̀ я думалъ тогда, когда писалъ [261]).

Имѣя подъ руками много лѣтописей, Щербатовъ не сличалъ ихъ одна съ другою, не обращалъ вниманія на ошибки переписчиковъ, не позаботился даже о томъ, чтобы перечитать написанное имъ самимъ и уничтожить противорѣчія самому себѣ. Такая безпечность и нерадѣніе о своемъ собственномъ дѣтищѣ причиною всѣхъ пороковъ и недостатковъ, съ которыми возмужалый отрокъ явился на свѣтъ, и заставилъ себя презирать къ величайшему огорченію автора-родителя [262]).

Много пострадали лѣтописи наши отъ неискусныхъ писцовъ; но Щербатовъ надѣлалъ гораздо болѣе ошибокъ, нежели всѣ переписчики вмѣстѣ. Онъ перепортилъ и собственныя имена, и хронологическія данныя, и самыя событія [263]).

Вмѣсто *Кельты* Щербатовъ пишетъ *Сельты*, вмѣсто *Сербія* — *Сервія*, вмѣсто *Византія* — *Визанція*, вмѣсто *Спарта* — *Спартъ*, и т. п. Быть можетъ впрочемъ — иронически замѣчаетъ Болтинъ — историкъ нашъ портитъ иностранныя имена въ отместку иностранцамъ, которые такъ часто искажаютъ наши имена. Незнаніе русскаго языка, неумѣнье выражаться порусски

поражаетъ въ сочиненіи природнаго русскаго, да еще члена россійской академіи. Нѣтъ страницы безъ грамматическихъ ошибокъ; нѣтъ предложенія, правильно составленнаго; въ глаголахъ перепутаны времена и наклоненія, въ именахъ падежи и роды: вмѣсто женскаго стоитъ мужескій родъ и вмѣсто мужескаго женскій, вмѣсто родительнаго падежа или винительнаго по большей части дательный, вмѣсто настоящаго времени прошедшее или будущее, и т. п. Въ правописаніи авторъ нашъ подражаетъ женщинамъ, плохо знающимъ русскую грамоту, и для большей нѣжности измѣняющимъ *о* въ *а* (*ана*, *ано*, и т. д.); увлекаясь примѣромъ женщинъ, онъ забываетъ, что пишетъ исторію, а не любовное письмо. Щербатовъ не понимаетъ различія въ смыслѣ словъ: *награждать*, *жаловать* и *ссужать*; онъ говоритъ, что князь Владимиръ раздавалъ кушанья народу, и бѣдныхъ *ссужалъ* деньгами. Это выраженіе напомнило Болтину газетное извѣстіе о томъ, что государыня повелѣла выдать въ награду солдатамъ, бывшимъ въ сраженіи съ шведами, по два рубля каждому: что если бы въ газетахъ напечатали, что императрица милостиво приказала *ссудить* каждому солдату по два рубля! [264])

По мнѣнію Щербатова, Кій пришелъ въ Россію изъ дальнихъ странъ съ вельможами своими *Радимомъ* и *Вяткою*. Кій является обладателемъ всей Россіи, простиравшейся до небывалыхъ предѣловъ; Радима Щербатовъ *опредѣляетъ губернаторомъ* на Бугѣ, а Вятку и управляемыхъ имъ *вятичей* переноситъ съ верховьевъ Оки на рѣку Вятку, которая едвали извѣстна была тогдашнимъ руссамъ, и т. д.[265]).

Въ лѣтописяхъ написано, что *Ссолы* или Сусолы (народъ) пришли около *Юрьева дня* ко Пскову; псковичи и новгородцы выступили противъ нихъ, выдержали съ ними жестокій бой, на которомъ русскихъ побито до тысячи человѣкъ, а *ссоловъ* безчисленное множество. Щербатовъ передаетъ это извѣстіе такимъ образомъ: Опустоша *Юрьевъ* (городъ, теперешній Дерптъ), ссолы доходили до Пскова; псковичи ихъ разбили, и взяли съ нихъ тысячу гривенъ и несчетное множество *соли*.

Щербатовъ говоритъ, что Всеволодъ, отпуская новгородцевъ, оставилъ у себя *Дмитрія Стрѣлина*; и что новгородцы разграбили домы: *Мирошкинъ* и *Дмитровъ*. Во всѣхъ лѣтописяхъ написано, что Всеволодъ оставилъ при себѣ посадника *Дмитрія Мирошкина*; но откуда же взялся *Дмитрій Стрѣлинъ*? Разгадку Болтинъ нашелъ въ никоновской лѣтописи, гдѣ сказано: посадника новгородскаго Дмитрея, *стрѣлена* зѣло подъ Пронскомъ. *Стрѣлена зѣло* значитъ: *тяжко раненаго стрѣлою*. Князь Щербатовъ принялъ слово *стрѣлена* за прозвище, и вмѣсто *Дмитрія Мирошкина* явился у него *Дмитрій Стрѣлинъ*. Но и Мирошка, и Дмитро, и Стрѣлинъ—одно и тоже лицо: «такимъ образомъ часто нашъ историкъ изъ одного дѣлаетъ три, а изъ трехъ одного, а часто и ничего, но обилію зиждительной силы своего мозга» [266]).

Слово: *гребля* Щербатовъ принялъ за собственное имя, и назвалъ рѣку, протекающую у стѣнъ города Луцка *Греблею*, не зная, что слово *гребля* значило и значитъ *плотина*, и въ этомъ смыслѣ употребляется до сихъ поръ въ Малороссіи. Щербатовъ, сознаваясь въ своемъ промахѣ, оправдывается тѣмъ, что въ Малороссіи не бывалъ, и украинскаго нарѣчія не знаетъ, а въ другихъ мѣстностяхъ есть и рѣка *Роща*, и рѣка *Лужа*: почему же, думается ему, не быть и рѣкѣ *Греблѣ*? [267]).

Рѣзкость отзывовъ Болтина, какъ о Щербатовѣ, такъ и о Леклеркѣ, объясняется отчасти тѣмъ, что онъ долженъ былъ высказывать свои мысли не иначе, какъ въ видѣ отпора и возраженія своимъ противникамъ. Желая какъ можно ярче выставить ихъ промахи и ошибки, онъ и самъ налагалъ иногда черезчуръ густыя краски на тотъ предметъ, которымъ опровергалъ доводы противной стороны. Вслѣдствіе этого замѣтно иногда если не совершенное противорѣчіе, то, по крайней мѣрѣ, весьма сильное различіе въ оттѣнкахъ при изложеніи одного и того же предмета, при развитіи одной и той же мысли.

Произведенія Болтина, его критическія работы въ области русской исторіи отличаются строгою послѣдовательностью, единствомъ пріемовъ и выдержанностью основной мысли. Разсматривая то или другое свидѣтельство, тотъ или другой памятникъ, критикъ нашъ приводитъ изъ нихъ въ каждой главѣ по нѣскольку строкъ, и перебираетъ ихъ, такъ сказать, по ниткѣ, не покидая приведеннаго отрывка до тѣхъ поръ, пока не исчерпаетъ всего его содержанія. Чѣмъ запутаннѣе и непонятнѣе то или другое мѣсто въ памятникѣ, тѣмъ съ большею настойчивостью добивается онъ его настоящаго смысла, прибѣгая большею частью къ сравненію съ другими источниками. Для объясненія сколько-нибудь загадочнаго мѣста онъ прежде всего обращается къ древнѣйшимъ спискамъ; затѣмъ разсматриваетъ послѣдующія видоизмѣненія текста по разнымъ спискамъ, и только по сличеніи всѣхъ варіантовъ, дѣлаетъ свой выводъ, предлагаетъ свое толкованіе. Встрѣчая у позднѣйшихъ писателей уклоненіе отъ первыхъ источниковъ, какое-либо невѣрное или сомнительное извѣстіе или даже слово, онъ нетолько исправляетъ его на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, но и объясняетъ причину появленія той или другой ошибки, незамѣтной и непонятной для критика менѣе проницательнаго и менѣе подготовленнаго. Примѣровъ не привожу потому, что они находятся въ каждой главѣ критическихъ замѣчаній Болтина на книги Леклерка и князя Щербатова, а всѣхъ главъ около семисотъ. Одну изъ нихъ мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ, какъ наглядный образецъ критическихъ пріемовъ автора [268]).

Болтинъ не любилъ щеголять своими знаніями, избѣгалъ произвольныхъ обобщеній, и не произносилъ рѣшительныхъ приговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда были еще основательные поводы къ сомнѣнію. Въ одномъ изъ самыхъ жгучихъ вопросъ нашей исторіографіи восемнадцатаго столѣтія, за который столько нареканій падало и на Миллера и на Ломоносова, и о которомъ толковали и въ академическихъ собраніяхъ и при дворѣ, — въ вопросѣ о происхожденіи руссовъ Болтинъ не беретъ на себя окон-

чательнаго рѣшенія, осторожно высказывая свои домыслы, и отвергая генеалогію народовъ, невыдерживающую научной критики. У многихъ, если не у всѣхъ, народовъ — замѣчаетъ Болтинъ — обнаруживалось стремленіе причислить себя къ древнѣйшимъ народамъ міра, отыскивая себѣ родоначальника между сыновьями или внуками Ноя. Словно боялись эти народы, чтобы ктонибудь не назвалъ ихъ незаконорожденными, если они не докажутъ, что происходятъ по прямой линіи отъ Ноя. Выборъ между потомками Ноя, дѣйствительными или небывалыми, опредѣлялся единственно созвучіемъ ихъ именъ съ названіемъ различныхъ народовъ. Такимъ-то образомъ явились: у скиѳовъ родоначальникъ Скиѳъ, у славянъ — Славенъ, у русскихъ — Россъ, у чеховъ — Чехъ, у готовъ — Гутъ, и т. д. [269]). Болтинъ *не осмѣливается рѣшительно сказать* (его подлинное выраженіе), отъ какого народа происходятъ русскіе, но на основаніи *нѣкоторыхъ обстоятельствъ* считаетъ *вѣроятнымъ*, что праотцами нашими были кимвры. Чѣмъ болѣе руссы смѣшивались съ варягами и сарматами, тѣмъ быстрѣе исчезали въ языкѣ ихъ слѣды ихъ киммерійскаго происхожденія [270]). По мнѣнію Болтина, пришествіе Рюрика есть эпоха *зачатія* русскаго народа, произшедшаго отъ соединенія руссовъ со славянами. Знакомы были они между собою давно, но *сочетались* родствомъ при Рюрикѣ, а черезъ нѣсколько вѣковъ *произвели на свѣтъ* ихъ общее дѣтище, заимствовавшее *нѣчто* въ своихъ свойствахъ отъ своихъ обоихъ родителей; но это *нѣчто* неузнаваемо измѣнилось отъ времени и многихъ другихъ причинъ. Истыми праотцами нашими должны считаться руссы: отъ нихъ мы ведемъ свой родъ, и на тѣхъ самыхъ живемъ мѣстахъ, на которыхъ они родились и погребены. Хотя и славянъ, по смѣшенію ихъ съ руссами, мы также должны назвать своими праотцами, но все тò, чтò мы отъ нихъ заимствовали, превратилось въ русское дѣйствіемъ времени и климата, и едва ли въ жилахъ нашихъ осталась хотя одна капля славянской крови [271]).

Въ обозначеніи эпохи Рюрика съ такою образною опредѣ-

ленностью видно желаніе автора свести вопросъ на историческую почву, и говорить не о тѣхъ свойствахъ, которыя могли быть у праотцевъ русскаго народа, а о тѣхъ дѣйствіяхъ этого народа, о которыхъ имѣемъ мы положительныя свидѣтельства. Предпринимать экскурсіи въ доисторическую даль значило для Болтина терять время на безполезныя разысканія и самому теряться въ предположеніяхъ и догадкахъ. Говорить о временахъ историческихъ гораздо удобнѣе и сподручнѣе, нежели дѣлать безплодныя усилія проникнуть въ неизмѣримую глубину незапамятной древности [272]).

Говоря о временахъ историческихъ, Болтинъ высказываетъ много дѣльныхъ соображеній, сдѣлавшихся достояніемъ науки. Онъ выражаетъ убѣжденіе, что Несторъ отнюдь не былъ первымъ по времени русскимъ лѣтописцемъ, и доказательства этому находитъ въ самомъ содержаніи и составѣ нашихъ лѣтописей, начиная съ древнѣйшихъ ихъ списковъ. Несторъ писалъ свою знаменитую лѣтопись не со словъ, а пользуясь письменными сказаніями своихъ предшественниковъ; равнымъ образомъ и послѣдующіе бытописцы, внося въ свои труды много такого, чего нѣтъ у Нестора, брали это не изъ устныхъ преданій, а изъ другихъ лѣтописей, составители которыхъ намъ неизвѣстны [273]). О лѣтописи, извѣстной подъ именемъ несторовой, Болтинъ дѣлаетъ весьма умное и вѣрное замѣчаніе, что въ ней всего менѣе чудесъ, суевѣрій и явленій сверхъестественныхъ. Справедливость замѣчанія Болтина вполнѣ подтверждается сравненіемъ древней нашей лѣтописи не только съ позднѣйшими русскими, но и съ западно-европейскими [274]).

Для того, чтобы получить вѣрное понятіе о состояніи Россіи въ ту или въ другую эпоху, Болтинъ обращается къ свидѣтельству памятниковъ, въ полномъ смыслѣ слова, историческихъ. Такимъ образомъ изъ данныхъ, представляемыхъ договоромъ русскихъ съ греками, онъ выводитъ заключеніе, что уже въ тѣ времена, т. е. въ началѣ десятаго столѣтія, русскій народъ имѣлъ законы; что онъ раздѣленъ былъ на сословія; что онъ велъ тор-

говлю, внутреннюю и внѣшнюю; занимался мореплаваніемъ, художествами и ремеслами, и обладалъ даже образованностью, разумѣется, соотвѣтствующею тогдашнему вѣку [275]).

Излагая различныя явленія русской исторической жизни, Болтинъ разсматриваетъ ихъ въ послѣдовательности времени, и этимъ даетъ твердую основу для выводовъ и для вѣрной оцѣнки каждаго отдѣльнаго факта. По поводу перемѣны лѣтосчисленія Петромъ Великимъ, Болтинъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о постепенномъ измѣненіи нашего лѣтосчисленія. Первоначально, въ языческую эпоху, начало года считалось съ весны, подобно тому, какъ и теперь начало весны празднуется вотяками, черемисами, вогуличами, и т. п. По принятіи христіанства, церковный годъ считали отъ перваго марта, а гражданскій — отъ перваго сентября. При митрополитѣ Ѳеогностѣ постановленіемъ собора положено какъ церковный, такъ и гражданскій годъ начинать съ сентября. Въ 1700 году указомъ Петра Великаго началомъ новаго года признано первое января [276]). Статья о рѣзахъ въ Русской Правдѣ послужила поводомъ къ историческимъ указаніямъ о ростахъ или процентахъ. Росты были у насъ разные, въ разное время: мѣсячные — взымаемые съ займа на мѣсяцъ или на нѣсколько дней; третные — съ займа на два, на три мѣсяца, и т. д. Неудивительно, что во времена Владимира Мономаха брали 50 ростовъ на 100, когда и во времена Ивана Грознаго не воспрещалось брать по 40 на 100. Нельзя также удивляться величинѣ третныхъ и мѣсячныхъ ростовъ, если и въ недавнее время, до учрежденія ломбарда, мелочные ростовщики брали отъ 5 до 10 копѣекъ съ рубля въ недѣлю, что̀ и составитъ въ мѣсяцъ отъ 20 до 40 ростовъ; давая же сумму покрупнѣе (двѣсти, триста рублей), брали ростовъ отъ 5 до 8 и до 10 въ мѣсяцъ, слѣдовательно, въ четыре мѣсяца приходилось немногимъ меньше старинныхъ третныхъ ростовъ [277]). Какъ матеріалъ, необходимый для публициста, находимъ у Болтина краткій историческій очеркъ образа правленія въ Россіи и отношеній правительственной власти къ народу.

Болтинъ сообщаетъ весьма важныя данныя о народонаселеніи въ Россіи, точно обозначая, въ различныхъ мѣстностяхъ, число жителей по сословіямъ и количество земли удобной и неудобной для воздѣлыванія: пахатной, сѣнокоса, лѣса; пространствъ, занимаемыхъ рѣками, рѣчками, озерами, болотами и дорогами, и т. п. Весьма любопытны также свѣдѣнія, собранныя Болтинымъ о количествѣ добываемаго въ Россіи золота и серебра и объ отпускѣ русскихъ произведеній заграницу. Втеченіе десяти лѣтъ, съ 1771 по 1781 годъ, на петербургскій монетный дворъ привезено съ нерчинскихъ и колывановоскресенскихъ заводовъ чистаго золота 753 пуда съ фунтами и чистаго серебра 20,077 пудовъ съ фунтами; всего, и золота и серебра, на 28,622,073 рубля. Россія болѣе отпускаетъ своихъ произведеній заграницу, нежели получаетъ чужихъ. Перевѣсъ отпуска передъ полученіемъ доставляетъ ежегодно около пяти миліоновъ рублей. Разнаго хлѣба отпущено изъ Россіи въ чужіе краи въ три года, а именно въ 1778, въ 1779 и въ 1780, на 4,598,815 рублей; въ послѣдующіе годы — прибавляетъ Болтинъ — отпускъ былъ больше, но *я достовѣрнаго о томъ извѣстія не имѣю* [278]).

По поводу различныхъ фактовъ и предположеній, встрѣчающихся у того или другаго автора, Болтинъ въ свою очередь дѣлаетъ множество бѣглыхъ замѣтокъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ — къ уцѣлѣвшихъ остаткамъ литературныхъ памятниковъ древности и къ государственнымъ актамъ восемнадцатаго столѣтія, къ народнымъ и церковнымъ обычаямъ и къ біографіи историческихъ лицъ, и т. д. Обычай изображать луну у подножія креста на церквахъ Болтинъ объясняетъ чрезвычайно просто. Онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что какой-нибудь кузнецъ придѣлалъ рогатую луну къ нижней части креста безъ всякаго умысла, безо всякой цѣли, а единственно для прикрасы. Украшеніе это понравилось и привилось. Впрочемъ Болтинъ оговаривается, что ему не удалось найти достовѣрнаго объясненія этого обычая, а существующія преданія онъ находитъ весьма сомнительными [279]). Объ одномъ изъ ближайшихъ сотруд-

никовъ Петра Великаго Болтинъ отзывается слѣдующимъ образомъ. Меншиковъ былъ кусокъ желѣза, обдѣланный руками счастья и поставленный на одинаковую высоту съ людьми родовитыми. Хотя онъ происходилъ изъ самаго низкаго состоянія, но «не изъ невольниковъ: отецъ его, какъ я слыхалъ отъ многихъ» былъ придворнымъ конюхомъ, а въ конюхахъ бывали тогда большею частью бѣдные дворяне и дѣти боярскія [280]).

По содержанію своему труды Болтина представляютъ рядъ замѣчаній и изслѣдованій, относящихся къ области *древней* русской исторіи. Но въ нихъ собрано много данныхъ, относящихся и къ *новому* періоду нашей исторіи, отъ Петра Великаго до Екатерины II. Петра Великаго онъ называетъ и героемъ, и побѣдоносцемъ, и насадителемъ наукъ, но при оцѣнкѣ его преобразованій показываетъ и обратную сторону медали. По убѣжденію Болтина, самою тяжелою порою въ общественной жизни Россіи была угнетавшая русскій народъ бироновщина. Рѣзкую противоположность ей во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ полная свѣта и жизни эпоха Екатерины II.

Искреннее, глубокое горе наболѣвшей души русскаго человѣка слышится въ разсказахъ Болтина о томъ, что̀ дѣлалось на Руси во времена бироновщины. Эти страшныя времена были еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; Болтинъ слышалъ о нихъ отъ очевидныхъ свидѣтелей, отъ людей, сдѣлавшихся жертвою постигшаго Россію несчастія. Говоря о Биронѣ и его клевретахъ, Болтинъ выходитъ изъ своей обычной сдержанности, отступаетъ отъ своего спокойнаго тона, и въ его задушевныхъ словахъ звучитъ лирическое настроеніе. При вступленіи на престолъ императрицы Анны Ивановны было въ недоимкѣ нѣсколько миліоновъ государственныхъ податей. Задумавъ воспользоваться тайкомъ этою суммою, Биронъ присовѣтовалъ учредить для сбора ея доимочный приказъ, распространившій свои дѣйствія на всѣ вообще недоимки по государственнымъ сборамъ. Все, поступавшее въ приказъ, отсылалось въ секретную казну, откуда болѣе половины бралъ себѣ Биронъ, но такъ искусно, что имени его нигдѣ не

упоминается, и всѣ суммы, въ офиціальныхъ бумагахъ, писались въ расходъ на особу ея императорскаго величества. Вымогательствамъ и жестокости Бирона не было предѣловъ. Не взирая на донесенія воеводъ о крайней нищетѣ народа, правительство, вдохновляемое Бирономъ, насылало строжайшіе указы о неослабномъ взысканіи недоимокъ. Все, что находили у крестьянъ: хлѣбъ, скотъ, всякую рухлядь,—продавали; «лучшихъ людей» забирали подъ караулъ, и каждый день ставили разутыми ногами на снѣгъ, и били палками по щиколодкамъ и по пяткамъ; помѣщиковъ и старостъ сажали въ тюрьмы, гдѣ большая часть ихъ и погибла «съ голоду, а паче отъ тѣсноты». По деревнямъ всюду слышенъ былъ стукъ палочныхъ ударовъ, крикъ мучимыхъ, вопль и плачъ ихъ женъ и дѣтей; въ городахъ—бряцаніе кандаловъ и жалобные голоса колодниковъ, просящихъ милостыни у прохожихъ. Спасаясь отъ разоренія и гибели, многія тысячи крестьянъ переселились въ пограничныя страны: Молдавію, Валахію, Польшу. Жалобы, неудовольствія, ропотъ народа, дошли до ушей временщика, и онъ прибѣгнулъ къ средствамъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ его природѣ, — къ преслѣдованіямъ и казнямъ. Описаніе бироновщины, которое находимъ у Болтина, напоминаетъ нѣкоторыми чертами описаніе временъ Бориса Годунова въ сказаніи объ осадѣ троицко-сергіевой лавры въ началѣ семнадцатаго столѣтія [281]). Кровожаднымъ Бирономъ «повсюду разосланы были лазутчики, кои днемъ и ночью подслушивали разговаривающихъ между собою, идущихъ по улицамъ и сѣдящихъ въ домахъ. Въ столицахъ, не смѣлъ никто, сошедшись съ пріятелемъ своимъ, остановиться на нѣсколько минутъ и поговорить, страшася, чтобъ не сочли разговоръ ихъ за подозрительный, и не взяли бы обоихъ подъ караулъ. Опасался мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью промолвить о бѣдственномъ состояніи своемъ, чтобъ изъ домашнихъ кто, подслушавъ, не донесъ. Прощаясь между собою, родственники или пріятели, отходя каждый въ домъ свой, не иначе другъ о другѣ думали, что прощаются на вѣчность, ибо никто не былъ увѣренъ, что проснется на той

же постели, на которой свечера легъ. Рѣдкая ночь проходила, чтобъ кто ни есть изъ живущихъ въ городѣ не пропалъ безвѣстно, да и не смѣли спрашивать, куда онъ дѣвался. На всѣхъ лицахъ изображенъ былъ страхъ, унынie, отчаянie; ни одинъ человѣкъ не былъ удостовѣренъ о свободѣ, о безопасности, о жизни своей ни на одинъ часъ. Слыша, какъ безчеловѣчно мучимъ былъ Волынскій и многіе друдіе, прежде и послѣ его безвинно пострадавшіе, отъ ужаса волосы дыбомъ станутъ, сердце отъ жалости стѣснится, кровь отъ ярости и досады закипитъ. Какимъ подлымъ тираномъ, каковъ былъ Биронъ, чрезъ столько лѣтъ Россія была томима! Колико честныхъ и добродѣтельныхъ людей имъ перепытано; въ ссылкѣ, въ бѣдности и страданіи поморено, казнено, и оставшихъ ихъ семействъ ограблено и посрамлено! Да блаженна будетъ память сихъ доблихъ страдальцевъ за отечество и правду, а проклинаема тѣхъ, кои, изъ подлой трусости къ тирану, были ихъ предателями и мучителями. Бѣги отъ меня ужасное воображеніе, не возмущай покоя и удовольствія, коими настоящее состояніе Россіи душу мою наполняетъ»...

Темная ночь, тяготѣвшая такъ долго надъ Россіею, уступила мѣсто теплу и свѣту съ воцареніемъ Екатерины II, умѣвшей понять и полюбить русскій народъ, и давшей русскимъ людямъ свободно вздохнуть и сколько нибудь оправиться отъ пережитыхъ ими бѣдствій. Сочувствіе Болтина къ Екатеринѣ основывается на томъ, что она освободила отъ гнета мысль, совѣсть и слово подвластнаго ей народа. Какъ гражданинъ и какъ писатель, Болтинъ привѣтствовалъ времена Екатерины потому, что съ наступленіемъ ихъ «совѣсть не судится, мысль свободна, языкъ развязанъ; всякій изъясняетъ мнѣніе свое свободно, и получаетъ мзду по достоинству, то есть или одобреніе и похвалу или отрицаніе и осмѣяніе» [282]).

Въ сочиненіяхъ Болтина разсѣяно много чертъ, рисующихъ его образъ мыслей не только о событіяхъ историческихъ, о временахъ давноминувшихъ, но и о современномъ ему обществѣ, о господствующихъ нравахъ, понятіяхъ, обычаяхъ, и т. п. Въ

сужденіяхъ Болтина о современной ему дѣйствительности и во взглядахъ его на историческую судьбу народовъ и на ихъ духовныя особенности отражаются просвѣтительныя идеи философскаго вѣка, а въ примѣненіи общихъ началъ къ оцѣнкѣ данныхъ, представляемыхъ русскою исторіею и русскимъ бытомъ, видно знаніе Россіи, не вычитанное изъ книжекъ, а добытое прямо изъ жизни. Въ иныхъ случаяхъ Болтинъ развиваетъ мысли, взятыя имъ изъ наказа Екатерины II, или однородныя съ ними, а также и заимствованныя изъ сочиненій Монтескье, Мерсье и другихъ писателей, и въ подтвержденіе своихъ доводовъ приводитъ примѣры изъ русскаго быта. Всегда и во всемъ, при всѣхъ своихъ выводахъ и соображеніяхъ, Болтинъ обнаруживаетъ сдержанность, желаніе избѣгать крайностей и повозможности примирять противоположныя и враждебныя одно другому воззрѣнія.

По убѣжденію Болтина, и для историка и для государственнаго дѣятеля въ высшей степени важно и необходимо пониманіе существенныхъ *особенностей* народа. Совокупность причинъ, физическихъ и нравственныхъ, создаетъ народности, и образуетъ между ними болѣе или менѣе рѣзкое различіе. Въ числѣ этихъ причинъ особенное значеніе Болтинъ приписываетъ *климату*. Онъ полагаетъ, что климатъ оказываетъ самое сильное вліяніе на человѣческіе нравы, на свойства души и сердца, а все другое, какъ напримѣръ: воспитаніе, образъ правленія, и т. п. можетъ только содѣйствовать климату или же, въ большей или меньшей степени, задерживать его неотразимое вліяніе [283]). Различіе между народностями должны постоянно имѣть въ виду руководители государственной жизни народа: иначе труды ихъ не достигнутъ желаемой цѣли, и будутъ только безплодною тратою времени и силъ. Пословица говоритъ: что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Обычай одной деревни не годится для другой; законъ одного государства неудобенъ для другаго. Дѣлая перемѣны и нововведенія, необходимо строго наблюдать, чтобы они соотвѣтствовали нравамъ, обычаямъ, мѣстнымъ условіямъ и прежде всего климату. Безъ этого всякое предписаніе, всякое узаконе-

ніе будетъ безполезнымъ, напраснымъ и даже вреднымъ. Климатъ кладетъ свою неизгладимую печать на обычаи, предразсудки и повѣрья народа. Поцѣлуй русскій и поцѣлуй итальянскій— не одно и тоже. Одинъ итальянскій писатель шестнадцатаго вѣка не позволялъ своей дочери ни съ кѣмъ цѣловаться, находя поцѣлуи вещью весьма опасною для италіянокъ. Сѣвернымъ же дѣвушкамъ не приходитъ и въ голову, что поцѣлуй можетъ служить поводомъ ко грѣху. Въ Гарлемѣ одинъ молодой человѣкъ прикоснулся рукою къ груди своей невѣсты, и поступокъ его признанъ многими въ высшей степени предосудительнымъ и требующимъ наказанія, а тѣ, которые оправдывали юношу, получили несовсѣмъ приличное прозвище титечниковъ (mamillaires). Въ Малороссіи ежедневно можно видѣть на улицахъ обращеніе мужчинъ съ женщинами, подобное тому, которое произвело такую бурю въ Голландіи. Вообще въ Малороссіи молодые люди обращаются съ дѣвушками гораздо вольнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ Россіи: они заранѣе выбираютъ себѣ невѣстъ, цѣлуютъ ихъ, обнимаютъ, прикасаются къ груди, и никто не ставитъ имъ этого ни въ зазоръ, ни въ нарушеніе благопристойности [284]).

Яркимъ выраженіемъ народныхъ особенностей служатъ *обычаи*, и съ ними-то надо обращаться съ особенною осторожностью. Легко, хотя часто и безполезно, отмѣнять *законы* и издавать новые; но крайне трудно и неудобно переносить обычаи изъ одной страны въ другую, и рѣшительно невозможно истреблять ихъ по произволу законодателей. На этомъ основаніи Болтинъ совѣтуетъ держаться начала терпимости въ отношеніи къ расколу, борьба съ которымъ ведется въ сущности изъ за обычаевъ. Надо быть большимъ знатокомъ человѣческаго сердца, чтобы не надѣлать ошибокъ при исправленіи нравовъ и обычаевъ; надо взвѣсить на добрыхъ вѣсахъ неудобства того или другаго обычая, и пользу, ожидаемую отъ его уничтоженія, и если вѣсъ будетъ равенъ, то лучше оставить вещи такъ, какъ они были. Не должно вводить насиліемъ перемѣны къ обычаяхъ и понятіяхъ, а слѣдуетъ предоставить измѣненіе ихъ силѣ времени и обстоя-

тельствъ. Донскіе казаки, будучи въ заграничной арміи, обрили себѣ бороды по приказанію начальства; имъ казалось, что съ утратою бороды они потеряли и часть своей храбрости. Такое уваженіе къ бородѣ, какъ понимали и сами они, есть предразсудокъ, но предразсудокъ для нихъ пріятный, который они желаютъ удержать: кажется, можно имъ это позволить. Если разсмотрѣть обряды и религіозныя понятія нашихъ раскольниковъ, то не найдется въ нихъ ничего такого, что̀ противорѣчило бы правиламъ и обязанностямъ истиннаго христіанина и добраго гражданина. Какой вредъ государству наносили бороды? Никакого. Какая польза, что ихъ обрили? Никакой. Когда душа у меня хороша, кому нужда до того, что лицо у меня мохнато; что платье на мнѣ длинно; что я такъ, а не иначе, складываю пальцы при крестномъ знаменіи; что старопечатныя книги предпочитаю новымъ, и т. п. Пусть всякій думаетъ о вещахъ по своему, но дѣлаетъ только то̀, что̀ повелѣваетъ законъ, и т. д. [285]).

Если и въ обращеніи съ обычаями, имѣющими за собою одно только право давности, но лишенными внутренняго значенія, нужна большая осторожность, то тѣмъ необходимѣе она относительно тѣхъ обычаевъ, въ основѣ которыхъ лежитъ разумное, нравственное начало. Бытовыя измѣненія не могутъ совершаться скоропостижно, и всякое насиліе при замѣнѣ стараго быта новымъ влечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія. Мы, русскіе, испытали это на себѣ: «съ тѣхъ поръ какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи, и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися. Съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны. *Погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилась привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ*, и проч. И такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ непохожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: *захотѣли сдѣлать то̀ въ нѣсколько лѣтъ, на что̀ потребны вѣка; начали строить*

зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ» и т. д. [286]).

Нравственный упадокъ повлекъ за собою и физическое разслабленіе. Многими замѣчено,—говоритъ Болтинъ что съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули обычаи нашихъ предковъ и начали жить на иностранный ладъ, мы сдѣлались слабѣе, чаще стали подвергаться болѣзнямъ и хворости, и уменьшилось число доживающихъ до глубокой старости: «главными тому причинами, *по моему скудоумію*, полагаю уничтоженіе обычая ходить въ бани и введеніе французской поварни» [287]).

Низкій уровень общественной нравственности особенно ярко обнаруживается въ высшихъ слояхъ нашего общества. Пороки и слабости пустили тамъ глубокіе корни, расшатали основы домашняго счастья, извратили семейныя отношенія. Не имѣя ни богатства, ни торговли мы превзошли съ сластолюбіи и роскоши самыхъ богатѣйшихъ народовъ. Нравы высшаго русскаго общества—сколокъ съ иностраннаго образца, разоблаченнаго и осмѣяннаго лучшими писателями нашего вѣка. Читая Монтескье и Мерсье подумаешь, что они говорятъ о насъ: до такой степени велико сходство французскихъ нравовъ съ нашими. Французы привозятъ къ намъ не одни свои моды, но и нравы свои, и мнѣнія, и даже «злоупотребленія и глупости. Мы, также какъ они, изъ одной крайности перешли въ другую касательно женъ. Нынѣ въ Россіи жена мужу отнюдь неподвластна, неподчинена; живетъ по своей волѣ. Рѣдкій домъ изъ благородныхъ найдешь, гдѣбъ была жена равна мужу, была бъ ему товарищъ, а по большей части влады-

чица, начальница, а мужъ не иное что, какъ первѣйшій изъ ея рабовъ. Сіе безобразіе водворяется токмо въ домахъ живущихъ въ большомъ свѣтѣ; до купцовъ, до мѣщанъ и до тѣхъ дворянъ, кои живутъ по провинціямъ, еще не дошло; между ними еще нѣсколько умѣренности хранится. Крестьяне по старинѣ съ женами своими обходятся; ихъ начальство не простирается далѣе, какъ токмо надъ женами и надъ лошадьми, съ коими поступаютъ равно. Сколько у нихъ излишества, столько у дворянъ недостатка въ соразмѣрности власти мужей и подчиненія женъ. Не хвалятъ и французы обычая своего въ разсужденіи крайняго своеволія женъ; г. Мерсье сильно противу того вооружается. Заимствуя изъ его мыслей, скажу я нѣсколько словъ въ сходство нашихъ обычаевъ. Природа учинила жену подвластною мужу. Давши женѣ равныя права правамъ мужнимъ, въ противность законовъ природы, превращается домашнее устройство въ нестроеніе; тишина и спокойство — въ молву и мятежъ. Уничтожая подчиненіе жены, уничтожается сожитіе мирное и пріятное; подается поводъ и средства ко взаимному неудовольствію, къ жалобамъ, къ соблазну, которыя паче и паче отчуждаютъ супружескія сердца одно отъ другаго. Хотѣть сдѣлать мужа и жену равными есть противоборствіе порядку и природѣ; есть буйство, безчиніе, безобразіе. Необходимо нужно, чтобъ одинъ начальствовалъ, а другой повиновался: не можетъ быть тутъ середины. Равенство между мужа и жены существовать не можетъ; женское легкомысліе, высокомѣріе, властолюбіе, не потерпятъ его надолго; захотятъ онѣ повелѣвать, начальствовать. Государственная польза требуетъ, чтобъ жена подчинена была мужу; требуетъ того польза сочетавшихся, и польза ихъ дѣтей и домашнихъ. Природа дала женѣ чѣмъ снискать мужною любовь, уваженіе отъ него къ себѣ; чѣмъ удержать его въ границахъ умѣренности, укрощать его вспыльчивость и проч. Мужъ долженъ быть почтенъ, долженъ быть хозяинъ дома, а не нѣмой послухъ безчинія, своевольствъ и похабствъ женинихъ прислужниковъ» [288]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ очевидно, что Болтинъ отно-

ситъ начало нашаго нравственнаго паденія именно къ той эпохѣ, когда умственная образованность стала распространяться у насъ все болѣе и болѣе. Какъ же истолковать подобное противорѣчіе, подобный разладъ? На чемъ остановиться при рѣшеніи вопроса, дѣйствительно ли просвѣщеніе улучшаетъ нравы народа или же наоборотъ: нравственныя начала ослабѣваютъ въ народѣ помѣрѣ усиленія въ немъ образованности? Вопросъ этотъ занималъ, какъ извѣстно, мыслящихъ людей западной Европы; тамошнія ученыя общества предлагали его, какъ академическую задачу на премію. Онъ возникалъ въ умѣ и нашего писателя, избравшаго и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, благоразумную, какъ онъ самъ называетъ ее, середину. Мы уже привели замѣчаніе Болтина о томъ, что, вопреки Руссо, слѣдуетъ признать, что просвѣщеніе и нравственность—двѣ самостоятельныя, независимыя одна отъ другой области, и умственное развитіе не относится къ нравственному, какъ причина къ слѣдствію, и наоборотъ.

Отстаивая неприкосновенность обычаевъ, Болтинъ оставался вѣренъ и основнымъ убѣжденіямъ своимъ и тѣмъ понятіямъ и взглядамъ, которые высказывались такъ часто въ современной ему литературѣ, и въ справедливости которыхъ были убѣждены лучшіе умы тогдашней Европы. Монтескье говоритъ: необходимо сохранять древніе обычаи; народы развращенные не создаютъ гражданскихъ обществъ, не основываютъ городовъ, не издаютъ законовъ; *благоустроенныя общества, города, законы* обязаны своимъ существованіемъ тѣмъ народамъ, нравы которыхъ отличаются простотою и строгостью. Призывать народъ къ обычаямъ старины, къ древнимъ началамъ, значитъ возвращать его къ добродѣтели—il y beaucoup à gagner, en fait de moeurs, à garder les coûtumes anciennes; rappeler les hommes aux maximes anciennes, c'est ordinairement les ramener à la vertu [269]). Слова Монтескье—иностранца, скорѣе предубѣжденнаго противъ Россіи, нежели расположеннаго въ ея пользу, служили какъ бы новымъ подтвержденіемъ того понятія о русскомъ народѣ, которое сложилось въ умѣ Болтина на основаніи историческихъ данныхъ и близкаго

знакомства съ русскою жизнью. Съ особеннымъ удареніемъ Болтинъ указываетъ на тó, что, по свидѣтельству достовѣрныхъ источниковъ, предки наши, въ самой глубокой древности, жили въ *благоустроенныхъ обществахъ*, имѣли *города* и *законы*, и законы эти несомнѣнно доказываютъ, что предки наши не были варварами и невѣждами, и едвали мы имѣемъ право хвалиться тѣмъ, что мы просвѣщеннѣе ихъ: хотя о нѣкоторыхъ вещахъ имѣли они и меньше познаній, нежели мы, но за то сердца ихъ были чище и нравы менѣе повреждены [290]).

Не поддаваясь самообольщенію, и не творя себѣ кумировъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, Болтинъ умѣлъ оцѣнить надлежащимъ образомъ тѣ черты стариннаго быта, которые согласны были съ требованіями разума и долга, но которыя отвергались новымъ обществомъ чрезвычайно легкомысленно. Признавая свѣтлыми нѣкоторыя изъ явленій нашей прошлой жизни, Болтинъ основывался на точномъ свидѣтельствѣ такихъ памятниковъ, какъ русская правда, какъ лѣтописи и т. п., а русскимъ лѣтописямъ даже такой строгій и рѣзкій судья, какъ Шлецеръ, отдавалъ рѣшительное преимущество передъ западно-европейскими. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Болтинъ съ чувствомъ народнаго достоинства указывалъ черты, засвидѣтельствованныя подобными памятниками. Не увлеченіе, не предвзятая мысль слышатся въ сочувственныхъ отзывахъ Болтина о русской древности и старинѣ, а голосъ человѣка убѣжденнаго, вѣрнаго духу и понятіямъ своего времени.

Какъ историкъ-мыслитель, вникавшій въ различныя стороны русской жизни, Болтинъ не могъ обойти вопросовъ, относящихся къ религіи, имѣющей, всегда и всюду, тѣснѣйшую связь съ умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ народа. Въ сужденіяхъ Болтина о предметахъ, входящихъ въ кругъ религіозныхъ вѣрованій, выражается прежде всего и ярче

всего общій складъ его самобытнаго ума; вмѣстѣ съ тѣмъ они представляютъ, во многихъ чертахъ, въ большей или меньшей степени, сходство со взглядами Татищева и съ идеями энциклопедистовъ и преимущественно Бэля.

Подобно Татищеву, Болтинъ былъ вѣрующимъ христіаниномъ; не сомнѣвался въ бытіи Бога и въ непреложной правдѣ его закона; но, также подобно Татищеву, неоднократно говорилъ объ искаженіи людьми божественнаго закона, и осуждалъ тѣ человѣческія постановленія, которыя выдавались иногда за заповѣди Божіи. Преклоняясь предъ нравственнымъ величіемъ религіозныхъ истинъ, и не пытаясь проникнуть въ область непостижимаго, Болтинъ относился скептически къ тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ видѣлъ дѣло рукъ и соображеній человѣческихъ. Мы вѣримъ,— говорилъ онъ—что добрыя дѣла, совершаемыя на землѣ, составляютъ сокровище на небеси; мы вѣримъ, что райское блаженство будетъ такого рода, какого не видало око, не слыхало ухо, и не входило на сердце человѣческое. Но болѣе ничего объ этомъ не извѣстно, и разныя подробности о загробной жизни въ родѣ тѣхъ, которыя описываютъ іезуиты, принадлежатъ очевидно къ вымысламъ [291]).

Болтинъ не считалъ себя въ правѣ оспаривать христіанскіе догматы и обряды того исповѣданія, въ которомъ онъ родился и въ которомъ долженъ былъ умереть. Если имъ и сдѣлано нѣсколько замѣтокъ критическаго свойства касательно библіи, то они относятся или къ слогу ея, или къ тѣмъ сторонамъ содержанія, которыя соприкасаются съ чисто-научною областью, какъ напримѣръ: опредѣленіе историческаго и физіологическаго родства народовъ. Болтина, какъ историка, занимала мысль о внутренней, кровной связи между различными племенами и народами и о происхожденіи ихъ отъ одного общаго родоначальника. Это единство, это кровное родство казалось Болтину весьма сомнительнымъ; но онъ находилъ, что *«нельзя о томъ спорить*, ибо къ доказательству соплеменства всѣхъ земнородныхъ книга Бытія единаго Ноя по всемірномъ потопѣ спасшагося быти сказуетъ: Ной есть общій

и единственный всѣхъ народовъ праотецъ и родоначальникъ. *Положимъ* такъ, что всѣ были одной семьи, всѣ сокровны и подобообразны, но по размноженіи, раздѣленіи и разсѣяніи сея многочисленныя семьи, уничтожилось сіе единоплеменство, разрушилось и исчезло сходство и подобіе въ ихъ потомкахъ; все стало быть между ними различное и особенное, не только языкъ и нравы, но и самая природа; и въ разсужденіи крайняго сего различія во всемъ, и единокровность ихъ учинилась сомнительною» [292]).

Возражая на замѣчаніе Леклерка, что при изложеніи предметовъ возвышенныхъ русскіе подражаютъ библейскому слогу— ceux des Russes qui veulent écrire sur des sujets élevés, cherchent à former leur style sur celui de leur bible, Болтинъ говоритъ: «Кому входило въ голову учиться слогу изъ библіи, изъ *такой книги, которая писана слогомъ восточнымъ и несообразнымъ правильному и употребительному витійству*. Догадываюсь я, что авторъ будучи въ Россіи, слыхалъ, что желающіе славянскому языку изучиться, и о красотѣ, важности и краткости его получить достаточное понятіе, читаютъ славянскія книги, съ греческаго языка переведенныя; но читаютъ для сего другія книги, а не библію» [293]).

Болтинъ полагаетъ, что быстрому и повсемѣстному распространенію христіанства много содѣйствовали гоненія на христіанъ и всеобщее тогда стремленіе къ новизнѣ и перемѣнамъ, которому, какъ и всему на свѣтѣ, есть свое время, бываетъ своя пора. Еслибы римскіе императоры не преслѣдовали и не гнали принявшихъ христіанство, оно не сдѣлало бы такихъ успѣховъ. Утихало гоненіе, угасалъ и священный огонь, одушевлявшій христіанъ. Увѣщанія и проповѣди становились безсильными, и для обращенія язычниковъ понадобились мѣры насильственныя, угрозы и казни. Этими мѣрами обращены въ христіанство: фины у шведовъ; чуваши, мордва и вотяки у насъ. Русскій народъ принялъ христіанство, при св. Владимирѣ, частію по принужденію, частію добровольно. По мнѣнію Болтина, русскіе временъ Владимира св. тѣмъ охотнѣе принимали христіанство, что оно не

было для нихъ новостью, и представлялось имъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Еще до Владимира, были христіанскія церкви въ Кіевѣ и въ Новгородѣ; при Ольгѣ число христіанъ значительно увеличилось. Образъ жизни первыхъ христіанъ въ Россіи, ихъ единодушіе, равенство и братство, привлекало къ нимъ умы и сердца руссовъ-язычниковъ. Призывъ государя, котораго они любили и боялись, примѣръ бояръ, ожиданіе «новыхъ выгодъ и пособій» и т. п. оказали большое вліяніе. Безъ стеченія всѣхъ этихъ обстоятельствъ не повѣрило бы войско чуду, случившемуся въ Корсунѣ. Народъ обыкновенно вѣритъ только такимъ чудесамъ, которыя совершаются черезъ собственныхъ боговъ, а чужія считаютъ всегда баснею и обманомъ. Не повѣритъ конечно нашъ крестьянинъ, что Магометъ ѣздилъ въ рай на своемъ баракѣ; не повѣритъ также и магометанинъ, что нѣкоторые изъ нашихъ святыхъ словомъ своимъ передвигали гору съ мѣсто на мѣсто [294]).

Объясненія историческимъ событіямъ Болтинъ искалъ обыкновенно въ условіяхъ реальныхъ, представляемыхъ дѣйствительною жизнью, и рѣзко порицалъ тѣхъ изъ современныхъ ему историковъ, которые въ своихъ повѣствованіяхъ допускаютъ элементъ чудеснаго. Историкъ настоящаго вѣка даетъ поводъ къ весьма невыгоднымъ для себя заключеніямъ, если вноситъ въ свою исторію вещи невѣроятныя, басни и чудеса [295]). Но находя крайне неумѣстнымъ появленіе чудесъ въ историческихъ сочиненіяхъ нашего вѣка, онъ не переносилъ своихъ требованій въ глубину древности, въ тѣ давноминувшія времена, когда вѣра въ чудеса была всеобщею. Болтинъ говоритъ: если г. Леклерку покажется невѣроятнымъ, что св. Антоній приплылъ на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ, то пусть припомнитъ, что перенесеніе ангелами лоретской церкви изъ Палестины въ Италію не болѣе вѣроятно. А развѣ неудивительно, что одинъ изъ католическихъ епископовъ, причтенный въ одиннадцатомъ вѣкѣ къ лику святыхъ, совершилъ между прочимъ такія чудеса: перешелъ рѣку Эльбу, не замочивши себѣ ногъ; превратилъ воду въ вино, и ударомъ ноги извелъ изъ земли

источникъ: первымъ чудомъ онъ уподобился Моисею, вторымъ—Христу, а третьимъ—Пегасу [296]).

Въ отношеніи къ древнимъ обычаямъ, вѣрованіямъ, и даже суевѣріямъ Болтинъ совѣтовалъ держаться исторической точки зрѣнія и судить о нихъ по понятіямъ тогдашняго, а не нашего, времени. Обращаясь къ писателю-иностранцу, онъ говоритъ: Мы знаемъ, что многія странныя вещи появились въ католической церкви и въ духовной литературѣ во времена повсемѣстнаго невѣжества и мрака, и хотя черезъ нѣсколько вѣковъ, когда открылись глаза людямъ, обнаружились всѣ подлоги и заблужденія, но введенные обычаи и обряды остались безъ перемѣны, потому что уваженіе къ древности сдѣлало ихъ почтенными. Такъ разсуждаемъ мы о вашихъ обрядахъ, которые намъ кажутся смѣшными: такъ и вы должны разсуждать о нашихъ, если находите въ нихъ что̀-либо странное [297]). Древность, стародавность служила всегда смягчающимъ обстоятельствомъ въ приговорахъ Болтина, какъ историка. Онъ чрезвычайно дорожилъ памятниками старины и древности, какого бы рода они ни были, и съ особенною настойчивостью отыскивалъ въ нихъ хорошія, свѣтлыя стороны. Если даже заблужденія и *суевѣрія*, получившія право древности, Болтинъ называетъ почтенными, то понятно, какое высокое, какое священное значеніе имѣла для него *вѣра* отцовъ—это древнее сокровище, завѣщанное намъ всѣми предшествующими поколѣніями. И дѣйствительно историкъ нашъ считаетъ ее великою силою нетолько нравственною, но и общественною и государственною. Крѣпость и могущество царствъ и народовъ неразрывно связана съ сохраненіемъ вѣры отцовъ. Поруганіе ея, отреченіе отъ нея оскорбительно для нравственнаго достоинства человѣка и немысленно для цѣлаго народа и для государства, непотерявшаго права на свое существованіе.

Татищевъ говоритъ: если бы ты и замѣтилъ какіе-либо недостатки въ своей вѣрѣ, и въ своей церкви, никогда и ни за что̀ не перемѣняй ея, и не отступай отъ нея, ибо это противно чести [298]). Также смотритъ на христіанскую религію и Болтинъ,

считая вѣрность ей нравственною обязанностью христіанина, его личною честью По мнѣнію Болтина, измѣна вѣрѣ должна быть преслѣдуема, какъ тяжкое преступленіе, и неминуемо навлекать на виновнаго строгую кару закона. Отступникъ отъ вѣры отцовъ есть «измѣнникъ, клятвопреступникъ, вѣроломецъ, недостойный сообщества людей честныхъ, подъ закономъ живущихъ и закономъ водимыхъ: какоежъ общество позволитъ, потерпитъ, оставитъ ненаказанными людей столь опасныхъ и вредныхъ?» Но все это — поясняетъ Болтинъ — относится къ измѣнѣ христіанской вѣрѣ вообще, а не къ различію между вѣроисповѣданіями: православнымъ, католическимъ, лютеранскимъ, кальвинскимъ. Разница между взглядами Татищева и Болтина заключается въ томъ, что Татищевъ соединяетъ въ данномъ случаѣ *христіанство* и *церковь* въ одно понятіе, а Болтинъ проводитъ между ними грань. Въ раздѣленіи церквей, въ розни между исповѣданіями одной и той же религіи, онъ видитъ только *различіе мнѣній*, перемѣна которыхъ не должна, какъ само собою разумѣется, подлежать такой же карѣ, какъ и отступничество отъ христіанской вѣры и принятіе, напримѣръ, іудейской, и т. д. [299]).

Изъ христіанскихъ исповѣданій Болтинъ отдаетъ преимущество православію передъ католичествомъ на томъ основаніи, что православіе вѣрнѣе сохранило *христіанскія* начала, и удержало *древніе* обряды и вѣрованія, между тѣмъ какъ католичество допустило, по различнымъ причинамъ, много нововведеній, удалившихъ его отъ древняго типа [300]).

Главная вина въ искаженіи христіанства падаетъ на католическое духовенство. Не только въ церковныхъ обрядахъ, но и въ самой жизни, христіанское начало изглаживалось все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ именно тѣхъ людей, которые называли себя служителями истины. Подтверждая множествомъ доказательствъ, взятыхъ преимущественно у Вольтера и Бэля, всю глубину паденія католическаго духовенства, Болтинъ не щадитъ и нашего, которое, хотя и не до такой степени, какъ католическое, но всетаки уклонялось иногда отъ своего высокаго при-

званія. Духовенство наше—говоритъ онъ—было до того невѣжественно, что весьма трудно предположить въ немъ желанье и умѣнье удерживать народъ, для своихъ личныхъ выгодъ, въ глубокомъ и грубомъ суевѣріи. Для обмановъ и подлоговъ нужна изворотливость, гибкость ума, необходимы разнаго рода ухищренія и пронырства. Но судя о причинахъ по ихъ очевиднымъ слѣдствіямъ и о свойствахъ людскихъ по ихъ проявленіямъ, историкъ долженъ согласиться, что наши монахи не вполнѣ отрѣшались отъ житейскихъ узъ, обнаруживая въ своихъ дѣйствіяхъ значительную долю тщеславія, корыстолюбія, пронырства и другихъ подобныхъ качествъ. Какія же средства употребляли они, чтобы дѣйствовать на народъ? Самыя простыя и свойственныя тогдашнему вѣку. Они увѣрили народъ, что всякій, жертвующій что-либо на монастырь, получитъ на томъ свѣтѣ воздаяніе сторицею, и что предсмертнымъ постриженіемъ въ монашество очищаются всѣ грѣхи, сдѣланные при жизни. Изумительно, какимъ образомъ въ умахъ человѣческихъ могла утвердиться такая нелѣпая мысль, что возложенье черной рясы передъ смертью спасаетъ и избавляетъ отъ всѣхъ грѣховъ. А между тѣмъ поддерживать эту мысль было чрезвычайно выгодно для духовенства: оно хлопотало о спасеніи только богатыхъ людей, и въ отношеніи ихъ дѣло не ограничивалась срѣзываніемъ нѣсколькихъ волосъ съ головы, да облеченіемъ въ черную рясу, а требовалось отдать монастырю большую часть имущества, если не все имущество умирающаго [301]).

По замѣчанію Болтина, суевѣрія заносились къ намъ изчужа — изъ Греціи, изъ Польши. Отъ грековъ — говоритъ онъ — переняли мы и всѣ обряды и всѣ суевѣрія. По личнымъ наблюденіямъ Болтина, въ тѣхъ областяхъ, которыя были нѣкогда подъ властію Польши, гораздо болѣе ханжества и суевѣрія, нежели въ тѣхъ, которыя постоянно принадлежали Россіи [302]).

Въ отзывахъ Болтина о народныхъ обычаяхъ, сложившихся подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій, замѣтно нѣкоторое колебаніе и раздвоеніе. Тотъ же самый обычай, о которомъ упо-

минаетъ онъ весьма сочувственно въ одномъ изъ своихъ трудовъ, въ другомъ изображенъ совершенно иначе—въ юмористическомъ видѣ. Въ примѣчаніяхъ своихъ на драму Екатерины II, Болтинъ говоритъ: «Язычники руссы ни единаго дѣла важнаго не начинали безъ призванія боговъ, безъ принесенія имъ жертвъ, безъ испрошенія отъ нихъ благословенія начинанію своему. *Достохвальный* обычай предки наши сохранили и по воспріятіи христіанства: всякое начинаніе предваряли они призываніемъ Бога въ помощь, а оканчивали благодареніемъ, славословіемъ. Недавно обычай сей посредствомъ французскаго воспитанія между благородныхъ людей началъ истребляться или уже, можно сказать, истребился; но между невѣжественныя черни и поднесь еще существуетъ: они всякое дѣло начинаютъ молитвою и возложеніемъ на себя знаменія крестнаго, а просвѣщенные люди, видя тò ихъ дѣлающихъ, съ презрѣніемъ надъ ними смѣются для того, что у французовъ тò не въ обычаѣ» [308]). Любопытно сравнить съ этимъ отзывъ о томъ же самомъ обычаѣ, находящійся въ примѣчаніяхъ на книгу Леклерка: «Праотцы наши никакого дѣла не начинали, не призвавъ Бога въ помощь, не сотворя молитвы, не перекрестяся. Частію и понынѣ простолюдины держатся сего обыкновенія. Входя въ домъ, начинаютъ тѣмъ, что нѣсколько поклоновъ сдѣлаютъ передъ образомъ, и для того обыкновенно въ переднемъ углу во всякой храминѣ поставляется образъ, якобы безъ образа и молиться не можно. Прежде, нежели положатъ въ ротъ кусокъ хлѣба, творятъ Іисусову молитву и знаменуются крестомъ; взявъ стаканъ или рюмку съ напиткомъ, — тожъ; всякую работу или дѣло начиная, предваряютъ молитвою-жъ и крестомъ; старухи особливо безъ молитвы и шага не ступятъ. Тожъ дѣлали въ старину и латины; не начинали они никакого дѣла, не сотворя молитвы, и можетъ быть еще далѣе простирали свою набожность. Императрица Агнеса, вдова императора Генриха III, предложила Петру Даміани, ученѣйшему изъ тогдашнихъ духовныхъ, вопросъ: utrum licerit homini inter ipsum debiti naturalis egerium aliquid rumi-

nare psalmorum. Рѣшено было сумнѣніе отъ Даміани отвѣтомъ утвердительнымъ, основываяся на словахъ апостола Павла въ посланіи его къ Тимоѳею (II, 8): хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ. Страненъ вопросъ отъ императрицы; неменьше странно и то̀, что въ таковыхъ разысканіяхъ упражнялися духовныя особы» [304]).

Различіе во взглядяхъ, подобное только-что приведенному, можно отчасти объяснить различіемъ поводовъ, по которымъ высказаны эти замѣчанія. Въ первомъ изъ нихъ авторъ защищаетъ древній русскій обычай, вытекающій изъ религіозныхъ убѣжденій, и отвергаемый нашими полу-французами только потому, что онъ свой, а не чужой. Во второмъ замѣчаніи авторъ, по своей любимой привычкѣ, вдается въ подробности, и какъ бы спохватившись, что сообщилъ ихъ ужъ черезчуръ много, и зная, что изъ пѣсни слова не выкинешь, приводитъ для сравненія рѣзкій образчикъ того, до какихъ, небывалыхъ у насъ, крайностей доводимы были тѣже самые обычаи въ западной Европѣ.

Вообще для вѣрной оцѣнки религіозныхъ идей и убѣжденій Болтина, необходимо имѣть въ виду, что и къ вопросамъ вѣры, какъ и ко всѣмъ другимъ занимавшимъ его вопросамъ, онъ обращался исключительно съ требованіями ума, почти совершенно забывая о сердцѣ. Умъ его былъ критическаго, анализирующаго свойства: онъ проникалъ во всѣ подробности разсматриваемаго явленія, и подмѣчалъ въ немъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны. Послѣднія открывалъ онъ съ особенною зоркостью, ловилъ ихъ, такъ сказать, на лету. По мѣрѣ раздробленія предмета возникало и усиливалось недовѣріе и сомнѣніе въ умѣ наблюдателя. Онъ признавалъ непреложную истину цѣлаго, но едва только переходилъ отъ общаго къ частному, сейчасъ же обнаруживалъ присущій ему скептицизмъ. Вслѣдствіе этого мысли его получали окраску, сквозь которую невдругъ можно разсмотрѣть вѣрующаго человѣка. Но такова коренная особенность его мышленія: оно стремилось всегда къ анализированію, къ изслѣдованію отдѣльныхъ фактовъ; а значеніе каждаго отдѣльнаго факта болѣе

или менѣе видоизмѣняется, если онъ оторванъ отъ своего великаго цѣлаго. Истина—думалось нашему критику—всегда останется истиной, хотя бы нѣкоторыя изъ безчисленнаго множества частей, составляющихъ великое цѣлое, и оказались сомнительными и даже невѣрными. А такъ какъ ему приходилось оцѣнивать только отдѣльныя части, то его основной взглядъ на религію и не высказался съ достаточною ясностью и убѣдительностью. Притомъ въ критическихъ пріемахъ Болтина постоянно проявлялось его остроуміе, его врожденная наклонность къ ироніи, къ юмору. Какъ онъ ни сдерживалъ себя, юмористическое начало пробивалось невольно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма неожиданно. Въ противоположность русской пѣснѣ, Болтинъ, начавъ за упокой, сводилъ за здравіе, т. е. начавъ сожалѣніемъ объ утратѣ прекраснаго обычая древности, оканчивалъ указаніемъ его смѣшныхъ сторонъ. Гдѣ бы и въ чемъ бы ни встрѣчалъ онъ смѣшное,— «сейчасъ чесалось его перо». Какъ о вещахъ, такъ и о людяхъ Болтинъ не могъ говорить безъ примѣси ироніи. Рѣдко кого изъ писателей уважалъ онъ въ такой степени, какъ Татищева, о которомъ и отзывается весьма почтительно, а изъ послѣднихъ словъ, сказанныхъ мимоходомъ, вытекаетъ презабавное заключеніе, будто-бы «многогрѣшный» Татищевъ принималъ непосредственное участіе въ благочестивомъ подвигѣ одиннадцатаго столѣтія.

Критическіе труды Болтина появились въ печати по всей вѣроятности въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ первоначально вышли они изъ подъ пера автора. Они носятъ на себѣ живые слѣды перваго впечатлѣнія; они дышатъ искренностью; въ нихъ нѣтъ притворства и фальши, нѣтъ желанія рисоваться. Читая ихъ чувствуешь, что происходило на душѣ автора: когда онъ былъ погруженъ въ глубокое раздумье, и когда имъ овладѣвала досада и негодованіе. По самой задачѣ своей, произведенія Болтина представляютъ не систематическое цѣлое, не спеціальную монографію, а безчисленный рядъ замѣтокъ и соображеній о предметахъ самыхъ разнообразныхъ. Въ замѣткахъ этихъ, при всемъ ихъ внутреннемъ достоинствѣ, отнюдь не слѣдуетъ видѣть чего-

то законченнаго, чего-то въ родѣ символа вѣры автора. Весьма возможно, что при тщательной передѣлкѣ и исправленіи, иное бы сгладилось, иное бы явилось въ совершенно другомъ видѣ. Мы охотно соглашаемся, что въ сочиненіяхъ Болтина есть черты, возбуждающія недоумѣніе и требующія разъясненія. Но указывая промахи, ошибки и противорѣчія, мы должны помнить, что имѣемъ дѣло не только съ образцовымъ для своего времени научнымъ трудомъ, но и съ живою лѣтописью думъ и впечатлѣній наблюдательнаго автора, нежелавшаго или неуспѣвшаго дать своимъ трудамъ окончательную обработку.

Вопросы государственные и общественные занимали пытливую мысль Болтина, и при рѣшеніи ихъ онъ искалъ опоры въ дѣйствительности—въ неподкупномъ свидѣтельствѣ историческихъ фактовъ и въ условіяхъ современнаго быта, въ общемъ складѣ народной жизни. Сводя въ одно цѣлое замѣтки Болтина о предметахъ политическихъ и соціальныхъ, разсѣянныя въ его сочиненіяхъ, ясно видишь, что взгляды его коренятся въ русской дѣйствительности, добыты посредствомъ изысканій въ области русской исторіи и наблюденій надъ бытомъ русскаго общества и народа. Участіе иностранныхъ авторитетовъ, свѣтилъ европейской науки и литературы, — только второстепенное. Цитатами изъ нихъ только поясняется и подтверждается то̀, что̀ сложилось въ умѣ его помимо всякихъ чужихъ вліяній, а на основаніи данныхъ, представляемыхъ отечественною исторіею и современнымъ состояніемъ Россіи. Русскія лѣтописи и русскія села и деревни служили ему источниками; изъ нихъ получалъ онъ свѣдѣнія и о томъ, какое правленіе всего пригоднѣе для Россіи, и о томъ, какъ дѣйствуетъ у насъ крѣпостное право. Въ замѣчаніяхъ Болтина, подъ суровою внѣшнею оболочкою, кроется та вѣра въ русскій народъ, которую исповѣдывали и проповѣдывали лучшіе

русскіе люди, служившіе украшеніемъ своего вѣка. Не блестящими фразами, не наборомъ словъ высказываетъ Болтинъ свою любовь къ Россіи, а самымъ дѣломъ, т. е. строгимъ, отчетливымъ подборомъ фактовъ, доказывающихъ историческое призваніе русскаго народа, и искреннимъ, задушевнымъ сожалѣніемъ о его обездоленной части.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, какія только запомнитъ исторія, русскіе были народомъ свободнымъ: до гибельнаго для насъ «нашествія татарскаго народъ русскій былъ *вольный*» Власть князей, и удѣльныхъ и великихъ, была *умѣренная*, а отнюдь не деспотическая: она умѣрялась и срастворялась участіемъ вельможъ и народа въ правленіи. Въ общенародныхъ собраніяхъ каждый гражданинъ имѣлъ право подавать свой голосъ. Народъ на сеймахъ своихъ могъ дѣлать постановленія, и они имѣли большую силу и важность. Когда великій князь Игорь II пріѣхалъ въ Кіевъ, и потребовалъ отъ жителей присяги, тогда кіевляне собрались на вѣче, и послали звать къ себѣ князя Игоря. Онъ отправилъ вмѣсто себя брата своего Святослава. Граждане, въ свою очередь, потребовали, чтобы Святославъ, за себя и за брата, *всему народу крестъ цѣловалъ* въ томъ, чтобы судить *по законамъ* въ правду и никого не обидѣть. Святославъ, сойдя съ коня, принесъ передъ народомъ клятву, и цѣловалъ крестъ, что братъ его никому никакихъ обидъ не учинитъ, что судей поставитъ тѣхъ, которыхъ *самъ народъ изберетъ*, и что судьямъ накрѣпко запретитъ требовать болѣе того, что̀ положено по древнимъ уставамъ. Неудовлетворенные этимъ обѣщаніемъ, кіевляне настаивали, чтобы такую же клятву далъ самъ Игорь, и онъ *принужденъ* былъ исполнить требованіе народа. Великій князь Изяславъ II прислалъ въ Кіевъ къ брату своему Владиміру Мстиславичу, къ митрополиту и къ тысяцкому двухъ знатныхъ мужей для извѣщенія о причинѣ, по которой онъ объявилъ войну князьямъ черниговскимъ. Владиміръ велѣлъ созвать народъ на вѣче, и тамъ послы обратились къ народу, говоря отъ имени князя: *братія и чада мои*, надо всѣмъ вамъ вооружиться. Одинъ изъ народа сказалъ: мы охотно

пойдемъ, но прежде надо подумать о собственной безопасности. Народъ согласился съ нимъ, и несмотря на увѣщанія князя Владимира, митрополита и тысяцкаго, поступилъ *вопреки волѣ великаго князя* [305]). Владимирцы, видя худое управленіе и тяготу себѣ отъ князей ростиславичей, стали роптать: мы—народъ вольный, говорили они; мы приняли къ себѣ князей, и они намъ крестъ цѣловали, а теперь грабятъ насъ: *промышляйте же, братья*. Вотъ—восклицаетъ Болтинъ—наши договорныя грамоты: «вотъ наша древняя pacta conventa» [306]).

Къ несчастью для русскаго народа, у властителей его, великихъ и малыхъ, было гораздо больше подданныхъ, нежели умѣнья ими управлять. Каждый князь, каждый бояринъ имѣлъ при себѣ дружину, болѣе или менѣе многочисленную, судя по средствамъ, которыми располагалъ. Преданность и послушаніе дружины къ своему начальнику были безграничны. На князѣ или на бояринѣ сосредоточивались всѣ помыслы его вѣрныхъ слугъ; къ нему пригвождены были ихъ умы и ихъ взоры; для него жертвовали они своею жизнью. *Отечества не имѣли они въ виду*, и въ этомъ заключается коренной недостатокъ системы помѣстной или феодальной. Забвеніе объ отечествѣ, отсутствіе единодушія, рознь и вражда между князьями и ихъ народами, навлекли много бѣдъ на русскую землю, и предали ее въ руки враговъ. Никто не имѣлъ въ виду общей пользы и общаго блага. Въ этомъ и заключается главная и едвали не единственная причина скораго порабощенія монголами Руси, раздробленный ктомуже на множество частей. Неумѣлость правителей, недороживщихъ жизнію и благомъ своихъ подданныхъ, послужила источникомъ усобицъ, терзавшихъ Россію и до монгольскаго ига и во время его, и надѣлавшихъ ей болѣе несчастій, нежели всѣ внѣшнія войны и непріятельскія нашествія [307]).

Раздробленіе на части и разновластіе едва не погубили Россіи: соединеніе частей въ одно государственное цѣлое и единодержавіе спасли ее. Такъ думали предшественники Болтина на литературномъ поприщѣ: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ, Ломоносовъ; такъ

думалъ и Болтинъ. Признавая единодержавіе, монархію, лучшею изъ формъ правленія, Болтинъ сходился со взглядами не только русскихъ писателей, но и многихъ изъ публицистовъ западной Европы. Для доказательства того, что правленіе аристократическое гораздо хуже монархическаго, онъ приводитъ примѣры изъ исторіи Франціи во времена Гизовъ и изъ исторіи Россіи въ годины междуцарствія и дворцовыхъ переворотовъ. Въ наказѣ Екатерины II говорится, что цѣль монархическаго правленія заключается не въ томъ, чтобы отнять у людей естественную ихъ свободу, а въ томъ, чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра. По опредѣленію Монтескье, монархическое правленіе есть то, въ которомъ власть въ рукахъ одного, но онъ пользуется ею на основаніи опредѣленныхъ и прочныхъ *законовъ*—un seul gouverne, mais par des lois fixes et établies. Напротивъ того, въ деспотическомъ правленіи все дѣлается не на основаніи законовъ, а по прихоти и произволу правителя [308]). Монархическое правленіе, существеннымъ признакомъ котораго служитъ *законность*, представлялось Болтину благоразумною серединою между деспотизмомъ и республикою, выраждающеюся въ «безпутный» аристократизмъ [309]). Взглядъ Болтина можетъ быть выраженъ словами его современника, Державина, о народахъ, находящихся подъ монархическимъ правленіемъ:

Царей они подвластны волѣ,
А Богу правосудну *боль*,
Живущему въ *законахъ* ихъ.

Но для того, чтобы законъ дѣйствовалъ со всею подобающею ему силою, необходимо было дать ему полный просторъ и уничтожить беззаконіе, проникшее въ самую глубь народной жизни. Вопіющимъ зломъ и очевиднымъ беззаконіемъ было тогда крѣпостное право. Это сознавалось и правительствомъ и обществомъ; объ этомъ говорилось и въ законодательной комиссіи и въ литературѣ. Но, за весьма немногими исключеніями, суть всего ска-

15*

заннаго заключалась въ томъ, что необходимо облегчить участь крѣпостныхъ крестьянъ и ограничить произволъ помѣщиковъ: предлагали уменьшить крестьянскія повинности, сократить барщину, и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ удержать личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, и не дозволять крестьянамъ продавать свое недвижимое имущество безъ разрѣшенія помѣщиковъ [310]). Такимъ образомъ во времена Болтина друзья народа, признавая насущною потребностью времени *улучшить бытъ крестьянъ и закономъ оградить ихъ отъ произвола помѣщиковъ*, не считали еще возможнымъ совершеннаго *освобожденія* крестьянъ. Но многіе и весьма многіе, и въ законодательной комиссіи, и въ обществѣ, и даже въ литературѣ, были не только противъ освобожденія крестьянъ, но и противъ улучшенія ихъ быта, и горячо отстаивали пользу крѣпостнаго права, какъ въ экономическомъ, такъ и въ государственномъ отношеніи. Закрѣпощенія крестьянъ требовали не только родовитые дворяне, но и лица духовнаго званія, и купцы, и приказные служители, и однодворцы и т. д. По почину императрицы Екатерины II, вольно-экономическое общество предложило, какъ извѣстно, задачу, полезно ли предоставить крестьянамъ въ собственность землю, и до какой степени должны простираться права ихъ въ этомъ отношеніи. Такого рода задача показалась нѣкоторымъ весьма опасною для общественнаго спокойствія: утверждали, что она «подала поводъ къ разглагольствію и къ мыслямъ мятежнымъ». Одинъ изъ современниковъ Болтина написалъ пространное и чрезвычайно замѣчательное разсужденіе, въ которомъ изо всѣхъ силъ старался доказать крайнее неудобство дать крестьянамъ свободу [311]).

Доводы противъ освобожденія крестьянъ не потеряли своей силы и для послѣдующихъ поколѣній. Они высказывались съ новою силою по мѣрѣ распространенія слуховъ о предстоящихъ преобразованіяхъ въ крестьянскомъ быту. Такъ было въ царствованіе императора Александра I; тоже повторилось и при его преемникѣ. Въ одной рукописи временъ Александра I приводятся такого рода соображенія въ пользу крѣпостнаго права. Оно необходимо и для

того, чтобы сохранить равновѣсіе и должное различіе между сословіями, и для того, чтобы не имѣть недостатка въ чернорабочихъ. Взаимную связь между сословіями авторъ опредѣляетъ наглядным сравненіемъ: корни—крестьяне, стебли—купцы, вѣтви и плоды—дворяне. Но у насъ все перемѣшалось, никто не хочетъ оставаться въ своемъ состояніи: крестьяне лѣзутъ въ купцы, купцы въ чиновники и т. п. Крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, впадутъ не только въ лѣность и нищету, но и въ новое и болѣе тяжкое рабство къ своей же братіи—къ разбогатѣвшимъ разными плутнями крестьянамъ. Помѣщики — естественные защитники крестьянъ; земскіе суды и смотрители изъ крестьянъ—пастыри, имже не суть овцы своя. Въ иностранныхъ государствахъ, богатые крестьяне — тѣже помѣщики: они обдѣлываютъ землю руками бѣдныхъ крестьянъ, у которыхъ нѣтъ земли. Крестьяне и помѣщики – основныя силы государства. Хлѣбопашество —дѣло трудное, и безъ принужденія никто за него не возьмется: гораздо легче торговать, умничать (т. е. заниматься науками) и воевать; войною добываютъ и много славы, и много денегъ, но вѣдь денегъ ѣсть нельзя. И потому вѣчными поставщиками насущнаго хлѣба для всѣхъ сословій должны быть крѣпостные крестьяне [312]).

На зарѣ нашихъ университетовъ, учрежденныхъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, люди научно-образованные находили весьма естественнымъ сохраненіе до поры до времени крѣпостнаго права. «Общество гражданское — говорили они — не вдругъ достигаетъ своего совершенства. Пока государство не достигнетъ той степени совершенства, что дѣйствія всѣхъ членовъ его не могутъ уже поколебать общественнаго порядка, до тѣхъ поръ *рабство и власть господъ необходимы. Власть сія замѣняетъ часть власти полицейской въ государствѣ*: она управляетъ поступками рабовъ, направляетъ ихъ къ общей цѣли, и обуздываетъ неумѣстные порывы. Кажется, что это есть вмѣстѣ и причина, почему находимъ почти у всѣхъ народовъ, при первоначальномъ ихъ образованіи, рабство, и оправданіе, почему оно иногда бываетъ необходимо государству» [313]).

Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія писалось слѣдующеее: «При настоящемъ порядкѣ, крѣпостный человѣкъ есть собственность владѣльца, и онъ бережетъ его какъ *вещь*, нужную ему и его наслѣдникамъ, что̀ достаточно доказывается между прочимъ огромными пожертвованіями на содержаніе крестьянъ и скота ихъ въ неурожайные годы. Но какъ управиться съ народомъ, непривыкшимъ ни къ самостоятельности, ни къ предусмотрительности въ своихъ дѣйствіяхъ? Съ одной стороны, мы видимъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ и окружныхъ; съ другой—земскихъ становыхъ приставовъ. Сердце замираетъ, подумавъ, что въ ихъ руки попадутся наши бѣдные крестьяне, беззащитные въ своемъ невѣжествѣ, равно непостигающіе и ужасовъ рабства и благодати свободы. Знаю, что мнѣ укажутъ на нѣкоторыхъ извергов помѣщиковъ, но число таковыхъ уменьшается очевидно и духомъ времени и наблюденіемъ правительства. Это—метеоры, подобные граду и вихрямъ, которые мимоходомъ губятъ нѣсколько клочковъ полей, не препятствуя цвѣтенію прочихъ» [314]).

Возвращаясь ко временамъ Болтина, замѣтимъ, что для оцѣнки взглядовъ его сравнительно съ тогдашнимъ состояніемъ не только русской, но европейской образованности вообще, особенное значеніе имѣютъ идеи знаменитаго писателя, къ которому соплеменники наши обращались съ просьбою указать имъ путь для лучшаго государственнаго устройства. Въ соображеніяхъ своихъ по этому поводу Руссо касается вопроса объ освобожденіи крестьянъ не только въ его мѣстномъ примѣненіи, но и въ его принципѣ. Какъ отъ источника высшей политической премудрости, поляки-помѣщики ожидали отъ Руссо спасительныхъ указаній и руководящихъ началъ. И вотъ что̀ услышали отъ него: Вы не будете свободны и счастливы до тѣхъ поръ, пока не снимете оковъ съ братьевъ вашихъ. Я сознаю всю трудность предполагаемаго освобожденія. Меня страшатъ не только непониманіе своихъ интересовъ, самолюбіе и предразсудки господъ, но и пороки и нравственная испорченность самихъ рабовъ. Свобода—

пища очень хорошая, но неудобоваримая: надо имѣть очень здоровый желудокъ, чтобы ее вынести. Смѣшны и жалки для меня тѣ народы, которые, нося въ себѣ самихъ всѣ пороки рабства, но будучи подстрекаемы заговорщиками, осмѣливаются говорить о свободѣ, и воображаютъ, что стать въ ряды мятежниковъ значитъ сдѣлаться свободнымъ. Святая и гордая свобода! Если бы эти несчастные могли тебя познать, если бы они знали, какою цѣною добываютъ тебя и хранятъ, если бы они чувствовали, насколько твои строгіе законы тяжелѣе ихъ прежняго ига, — ихъ слабыя души боялись бы тебя во сто разъ больше, нежели рабства, и съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя, какъ отъ тяжкаго бремени, которое можетъ ихъ сокрушить. Освободить польскихъ крестьянъ—дѣло великое и прекрасное, но за него надо браться обдуманно. Прежде, нежели освободить рабовъ, надо сдѣлать ихъ достойными свободы и способными ее выдержать. Не освобождайте ихъ тѣлъ, пока не освободите ихъ душъ. Безъ этого, не разсчитывайте на успѣхъ вашего предпріятія [315]).

Мы съ цѣлію сопоставили всѣ эти свидѣтельства, тянущіяся на пространствѣ цѣлаго столѣтія, чтобы такимъ образомъ бросить свѣтъ на всю вереницу данныхъ, которыя должны быть взвѣшены и соображены при обсужденіи взглядовъ Болтина съ единственно-вѣрной, т. е. съ исторической точки зрѣнія. Затѣмъ предоставимъ Болтину говорить самому за себя. Все, что̀ говоритъ онъ о русскихъ крестьянахъ, взято прямо изъ жизни; слова свои онъ подтверждаетъ ясными, наглядными доказательствами; описываетъ то̀, что̀ ему извѣстно заподлинно, что̀ онъ видѣлъ собственными глазами. Какъ умный и правдивый повѣствователь, онъ не разцвѣчиваетъ одной крайности и не искажаетъ умышленно другой, а предоставляя безпристрастному читателю дѣлать выводы, раскрываетъ передъ глазами его какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны крестьянскаго быта. Указаніе темныхъ сторонъ тѣмъ замѣчательнѣе, что оно значительно ослабляло средства нашего писателя въ борьбѣ его съ своимъ иностраннымъ противникомъ. Выставляя свѣтлыя стороны русскаго крестьянскаго быта срав-

нительно съ западно-европейскимъ, Болтинъ отражалъ нападенія иностраннаго историка Россіи. Умолчать о злоупотребленіяхъ крѣпостнаго права было бы весьма выгодно для Болтина въ его полемикѣ; но онъ разоблачалъ ихъ, и этимъ показалъ, что онъ дорожитъ истиною, и не желаетъ жертвовать ею ни ради эффекта, ни для удовлетворенія національному самолюбію.

Въ Россіи — говоритъ Болтинъ — неизвѣстна еще та звѣрская политика, которая позволяетъ грабить народъ подъ предлогомъ общественной безопасности; у насъ не примѣняется ужасное правило: чѣмъ народъ бѣднѣе, тѣмъ онъ послушнѣе. Земледѣлецъ въ Россіи гораздо меньше несетъ тягости, нежели во Франціи, Германіи, Англіи, Голландіи и другихъ государствахъ. Во Франціи платятъ съ имущества, съ промысла, съ дохода, съ купли и продажи, при въѣздѣ въ городъ со всего ввозимаго и при выѣздѣ изъ города со всего вывозимаго. Изъ пяти сноповъ, сжатыхъ земледѣльцемъ, четыре отдаетъ онъ въ разныя подати. Мелочнымъ поборамъ разнаго рода нѣтъ конца. Въ Англіи платятъ и за воздухъ и за свѣтъ: чѣмъ больше воздуха входитъ въ чей-либо домъ, чѣмъ больше онъ освѣщается солнцемъ, тѣмъ болѣе долженъ платить домовладѣлецъ. Русскій крестьянинъ не имѣетъ понятія о тѣхъ податяхъ и налогахъ, какіе платятъ иностранные земледѣльцы. Плодами трудовъ и промысла своего онъ пользуется въ полной безопасности отъ похищенія ихъ государственными сборщиками, неизвѣстными въ Россіи; приращеніе его благосостоянія не заставляетъ его бояться новыхъ поборовъ. Правда, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ не вездѣ у насъ одинаково: нѣкоторыхъ изъ нихъ жестокіе и безчувственные господа обременяютъ тяжкими, едва выносимыми, работами и оброками; но большинство крѣпостныхъ крестьянъ живетъ въ покоѣ и въ довольствѣ. Каждый крестьянинъ имѣетъ свою собственность, которая утверждена если и не закономъ, то всеобщимъ обычаемъ, получившимъ силу закона. Помѣщики, за немногими исключеніями, не требуютъ отъ своихъ крестьянъ чрезмѣрныхъ работъ и оброковъ. За уплатою того, что̀ слѣдуетъ помѣщику,

все остальное, что выработаетъ крестьянинъ, составляетъ его собственность, которою онъ владѣетъ спокойно, отдаетъ въ приданое за дочерьми, оставляетъ въ наслѣдство сыновьямъ и родственникамъ. Безъ такой свободы и безопасности, не могли бы крестьяне наживать по сту тысячъ рублей и болѣе капитала. Раздѣлъ земли между крестьянами и раскладка платежа за нее происходитъ слѣдующимъ образомъ:

«Положимъ, что въ селѣ или деревнѣ 250 душъ мужескаго пола, кои составляютъ 100 тяголъ; что оброку платитъ вся деревня помѣщику 1000 рублей, да государственныхъ податей, яко-то подушныхъ, рекрутскихъ и разныхъ мелочныхъ расходовъ сходитъ съ нихъ 500, итого всего 1500 рублей; и что вся земля той деревни раздѣлена на 180 паевъ, полагая въ пай по десятинѣ, по полторы, или по двѣ въ полѣ. Изъ сихъ 120 паевъ земли, раздаютъ они на каждое тягло по одному, достальныя 20 раздѣляютъ по себѣ тѣ, кои семьянистѣе или зажиточнѣе другихъ, по добровольному согласію или по жеребью, какая часть пая кому достанется. Имѣющіе по одному паю земли платятъ въ годъ по 12 рублей 60 копѣекъ. Тѣжъ, кои разберутъ по себѣ достальные 20 паевъ, каждый платитъ по разчисленію, то есть, кто полъ пая возьметъ, тотъ платитъ 6 рублей 30 копѣекъ, а за четверть пая 3 рубли 15 копѣекъ, сверхъ 12 рублей 60 копѣекъ, которыми каждый за владѣніе цѣлаго пая долженъ. По прошествіи года, если который крестьянинъ, по случившемуся какому либо ему несчастью, яко за умертвіемъ жены, сына на возрастѣ, за сгорѣніемъ дома или другимъ какимъ убыткомъ, не будетъ въ состояніи съ полуторыхъ паевъ или съ одного пая платить оброкъ, то объявляетъ о томъ *на мірскомъ сходѣ* старостѣ и *всѣмъ крестьянамъ*, вслѣдствіе чего ту землю, которую онъ обработать не въ состояніи, отъ него отбираютъ и отдаютъ другому, кто взять ее пожелаетъ, или раздѣляютъ двоимъ или троимъ на части; и тѣ, кои возьмутъ ее во владѣніе свое, и платить съ нея впередъ будутъ. Такой порядокъ въ раздѣленіи земель и платежѣ оброка не повсюду есть одинаковъ,

ибо въ иныхъ мѣстахъ вовсе земли нѣтъ, слѣдовательно и дѣлить нечего; въ другихъ, столь ея много, что она цѣны своей не имѣетъ; въ такихъ случаяхъ не по владѣнію земли, а по семейству и достатку каждаго, государственныя подати и помѣщичьи оброки раскладываются. Но всегда раскладку сію дѣлаютъ крестьяне *сами по себѣ*, вѣдая каждый о другомъ, сколько можетъ заплатить безъ тягости передъ другими, и *по общему мірскому приговору*».

Вообще положеніе русскихъ крестьянъ представляется нѣкоторыми въ болѣе печальномъ видѣ, нежели оно есть въ дѣйствительности. Причина же, почему кажется оно такимъ тяжелымъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что «нѣкоторые помѣщики поступаютъ съ крестьянами хуже, нежели со скотами: такихъ помѣщиковъ меньше, однакожъ, должно къ стыду признаться, нарочитое число есть» [316]).

Признавши, что между русскими помѣщиками есть немалое число такихъ, которые дѣлаютъ стыдъ русскому имени и человѣчеству, Болтинъ обращаетъ къ этимъ отверженцамъ свое обличительное слово. Онъ говоритъ съ глубокимъ негодованіемъ и желаетъ, чтобы слова его не пропали даромъ, чтобы они нашли отголосокъ въ совѣсти и религіозныхъ вѣрованіяхъ, если искры религіи и совѣсти не потухли еще въ душѣ людей, подавляющихъ въ себѣ всѣ человѣческія чувства.

Обыкновенно крестьяне работаютъ на помѣщика три дня въ недѣлю: такая работа признается умѣренною, и со стороны крестьянъ не слышно ни жалобъ, ни ропота на трехдневную барщину. Иные помѣщики заставляютъ работать на себя не три, а четыре дня; но такихъ меньше, нежели тѣхъ, которые ограничиваются тремя днями работы. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ недовольны даже и четырьмя днями крестьянской работы. Эти «нѣкоторые хотятъ, чтобъ крестьяне ихъ безпрестанно на нихъ работали, и собственности бъ у себя никакой не имѣли; но таковые очень рѣдки, и признаются отъ всѣхъ вообще за чудовищныхъ и презрительныхъ выродковъ въ природѣ».

«Держась справедливости во всѣхъ моихъ сказаніяхъ,—гово-

ритъ Болтинъ—не могу утвердительно сказать, есть ли такіе помѣщики нынѣ; но что таковые лѣтъ тому назадъ съ двадцать дѣйствительно бывали, изъ которыхъ двоихъ самолично я зналъ, и жестокостямъ ихъ съ крестьянами былъ самовидецъ, есть то̀ сущая правда. Однакожъ вѣроятно, что и нынѣ есть имъ подобные, коихъ звѣрскихъ сердецъ примѣръ царствующія надъ нами не силенъ былъ исправить. Но если сіи тираны не боятся суда Божія, если не ощущаютъ въ сердцѣ своемъ ни любви къ ближнему, ни жалости къ страждущему человѣчеству; то да пощадятъ, по крайней мѣрѣ, самихъ себя, видя отъ всѣхъ благонравныхъ и благомыслящихъ людей оказываемое къ себѣ презрѣніе, гнушеніе и отвращеніе, яко къ извергамъ природы и недостойнымъ сожитія съ человѣками, тѣмъ паче общества людей благородныхъ. Можетъ быть случится имъ сіе прочесть, хотя такіе люди рѣдко книги читаютъ, и можетъ быть они устыдятся, усовѣстятся и сдѣлаются сколько ни есть умѣреннѣйшими, снисходительнѣйшими къ подобнымъ себѣ. Ежели не слыхали они донынѣ сей ужасной истины, кою я хочу имъ сказать, то пусть вѣдаютъ, что ни одинъ тиранъ не умиралъ спокойно, и что послѣдніе дни жизни ихъ бываютъ для нихъ дни ужаса, трепета и отчаянія. Чтожъ ожидаетъ ихъ по смерти? Вѣдаютъ то̀ всѣ тѣ, кои вѣрятъ, что Богъ есть правосуденъ, и что душа человѣческая есть безсмертна»...

«Нѣкоторые помѣщики, во удовлетвореніе жадности своей къ корысти, продаютъ охотно рабовъ своихъ въ рекруты, и признаютъ то̀ прибыльнымъ торгомъ, какъ и въ самой вещи есть, еслибъ не сопряжено было сіе дѣйствіе съ жестокостью и безчеловѣчіемъ. Зналъ я однаго такого, который, промотавшися, всѣхъ до единаго крестьянъ своихъ продалъ въ рекруты, и такимъ средствомъ долги свои оплатилъ, а деревня осталася за нимъ. Было за нимъ безъ мала 400 душъ, коихъ еслибы онъ продалъ всѣхъ съ землею, то не болѣе бы получилъ 12000 рублей: сіе происходило въ послѣднія лѣта царствованія императрицы Елисаветы, когда обыкновенная цѣна деревнямъ была по 30 рублей душа. Онъ продалъ въ рекруты, помнится мнѣ, безъ

мала сто человѣкъ, и получилъ близъ 16000 рублей, ибо цѣна рекрутъ была тогда отъ 150 до 180 рублей. И такъ, взявъ цѣну превосходнѣйшую третью той цѣны, которой вся деревня стоила, осталося у него 300 душъ мужескихъ, не считая женскихъ, и вся земля. Правда, что въ оставшихъ душахъ по большей части были старики и малолѣтніе, однакожъ было между ними отъ 60 до 70 и такихъ, кои, будучи въ рекруты не годны, могли работать и оброкъ платить; ибо въ 400 душахъ не меньше полагается 160 тяголъ, изъ коихъ за уничтоженіемъ ста остается еще шестьдесятъ. Доказательно, что продажа поодиначкѣ прибыльнѣе несравненно продажи обтомъ; но производство ея ужасаетъ воображеніе. Такимъ средствомъ свободиться отъ долговъ подобно тому, къ которому возымѣлъ прибѣжище Людовикъ XI, чтобъ свободить себя отъ болѣзни угрожавшея ему смертію, употребляя для поправленія испорченной своей крови младенческую парную кровь. Однакожъ ни кровь младенческая Людовика отъ болѣзни не исцѣлила, ни цѣна крови знакомца моего состоянія не поправила: пожертвовавъ онъ мотовству своему слезами, стономъ и воплемъ нѣсколькихъ сотъ невинныхъ, промоталъ полученныя за рекрутъ деньги, и по прежнему вошелъ въ неоплатные долги. Какова была смерть Людовику, такой же должны опасаться и всѣ тѣ, кои подобныхъ безчеловѣчій дѣлать не страшатся».

Спросите—говоритъ Болтинъ—у любаго крестьянина, чѣмъ онъ лучше желаетъ быть, крѣпостнымъ ли у злаго помѣщика или солдатомъ у самаго добраго полковника; по всей вѣроятности, онъ предпочтетъ остаться крѣпостнымъ. Разумѣется, отсюда надо выключить тѣхъ помѣщиковъ, о которыхъ только-что говорено: отъ нихъ крестьяне «не только въ солдаты, но и въ адъ пойдутъ охотно» [317])

Заѣхавши въ одну изъ приволжскихъ деревень, Болтинъ былъ крайне удивленъ, увидя, что у всѣхъ крестьянъ бритыя головы. Сначала онъ подумалъ, не обрились ли по какому-нибудь народному повѣрью; но пораспросивъ, узналъ, что это произошло не

отъ крестьянскаго суевѣрія, а отъ помѣщичьей изобрѣтательности. Крестьянамъ этимъ плохо жилось у своего помѣщика, и они задумали бѣжать отъ него съ женами и дѣтьми. *Къ счастію или къ несчастію* для нихъ, помѣщикъ провѣдалъ объ этомъ, наказалъ ихъ, и сверхъ того снабдилъ особою примѣтой, по которой можно было бы сейчасъ узнать бѣглыхъ—велѣлъ выбрить имъ лбы. Странное, — прибавляетъ Болтинъ — хотя и надежное средство удержать крестьянъ отъ побѣга; но еще надежнѣе — *не подавать* имъ *повода къ побѣгамъ*. А главный поводъ заключался въ жестокомъ обращеніи съ ними и въ совершенномъ равнодушіи къ ихъ суровой судьбѣ. На глазахъ у помѣщиковъ крестьяне болѣютъ отъ употребленія дурной воды, несмотря на запрещеніе пить ее, а «инымъ помѣщикамъ о запрещеніи семъ и въ голову не прійдетъ; другіе же, *больше жалѣя лошадей своихъ, нежели крестьянъ*, не согласятся для нихъ четыре версты воду возить» [318]).

Закрѣпощеніе русскихъ крестьянъ Болтинъ объясняетъ такимъ образомъ. Втеченье нѣсколькихъ вѣковъ всѣ крестьяне на Руси были свободные, вольные. Подати платили они не съ душъ и не съ дворовъ, а съ пашни. Земли принадлежали правительству или дворянству, и поселившіеся на нихъ должны были платить государю по установленію, а владѣльцу по условію. Помѣщикъ не могъ требовать болѣе того, что̀ положено закономъ и обычаемъ, если не желалъ остаться и безъ крестьянъ и безъ дохода. А для того, чтобы отъ перехода крестьянъ съ мѣста на мѣсто не было недоимки и замѣшательства въ сборѣ государственныхъ податей и остановки въ работахъ, положенъ былъ для перехода крестьянъ одинъ срокъ въ году, а именно въ осень о Юрьевомъ дни; переходить въ другое время было запрещено. Вслѣдствіе такого запрета каждый крестьянинъ долженъ былъ остаться на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поселенъ; тамъ же оставались его дѣти и потомки. Поселенные на земляхъ помѣщичьихъ, крестьянестали *крѣпки* помѣщикамъ. Запрещеніе перехода помѣщики обратили въ свою пользу, и распространили власть свою надъ крестьянами, стали принуждать ихъ къ платежу большаго оброка и требо-

вать отъ нихъ излишнихъ работъ. Крестьяне, будучи связаны, не могли ни въ чемъ отказать, боясь, чтобы ихъ не признали бунтовщиками, потому что законъ, отнявши у нихъ свободу перехода, не опредѣлилъ размѣра ни ихъ повинностей, ни ихъ работъ. Такая неопредѣленность послужила поводомъ ко многимъ спорамъ, жалобамъ и возмущеніямъ; но помѣщики, будучи смышленѣе и богаче, нежели крестьяне, сумѣли растолковать законъ въ свою пользу и сдѣлать крестьянъ виноватыми. Однако-жъ помѣщики все-таки не имѣли еще власти продавать своихъ крестьянъ какъ скотъ и пересаживать ихъ съ мѣста на мѣсто какъ деревья. Леклеркъ говоритъ: les nobles pouvaient les donner, les engager, les vendre comme des troupeaux ou les transporter d'un lieu dans un autre comme des arbres [319]). Крестьяне «продавалися, закладывалися, въ приданое отдавалися, въ наслѣдіе дѣтямъ оставлялися (разумѣя о вотчинахъ) не иначе, какъ съ землею: не смѣли еще отдѣлять ихъ отъ земли и продавать поодиначкѣ. Надъ помѣстными крестьянами власть помѣщичья еще была меньше; сихъ ни продать, ни заложить было не можно, понеже помѣстья даваны были вмѣсто жалованья по смерть, а не потомственно и въ собственность. Первый поводъ къ продажѣ поодиначкѣ поданъ владѣльцамъ наборомъ рекрутъ съ числа дворовъ, показавъ тѣмъ дорогу, что можно ихъ отдѣлять отъ земли и отъ семействъ по одиначкѣ. Указъ, сравнившій помѣстья съ вотчинами, и вскорѣ потомъ послѣдовавшая подушная перепись, которую и холопи, безъ различія кабальныхъ отъ полныхъ, поверстаны въ одинакій окладъ съ крестьянами, утвердили владѣльческое притязаніе присвоить надъ тѣми и другими одинакое властительства право. Послѣ сего стали холопей превращать въ крестьянъ, а крестьянъ въ холопей; отдѣлять ихъ отъ семействъ, и наконецъ продавать на выводъ съ семьями и поодиначкѣ. Съ того времени стали быть помѣщики таковымижъ властителями надъ имѣніемъ и жизнію крестьянъ и холопей своихъ, каковыми, по древнему закону, были надъ одними только плѣнными. Нѣтъ закона, дѣлающаго лично крестьянъ помѣщикамъ крѣпостными: обычай, мало по малу вве-

денный, обращать ихъ въ дворовыхъ людей, прямо въ противность уложенныя статьи о семъ, и подъ названіемъ дворовыхъ продавать ихъ поодиначкѣ, сначала былъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ, обратился наконецъ, чрезъ долговременное употребленіе, въ законъ» [320]).

Какимъ же образомъ искоренить застарѣлое общественное зло? Вотъ отвѣтъ Болтина: «При дачѣ рабамъ свободы, все благоразуміе въ томъ, по мнѣнію моему, должно состоять, чтобъ не прежде оную имъ даровать, какъ научa ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія сдѣланъ будетъ имъ вредъ, зло и гибель. Уволить надлежитъ всѣхъ (а не по частямъ), но *исподоволь и постепенно*, такъ какъ бывшему долгое время въ темнотѣ не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а понемногу: въ противномъ случаѣ, глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждатися зрѣніемъ вожделѣнныя свѣтлости. ....Всѣ проповѣдники вольности говорятъ: человѣкъ родится свободенъ, и слѣдовательно всякая неволя есть нарушеніе его права, природою ему даннаго. Не спорю я въ томъ, хотя бы и могъ нѣчто предложить на разсмотрѣніе къ ограниченію сея природныя свободы; но желаю, чтобы меня вразумили, во всякомъ ли состояніи, во всякое ли время и всякому ли народу одинакая приличествуетъ свобода; или по различенію оныхъ, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, изъятіемъ, съ нѣкоторыми условіями, предписаніями, правилами? Еще хотѣлъ бы я знать, съ состояніемъ, или приличнѣе, съ названіемъ свободныхъ (понеже нѣтъ въ Европѣ вольныхъ по состоянію) сопряжено ли нѣкое дѣйствительное счастіе, благоденствіе, покой; и тѣ народы, кои называются вольными въ Европѣ, вящшими ли выгодами, лучшимъ ли жребіемъ благосостоянія пользуются, нежели мы? Не говоря о дворянствѣ, яко о малочисленномъ государствъ сословіи, спросимъ о земледѣльцахъ, яко о составляющихъ главное число жителей повсюду, гдѣ они суть вольны и вкупѣ счастливы? Земледѣльцы государствъ, тщеславящихся изгнаніемъ изъ предѣловъ своихъ рабства, выгоднѣйшую ли жизнь ведутъ, мень-

ше ли отягощены поборами и всякородными налогами, нежели наши? Если окажется по справкѣ, что съ названіемъ свободы благоденствіе не сопряжено; что народы, называющіеся вольными, не лучшею участію пользуются насъ, признаваемыхъ за находящихся въ тяжкой неволѣ; что земледѣльцы сихъ государствъ, вольныхъ по воображенію, не меньше отягощены, какъ и наши, называющіеся рабами; то чтожъ пользы въ сей вольности, пустой и мечтательной, толико проповѣдуемой и превозносимой. Между вольности и вольности, и между рабства и рабства, есть разность, да и разность великая и многообразная: названіе одно ничего не составляетъ. Бываетъ вольность хуже, несноснѣе рабства, а рабство выгоднѣе, удовольственнѣе свободы. Прусскій земледѣлецъ называется свободнымъ, а россійскій невольникомъ; но разсмотря того и другаго состояніе, найдется, что первый отягощенъ больше, нежели невольникъ, а послѣдній меньше, нежели свободный. Ежели всѣ степени вольностей, коими пользуются разные народы, разсмотрѣть и различить, обрящется ихъ великое количество, одна другой больше или меньше съ названіемъ своимъ несходствующія. Изъ сихъ многообразныхъ вольностей надобно намъ избрать такую, которая бы сообразна была нашему настоящему физическому и нравственному состоянію, а за всякую безъ выбора хвататься отнюдь не должно; понеже тажъ самая вольность, которая одинъ народъ дѣляетъ счастливымъ, для другаго будетъ руководствомъ къ несчастію, къ погибели. Избраніе сіе требуетъ прилежнаго разсмотрѣнія и опаснаго вниманія и разсужденія. Земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ, германская не сдѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голода, а англинская низвергнетъ ихъ въ бездну погибели. Каппадокіяне не хотѣли быть вольными, хотя римляне и дозволяли имъ быть таковыми; прислали они пословъ въ Римъ, объявляя, что вольность имъ несносна, и просили дать имъ царя: Страбонъ, кн. XII. Удивился сенатъ римскій такому прошенію, и позволилъ имъ выбрать въ царя себѣ, кого они заблагоразсудятъ. Видно что монархія, по ихъ разсужденію, болѣе

имъ приличествовала, нежели республика; въ первой надѣялися они лучше основать свое благосостояніе, нежели въ послѣдней. Не всякому народу вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться; потребно къ сему расположеніе умовъ и нравовъ особливое, которое пріобрѣтается вѣками и пособіемъ многихъ обстоятельствъ. Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ не нужно было дать имъ облегченіе, пособіе къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе, не въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичьей надъ ними власти».

«Еслибъ помѣщичьихъ крестьянъ собственность ограждена была безопасностію, усовершенствовано бъ было ихъ благосостояніе. Они и нынѣ пользуются ею въ полной свободѣ, но не всѣ и не по *закону*, а по снисхожденію своихъ господъ. За ограниченіемъ *закономъ* власти помѣщиковъ и повинностей подданныхъ, учредилася бы между ними взаимность пользъ и выгодъ, коя обязала бъ однихъ къ другимъ снисходительствомъ, угожденіемъ, уваженіемъ, довѣренностію, и возложила бы бразды на наглое самонравіе помѣщиковъ и на дерзкое своевольство крестьянъ. Помѣщики возчувствовали бъ нужду въ крестьянскомъ послушаніи, услугахъ, работѣ, сверхъ предписанныя закономъ; а крестьяне въ помѣщичьей защитѣ, ходатайствѣ, попеченіи. Помѣщики не могли бъ притѣснять, презирать крестьянъ; а сіи не стали бы жаловаться, роптать, ненавидѣть помѣщиковъ. Первые бы увѣрилися, что они не больше суть какъ человѣки, а послѣдніе-бъ узнали, что они не скоты; познавъ же цѣну своего состоянія, познали бъ и право человѣчества и право своего званія, и что ихъ благоденствіе зависитъ отъ нихъ самихъ, а не отъ другаго».

«Прежде должно учинить свободными души рабовъ, говоритъ Руссо, а потомъ уже тѣла. Мудрому сему правилу послѣдуетъ Великая Екатерина: желая снять узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предначинаетъ сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи

невѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устрояются, по высочайшей ея волѣ, по всему государству училища для нижнихъ чиносостояній, дабы пріуготовить души юношества, въ нихъ воспитываемаго, къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара; дабы учинить ихъ достойными вольности и способными къ снесенію ея. Не могу сказать, которое изъ двухъ благодѣяній есть вящшее: то̀ ли, чтобъ дать вольность рабу, или то̀, чтобъ открыть ему таинство учиниться счастливымъ; то есть, чтобъ научить его употреблять вольность на пользу самого себя, и вкупѣ на пользу ближняго и отечества. Боже, помоги дѣлательницѣ премудрой и человѣколюбивой то̀ и другое совершити, и сподоби ее вкусити плоды трудовъ своихъ» [321]).

Распространяя кругъ своихъ наблюденій, Болтинъ заходилъ и въ область словесности, письменной и устной, и языка. Литературныя и филологическія понятія Болтина выражаются въ замѣткахъ, отзывахъ, сближеніяхъ и оговоркахъ, разсѣянныхъ во многихъ мѣстахъ его сочиненій. Въ одномъ изъ трудовъ его помѣщенъ довольно пространный и весьма дѣльный опытъ критической работы, которая хотя и ограничивается сравненіемъ перевода съ подлинникомъ, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія при тогдашнемъ положеніи и пріемахъ нашей критики. Поводомъ къ этому опыту послужило появленіе во французскомъ переводѣ, въ книгѣ Леклерка, поэмы Хераскова: Чесменскій бой и первой пѣсни, и то не всей, поэмы Ломоносова: Петръ Великій. Съ чрезвычайною точностью сличилъ Болтинъ каждый стихъ, каждый образъ, каждое выраженіе подлинниковъ съ ихъ переводами, и представилъ такимъ образомъ рядъ фактическихъ доказательствъ несостоятельности переводчика, который выдавалъ свой трудъ за образцовый, и разсматривая Петріаду Ломоносова, не находилъ въ ней ничего хорошаго, и «съ ногъ до головы пересмѣхалъ ея знаменитаго творца» [322]). Стихи Хераскова:

Она (луна), межъ тучами висящая, трепещетъ,
Багровые лучи и томны взоры мещетъ —

Леклеркъ перевелъ: suspendue au milieu des nuages, elle distille des gouttes de sang.

Ломоносовъ говоритъ, обращаясь къ императрицѣ Елисаветѣ, что онъ возгласитъ дѣяніе отца ея, Петра Великаго, а въ переводѣ Леклерка не Петръ Великій является отцомъ Елисаветы, а Елисавета—матерью военной трубы.

У Ломоносова: Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее, велико божество.

У Леклерка: J'emboucherai cette trompette qui te doit sa naissance, и т. д.

Пріемъ, употребленный Болтинымъ, рѣзко и весьма выгодно отличается отъ голословныхъ сближеній русскихъ и иностранныхъ писателей и ихъ произведеній, которое было такъ обычно въ тогдашней литературѣ.

Приводя, для сравненія съ французскимъ переводомъ, отрывки изъ поэмъ Ломоносова и Хераскова, Болтинъ высказываетъ иногда, хотя и вскользь и чрезвычайно коротко, свое мнѣніе объ эстетическомъ достоинствѣ приводимаго отрывка. Критикъ нашъ называетъ Ломоносова *неподражаемымъ въ изображеніяхъ природы* и ея явленій, и въ доказательство ссылается на слѣдующее описаніе бури:

Закрылись крайніе пучиною лѣса;
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные, имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ
Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ.
Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ.

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ:
Дождю на встрѣчу дождь съ шумящихъ волнъ летѣлъ.
Въ сердцахъ великій страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.

По мнѣнію Болтина, ничего не можетъ быть прекраснѣе и великолѣпнѣе изображенія лѣтнихъ ночей сѣвернаго края, которое находимъ у Ломоносова:

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло:
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи...

Слѣдующіе три стиха изъ поэмы Ломоносова, Петръ Великій:

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ высшій есть законъ,—

Болтинъ называетъ «плавными, пріятными, наполненными нѣжности, величества и красоты».

Въ поэмѣ Хераскова онъ находитъ *прекраснымъ* описаніе горящаго турецкаго флота:

Тамъ бомба, на корабль упавъ, разорвалась,
И смерть, которая внутри у ней неслась,
Покрыта искрами, изъ оной вылетаетъ,
Рукою корабли, другой людей хватаетъ;
Къ чему ни коснется, все гибнетъ и горитъ:
Огонь небесну твердь, пучину кровь багритъ.

Замѣчателенъ отзывъ Болтина о Кантемирѣ и Тредьяковскомъ: «Кантемиръ писалъ старинньмъ, безправильнымъ стихосложеніемъ, то есть безъ мѣры и безъ различія риѳмъ, подобно какъ французскіе піиты, предшественники Малерба; но былъ онъ піитъ

въ разсужденіи ума и вкуса, кои находятся въ стихахъ его. Тредьяковскій былъ педантъ, безъ дарованія къ стихотворству; но онъ первый далъ на русскомъ языкѣ примѣръ правильнаго стихотворства всѣхъ родовъ, употребленныхъ какъ древними, такъ и нынѣшними піитами. Телемахида его вся писана экзаметрами. Онъ перевелъ всю піитику Боалову александрійскими стихами съ риѳмами, каковыми подлинникъ писанъ. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, правду сказалъ Левекъ, что болѣе имѣлъ онъ страсти, нежели дарованія къ письменамъ, и что Телемахиду его и Деидамію читаютъ только для смѣха» [323]).

Болтинъ признавалъ большое различіе между письменною и устною словесностью въ отношеніи пригодности ихъ для историческихъ изслѣдованій. Пользуясь, какъ источниками, письменными памятниками старины и древности, выдерживающими научную критику, Болтинъ обращался иногда и къ произведеніямъ устной словесности: приводилъ содержаніе народной пѣсни, объяснялъ смыслъ пословицъ, упоминалъ о народныхъ повѣрьяхъ и преданіяхъ, въ которыхъ слышится отголосокъ, хотя бы и весьма слабый, стародавнихъ понятій и вѣрованій. Онъ пользовался памятниками устной словесности какъ матеріаломъ для филологическихъ соображеній: приводилъ изъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ слова и выраженія, сохранившія слѣды глубокой древности, и доказывающія, по его мнѣнію, родственную связь русскаго языка съ другими, которая постепенно ослабѣвала и наконецъ совершенно исчезла. Болтинъ признавалъ за народною словесностью право гражданства въ литературѣ и въ литературномъ языкѣ, и для того, чтобы придать той или другой мысли болѣе яркости и выразительности, нерѣдко скрѣплялъ ее народною пословицею или поговоркою. Но критикъ нашъ недовѣрчиво относился къ былинамъ, видя въ нихъ много искуственнаго, дѣланнаго, много измышленій, принадлежащихъ самой исключительной и самой ничтожной горсти народа, а отнюдь не цѣлому народу.

Въ самомъ способѣ передачи содержанія народной пѣсни видны уже слѣды той литературной обработки, которая, по тог-

дашнимъ понятіямъ, была необходимымъ украшеніемъ, сглаживающимъ шероховатыя и грубыя черты творчества «простаго» народа. Болтинъ говиритъ: «Во многихъ старинныхъ пѣсняхъ, каковыя въ деревняхъ женскимъ поломъ поются, слово *ладо* употребляется въ переносномъ смыслѣ вмѣсто *мужъ*. Въ одной изъ таковыхъ, которую я могъ привесть себѣ на память, содержаніе состоитъ въ томъ: Въ нѣкоторый лѣтній красный день, на лужайкѣ при дубровѣ, собралися молодыя женщины въ хороводъ, гдѣ подъ тѣнію деревъ и при легкомъ прохладительномъ вѣтеркѣ, пѣли и плясали. Между тѣмъ примѣтили, что одна изъ нихъ была задумчива и невесела; спрашиваютъ ее о причинѣ того: конечно, говорятъ ей, свекоръ твой угрюмъ или свекровь брюзглива. Нѣтъ,—отвѣчаетъ она имъ—свекоръ и свекровь до меня ласковы, но *ладо* мой нраву угрюмаго и сердитаго; *у меня ладо змѣя скоропѣя: шипитъ не укуситъ, къ себѣ не припуститъ*».

У крестьянъ нашихъ, разсказываетъ Болтинъ, до сихъ поръ ведется преданіе, что *лѣшіе* живутъ въ лѣсахъ, и сбиваютъ съ пути проходящихъ, отводя отъ глазъ ихъ тѣ предметы, которыми они путь свой запримѣтили. Лѣшихъ признаютъ за духовъ нечистыхъ, и появленіе ихъ относятъ къ тому времени, когда сатана сверженъ былъ съ неба съ подвластными ему духами, и они, летя съ высоты, попадали въ разныя мѣста, гдѣ и остались по волѣ Бога или по собственному выбору. Оставшіеся въ дремучихъ лѣсахъ называются *лѣшими*; въ водахъ—*воденики*; въ поляхъ и рощахъ—*русалки*. Въ домахъ «сожительствуютъ людямъ *домовые*; въ общежитіи повсюду между народа вертятся *бѣсы*» и т. д.

По словамъ Болтина, гулъ римской славы отразился и въ преданіяхъ нашего народа. Славяне называли римлянъ *волотами*; до сихъ поръ еще поляки называютъ итальянцевъ *волохами* или *влахами*. Слава римскихъ побѣдъ достигла до глубокаго сѣвера, и древніе руссы представляли себѣ римлянъ великанами. «Мнѣніе сіе поднесь осталось между черни, что были нѣкогда люди, называемые *волотами*, несравненно больше ростомъ нынѣшнихъ.

Прибавляютъ къ сему еще, что по нѣсколькихъ вѣкахъ будутъ люди столькожъ меньше насъ, сколько мы меньше волотовъ, и называться будутъ *пыжиками*». Подобныя этимъ сказки разсказываютъ дѣтямъ деревенскія старухи [324]).

Преданія, легенды, которымъ вѣрили въ свое время, заносились въ лѣтопись; для опредѣленія ихъ источника надо обратиться къ произведеніямъ, имѣвшимъ вліяніе на нашу древнюю литературу. Болтинъ замѣчаетъ, что повѣсть объ Ольгѣ, семидесятилѣтней старухѣ, похитившей сердце греческаго императора, весьма похожа на списокъ съ Сарры, плѣнившей въ преклонныхъ лѣтахъ египетскаго Фараона [325]).

Изображеніе быта и нравовъ минувшаго времени надо искать въ литературныхъ, т. е. въ письменныхъ памятникахъ, а отнюдь не въ такъ называемыхъ народныхъ пѣсняхъ. «Изображаютъ вкусъ и нравы *народа* тогдашняго вѣка: лѣтописи Несторова, Іоакимова; законы Ярославовы и Изяславовы; договоры мирные; грамоты; изложенія духовныя и политическія, и подобные симъ, уцѣлѣвшіе отъ древности, *письменные* остатки». Старинныя же пѣсни, каковы объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владимира, и проч. — пѣсни *«подлыя*, безъ всякаго складу и ладу. Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не *народа*, а *черни*, людей безграмотныхъ и можетъ быть бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни, подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого жъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами; слѣдовательно, вкусовъ и нравовъ *народа* изображать не могутъ» [326]).

О трудахъ нашихъ тогдашнихъ миѳологовъ и издателей памятниковъ устной словесности Болтинъ отзывается весьма невыгодно. Свѣдѣнія о славянской миѳологіи, сообщаемыя Поповымъ, одинаковой цѣны съ бабьими сказками. Въ свое описаніе славянскаго баснословія Поповъ вносилъ все безъ разбору, и по-

мѣстилъ туда много небывалыхъ божествъ [327]). Собиратель пословицъ, издавшій трудъ свой подъ названіемъ: Собраніе 4291 древнихъ россійскихъ пословицъ, — человѣкъ, какъ видно, простой, неумѣвшій различать годнаго отъ негоднаго, и помѣстившій все, чтò попадало ему въ умъ: пословицы, побасенки, прибаутки, и тому подобныя вещи, неимѣющія ни значенія, ни смысла [328]).

Въ своихъ историческихъ разысканіяхъ Болтинъ долженъ былъ, волею или неволею, заглядывать въ ту непроницаемую даль, въ которой исчезаетъ почва подъ ногами, и вмѣсто достовѣрнаго и дѣйствительнаго приходится ограничиваться вѣроятнымъ и возможнымъ. За рѣшительнымъ отсутствіемъ памятниковъ, надо было обратиться къ единственному, вѣковѣчному свидѣтелю — языку, и добираться до истины при помощи сравнительной филологіи. Извѣстно, на какомъ уровнѣ стояла тогда эта отрасль знанія. Лишенная твердой, научной опоры, она представляла открытое поле для самыхъ смѣлыхъ догадокъ, для самыхъ игривыхъ сближеній и выводовъ. Нѣкоторое сходство въ словахъ, ихъ случайное созвучіе, окончательно рѣшало дѣло; въ вопросахъ чисто-филологическихъ руководствовались соображеніями, вовсе не относящимися къ филологіи. Издѣваясь надъ словопроизводствомъ своего противника, князь Щербатовъ замѣчаетъ, что Болтинъ ищетъ не этимологіи, а *ладу*, т. е. сходства звуковъ, а этимъ путемъ можно дойти до производства названій: города *Вѣны* — отъ стариннаго русскаго слова *вѣно*, чтò значитъ приданое; города *Неаполя* — отъ словъ: стоитъ *на полѣ*, а *Утики* — отъ *утокъ* [329]). Но не соглашаясь съ тѣмъ, что слово *бояринъ* значило когда-то *умная голова*, Щербатовъ давалъ этому слову воинственное происхожденіе (*бой* и *яръ* — ярый въ бою) на томъ основаніи, что въ древнія времена воинскія доблести предпочитались *градомудрію* или

внутреннему управленію. Болтинъ возражаетъ на это, что умныя головы нужны на всякомъ поприщѣ и во всякое время.

Подобно всѣмъ нашимъ писателямъ восемнадцатаго столѣтія, касавшимся области языкознанія, Болтинъ заплатилъ неизбѣжную дань своему времени. Но нельзя черезчуръ строго осуждать нашего историка за его филологическія наивности, и въ защиту ему могутъ служить два смягчающія обстоятельства.

Вопервыхъ,— тогдашнее состояніе сравнительной филологіи вообще, какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ. Не только дилеттанты филологіи, какимъ былъ и Болтинъ, но и присяжные филологи ходили большею частью въ потемкахъ, ощупью, безпрестанно впадали въ ошибки и промахи, сравнивали и сближали вещи совершенно разнородныя, неимѣющія между собою ничего общаго. Главная причина шаткости и сбивчивости въ выводахъ и доказательствахъ заключалась въ невѣрности основныхъ началъ и въ крайнемъ произволѣ въ выборѣ языковъ, подлежащихъ сравнительному наблюденію. Прошло около полустолѣтія отъ смерти Болтина до того времени, когда русскіе историки получили возможность пользоваться точными выводами сравнительнаго языкознанія, очертившаго кругъ своихъ изслѣдованій, и выработавшаго прочные, положительные законы.

Вовторыхъ, Болтинъ, и при господствовавшей тогда путаницѣ, обнаружилъ гораздо болѣе, нежели другіе, осторожности, и не увлекался до такой крайности, въ какую впадали многіе изъ его русскихъ и иностранныхъ современниковъ. Онъ не бралъ на себя окончательнаго рѣшенія филологическихъ вопросовъ, и въ большинствѣ случаевъ признавалъ *вѣроятность*, но никакъ не болѣе, и отнюдь не безусловную достовѣрность предлагаемаго имъ объясненія. Онъ говорилъ, что его домыслы ничуть не хуже, а можетъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи и лучше, т. е. правдоподобнѣе, нежели тѣ предположенія, которыя высказывались другими писателями. И впослѣдствіи, передъ судомъ людей науки, знакомыхъ съ новѣйшими пріемами сравнительной филологіи, онъ могъ бы сказать: вся вина моя заключается въ томъ, что я изъ

многихъ золъ выбиралъ самое сносное; изъ цѣлаго ряда догадокъ отдавалъ предпочтеніе той, которая, по моему мнѣнію, наиболѣе подходила къ истинѣ.

Болтинъ сознавалъ недостаточность одного созвучія словъ для вѣрныхъ филологическихъ заключеній. Онъ говоритъ, что если бы руководствоваться однимъ только сходствомъ въ произношеніи, то пришлось бы допустить вещи по истинѣ невозможныя, какъ напримѣръ, русскій глаголъ *мою* произвести изъ арабскаго *мойе*, что значитъ *вода*; французскій глаголъ *lecher* (лизать) отъ халдейскаго *лишну* и русскаго *лижу*; французское названіе друга *ami* отъ тунгузскаго *ами*, означающаго *отецъ*. Можетъ ли у сына быть другъ вѣрнѣе и надежнѣе отца; несмотря на то, кто захочетъ быть «столько нахаленъ и глупъ, чтобъ по сему сходству словъ заключить, что языкъ русскій происходитъ отъ арабскаго, а французскій отъ тунгузскаго». Какъ на образецъ весьма страннаго и произвольнаго словопроизводства Болтинъ указываетъ на мнѣніе Леклерка, что названіе языческаго божества *Хорса* происходитъ отъ глагола *корчить*, а названіе города *Рязань* отъ французскаго слова *raisin* (виноградъ), вслѣдствіе чего *Переславль Рязянскій* названъ имъ *Pereslaf*, *dit le Vignoble*. Рязанью—прибавляетъ Болтинъ—называютъ въ Россіи родъ мелкихъ яблокъ, привозимыхъ въ Москву изъ Переславля Рязанскаго, гдѣ они родятся въ изобиліи: не знаю, яблоки ли прозваны по городу или городъ по яблокамъ [330]).

По индійскимъ сказаніямъ, Брама явился на землѣ подъ именемъ *Копыла*, т. е. покаянника: «не ужъ-то—спрашиваетъ Болтинъ — древній нашъ *Купало* и индійскій *Копыло* есть одно и тожъ? Остается разыскать сіе искуснымъ въ древностяхъ».

Праотцы наши — говоритъ Болтинъ—называли *Лелемъ* бога любви, таинства которой совершаются обыкновенно подъ покровомъ *ночи*, а ночь по арабски *леиль*, по ассирійски *лели* и т. д.: «если г. Леклеркъ не затруднился произвести гуронскаго божка *Арескои* отъ русскаго слова *орѣшки*, для чегожъ не произвесть имени древняго славянскаго божка изъ языка такого народа, съ

коимъ славяне нѣкогда живали въ сосѣдствѣ? Мое словопроизводство гораздо ближе, вѣроятнѣе и сходнѣе, нежели его; однакожъ *за достовѣрность* его *я не стою*»[331]).

По мнѣнію Болтина, созвучіе только тогда является существеннымъ признакомъ родства словъ, когда оно подкрѣплено другими доказательствами, какъ напримѣръ: если народы жили долгое время въ сосѣдствѣ, и находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ; если слова сходны между собою не только по звукамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по значенію и по смыслу; если сходныя слова служатъ названіями для предметовъ самыхъ необходимыхъ въ первобытномъ состояніи народовъ, и т. п. Сходство между словами должно быть опредѣляемо не только на основаніи звуковъ, но и на основаніи выражаемыхъ ими понятій. Притомъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда родство языковъ будетъ доказано, нельзя положительно утверждать, изъ какого именно языка то или другое слово перешло въ остальные родственные языки, т. е., другими словами, нельзя признавать первородства между языками. Болтинъ производитъ и русскія слова отъ иностранныхъ, и иностранныя отъ русскихъ.

Болтинъ полагаетъ, что слово *вельможа* значитъ тоже самое, что по французски значило: *riches hommes*, а по испански — *ricos hombres*. Французы и испанцы людей *знатныхъ* называли *богачами*; русское слово *вельможа* означаетъ человѣка, который *много можетъ*, а такъ какъ у кого больше денегъ, тотъ больше и можетъ, то слѣдовательно и въ словахъ: *вельможи*, *riches hommes*, *ricos hombres*—смыслъ одинаковый: «сообразіе въ человѣческихъ мнѣніяхъ и дѣлахъ повсюду усматривается»[332]).

Слово *бояринъ* производятъ различнымъ образомъ. Болѣе другихъ вѣроятною представляется Болтину догадка Татищева, производящаго это слово изъ языка сарматскаго — отъ словъ, имѣющихъ значеніе: *умная голова*. Также разнообразны толкованія, которыя даютъ слову *баронъ:* Болтину *кажется*, что его всего *сходнѣе* произвести отъ слова *бояринъ*[333]).

Въ венгерскомъ языкѣ слово *kár* имѣетъ разныя значенія—

утрата, вредъ, ударъ, язва, и т. п.: явственно, что наше слово *кара* и глаголъ *караю* происходятъ отъ венгерскаго [334]).

Имя народа *Угры* — славянское. Славяне называли мадьяръ *угорами*, впослѣдствіи сокращенно—*уграми*, потому что мадьяры жили *у горъ* кавказскихъ. Названіе *нѣмецъ* взято отъ народа германскаго племени, который жилъ на Рейнѣ и назывался *Неметы:* поэтому должно писать *немецъ*, а не *нѣмецъ*, какъ принято вслѣдствіе невѣрнаго производства этого имени отъ слова *нѣмой* [335]).

Въ самой глубокой древности часть славянскаго племени переселилась въ Италію, и смѣшалась съ тамошними народами: это доказывается множествомъ славянскихъ словъ, оставшихся въ языкѣ латинскомъ. Въ *греческомъ языкѣ* также *множество словъ славянскихъ или греческихъ въ славянскомъ,* и притомъ такихъ, которыя необходимы для племенъ первобытныхъ, чѣмъ ясно доказывается долговременное сожитіе одного народа съ другимъ [336]).

По сходству многихъ славянскихъ словъ съ латинскими заключаютъ, что славяне и латины были народы одного племени, *чтò, можетъ быть, и правда.* А что языки ихъ, втеченіе вѣковъ, такъ отдалились одинъ отъ другаго, то здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Языкъ, которымъ говорили за триста лѣтъ до Цицерона, былъ такъ же непонятенъ въ его время, какъ теперешнимъ англичанамъ или французамъ тотъ языкъ, на которомъ за столько же лѣтъ говорили ихъ предки [337]).

Русскій языкъ есть отрасль *сарматской* семьи языковъ, къ которой принадлежали вымершіе языки народовъ, имена которыхъ: *чудь, кривичи, меря, мурома, весь*, и т. д., и принадлежатъ языки: *венгерскій, шведскій*, и уцѣлѣвшіе остатки языка народовъ: *мордвы, чувашей, черемисы, кареловъ, финновъ*, и т. д. Это доказывается сходствомъ русскихъ словъ съ венгерскими, финскими, шведскими, и т. д., какъ напримѣръ:

Слова венгерскія:

buja — своевольный, необузданный, неукротимый; у насъ го-

ворятъ: *буйный вѣтеръ* и въ простонародныхъ пѣсняхъ: *буйная головушка.*

veder — *ведро*, водоносъ.

deák — ученый или умѣющій грамотѣ, ибо встарину не только у насъ, но и во всей Европѣ, считали ученымъ того, кто зналъ грамотѣ: отсюда и наше слово *дьякъ*, которое первоначально писывали *деякъ* (?).

titkos — тайный, сокровенный; *titok* — тайна: *вѣроятно,* отсюда произошло названіе *титьками* тѣхъ частей тѣла, которыхъ всегда держатъ закрытыми.

Слова финскія:

kissa — кошка. Лаская кошку, и маня ее къ себѣ, мы и теперь еще называемъ ее *киска*, и говоримъ: *кисъ*, *кисъ*.

nena — носъ. Въ простонародіи говорятъ: *нюни* разбить, расквасить, т. е. ударить кулакомъ по носу.

pasma — небольшой мотокъ нитокъ: у насъ называютъ *пасмомъ* опредѣленное количество нитокъ въ моткѣ.

sirka — сверчокъ: глаголъ *чиркаю*, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ этого слова, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи сверчковъ называютъ *чиркунами.*

raadi — судья: оттого нашъ глаголъ *рядить*, что̀ значить *судить.*

wersta — уравненіе, сравненіе, оцѣнка вещи: отсюда нашъ глаголъ *верстаю*. Въ пѣсняхъ поютъ: неровня мнѣ не подъ *версту*. Можно бы это слово употреблять вмѣсто французскаго слова *valeur*, котораго недостаетъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Слова шведскія:

skrijn — сундучекъ, коробочка: отсюда происходитъ слово *скрынка.*

sky — облака. Изображая темноту ночи, мы говоримъ: такъ темно, что *зги* невидать. Трудно найти другое, подходящее, про-

изводство слову *зга*, тѣмъ болѣе, что на сходство съ шведскимъ указываетъ самый смыслъ нашего слова *зга:* когда не видно даже облаковъ, то нельзя разглядѣть уже никакихъ другихъ предметовъ.

skakade — движеніе, колебаніе, качаніе, и т. д.: отсюда нашъ глаголъ *скакать,* и т. д.

Языки, также какъ и народы, создаются вѣками, говоритъ Болтинъ. Втеченіе вѣковъ происходитъ постепенное слитіе, превращеніе и перерожденіе и народовъ и языковъ. Испанцы и галлы имѣли когда-то свои собственные языки. Пришли римляне, поработили ихъ, и навязали имъ свой языкъ. Впослѣдствіи римлянъ замѣнили другіе народы: франки, готы, вандалы, мавры, которые также вводили свои языки. Изъ всей этой смѣси образовались тѣ языки, которые извѣстны теперь подъ именемъ французскаго и испанскаго. Въ разсматриваемомъ отношеніи, *славянъ* можно сравнить съ римлянами, а *руссовъ*, чудь и кривичей съ галлами и испанцами. Славяне слились съ русскими въ одинъ народъ, и создали одинъ общій языкъ.

Въ древнѣйшую пору русской *исторической* жизни, въ самыхъ первыхъ памятникахъ русской *литературы* славянское начало является преобладающимъ, господствующимъ въ языкѣ, и отъ древняго русскаго сохраняются только нѣкоторые слѣды. Къ нимъ, къ этимъ остаткамъ древнѣйшаго, неуловимаго исторіей, періода русскаго языка принадлежатъ уцѣлѣвшія въ лѣтописи слова: *гридница*, *вирникъ*, *скотъ* (въ значеніи *денегъ*), *во-толяна* свитка, *нетій* и немногія другія:

«Устави на дворѣ своемъ въ *гридницѣ* пиръ творити боярамъ». Пошведски *graedar* значитъ поваръ, приспѣшникъ, а *gryta* — котелъ, горшокъ. Слѣдовательно, Владимиръ приказалъ въ *поварнѣ* своей готовить кушанья для бояръ.

Vero — пофински, подать, поборъ: отсюда, *вѣроятно*, происходитъ и названіе *вирникъ*, т. е. сборщикъ податей.

Слова лѣтописца: «начаша *скотъ* брати»; раздавалъ «отъ *скотницъ* своихъ кунами» и т. п. объясняются шведскимъ сло-

вомъ *scatt*, что̀ значитъ: подать, казна. Легко могло статься, что переписчикъ лѣтописи, не понимая значенія словъ: *скатъ* и *скатница*, передѣлалъ ихъ въ *скотъ* и *скотница*.

Въ никоновской лѣтописи, а также въ прологахъ и въ патерикѣ, когда рѣчь идетъ о монашеской одеждѣ, употребляютъ слова: *вотоляна* свитка. Пофински *wuota* значитъ: невыдѣланная кожа. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что наши монахи и отшельники носили одежду изъ невыдѣланныхъ кожъ.

Слово *нетій* — «слуги и *нетіи* Игоревы» — оставалось бы для насъ непонятнымъ, если бы оно не уцѣлѣло въ языкахъ финскомъ и шведскомъ. Финское слово *naeetti* значитъ: способный, полезный, благопріятный, а шведское *naett* значитъ: избранный, изящный, и т. д. [338]).

Русскій языкъ, слившись съ славянскимъ въ одно нераздѣльное цѣлое, и будучи поглощенъ славянскимъ, оставилъ однакоже глубокій, неизгладимый слѣдъ, проходящій черезъ всю исторію языка, отъ письменныхъ памятниковъ временъ Нестора до живаго говора народа и литературныхъ произведеній нашего времени. Эта яркая особенность древняго русскаго языка заключается, по мнѣнію Болтина, въ томъ исконномъ свойствѣ, которое впослѣдствіи стали называть *полногласіемъ*. Болтинъ называетъ его *прибавкою* или *вложеніемъ гласныхъ буквъ*. Онъ говоритъ: «Россійскій языкъ отдѣлился отъ славянскаго прибавкою во многія слова славянскія гласныхъ буквъ. Во многія реченія славянскаго языка, въ коихъ двѣ согласныя буквы рядомъ стоятъ, руссы вложили гласную *о* или *е*, и вмѣсто: *класъ*, *гласъ*, *вранъ*, *предъ* и проч., стали выговаривать: *колосъ*, *голосъ*, *воронъ*, *передъ* и проч.; вслѣдствіе сего-жъ обыкновенія и слово славянское *власъ* сдѣлалося въ русскомъ *волосъ*» [339]). Такимъ образомъ, наблюдательный Болтинъ одинъ изъ первыхъ замѣтилъ то существенное свойство русскаго языка, на которое впослѣдствіи обратили вниманіе Добровскій и Востоковъ, и которое вызвало нѣсколько изслѣдованій, обогатившихъ нашу филологическую литературу, и принадлежащихъ ученымъ различныхъ поколѣній, отъ

М. А. Максимовича до А. А. Потебни. Появленіе полногласія въ русскомъ языкѣ Болтинъ объясняетъ также, какъ и Добровскій. Въ полногласіи Болтинъ видитъ одну изъ коренныхъ особенностей древняго русскаго языка, который, по его мнѣнію, принадлежитъ къ сарматской семьѣ языковъ вмѣстѣ съ *финскимъ* и многими другими. Добровскому также казалось, что полногласіе явилось въ русскомъ языкѣ вслѣдствіе смѣшенія русскихъ съ народами *финскаго* племени: die unslavische gewohnheit der Russen, die gar nicht harten verbindungen, z. B. *pr* in *pre*, durch einschibung eines vocals zu mildern (*pere*), weiset auf vermischung der Russen mit völkern *finnischer* abkunft hin [340]).

Обращаясь къ языку Болтина, представляющему, какъ языкъ каждаго писателя, необходимый матеріалъ для исторіи русскаго литературнаго языка, замѣтимъ, что въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя особенности, касающіяся значенія словъ, ихъ образованія и формы, а также и синтаксическихъ требованій, какъ существенныхъ, такъ и условныхъ. Логическое начало въ языкѣ Болтинъ предпочиталъ правиламъ грамматики, и при построеніи фразы имѣлъ въ виду *мысль*, выражаемую словами, а не ту форму, въ которой они являются въ предложеніи. Слогъ Болтина не отличается литературною обработкою; но въ способѣ выраженія много живаго, мѣтко передающаго различные оттѣнки мысли. Въ простой и безыскуственной, но живой и своеобразной рѣчи Болтина слова, заимствованныя изъ древнихъ памятниковъ, стоятъ рядомъ со словами, взятыми изъ языка современнаго ему общества, а также изъ народнаго языка. Заслуживаетъ вниманія частое употребленіе разговорныхъ выраженій и народныхъ пословицъ и поговорокъ.

Чтобы дать наглядное понятіе о языкѣ и слогѣ Болтина, приводимъ нѣсколько примѣровъ [341]):

— Мужъ долженъ быть хозяинъ дома, а не нѣмой *послухъ* безчиній жениныхъ прислужниковъ (Л. I, 474).

— Въ числѣ таковыхъ (монаховъ—чернорабочихъ) рѣдко и грамотѣ знающіе бываютъ, но по большей части простаки, поселяне, *невѣгласи* (Л. I, 123).

— Если чернь, по крайнему ея *невѣгласію*, и признаетъ наблюденіе нѣкоторыхъ дѣяній за исполненіе законное, однакожъ отнюдь не вѣритъ, чтобъ все прочее дѣлать было дозволительно (Л. I, 162).

— Чтобъ болѣе имѣть способовъ удержать народы въ *невѣгласіи*, присвоили себѣ папы исключительное право учреждать университеты (Л. II, 266).

— Избраніе (вольности) требуетъ прилежнаго разсмотрѣнія и *опаснаго* вниманія и разсужденія (Л. II, 235).

— Легко могло статься, что къ *бытію* истинному примѣшали послѣ нѣсколько *небылицъ* и вздора (Л. I, 213).

— Приведенное мною *бытіе* изъ Татищевой исторіи, въ которомъ между прочіимъ описуется о вѣчѣ, бывшей въ Кіевѣ, князь Щербатовъ находитъ страннымъ и смѣшнымъ (О. 128).

— У латинъ столь обезобразился законъ, что сталъ неузнаваемъ: сіе такое есть *бытіе*, коего и самые привязанные къ римскому закону отрещи не могутъ (Л. I, 152).

— Судя о причинахъ по *содѣятельностямъ*, усматриваются въ дѣяніяхъ намѣренія и виды пристрастные (Л. II, 248).

— Донынѣ въ Италіи, Ишпаніи и Португалліи слабые остатки христіанства помрачены безчисленнымъ множествомъ дѣйствій суевѣрныхъ: вотъ каковы суть *содѣятельности* просвѣщенія духовенства, управляющаго народами непросвѣщенными (Л. II, 258).

— Касательно до того, что якобы я многія приводилъ мѣста, кои съ *предлежностію* не сходствуютъ, дозволительно подумать, что тѣ самыя обстоятельства показались несходными съ *предлежностію*, которыя въ самой вещи суть сходны и приличны.

Нашелся бы я въ состояніи достаточнѣе о сей *предлежности* сказать (О. 5, 8).

— О *ушествіи* Ярополковомъ изъ Кіева Левекъ сокращенно и глухо написалъ (Л. I, 82).

— Когда вамъ недовольно показалося общаго изображенія качества народовъ, и заблагоразсудили вы войти въ подробное описаніе перемѣнъ *имства*, нравовъ и характера русскихъ (Л. I, 431).

— Пороки рабовъ зависятъ не отъ невольничества ихъ, а отъ воспитанія и *имства*, какъ и всѣхъ людей вообще (Л. II, 338).

— Папы, увѣря народъ о власти своей надъ чистилищемъ и адомъ, обратили суевѣрное *имовѣріе* его въ свою пользу (Л. I, 147).

— Отдаленіе отъ средоточія государства, *пошва* неплодная, климатъ суровый, мѣстоположеніе низкое и болотное (Л. I, 549).

— Ближайшее мѣсто надъ адомъ есть *чистецъ*, въ коемъ очищаются души. Повыше *чистца* полагаютъ быти лимбамъ, для младенцевъ, умирающихъ безъ крещенія (Л. I, 166).

— Тамъ сказывалъ, что русскіе не имѣли ни уставовъ, ни законовъ, а здѣсь признаетъ, что новгородцы имѣли у себя родъ правленія, подобный римскому: *разгласію* сему не иное что̀ причиною, какъ забвеніе (Л. II, 427).

— Въ сихъ словахъ двѣ *невмѣстности* обрѣтаю: суровость временъ и недостатокъ храбрости въ Мстиславѣ (Щ. II, 82).

— Открытый Татищевымъ отрывокъ тѣжъ самые имѣетъ на себѣ знаки *принадлежательности* Іоакиму, по каковымъ и лѣтопись Несторова признавается за несторову (О. 13).

— Можно назвать вѣкъ оный грубымъ, но эпитета суроваго ему *непринадлежательна* (Щ. II, 82).

— Старшая дочь Гостомыслова была за княземъ изборскимъ, отъ которыя родилась Ольга; но куда дѣвался сынъ, остается въ *безызвѣстіи* (Р. 6—7).

— *Безмѣстность* порицанія собственными недостатками другаго (Л. II, 302).

— *Безмѣстно* утверждать, чтобъ открытый Татищевымъ

отрывокъ былъ достовѣрный подлинникъ Іоакимовъ; но не меньше будетъ дерзновенно не признать его за списокъ съ онаго (О. 12—13).

— Переводъ съ мирнаго *докончанія*, учиненнаго Олегомъ съ императоромъ греческимъ..... Переводъ съ мирнаго *докончанія*, заключеннаго между императоромъ греческимъ и Игоремъ, великимъ княземъ русскимъ (Л. I, 69—71).

— Самыя многолюднѣйшія области превращены были въ пустыни; голодъ и моръ послѣдовали за *ужасностьми* войны, столь губительныя (Л. II, 292).

— Окончу примѣчанія мои показаніемъ нѣсколькихъ превращеній имянъ и словъ россійскихъ, коихъ я не имѣлъ *приличія* прежде показать (Щ. II, 346).

— Сіи дощечки держатъ они въ клѣтяхъ своихъ въ *угромонномъ* мѣстѣ, и вѣрятъ, что отъ сохраненія ихъ зависитъ безвредность дома и живущихъ въ немъ (Л. I, 104).

— Петръ Великій, усмотря, что иностранные писатели славянскій титулъ «повелитель» въ иномъ разумѣ толкуютъ, повелѣлъ вмѣсто «повелитель» писать латинское «императоръ», что̀ въ *буквенномъ* смыслѣ есть одно и тожъ (Л. I, 252).

— Что̀ значитъ слово «изобезъ» я не знаю, а безъ ошибки могу назвать его нелѣпостію, *праздною* смысла (Щ. II, 125—126).

— Былъ онъ вкупѣ и великодушенъ и мужественъ, ибо сіи свойства никогда не бываютъ *разлучны* (Щ. II, 83).

— Завоеваніе Крыма доставило Россіи важныя выгоды, но мало еще *истинствующія* (такъ Болтинъ перевелъ слова Леклерка: des avantages encore peu *certains*) (Л. II, 165).

— Когда русскіе вели *кочевную* жизнь, тому никакихъ слѣдовъ ни въ исторіи, ни въ преданіи не обрѣтаемъ (Л. I, 15).

— Леклеркъ, желая представить русскій народъ суевѣрнымъ, *невѣжднымъ*, злонравнымъ, старался сплетать разныя про него басни (Л. I, 160).

— Лѣшіе проходящихъ заблуждаться заставляютъ, представляя на другихъ мѣстахъ тѣ предметы, коими они путь свой *запримѣтили* (Л. I, 112).

— Знаменитый Руссо, *попустясь* въ крайность, коренемъ всего зла просвѣщеніе признаетъ (Щ. II, 82).

— Не хотѣлъ онъ *обмыслить* нестаточность предлагаемаго (Щ. II, 463).

— *Обмысливши* все сіе, должно будетъ согласиться (Щ. I, 17).

— Руссы и въ язычествѣ не были такими дикарями, каковыми ихъ князь Щербатовъ *оживописуетъ* (Щ. I, 287).

— Творецъ піимы, *уличествивъ* слова сіи: «война, пожаръ, смерть и гладъ», даетъ первой въ руки мечъ и пламенникъ (Л. II, 75).

— У піита смерть *уличествленная* представляется летящею въ ядрѣ, и все тò разрушающею и губящею, къ чему ни коснутся ея раскаленныя руки (Л. II, 79).

— Такого рода пространство не можетъ быти *нравно* не токмо нѣжному народу, но и тѣмъ грубымъ, кои любятъ подробности (Л. I, 279).

— Что *лежитъ* до Сибири вообще, соглашаюсь съ Леклеркомъ (Л. II, 139).

— Побитіе шведовъ стоитъ того, чтобъ разсказать про него нѣсколько попространнѣе, по крайней мѣрѣ хотябъ *въ-полы* столько строчекъ на него употребить, сколько утрачено на сказаніе о четырехъ сестрахъ (Л. II, 511).

— Народъ сей угодно было князю Щербатову превратить въ нѣкоего витязя и придать ему отечество, да и самый смыслъ рѣчи перевернуть *на опоко* (Щ. II, 111—112).

— О *вѣчѣ, бывшей* въ Кіевѣ. — Описаніе *оныя вѣчи* не я сдѣлалъ. — Собирались *на вѣчу* (О. 128—129).

— Не трудно догадаться, которому народу приписываетъ авторъ *эпитету* нѣжнаго (Л. 278).

— *Эпитета* суроваго ему непринадлежительна (Щ. II, 82).

— Простаки, поселя*ня* (Л. I, 123).

— Кресть*яня* по старинѣ съ женами обходятся (Л. I, 473).

— Хотятъ, чтобъ кресть*яня* ихъ безпрестанно на нихъ работали (Л. II, 217).

— Двор*яня*, перенявшіе иностранные обычаи (Л. II, 369).

— Слав*яня* нѣкогда живали въ сосѣдствѣ (Л. I, 112).

— Что число звона въ городахъ велико, въ томъ я согласенъ, но чтобъ за часть божественнаго служенія онъ признавался, г. Бишингъ въ томъ *заблуждаетъ* (Л. I, 204—205).

— Авторъ мнитъ, что всѣ писатели *заблуждаютъ*, выводя готѳовъ изъ Скандинавіи (Щ. I, 91).

— Колико честныхъ и добродѣтельныхъ людей казнено, а *оставшихъ* ихъ семействъ ограблено и посрамлено (Л. II, 470).

— Кіевляне, *посовѣтовавъ* между собою, дали отвѣтъ согласный съ желаніемъ великаго князя (Л. I, 474).

— Бѣднымъ людямъ трудно былò *доступать сего мнимаго блаженства* (Щ. II, 451).

— Поля между горъ Уральскихъ и Оби, будучи отверсты отъ юга, могли свободно *доступлены быть народами* кочевыми, изъ теплыхъ странъ пришедшими (Л. II, 144).

— Что большая часть крестьянъ *вѣрятъ быти* домовымъ духамъ, это правда (Л. I, 107).

— *Чаетъ* женщина *быти себя непраздною*; но по нѣсколькихъ мѣсяцахъ окажется, что чаяніе ея было напрасное (Л. I, 114).

— Между нихъ (дворянъ) не меньше есть толстобрюхихъ, *чему причиною быти мню* бездѣйствіе и пресыщеніе (Л. II, 369).

— Онъ *хвастался имѣть перо* золотое и перо желѣзное (У Бэля: quelques uns disent qu'il *se vantait d'avoir* une plume d'or et une plume de fer) (Л. II, 490).

— Нашелся бы я что ни есть удовлетворительнѣе о сей предлежности сказать, но *писавъ* примѣчанія мои, ни *приличность*, ни *цѣль* того не дозволяли (О. 8).

— *Слыша*, какъ безчеловѣчно мучимъ былъ Волынскій и многіе другіе, отъ ужаса *волосы* дыбомъ станутъ (Л. II, 470).

— Вещества не трудно было *мнѣ* собрать, *будучи долженъ* ходить по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ (X. Предувѣдомленіе).

— Характеръ господина не можетъ имѣть *вліянія въ* ихъ (рабовъ) нравы (Л. II, 338).

— Не только побѣжденныхъ законъ, языкъ и нравы остались бы безъ измѣны, но по времени и побѣдители бы нечувствительно *сообразилися онымъ* (Л. II, 297).

— Каждый платитъ по расчисленію, сверхъ двѣнадцати рублей, *которыми* за владѣніе цѣлаго пая *долженъ* (Л. II, 341).

— Пора намъ покинуть *ни къ чему годное* обыкновеніе *клеветать всѣ вѣры* (у Вольтера: il est temps que nous quittions *l'indigne* usage de *calomnier toutes les sectes*) (Л. I, 183).

— Съ тѣхъ поръ, какъ *юношество* свое стали мы посылать въ чужіе краи, и воспитаніе *ихъ* ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнились (Л. II, 252).

— Обычай сей между *черни* поднесь существуетъ: *они* всякое дѣло начинаютъ молитвою (Р. 31).

— Все тò съ ними сбылось, чтò они себѣ предвѣщали: *тужъ чашу* досталося имъ *пить*, которую руссы пили, будучи подъ властію князей славянскихъ (Р. 34—35).

— Я прошелъ всю сію книжку *отъ доски до доски* (Л. II, 59).

— Почти у всѣхъ *нашей братьи* помѣщиковъ привычка есть, что отъ крѣпостныхъ людей вящшихъ требуемъ услугъ и большія исправности, нежели отъ наемныхъ (Л. II, 241).

— Доводы, изобличенія, коими я обнаружилъ и показалъ *какъ на ладонѣ* всѣ лжи, клеветы, злословія, пустословія (Л. I, 189).

— Пусть по совѣсти г. Леклеркъ скажетъ, читалъ ли онъ кормчую книгу: *я держу сто противъ одного*, что онъ ниже о содержаніи ея понятіе имѣетъ (Л. I, 455).

— Запутавшись въ сплетеніи собственныхъ нелѣпостей, *какъ муха въ паутинѣ*, жужжитъ жалобно на темноту писателей (Щ. II, 112).

— Приходило ли ему когда въ голову, что переводъ его бу-

дутъ читать русскіе, и увидя такую несообразимую *дичь*, конечно *добраго слова не скажутъ* (Л. II, 91).

— Удивительная *чепуха* (Л. I, 351).

— Вездѣ *вздоръ* и *чепуха*(Л. II, 384).

— Не было нужды прибавлять безумія симъ князьямъ: будетъ съ нихъ и той глупости, что *не убивъ медвѣдя, продали его кожу* (Щ. II, 414).

— Пословица у насъ есть: *съ міру по ниткѣ, а голому рубаха*, — изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ страницы по двѣ, по три, составится цѣлый томъ (Л. I, 209).

— Авторъ многословесіемъ сдѣлался самъ себѣ изобличителенъ въ неправдѣ; у насъ присловица есть: *со лжи люди не мрутъ, но впередъ имъ вѣры неймутъ* (Л. I, 381).

— Гдѣ есть такой народъ, который не имѣетъ своихъ суевѣрій, забобонъ и предразсужденій? Безмѣстность порицанія собственными недостатками пословица сія изъявляетъ: *горшокъ котлу насмѣхается, а оба черны* (Л. II, 301—302).

— Часто и тò случается, что не достоинство цѣну вещи составляетъ, но приличность, по пословицѣ: *дорога борозда къ загону* (Л. II, 482).

— Послѣ описанія разныхъ племенъ и народовъ, кои намъ потому только могутъ считаться въ родствѣ, что *на одномъ солнцѣ онучи сушили*, какъ гласитъ наша простонародная поговорка, достигъ наконецъ авторъ до времени, коимъ начинается наша исторія (Щ. I, 112).

V.

Научная дѣятельность Болтина оставила глубокій, можно сказать, неизгладимый слѣдъ въ нашей литературѣ. Историческія разысканія Болтина, его взгляды и выводы, привлекали къ себѣ вполнѣ заслуженное вниманіе ученыхъ писателей послѣдующихъ поколѣній. Свѣтила русской исторической науки пользовались трудами Болтина, составляющими украшеніе нашей исторіографіи восемнадцатаго столѣтія. Мнѣнія, высказанныя Болтинымъ,

не пропадали даромъ; они находили и горячихъ защитниковъ и строгихъ порицателей. Имя Болтина, ссылки на его сочиненія и цитаты изъ нихъ встрѣчаются во многихъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи. Явились и монографіи, разсматривающія ту или другую сторону въ богатомъ содержаніи произведеній знаменитаго писателя своего времени.

Ученый и необыкновенно даровитый, но вмѣстѣ съ тѣмъ желчный и раздражительный Шлецеръ, не щадившій никого въ своихъ приговорахъ, отзывается о Болтинѣ съ большимъ уваженіемъ. Несходясь съ Болтинымъ въ нѣкоторыхъ научныхъ вопросахъ, и указывая слабыя стороны въ его трудахъ, Шлецеръ отдаетъ должное его уму и его критическому таланту. Шлецеръ называетъ Болтина *величайшимъ русскимъ знатокомъ отечественной исторіи*, и говоритъ, что еще ни одинъ русскій не писалъ исторіи своего отечества *съ такими познаніями, остротою и вкусомъ*. Это особенно относится къ критическимъ примѣчаніямъ на исторію Щербатова, ошибки котораго, часто невѣроятныя, разоблачаются безъ всякой пощады. Шлецеръ восхищается тѣмъ, что Болтинъ, смѣло отвергая разныя бредни, которыя для предшественниковъ его были священными, отказывается отъ Мосоха, и смѣется надъ желаніемъ, когда-то общимъ у всѣхъ народовъ, отыскивать своихъ прародителей въ книгахъ Моисеевыхъ. Болтинъ обвиняетъ Щербатова въ томъ, что онъ не только не обнаружилъ бредней Стриковскаго, Петрея, Страленберга, и др.; но и подтверждалъ ими собственныя ошибки. По мнѣнію Шлецера, въ большую заслугу Болтину должно поставить то̀, что̀ онъ говорилъ о необходимости открыть государственный архивъ, и побуждалъ къ *сличенію* лѣтописей. Несмотря на все это, Шлецеръ ни какъ не хотѣлъ допустить, чтобы русскій человѣкъ, и притомъ не спеціалистъ, а «занимавшійся дру-

гаго рода дѣлами», могъ вполнѣ овладѣть историческою критикою и пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія въ иностранной словесности, при тогдашнемъ недостаткѣ у насъ новѣйшихъ иностранныхъ книгъ научнаго содержанія. По словамъ Шлецера, Болтинъ возмутилъ первые источники русской исторіи, идя по слѣдамъ Татищева, и признавъ руссовъ за финновъ, Варяжское море за Ладожское озеро, и ложный Іоакимовскій отрывокъ за истинный. Шлецеръ не могъ простить Болтину ни того, что Болтинъ не признавалъ Рюрика и варяговъ нѣмцами, говоря, что «о нѣмцахъ въ тогдашнее время въ здѣшней сторонѣ и слуху не было»; ни того, что Болтинъ утверждалъ, будто бы въ Россіи было множество городовъ въ то время, когда отъ Рейна до Балтійскаго моря не было ни одного [342]).

Строгимъ, порою безпощаднымъ критикомъ Болтина является Карамзинъ. Въ первыхъ томахъ своей исторіи (до пятаго включительно) Карамзинъ неоднократно обращался къ Болтину, приводилъ мѣста изъ его сочиненій, подвергалъ ихъ критической оцѣнкѣ, и, соглашаясь иногда съ авторомъ, въ большинствѣ случаевъ оспаривалъ его мнѣнія. Тѣмъ строже относился исторіографъ къ своему предшественнику въ разработкѣ отечественной исторіи, что видѣлъ въ немъ усерднаго послѣдователя Татищева, къ которому не питалъ особеннаго довѣрія. Карамзинъ весьма точно указывалъ ошибки и промахи Болтина, какъ историческіе, такъ и филологическіе. Суть всѣхъ замѣчаній Карамзина можно выразить, приблизительно, такимъ образомъ: Болтинъ черезчуръ уже довѣрчиво полагался на Татищева, и, повторяя его слова, не всегда провѣрялъ ихъ свидѣтельствомъ первыхъ источниковъ; въ иныхъ случаяхъ Болтинъ угадывалъ истину, но не могъ вполнѣ раскрыть и доказать ее, при тогдашнемъ состояніи науки; нѣкоторыя изъ ошибокъ, замѣчаемыхъ у Болтина, встрѣ-

чаются и у князя Щербатова и даже у Шлецера; и въ критикѣ Болтина и въ его домыслахъ много вѣрнаго, много ума и наблюдательности.

Самый рѣзкій отзывъ Карамзина слѣдующій: «Болтинъ пишетъ, что жители Ахматовыхъ слободъ были черкасы, и назывались казаками; что они бѣжали къ баскаку въ Каневъ, и построили городокъ Черкаскъ, и проч. Можно ли такъ смѣло выдумывать? Можно, какъ Татищевъ и Болтинъ думали» [343]). Приводимъ и всѣ, или почти всѣ, другіе отзывы Карамзина о Болтинѣ.

Болтинъ, полагаясь на Татищева, но не справившись съ лѣтописями, винилъ Щербатова въ томъ, что онъ принялъ *Волгу* за *Волокъ*, сказавши, что князь Изяславъ остался на *Волокѣ*. Но Изяславъ, участвовавшій въ первомъ походѣ Всеволодовомъ на Суздаль, дѣйствительно остался *на Волокѣ*, т. е. въ Волоколамскѣ. Во многихъ спискахъ Нестора сказано, что Ростиславъ, сынъ Владимира Ярославича, бѣжалъ изъ *Новагорода*: Болтинъ укорялъ Щербатова и тѣмъ, что онъ вѣрилъ лѣтописямъ болѣе, нежели Татищеву. Татищевъ и Болтинъ несправедливо думали, что Козары и Хвалисы одинъ и тотъ же народъ. Татищевъ сказалъ, а за нимъ Болтинъ и другіе повторяли, что Стриковскій упоминаетъ о *Голядахъ*, обитавшихъ гдѣ-то въ Литвѣ: ни Стриковскій, ни Кояловичъ не говорятъ объ нихъ ни слова. Татищевъ и Болтинъ несправедливо полагали, что древняя козарская *Вежа* находилась при устьѣ Днѣпра, гдѣ когда-то процвѣтала Ольвія; въ договорѣ Игоря съ греками говорится о *Бѣлобережьѣ* при устьѣ Днѣпра: Татищевъ не разобралъ этого имени или желая его исправить, обратилъ *Бѣлобережье* въ *Бѣлую Вежу*. Татищевъ и Болтинъ думали, что *Нѣжатинъ* есть *Нѣжинъ;* но послѣдній называется въ лѣтописяхъ *Унѣжемъ*. «Татищевъ *объявляетъ* намъ, что Ярополкъ озлобился на Всеволода за то̀, что сей князь отдалъ Дорогобужъ Давыду Игоревичу, а Болтинъ удивляется, что Щербатовъ не зналъ сего вымышленнаго обстоятельства» [344]).

Болтинъ называлъ древнихъ славянъ *черноволосыми*, и видѣлъ въ этомъ одно изъ доказательствъ ихъ азіятскаго происхожденія; но онъ не справился съ извѣстіями византійскихъ историковъ, изъ которыхъ видно, что славяне казались грекамъ по большей части русыми. Болтинъ говоритъ, что зыряне утратили свой языкъ, и сдѣлались совершенно русскими; но языкъ зырянскій еще сохраняется въ устахъ народа, и словарь его напечатанъ Миллеромъ въ его Sammlung russischer Geschichte. Болтинъ несправедливо называетъ Путивль городомъ вятичей: онъ былъ въ области Сѣверской [345]).

Въ лѣтописи сказано: «Володимеру же шедшю къ Новугороду *по верховніе вои* на печенѣгы». Князь Щербатовъ думалъ, что Владиміръ пошелъ къ Новгороду воевать съ печенѣгами; Болтинъ полагалъ, что вмѣсто *на Печенѣги* надо читать *на Чудь:* такъ написалъ и Татищевъ. Но всѣ трое ошиблись: Несторъ хотѣлъ сказать, что Владиміръ пошелъ въ Новгородъ *за верховыми воинами,* чтобы съ ними идти на печенѣговъ. Сѣверозападная Россія называлась въ отношеніи къ южной *верховьемъ*. Шлецеръ несправедливо считалъ *Емь* ижорцами: Татищевъ и Болтинъ также невѣрно помѣщали этотъ народъ между Ладожскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, въ Двинской землѣ. Въ договорѣ Игоря съ греками: «возьмутъ мѣсячное свое, *первое* отъ града Кыева, и *паки* изъ Чернигова». Болтинъ полагалъ, что слова эти ошибкою перенесены изъ одной статьи въ другую; Шлецеръ не видѣлъ въ нихъ никакого смысла. Ошибки нѣтъ и смыслъ ясенъ: сочинитель договора означаетъ, изъ какихъ городовъ русскіе пріѣзжали въ Константинополь,—*вопервыхъ*, изъ Кіева; *вовторыхъ*, изъ Чернигова, и т. д. [346]).

Болтинъ, также какъ и Татищевъ, справедливо обличалъ невѣжество новѣйшихъ лѣтописцевъ, т. е. тѣхъ, которые, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, дополняли Нестора баснями. Карамзинъ говоритъ: «Отдадимъ справедливость благоразумной догадкѣ Болтина, который *первый* замѣтилъ, что Несторъ подъ словомъ *градъ* разумѣетъ *ограду* церковную, а *баннымъ* строеніемъ называетъ

особенное зданіе, гдѣ ставили купѣль для крещенія взрослыхъ людей. Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ христіанскихъ». Въ одномъ мѣстѣ Карамзинъ замѣчаетъ, что Болтинъ чувствовалъ всю нелѣпость разсказа Длугоша, но не зная древнѣйшихъ польскихъ лѣтописцевъ, не могъ его опровергнуть [347]).

Карамзинъ отмѣтилъ у Болтина нѣкоторыя невѣрности, источникъ которыхъ кроется въ тогдашнемъ состояніи сравнительной филологіи и въ недостаточномъ знаніи древняго русскаго языка. И въ этомъ отношеніи примѣръ Татищева невыгодно повліялъ на нашего писателя. Татищевъ безпрестанно толкуетъ слова сарматскія, воображая, что и финскій языкъ принадлежитъ къ сарматской вѣтви языковъ. Болтинъ тоже говоритъ о языкѣ сарматскомъ, неизвѣстномъ никому въ ученомъ свѣтѣ. Болтинъ утверждаетъ, что *Мурманское* значитъ *поморское*, ибо Татищевъ увѣрялъ, что *Маурена* значитъ на *сарматскомъ* языкѣ *поморье*. Штраленбергъ, а за нимъ Татищевъ и Болтинъ говорятъ, что имя *Угры* есть славянское, и значитъ живущихъ *у горъ*; но греки называли ихъ этимъ или подобнымъ именемъ еще прежде, нежели узнали славянъ. Упомянувъ о томъ, что Болтинъ слово *гридница*, означающее *кухню*, производилъ отъ шведскаго корня, Карамзинъ замѣчаетъ, что слово это дѣйствительно шведскаго происхожденія, но происходитъ отъ другого корня, именно отъ слова *gred*, т. е. мечъ: отборные воины княжеской дружины назывались послѣ *мечниками*. Вопреки Болтину, древнее слово *скотъ*, въ смыслѣ: *деньги*, Карамзинъ сближаетъ не съ шведскимъ *skatt*, а съ латинскимъ *pecunia*, происходящимъ отъ *pecus* (скотъ) [348]).

Карамзинъ говоритъ: «Въ лѣтописи сказано, что Олегъ требовалъ съ грековъ по 12 гривенъ на *человѣкъ*. Г. Болтинъ хотѣлъ доказать, что здѣсь слово *человѣкъ* есть винительный падежъ множественнаго числа, и что Олегъ взялъ 12 гривенъ на людей, бывшихъ въ каждой лодкѣ, ибо лѣтописецъ сказалъ бы въ единственномъ: *на человѣка*. Г. Болтинъ не замѣтилъ, что Несторъ и во многихъ другихъ случаяхъ не различаетъ именитель-

наго и винительнаго; напримѣръ Ольга, по всѣмъ древнимъ спискамъ, говоритъ древлянамъ: пойду за *князь вашъ*, а не *князя*» [349]).

Трудамъ Болтина, ревностнаго защитника литературной древности и старины, придавали важное значеніе и во времена скептицизма, когда заподозрѣны были всѣ древніе памятники нашей исторіи и литературы. Одинъ изъ главныхъ представителей скептической школы, профессоръ Каченовскій, сообщилъ въ Ученыя записки московскаго университета статью Н. Стрекалова: *О сочиненіяхъ Болтина,* которая и помѣщена въ отдѣлѣ критики. Авторъ статьи находитъ, что Болтинъ обладалъ и острымъ умомъ и огромною начитанностью, что онъ былъ замѣчательный, полезный, *почти необходимый* для своего времени критикъ, и *видимо приближался къ истинному понятію объ исторіи.* Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ задаетъ себѣ такой вопросъ: могъ ли Болтинъ возвыситься надъ *тогдашнимъ* состояніемъ исторіи; удовлетворяетъ ли онъ вполнѣ *нынѣшнимъ* требованіямъ исторической критики? Для рѣшенія этого вопроса авторъ приводитъ нѣсколько изъ тѣхъ мнѣній Болтина, которыя несогласны съ нынѣшними (писано въ тридцатыхъ годахъ) взглядами, а именно: о лѣтописяхъ, т. е. о времени ихъ появленія; о томъ, кто такіе были руссы, варяги и варягороссы; о Рюрикѣ и его братьяхъ; о сарматскомъ языкѣ; о древнихъ русскихъ городахъ и законахъ. Оказывается, что Болтинъ отсталъ не только отъ нынѣшняго, но и отъ своего времени: Ломоносовъ, Щербатовъ, Миллеръ, Шлецеръ не признавали Іоакимовской лѣтописи. Представляются какъ невозможныя въ нынѣшнее время мнѣнія Болтина о томъ, что еще до Нестора писались у насъ лѣтописи, и что уже въ десятомъ столѣтіи предки наши жили въ городахъ и управлялись законами. Приведя нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Болтина,

авторъ восклицаетъ: «Такъ говоритъ просвѣщенный *своего времени* знатокъ отечественной исторіи! Такъ *могъ* онъ говорить при тогдашнемъ состояніи нашей критики; но мы, *руководимые наставленіями нынѣшнихъ изслѣдователей*, мы не *можемъ* повторять Болтина». Въ статьѣ, помѣщенной въ университетскихъ запискахъ, видны пріемы тогдашней научной критики, а также видно и то̀, что̀ всего болѣе въ сочиненіяхъ Болтина интересовало тогдашнихъ изслѣдователей русской исторіи [350]).

Однимъ изъ очевидныхъ доказательствъ успѣховъ нашей исторіографіи можетъ служить статья о Болтинѣ, появившаяся ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ той, которая сообщена Каченовскимъ. Я говорю объ очеркѣ С. М. Соловьева: «Писатели русской исторіи восемнадцатаго вѣка», состоящемъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ статей, имѣющихъ между собою не только внѣшнюю, но и внутреннюю связь. Одна изъ этихъ статей посвящена Болтину. Сознавая невозможность судить о писателѣ по понятіямъ непережитаго имъ, т. е. будущаго въ отношеніи къ нему, времени, С. М. Соловьевъ указываетъ значеніе Болтина, какъ писателя того времени, когда Болтинъ жилъ и дѣйствовалъ, когда слагались его взгляды, понятія и убѣжденія. Болтинъ былъ живымъ свидѣтелемъ перемѣны, совершившейся во взглядѣ русскаго общества на науку и просвѣщеніе. Начиная съ эпохи преобразованія, на науку смотрѣли у насъ исключительно съ точки зрѣнія практической; заботились только объ обученіи, и вовсе не думали о *воспитаніи*, о *нравственномъ вліяніи науки* на человѣка. Поворотъ во мнѣніи обнаружился въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, съ воцареніемъ Екатерины II, которая, по выраженію Бецкаго, вложила душу въ людей, созданныхъ Петромъ Великимъ. Слова Стародума и Правдина, говорившихъ, что въ воспитаніи заключается залогъ общественнаго благосостоянія,

были отголоскомъ общественнаго настроенія. «Такой образъ мыслей не могъ не отразиться и во взглядѣ на русскую исторію. Въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка борьба съ невѣжествомъ, злоупотребленіями и предразсудками, которые прикрывались именемъ старины, естественно производила вражду, презрѣніе къ этой старинѣ въ приверженцахъ новаго порядка вещей; они считали себя дѣтьми свѣта, возсіявшаго для Россіи съ начала восемнадцатаго вѣка; что̀ прежде—то̀ было мракъ, отъ котораго нужно какъ можно болѣе удаляться. Но во второй половинѣ вѣка, стремленіе усвоить себѣ внѣшнее, формальное образованіе, это стремленіе признано недостаточнымъ; борьба перемѣнила характеръ. *Лучшіе умы* стали вооружаться теперь уже не столько противъ вредныхъ слѣдствій стариннаго, допетровскаго быта, сколько противъ вредныхъ слѣдствій односторонняго стремленія ко всему новому и чужому: отсюда недовольство предшествовавшимъ направленіемъ; борьба съ нимъ нечувствительно вела къ примиренію съ стариною, которая уже не возбуждала сильной вражды, ибо признала себя побѣжденною, и прикрылась другимъ слоемъ, а на мѣсто ея явился другой, новый врагъ, болѣе опасный. Въ борьбѣ съ *недавнимъ* зломъ нечувствительно стали бросать благопріятные взгляды на старину *отдаленную*, именно уже потому, что она была враждебна новому врагу, противъ котораго нужно было вооружиться всѣми средствами; нужно было показать его незаконное вторженіе на мѣсто прежняго, лучшаго, а между тѣмъ старина, вслѣдствіе самого отдаленія своего и неизвѣстности, начала представлять пріятные образы. Это *недовольство направленіемъ, господствовавшимъ въ первую половину восемнадцатаго вѣка, и примиреніе съ враждебною ему стариною* допетровскою, объясняетъ намъ взглядъ Болтина на древнюю русскую исторію».

Болтинъ доказываетъ, что предки наши отнюдь не заслуживали, и въ самой отдаленной древности, названія варваровъ. Доказательства эти или положенія, выведенныя изъ договорахъ первыхъ князей нашихъ съ греками, и изумлявшія, какъ вещь

немыслимая, критиковъ школы Каченовскаго, Соловьевъ называетъ «*знаменитыми*, потому что они повторяются еще и теперь въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ». Болтинъ защищаетъ и русскія лѣтописи, и русскій языкъ, и русскій старинный бытъ, отъ нападенія на нихъ иностраннаго историка Россіи. При этомъ Болтинъ «рѣзко выражаетъ *мысль своего времени* о необходимости нравственнаго, просвѣщеннаго, *народнаго воспитанія*».

Книга Болтина противъ Леклерка есть «первый трудъ по русской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которой есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи. У Болтина мы не встрѣчаемъ толковъ о пользѣ исторіи, какъ науки опыта и примѣра; но у него перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку *народнаго самопознанія*, стараніе сдѣлать изъ исторіи прямое приложеніе къ жизни, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ стараго къ новому. Ломоносовъ хочетъ только прославить геройскіе подвиги дѣятелей нашей исторіи; Щербатовъ вглядывается въ отдѣльныя явленія, старается уяснить нѣкоторыя, особенно для него поразительныя, явленія русской исторіи, не связывая однако ихъ другъ съ другомъ; Болтинъ старается уяснить цѣлый ходъ русской исторіи, непохожей ни на какія другія, и показать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ».

С. М. Соловьевъ приводитъ нѣсколько собственно ученыхъ замѣчаній Болтина, и между прочимъ взглядъ его на монгольское иго, и отдавая справедливость умнымъ и дѣльнымъ мнѣніямъ, указываетъ, какъ на странную непослѣдовательность со стороны Болтина, на обвиненіе Леклерка въ томъ, за что̀ надо было бы его благодарить, именно за лестный отзывъ его о нашихъ былинахъ. Но отличительная черта и великое достоинство Болтина заключается въ отсутствіи у него той искуственной, односторонней послѣдовательности, которая необходима тамъ, гдѣ есть *предвзятая* мысль. У него была основная *мысль*, запав-

шая глубоко въ его душу, но назвать эту мысль *предвзятою* нельзя уже потому, что съ этимъ названіемъ соединяется большею частью понятіе объ умыслѣ, о сдѣлкѣ съ своею совѣстью, о намѣренномъ уклоненіи отъ ясно сознаваемой правды. Въ жару полемики онъ могъ выражаться черезчуръ рѣзко, могъ, что называется, пересаливать; но рѣшительно не въ состояніи былъ выдавать черное за бѣлое и наоборотъ. Онъ могъ ошибаться въ своихъ мнѣніяхъ, и политическихъ и литературныхъ, но кривить душою онъ не желалъ. Болтинъ былъ и честный человѣкъ и честный писатель; онъ защищалъ свое отечество не по какимъ либо разсчетамъ; онъ говорилъ то̀, что̀ думалъ и чувствовалъ, и не считалъ нужнымъ притворяться и не договаривать. Еслибы его умная и живая защита была слѣдствіемъ предвзятой мысли, въ обычномъ значеніи этого слова, многаго не помѣстилъ бы онъ въ свою книгу, и распорядился бы своимъ матеріаломъ точно такъ же, какъ поступаютъ ловкіе адвокаты, желая во что бы то ни стало выиграть дѣло, которое вовсе не считаютъ правымъ. Но Болтину не надо было лицемѣрить для того, чтобы написать о Россіи то̀, что̀ онъ написалъ. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что Россія и русскій народъ не обдѣлены Господомъ Богомъ, а если они и оклеветаны передъ Европою, то для того, чтобы расположить въ ихъ пользу лучшую, наиболѣе безпристрастную и разумную часть европейскаго общества, слѣдуетъ говорить о нихъ одну сущую правду. Не только въ томъ, что̀ написалъ Болтинъ въ защиту духовныхъ силъ и человѣческихъ правъ русскаго народа, но всего болѣе въ искренней вѣрѣ въ то̀, на чемъ основывалъ онъ свою защиту, заключается значеніе его, какъ одного изъ достойнѣйшихъ представителей народнаго самосознанія въ литературѣ [351]).

Взгляды и сужденія Болтина относительно религіи и церкви разсмотрѣны въ статьѣ г. Знаменскаго: *Историческіе труды*

Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи. По мнѣнію автора, существенное различіе въ складѣ понятій этихъ писателей заключается въ томъ, что Щербатовъ былъ искреннимъ поклонникомъ отечественной старины, а Болтинъ, напротивъ того, всецѣло преданъ новому духу. «Идеализируя древнюю Русь, Щербатовъ проводитъ рѣзкій контрастъ между ею и новою Россіею; ему нравятся особенности старой жизни. Болтинъ весь живетъ въ новомъ времени; онъ идеализируетъ старину съ точки зрѣнія современныхъ идей. Для оправданія древней Россіи онъ всегда отыскиваетъ въ ней такія черты, которыя можно было бы подвести подъ воззрѣнія восемнадцатаго вѣка. Прежнюю жизнь онъ передѣлываетъ на современные нравы; въ такомъ видѣ она кажется ему лучше».

Такое же различіе и между церковно-религіозными воззрѣніями Болтина и Щербатова. «Воззрѣнія Болтина на религію и іерархію цѣликомъ заимствованы у Вольтера и Бэля, которыхъ онъ постоянно цитуетъ. Онъ жалѣетъ объ упадкѣ отеческой вѣры, но только потому, что она уже слишкомъ скоро упала, что ничего не осталось въ замѣнъ ея. Онъ хвалитъ и русское духовенство, но только за то̀, что оно было непохоже на духовенство католическое, между тѣмъ какъ всѣ возгласы западныхъ вольнодумцевъ противъ іерархіи у него остаются во всей своей цѣлости».

Болтинъ «ставитъ наряду съ суевѣріями самые благочестивые и похвальные обычаи; клеймитъ именемъ пустосвятства совершенно законныя и естественныя проявленія религіознаго чувства». Въ доказательство авторъ приводитъ мнѣніе Болтина о древнемъ обычаѣ принимать постриженіе передъ смертью и о частомъ употребленіи крестнаго знаменія.

Болтинъ, подобно Щербатову, придаетъ іерархіи и церкви только политическое значеніе, и подчиняетъ ихъ государству. Единственную попытку духовной власти къ независимости Болтинъ рѣзко осуждаетъ въ лицѣ Никона. Въ сужденіяхъ своихъ о церковной іерархіи, о государственномъ значеніи духовной

власти, и т. п., Болтинъ руководствуется исключительно идеями своего вѣка, — идеями Вольтера и Бэля.

Статья г. Знаменскаго представляетъ одинъ изъ первыхъ у насъ и весьма любопытныхъ опытовъ прослѣдить развитіе религіозныхъ идей въ русскомъ обществѣ восемнадцатаго столѣтія въ связи съ духомъ времени и тогдашнимъ состояніемъ образованности [852]).

VI.

Тогда еще, когда мысль о россійской академіи была только въ зародышѣ, цѣлью предполагаемаго учрежденія ставили разработку отечественнаго языка и словесности и *отечественной исторіи*. Цѣль эта выдвинута на первый планъ при самомъ основаніи академіи. Открывая первое академическое собраніе, и призывая сочленовъ своихъ къ трудамъ на новомъ поприщѣ, предсѣдатель академіи, княгиня Дашкова сказала въ своей достопамятной рѣчи, что многоразличныя древности, разсѣянныя по всему пространству Россіи, и многочисленные и драгоцѣнные памятники нашей исторической жизни представляютъ обширное поле для воздѣлыванія. А трудно было найти лучшаго работника на этомъ, почти нетронутомъ, полѣ, какъ Болтинъ. Вступленіе его въ академію было какъ бы отвѣтомъ со стороны общества на призывъ, обращенный къ академикамъ и ко всѣмъ любителямъ родной старины. Въ то время, когда Болтинъ избранъ былъ въ члены россійской академіи, сочиненія его еще не появлялись въ печати, за исключеніемъ небольшаго очерка—Хорографіи сарептскихъ цѣлительныхъ водъ. Тѣмъ не менѣе имя его пользовалось большою извѣстностью и уваженіемъ въ кругу людей образованныхъ, дорожившихъ разработкою русской исторіи, и видѣвшихъ, съ какою любовью занимался Болтинъ историческими изслѣдованіями. Въ обществѣ уже сложилось понятіе о немъ, какъ объ отличномъ знатокѣ русской исторіи и древностей, хотя труды, оправдавшіе это мнѣніе

самымъ блестящимъ образомъ, были еще впереди. Быть можетъ, на выборъ Болтина имѣли нѣкоторое вліяніе и постороннія обстоятельства, какъ напримѣръ, его дружба съ Потемкинымъ. Болтинъ находился тогда при Потемкинѣ, и также, какъ и Потемкинъ, выбранъ, въ члены россійской академіи при самомъ ея учрежденіи. Болтинъ, также какъ и Потемкинъ, считались, въ офиціальныхъ актахъ, членами россійской академіи со времени ея открытія, т. е. съ 21-го октября 1783 года.

Какими бы соображеніями ни руководствовались при выборѣ Болтина, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то̀, что, избравши Болтина, академія приняла въ среду свою одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей того времени, а для своихъ научныхъ предпріятій пріобрѣла разумную, живую рабочую силу. Болтинъ принадлежалъ къ самымъ выдающимся, къ самымъ замѣчательнымъ членамъ россійской академіи екатерининскаго періода.

По свидѣтельству Лепехина, Болтинъ, въ качествѣ члена россійской академіи, «подавалъ примѣчаніями своими многіе полезные совѣты, къ совершенству словаря служащіе; соучаствовалъ въ комитетѣ, разсматривающемъ труды сочинителей, и сообщилъ академіи выписанныя слова *изъ многихъ книгъ* церковныхъ, яко *плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ*; вспомоществовалъ и вспомоществуетъ (писано въ 1786 году) въ исправности изданія словаря».

При обозрѣніи трудовъ россійской академіи со времени ея основанія до выхода второй части академическаго словаря (изданной въ 1790 году) Лепехинъ говоритъ тоже самое, и упоминаетъ также объ участіи Болтина въ академическихъ совѣщаніяхъ. «И. Н. Болтинъ подавалъ примѣчаніями своими полезные совѣты, къ усовершенію словаря служащіе; участвовалъ въ отдѣлѣ, предварительно разсматривавшемъ труды сочинителей; сообщилъ академіи выписанныя имъ слова (*великое число*) изъ многихъ книгъ славенскихъ, яко плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ; прилежно соучаствовалъ въ собраніяхъ академіи, сколько другія упражненія и здоровье позволяли» [353]).

Въ числѣ членовъ россійской академіи, участвовавшихъ въ составленіи третьей части академическаго словаря, названъ и Болтинъ. Объ участіи его сказано: «полезными своими примѣчаніями и разсужденіями въ собраніяхъ академіи, сколько слабость здоровья его позволяла посѣщать оныя, вспомоществовалъ общему труду» [354]).

Болтину, одному изъ первыхъ между членами россійской академіи, присуждена была золотая медаль. Въ торжественномъ собраніи академіи, въ 1786 году, всѣ присутствующіе члены единогласно утвердили предложеніе Дашковой «увѣнчать труды и усердіе» И. Н. Болтина золотою медалью [355]).

Болтинъ обнаруживалъ полную готовность содѣйствовать научнымъ предпріятіямъ академіи. Онъ принималъ живое участіе въ академическихъ совѣщаніяхъ; присутствіе его было въ высшей степени полезно и въ общихъ собраніяхъ академіи и въ отдѣльныхъ комитетахъ, которыхъ онъ былъ членомъ; къ нему обращались за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ; по нѣкоторымъ изъ нихъ онъ дѣлалъ устныя заявленія, по другимъ присылалъ письменныя мнѣнія.

Втеченіе восьми лѣтъ, съ 1784 по 1791 годъ, онъ былъ въ 51 собраніи академіи; всего чаще бывалъ онъ въ академіи въ 1791 году, всего рѣже въ 1785 и 1790 годахъ. Если онъ и не особенно усердно посѣщалъ академію, то, по всей вѣроятности, только потому, что отвлекаемъ былъ другими своими обязанностями, а также частыми отлучками изъ Петербурга и своими частыми болѣзнями и постоянною хворостью. Въ первый разъ онъ былъ въ академическомъ собраніи 13-го января 1784 года; въ послѣдній разъ — 27-го декабря 1791 года.

Болтинъ былъ членомъ комитета, учрежденнаго «въ замѣну всѣхъ прежденазначенныхъ отрядовъ» съ цѣлію критически провѣрить всѣ матеріалы для словаря и дать имъ окончательную обработку. Онъ былъ также членомъ комитета по вопросу о присужденіи золотыхъ медалей, учрежденнаго подъ предсѣдатель-

ствомъ Ал. Ив. Мусина-Пушкина, и собиравшагося у него въ домѣ [356]).

Разсмотрѣніе правилъ россійскаго правописанія, собранныхъ однимъ изъ членовъ россійской академіи, священникомъ В. Г. Григорьевымъ, принялъ на себя Болтинъ вмѣстѣ съ Румовскимъ, Лепехинымъ и архимандритомъ Иннокентіемъ Полянскимъ [357]).

Въ средѣ издательнаго комитета возникло недоразумѣніе по поводу глаголовъ *имаю* и *емлю*, — считать ли ихъ самостоятельными или же одинъ изъ нихъ производить отъ другаго. Спорный вопросъ былъ перенесенъ въ общее собраніе академіи. Въ общемъ собраніи всѣ присутствовавшіе, и въ томъ числѣ и предсѣдатель, находили, что надо эти глаголы соединить; но для того, чтобы «мнѣнію сему поставить твердое опредѣленіе», положено было представить его на судъ митрополита Гавріила и Болтина. Болтинъ утверждалъ, что глаголъ *имаю* есть ничто иное, какъ глаголъ учащательный отъ глагола *емлю*, и на этомъ основаніи полагалъ, что раздѣлять ихъ отнюдь не слѣдуетъ [358]).

Болтинъ предлагалъ, чтобы для большей точности въ опредѣленіи значенія и смысла словъ и выраженій сопровождать ихъ возможно большимъ количествомъ примѣровъ — «прибавлять столько примѣровъ, сколько есть случаевъ, въ какихъ опредѣляемое слово употребляться можетъ». Въ этомъ, по мнѣнію Болтина, заключается главное достоинство словаря французской академіи, который можетъ служить пособіемъ и для насъ въ настоящемъ случаѣ. Но собраніе нашло, что мы потому уже не можемъ воспользоваться примѣромъ французской академіи, что у насъ весьма мало такихъ писателей, на которыхъ можно было бы сослаться въ употребленіи того или другаго слова, въ томъ или другомъ значеніи. Тѣмъ менѣе пригоденъ намъ словарь французской академіи, что, по свойству своему, русскій языкъ весьма далекъ отъ французскаго [359]).

Изъ словъ, имѣющихъ въ началѣ отрицательную частицу *не*, рѣшено было помѣщать въ словарь только тѣ, которыя или неупотребляются безъ этой частицы, какъ напримѣръ: *нечести-*

вый, *ненастье*, или же получаютъ безъ нея совершенно другой смыслъ: *глаголанный* — сказанный, *неизглаголанный* — невыразимый. Всѣ остальныя слова съ частицею *не* въ началѣ положено исключить. Болтинъ возсталъ противъ этого исключенія, утверждая, что такимъ образомъ пришлось бы не вносить въ словарь такихъ словъ, которыя необходимо должны быть помѣщены въ словарѣ [360]).

Старинное названіе *кравчій съ путемъ* послужило поводомъ къ разногласію,—гдѣ помѣстить его въ словарѣ: при словѣ ли *кравчій* или при словѣ *путь*. Основываясь на мнѣніи Болтина, академики рѣшили помѣстить и объяснить спорное выраженіе при словѣ *путь*, которое, въ его старинномъ смыслѣ, прилагалось и къ нѣкоторымъ другимъ чинамъ, т. е. должностямъ [361]). Въ словарѣ россійской академіи, при словѣ *путь* помѣщены и объяснены выраженія: *съ путемъ* и *кравчій съ путемъ*: «*Съ путемъ*, во образѣ нарѣчія,—старинное реченіе, придаваемое нѣкоторымъ знаменитымъ первой или второй степени чиновнымъ людямъ, означало предпочтеніе или награду за отличныя заслуги, съ нѣкоторымъ извѣстнымъ опредѣленіемъ доходовъ изъ казенныхъ сборовъ, жалованныхъ не наслѣдственно, а только по смерть; для чего давались онымъ города, уѣзды и волости, ради управленія и сбора доходовъ въ ихъ пользу. *Кравчій съ путемъ*—придворный чиновникъ второй степени, имѣвшій туже самую должность, что и просто кравчій, но съ предпочтеніемъ и преимуществомъ въ боярскихъ книгахъ и спискахъ, и ставленъ выше окольничихъ для того, что онъ тою честію пожалованъ *съ путемъ*. Такожде и тотъ самый кравчій, который находился съ государемъ въ походѣ».

По свидѣтельству Карамзина, слово *голдовникъ* внесено въ словарь россійской академіи вслѣдствіе предложенія Болтина. Карамзинъ говоритъ: «Слово *подручникъ* въ древнемъ русскомъ языкѣ, знаменовало тоже, что латинское *vassus*, *vassallus*, или польское *holdownik*, внесенное въ словарь академіи россійской единственно въ угожденіе Болтину, если не ошибаюсь, ибо онъ

думалъ, что мы не имѣемъ въ языкѣ нашемъ слова для выраженія сего смысла. Въ Олеговомъ договорѣ съ греками упоминается о князьяхъ, *иже суть подъ рукою* великаго князя, то есть о *подручникахъ* его или *голдовникахъ*, если польское, совсѣмъ неизвѣстное у насъ, слово предпочтемъ коренному русскому». [262]). Въ академическомъ словарѣ: «*голдовникъ* — тотъ, который зависитъ отъ владѣльца по помѣстью или по землѣ, въ его владѣніи состоящей».

Самымъ важнымъ и въ высшей степени любопытнымъ памятникомъ академической дѣятельности Болтина служатъ замѣчанія его на первоначальный планъ или начертаніе задуманнаго академіею словаря. Замѣчанія Болтина были разосланы, по опредѣленію академіи, ко всѣмъ ея членамъ, для внимательнаго разсмотрѣнія и оцѣнки приводимыхъ доводовъ. Въ нѣсколькихъ общихъ собраніяхъ разсматривалось мнѣніе Болтина; оно вызвало въ свою очередь различныя мнѣнія, какъ можно судить уже потому, что постановленія одного собранія отмѣнялись въ другомъ; требовалось немало усилій, чтобы порѣшить съ вопросомъ, который такъ мастерски затронутъ былъ Болтинымъ. Иное изъ предложеннаго Болтинымъ принято академіею вполнѣ, удержано ею дословно; иное измѣнено или вовсе отвергнуто. Приводимъ каждое изъ замѣчаній Болтина, сопоставляя ихъ съ рѣшеніемъ общаго собранія членовъ россійской академіи [363]).

1.

— «Въ статьѣ первой въ пунктѣ 1-мъ сказано: *не должны имѣть въ словарѣ мѣста собственныя имена людей, городовъ, морей* и проч.

Собственныя имена людей знаменитыхъ конечно не должны имѣть въ словарѣ мѣста для многихъ причинъ, о коихъ упоми-

нать нужды не имѣю; но имена святыхъ, употребляемыя къ нарицанію крещаемыхъ, неизлишно, кажется, въ него вмѣстить, присовокупя къ нимъ краткое толкованіе. Сверхъ удовольствія любопытнымъ, послужатъ они корнемъ для уменьшительныхъ, привѣтственныхъ и уничижительныхъ, отъ нихъ же произведенныхъ, каковы суть: Васенька, Дашенька, Ванька, Машка и проч. Не можно отрещи принадлежности сихъ реченій къ языку россійскому, слѣдовательно и права ихъ быть помѣщенными въ собраніи прочихъ словъ сего языка. Многія имена входятъ въ составъ пословицъ и присловицъ, изъ коихъ нѣкоторыя и мѣсто свое должны имѣть подъ тѣми именами, яко: *не всякому какъ Якову*; *какъ у Сенюшки есть денежки, такъ Сенюшка Семенъ, а какъ у Сенюшки ни денежки, такъ б....нъ сынъ Семенъ; у Фили пили, да Филю же и прибили; Якимъ простота: рукавицъ ищетъ, а двое за поясомъ*; *Филатъ тому и радъ; на безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ*». —

Академическое собраніе постановило: Имена святыхъ, даваемыя при крещеніи, внести въ словарь, какъ по тѣмъ причинамъ, которыя приводитъ Болтинъ, такъ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Имена нерѣдко употребляются въ переносномъ смыслѣ. Въ уменьшительныхъ опускаются иногда начальныя буквы именъ, и образованіе уменьшительныхъ неможетъ быть подведено подъ какое-либо грамматическое правило. Въ просторѣчіи имена обыкновенно выговариваются и пишутся иначе, нежели въ церковныхъ книгахъ. Наконецъ, встарину въ челобитныхъ и во всѣхъ судныхъ дѣлахъ употреблялись имена уменьшительныя. На основаніи всего этого опредѣлено: внести въ словарь обыкновенныя и чаще другихъ употребляемыя имена, съ обозначеніемъ, которыя изъ нихъ привѣтственныя, и которыя уничижительныя, и отъ какого языка происходятъ.

При новомъ разсмотрѣніи замѣчаній Болтина въ одномъ изъ академическихъ собраній, рѣшено было, по почину Дашковой, вовсе исключить собственныя имена изъ словаря, вопервыхъ потому, что почти всѣ имена святыхъ не коренныя русскія, и не могутъ,

слѣдовательно, служить ни къ обогащенію, ни къ чистотѣ русскаго языка; вовторыхъ, привѣтственныя и уничижительныя нерѣдко зависятъ отъ одного произвола, и въ разныхъ домахъ бываютъ разныя, и т. п.

2.

— «Касательно именъ городовъ, морей и проч., хотя описаніе оныхъ и принадлежитъ къ словарю географическому, требующему неменьшаго пространства, какъ и словарь знаменитыхъ мужей, но, кажется, не неприлично будетъ нѣкоторыя изъ нихъ помѣстить и въ словарь языка, и именно только имена государствъ, столицъ, главнѣйшихъ морей, величайшихъ острововъ и самыхъ знаменитѣйшихъ рѣкъ, съ краткимъ описаніемъ предѣловъ, климата, мѣстоположенія народовъ, населяющихъ оныя, и проч. Сіе послужитъ великою пользою юношеству, употребляющему словарь сей, преподавая оному краткое свѣдѣніе о нихъ. Нужно сіе и для производства именъ прилагательныхъ, отечественныхъ, каковы суть: французъ, неаполитанецъ, и проч.; аглинскій, венгерскій и проч.» —

Академическое собраніе постановило: Внести въ словарь, ради производства прилагательныхъ отечественныхъ, названія государствъ, столицъ, замѣчательныхъ русскихъ городовъ, также морей и проч.

Это рѣшеніе также отмѣнено впослѣдствіи и на томъ же основаніи, т. е. что имена государствъ, столицъ и пр. большею частью иностранныя, неспособствующія ни богатству, ни чистотѣ русскаго языка. Отмѣнивъ прежнее рѣшеніе, постановили: всѣ эти названія предоставить словарю географическому.

3.

— «Пунктомъ 2-мъ исключаются *всѣ названія техническія наукъ, художествъ и ремеслъ, кои, не находяся въ обыкновенномъ употребленіи, мало извѣстны, и однимъ только ученымъ свѣдомы.*

Я мню напротивъ, что сіи-то названія и нужны, кои не находятся въ обыкновенномъ употребленіи, ибо извѣстнаго названія никто въ словарѣ не будетъ пріискивать, а ищется обыкновенно неизвѣстное или недовольно свѣдомое. Словарь не для чего инаго и дѣлается, какъ чтобъ о всякомъ неизвѣстномъ или не довольно извѣстномъ словѣ подать могъ удовлетворительное вразумленіе. Нынѣ на россійскомъ языкѣ издаются сочиненія о разныхъ веществахъ, относительныхъ до наукъ и художествъ. Представимъ себѣ россіянина, чтущаго какое ни есть изъ таковыхъ, и встрѣтившаго въ немъ реченіе неизвѣстное ему, употребляемое напр. въ астрономіи, хронологіи и архитектурѣ; каковы суть: аберрація, перигія, епакта, архитрава и тому подобныя. Безъ сомнѣнія, онъ, въ желаніи вразумить себя о такомъ неизвѣстномъ ему словѣ, ухватится за словарь славенороссійскій тѣмъ съ большею надеждою, что изданъ онъ россійскою академіею, да и называется толковымъ. Вообразимъ же себѣ и досаду его, когда онъ, рывшися повсюду, не найдетъ въ немъ искомаго имъ слова. Негодованіе его на сочинителей онаго будетъ справедливо, и на упреки его нечѣмъ намъ будетъ оправдаться. И такъ, по мнѣнію моему, всѣ техническія слова наукъ, художествъ и ремеслъ, необходимо для нѣкоторой науки или художества нужныя, надлежитъ въ россійскій языкъ усыновить, и слѣдственно дать имъ равное право съ природными россійскаго языка словами, т. е. поставить ихъ на ряду въ словарѣ языка, означивъ, изъ какого языка которое взято, въ какой наукѣ, художествѣ иль ремеслѣ употребляется, и что̀ означаетъ. На сіе мнѣ скажутъ, что всѣхъ словъ техническихъ собрать теперь не только трудно, но и невозможно. Согласенъ я въ томъ; но что до того нужды, что не всѣ они помѣщены будутъ въ словарь: сего никакъ и требовать не можно, чтобъ при первомъ изданіи ни одно реченіе упущено не было. Оставимъ другимъ додѣлать то̀, что̀ мы сдѣлать не успѣемъ». —

Академическое собраніе постановило: Названія, употребляемыя въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, принять всѣ безъ исклю-

ченія, но «стараться ихъ изображать или принятыми уже русскими названіями, или дѣлаемыми вновь по правиламъ словопроизводства».

При новомъ пересмотрѣ, собраніе порѣшило: изъ словъ, употребляемыхъ учеными, художниками, ремесленниками и промышленниками, вносить только такія, которыя «или прямо русскія, или по россійскому корню составлены», и ясно выражаютъ вещи. Иначе пришлось бы внести множество иностранныхъ словъ, такъ какъ техническія слова большею частью иностраннаго происхожденія.

4.

— «Пунктомъ 4-мъ исключаются всѣ *тѣ иностранныя слова, кои не вошли еще въ такое употребленіе, чтобъ объясненіе ихъ въ россійскомъ словарѣ необходимо было нужно.*

Иностранныя слова, кои хотя и въ употребленіи, но введены безъ нужды, понеже имѣются того же смысла свои слова, надлежитъ выкинуть; тѣжъ, кои хотя и не въ употребленіи, но тождезначущихъ и равносильныхъ имъ словъ на русскомъ языкѣ нѣтъ, надлежитъ ввести. Если же найдется такое слово въ языкахъ, отъ славенскаго происходящихъ, каковы суть: польскій, чешскій и подобные имъ, или въ славенскомъ обветшалое и нынѣ неупотребительное, таковыя должно предпочесть иноязычнымъ». —

Академія постановила: Иностранныхъ словъ избѣгать елико возможно, замѣняя ихъ или старинными словами, хотя бы и обветшалыми, или соплеменными нашему языку славянскими, и т. д.

5.

— «Въ 5-мъ пунктѣ сказано: *Московское нарѣчіе предпочитать прочимъ, а провинціальныя и неизвѣстныя въ столицахъ слова и рѣченія не должны имѣть въ словарѣ мѣста.*

Нельзя сказать вообще, чтобъ нарѣчіе московское прочимъ предпочитать довлѣло, ибо въ числѣ рѣченій, московскими уроженцами употребляемыхъ, есть многія изуродованныя, неприго

жія и устранившіяся отъ чистаго языка и отъ правильнаго выговора. Напр. говорятъ москвичи вмѣсто: встрѣтился —*встрѣлся*, вмѣсто: зарево—*жарево;* вмѣсто произношенія обыкновеннаго: на рѣку̀, произглашаютъ: *нá рѣку*, и проч. Также и провинціальныя слова, неизвѣстныя или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря, понеже нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: *луда*, *тундра*, и проч. Другія прямо отъ славенскаго языка начало свое ведущія (каковыхъ въ новгородскомъ и малороссійскомъ нарѣчіяхъ множество есть), могутъ послужить къ объясненію производства другихъ словъ, въ общемъ употребленіи находящихся. А нѣкоторыя могутъ употребляемы быть въ сочиненіяхъ издѣвочнаго рода, а особливо, гдѣ надобно будетъ заставить поселянина говорить. У малоросіянъ есть многія собственныя слова и названія, кои во всякихъ судопроизводствахъ и сдѣлкахъ употребляются. У бѣлорусцовъ также есть собственныя названія и рѣченія, нигдѣ, кромѣ Бѣлоруссіи не употребляемыя, но необходимо нужныя къ свѣдѣнію для всѣхъ вообще, по причинѣ употребленія ихъ во всякихъ письмахъ. Всѣ таковыя рѣченія, хотя не повсемѣстно употребляемыя, но могущія для всѣхъ вообще быть нѣкогда потребны къ свѣдѣнію, должны въ словарѣ имѣть мѣсто. Подъ именемъ словаря разумѣется такая книга, въ которой не одни отборныя и употребительныя, но и всякородныя слова, т. е. добрыя и худыя, низкія и благородныя, употребительныя и неупотребительныя (кромѣ неблагопристойныхъ токмо) помѣщены быть имѣютъ право». —

Академія постановила: Держаться московскаго нарѣчія; но съ тѣмъ, чтобы нѣкоторыя неправильности его въ словахъ и выраженіяхъ исправить по выговору и произношенію св. писанія и другихъ славянскихъ книгъ. Областныя слова вносить всѣ безъ изъятія.

При пересмотрѣ, постановленіе о московскомъ нарѣчіи осталось въ своей силѣ, а въ отношеніи къ областнымъ словамъ сдѣлано такое измѣненіе. Вносить не всѣ областныя слова, а только

тѣ, которыя служатъ названіями для вещей, орудій, и т. д., въ столицахъ неизвѣстныхъ, а также и тѣ, которыя поведутъ къ обогащенію языка, или же изяществомъ своимъ превосходятъ слова, употребляемыя въ столицахъ для названія тѣхъ же предметовъ.

6.

— «6-мъ пунктомъ исключаются *всѣ длинныя пословицы и присловицы.*

Пословицъ, по мнѣнію моему, тѣхъ только вносить не должно, въ кои или неблагопристойныя рѣченія входятъ, или неблагопристойную вещь означаютъ, также тѣхъ, кои не имѣютъ устроенія въ слогѣ своемъ, для пословицъ потребнаго, или наконецъ такихъ, кои никакова смысла въ себѣ не содержатъ и безъ приличія къ вещи относятся,—не смотря на тò, длинны онѣ или коротки, ибо краткость достоинства не составляетъ». —

Академія рѣшила: Пословицы помѣщать только такія, смыслъ которыхъ можетъ быть объясненъ вполнѣ удовлетворительно — «коихъ знаменованію можно дать ясную и довольную причину».

7.

— «Глаголы ставить должно въ настоящемъ и изъявительномъ, какъ въ словаряхъ греческаго, латинскаго и другихъ первоначальныхъ языковъ обычай ведется, чтò и по свойству языка славенскаго весьма приличнѣе. Нужно, чтобъ и сложные глаголы ставить каждый въ принадлежащемъ ему мѣстѣ по алфавитному чину, указавъ, касательно этимологическаго его производства, на глаголъ простой, яко его корень; понеже нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ другой смыслъ имѣютъ, нежели тотъ, отъ коего ведутъ они свое начало. Напр. отъ глагола *живу* происходятъ: *заживаю*, *выживаю*, *наживаю*, *разживаюсь*, *уживаюсь*, *проживаюсь* и проч. А чтобъ всѣ таковые сложные глаголы, подведя подъ ихъ первообразный, не ставить уже въ принадлежащихъ имъ мѣстахъ, сіе произведетъ въ пріисканіи ихъ великое затрудненіе; также и по великому множеству въ россійскомъ языкѣ сложныхъ глаго-

ловъ, въ разсужденіи различнаго ихъ одинъ отъ другаго знаменованія, сдѣлается совокупленіемъ всѣхъ подъ одну статью крайнее замѣшательство въ соображеніи». —

Академія рѣшила: Такъ какъ славянскій языкъ много заимствуетъ, въ свойствѣ словъ, отъ греческаго, поэтому и нужно держаться греческаго образца, а въ греческихъ словаряхъ всѣ глаголы ставятся въ настоящемъ времени.

8.

— «Въ третей части, касательно синонимовъ присовокупить нужно, чтобъ, приписавъ къ каждому слову столько синонимовъ, сколько найти можно, и по совершеніи надъ словомъ всѣхъ грамматическихъ примѣчаній, привести для каждаго изъ тѣхъ синонимовъ примѣры, въ какомъ смыслѣ и обстоятельствахъ они употребляются, дабы посредствомъ тѣхъ примѣровъ чувствительнѣе сдѣлать тѣни различія, находящагося между ихъ. Едва ли *чело* и *лобъ*, *око* и *глазъ*, *щека* и *ланита* могутъ названы быть синонимами, по общепринятому смыслу сего слова; ибо они разныхъ языковъ суть слова, тожде и едино значущія и безъ всякія тѣни различія между собою, такъ какъ греческое *алфавитъ* и русское *азбука*, или латинское *литера* и русское *буква*, не могутъ названы быть синонимами, понеже то и другое одну вещь означаютъ, и тотъ же самый смыслъ содержатъ: *чело*, *око*, *ланита* суть слова славянскія; *лобъ* и *щека* русскія, а *глазъ* татарское или отъ татарскаго слова *гюзъ* происходящее. Таковыхъ тождесмысленныхъ словъ у насъ много, каковы суть: *перси* и *грудь*, *рамо* и *плечо*, *чрево* и *брюхо*, *хребетъ* и *спина*, *уста* и *ротъ*, *устнѣ* и *губы*, *песъ* и *собака*, *овенъ* и *баранъ*, *конь* и *лошадь*, *оратай* и *пахарь* и проч., изъ коихъ всѣ первыя суть славенскія, а послѣднія или русскія или татарскія. Извѣстно, что Славене и Русь были народы иноплеменные, и языки имѣли различные. По смѣшеніи между собою, языкъ первыхъ, яко обильнѣйшій, благороднѣйшій и красивѣйшій, превозмогъ языкъ послѣднихъ, и сдѣлался общимъ для обоихъ народовъ. Однакожъ осталося много словъ

русскихъ, каковы суть сказанныя, кои и донынѣ сохранилися въ употребленіи, уступая всегда преимущество славенскимъ. Синонимы же хотя имѣютъ между собою и великое сходство, а паче по первому на нихъ воззрѣнію, но обрѣтается межд ихъ различіе, больше или меньше чувствительное, при тщательномъ разсматриваніи знаменованія и употребленія ихъ, каковы суть: *дуракъ* и *глупецъ*, *бѣсъ* и *чертъ*, *проницательный* и *прозорливый*, *храбрый* и *мужественный*, *нахалъ* и *похабный*, *смѣлый* и *дерзновенный*, *гляжу* и *смотрю* и проч. Сказанныя же слова, яко *чело* и *лобъ* и проч., ни малѣйшаго и никакого различія въ знаменованіи своемъ не имѣютъ, а токмо употребляются въ разныхъ слогахъ: славенскія въ важномъ, высокомъ и красномъ, а русскія и татарскія въ простомъ, общежительномъ и также въ разговорахъ». —

Академія рѣшила: Удержать названіе *сословъ*, вмѣсто *синонимъ*, и къ каждому слову присоединить столько сослововъ, сколько ихъ найти можно, и т. д.

9.

— «Надлежитъ представить на разсужденіе:

1) Различать ли въ чинѣ алфавитномъ Э отъ Е, ибо у насъ мало словъ, начинающихся съ буквы Э, кои бы произносилися такъ, какъ должно, хотя во всѣхъ иностранныхъ, въ языкъ славено-россійскій присвоенныхъ словахъ, начинающихся съ буквы Е, каковы суть: *евангеліе*, *епистола*, *епитафія*, и проч., долженствуетъ сія буква произносима быть яко латинское Е, а не такъ, какъ русское *есть*. У славянъ, кажется, было различіе въ выговорѣ сихъ буквъ, и для того въ азбукѣ Е и Э поставлены каждая особливо, и названы различными именами; но послѣ произношеніе сіе потеряно. Въ русскомъ языкѣ чувствительна разность въ выговорѣ сихъ буквъ только въ словахъ: *этотъ*, *эта*, *эдакой*; *экой* и *эхъ*.

2) Въ словахъ и рѣченіяхъ, въ кои буква Г входитъ, должно ли въ объясненіе того слова сказать, какъ должно произглашать ту букву — мягко, какъ *глаголь*, или крѣпко, какъ латинское *g*, по-

неже, какъ извѣстно, во многихъ у насъ словахъ буква сія такъ точно произносится, хотя и не имѣетъ особаго характера въ писаніи.

3) букву Ѕ надобно ли поставить на ряду ея (ибо хотя она нынѣ и неупотребительна, но въ церковныхъ книгахъ осталася) и сказать, какія слова ею начиналися, и въ составъ коихъ она входила; также и какое между ею и буквою З было разнствіе въ произношеніи или правописаніи?

4) *і* должно ли также на ряду съ прочими буквами поставить и объяснить употребленіе ея?

5) Ѵ входитъ ли въ число буквъ, также и *щ* и *юсъ* и другія имъ подобныя, или безъ объясненія исключаются?

6) Понеже Ф и Ѳ необходимо долженствуютъ остаться въ ихъ чинѣ для различенія по правилу правописанія словъ греческихъ, издревле въ языкъ славенороссійскій присвоенныхъ, въ составъ коихъ буквы сіи входятъ; то прочія слова иностранныя, изъ другихъ языковъ принятыя, каковы суть: *фунтъ*, *фигура*, *фура* и проч., также и природныя русскія, каковы суть: *фря*, *филя, филинъ* и проч., подъ Ф или Ѳ ставить въ словарѣ?

Мое жъ мнѣніе такое, чтобъ всѣ буквы, сколько ихъ ни есть въ азбукѣ славенороссійской, употребляемыя нынѣ и неупотребляемыя, въ словарѣ каждую въ принадлежащемъ ей мѣстѣ поставить; понеже всѣ онѣ, кромѣ *юса*, въ церковныхъ книгахъ существуютъ; означивъ, кои изъ нихъ изъ гражданской печати выключены и для какихъ причинъ; и каждую, сдѣлавъ примѣчаніе о древнемъ ея знаменованіи, употребленіи, и о различіи ея отъ созвучныхъ ей.

7) Слова уменьшительныя и увеличительныя должно ли поставить въ словарѣ послѣ ихъ коренныхъ и съ объясненіемъ, которыя изъ нихъ привѣтственныя, которыя уничижительныя?

8) Новоизобрѣтенное слово *сословъ* не означаетъ того смысла и не имѣетъ такой силы, какъ греческое *синонимъ*, а потому и къ заступленію его мѣста не признавается быть способнымъ; тѣмъ паче, что будучи оно сходно со словомъ *сословіе*, напомина-

ніемъ симъ означаемаго, приводитъ мысль въ замѣшательство. А понеже слово сіе во всѣ европейскіе языки принято, для чего-жъ бы не принять его въ россійскій, тѣмъ паче, что оно есть изъ числа такихъ, кои въ общенародномъ употребленіи никогда не были и не будутъ. Въ грамматикѣ славенороссійской много есть греческихъ словъ, яко: *просодія*, *оксія*, *исо*, *варіа* и проч., коихъ знаменованія всѣмъ учащимся русской грамотѣ извѣстны; равнымъ образомъ и слово *синонимъ* тѣмъ, кои будутъ русскую грамматику или словарь читать, будетъ также извѣстно, да и знаменованіе его тверже въ память ихъ вкоренится, нежели новоизобрѣтенное слово *сословъ*, понеже, какъ сказано, мысль ихъ къ другому знаменованію отвлекаться не будетъ».—

Что касается буквъ, академія рѣшила оставить все попрежнему.

10.

— «Наименованъ словарь сей *толковымъ*, а въ начертаніи не вижу я намѣренія, чтобъ сдѣлать его таковымъ; и такъ или отмѣнить слѣдуетъ названіе, или распространить намѣреніе по точному его смыслу. Подъ именемъ толковаго словаря разумѣется такая книга, въ которой находится не только о всѣхъ словахъ, именахъ и рѣченіяхъ, но и о всѣхъ вещахъ, тѣми рѣченіями означаемыхъ, достаточное истолкованіе, т. е. касательно словъ и рѣченій извѣщеніе о ихъ происхожденіи, знаменованіи, употребленіи и проч.; касательно вещей, тѣми рѣченіями означаемыхъ, описаніе о ихъ природѣ, свойствѣ, образѣ составленія ихъ, разнствія отъ другихъ тождеродныхъ и проч.

Предпріятое сіе расположеніе словаря не обѣщаетъ желаемыя пользы. Правда, что съ перваго воззрѣнія покажется вразумительнѣе и удобнѣе расположить слова по ихъ корнямъ, т. е. поставить всѣ производныя или сложныя слова послѣ первообразнаго; но употребленіе потомъ увѣритъ, что такое расположеніе весьма неудобно и затруднительно. Сказано въ начертаніи, что къ удобнѣйшему словъ пріисканію *надлежитъ непремѣнно пріоб-*

щить къ словарю аналогическую таблицу, т. е. списокъ всѣхъ находящихся въ словарѣ словъ и рѣченій по алфавиту, такъ какъ бы сказано было, чтобъ пріобщить къ словарю другой словарь; ибо *списокъ словъ* не иное что означаетъ, какъ словарь же, но короче перваго. Однакожъ сіе предварительное въ краткомъ словарѣ обрѣтеніе слова не много сдѣлаетъ пособія къ прiисканію его въ другомъ словарѣ, пространнѣйшемъ перваго; ибо нашедъ иногда указанную страницу, не прежде съищешь на ней слово, какъ по прочтеніи ея съ начала до конца. И такъ вмѣсто одного словаря сдѣлаемъ мы два, а пользы они меньше приносить будутъ, нежели одинъ, иначе расположенный. Словарь французской академіи также былъ съ первоначалія расположенъ; но, опытами дознавъ его неудобность, принуждены были вновь его передѣлывать, и расположить слова по алфавитному чину, каковъ онъ нынѣ есть, и признается отъ всѣхъ вообще лучшимъ словаремъ изъ извѣстныхъ въ семъ родѣ. Академія необыновенно признается въ своей ошибкѣ и, подъявъ многій трудъ, исправляетъ ее. Сожалѣтельно, что мы, принимаясь за такое точно дѣло, не путемъ исправленія, но путемъ заблужденія послѣдовать ей хотимъ.

Желательно весьма, чтобъ россійская академія благоволила распространить намѣреніе свое въ сочиненіи словаря, по точному смыслу названія его *толковымъ*. Веществъ къ тому готовыхъ много, только стоитъ, бравъ ихъ, отдѣлывать такъ, какъ требуетъ того названіе книги и предложенное пространство ея. Такая книга для всѣхъ россіянъ вообще, а паче ради невѣдущихъ кромѣ природнаго языка, была бы сокровищемъ всякихъ пріобрѣтеній и пользъ; и можно сказать, что оная была бы въ своемъ родѣ превосходнѣйшею всѣхъ изданныхъ донынѣ на чужестранныхъ языкахъ. Напр. въ короткихъ словахъ ко утвержденію мнѣнія моего скажу, французскій энциклопедическій словарь во всякомъ смыслѣ есть недостаточенъ и неисправенъ въ разсужденіи намѣренія, съ какимъ онъ дѣланъ. Понеже, если намѣреніе сочинителей его было такое, чтобъ всѣ науки, художества и ремесла такъ обстоятельно, точно и ясно описать, дабы

можно было изъ него всѣмъ имъ научиться, въ такомъ видѣ есть онъ весьма кратокъ. Если же цѣль ихъ была такая, чтобъ о всѣхъ веществахъ, находящихся въ немъ, дать только краткое понятіе, ясное умоначертаніе, въ такомъ смыслѣ сдѣланъ онъ крайне пространенъ; слѣдовательно въ томъ и другомъ недостаточенъ. Для составленія толковаго словаря, т. е. такого, который бы о всякой вещи подавать могъ краткое, но достаточное понятіе, довольно бъ, думаю, было десяти или двѣнадцати томовъ въ четверть.

Если жъ рѣшительно суждено сдѣлать словарь точно противу начертанія, то не угодно ли будетъ его назвать *этимологическимъ*, дабы названіе согласовало порядку расположенія и образу сочиненія его; а между тѣмъ въ продолженіи сея работы заготовлять припасы къ сочиненію толковаго словаря. Если господа члены согласятся раздѣлить на себя трудъ въ сочиненіи онаго по веществамъ, взявъ каждый тò, чтò онъ училъ или въ чемъ больше упражнялся; наприм. одинъ рѣченія богословскія, другой — минералогическія, третій — математическія и проч., то бы не въ продолжительномъ времени весь энциклопедическій словарь французскій на россійкій языкъ преобразить можно было. Ибо нѣтъ нужды переводить его изъ слова въ слово, а только выбрать нужное къ истолкованію каждой вещи, а въ случаѣ недостатка или неисправности его, почерпая изъ книгъ другихъ, или присовокупляя отъ себя не болѣе, какъ тò токмо, чтобъ о предлагаемомъ дать чтущему, какъ сказано уже, краткое, но удовлетворительное вразумленіе». —

Академія рѣшила, большинствомъ тридцати голосовъ противъ семнадцати, издать словарь *этимологическій* [364]).

Въ числѣ старинныхъ словъ, которыя представлены были для помѣщенія въ словарь, находилось и слово *молица*, и при немъ въ видѣ объясненія приведено слѣдующее мѣсто изъ царственнаго лѣтописца: «бысть гладъ великъ зѣло: ядяху людіе

листъ липовый, а инія *молицъ* истолкше и мѣшающе съ пельми и съ соломою». Но такъ какъ приведенный примѣръ не опредѣляетъ точнаго значенія слова, то положено просить объ истолкованіи этого слова Мусина-Пушкина и Болтина, какъ «мужей, въ древностяхъ россійскихъ упражняющихся» [365]).

Въ одномъ изъ академическихъ собраній читано было слѣдующее мнѣніе Болтина о происхожденіи слова *козакъ*:

— «Слово *козакъ* происходитъ отъ татарскаго языка, и значило вначалѣ *бродягу, бездомовнаго, служащаго другимъ изъ платы*. Въ семъ смыслѣ осталось оно донынѣ между крестьянами въ нѣкоторыхъ областяхъ. Послѣ привязали къ нему смыслъ *коннаго воина, легко вооруженнаго*, по образу первобытныхъ козаковъ, коихъ татарскіе баскаки набирали себѣ изъ бродягъ. Производить сіе слово отъ имени цѣлаго народа невмѣстно потому, что козаки, жившіе близъ Чернаго и Азовскаго моря, также по Дону и Донцу, гораздо были прежде, нежели татары извѣстны быть стали, и гораздо прежде, нежели названіе казаковъ къ воину легкоконному стало быть привязано. Мнѣніе сіе произошло отъ сходства именъ *косоги* и *козаки*, подобно тому, какъ *свевовъ* и *шведовъ, готовъ* и *гетовъ* за одинъ народъ почитаютъ, но и тѣ и другіе были народы разные, яко и *косоги* не суть прародители *козаковъ*. Что касается до произношенія сего слова, то донскіе и уральскіе козаки и русскіе мужики выговариваютъ его *казакъ*, а малороссіяне *козакъ*; но то и другое есть одно, ибо, какъ извѣстно, что сіи двѣ буквы *а* и *о* во многихъ словахъ одна вмѣсто другой у насъ употребляется. Раздѣлить же сіи слова на два смысла, и названіе *козаки* оставить *военнымъ*, а *казаки* — *батраку* или *наемнику*, весьма, по моему мнѣнію, неприлично. Впрочемъ въ словарѣ сказать будетъ довольно, что сіе слово двоякимъ образомъ произносится, и двоякій имѣетъ смыслъ: общій и употребительный есть относящійся къ *войску*, а частный, въ нѣкоторыхъ токмо областяхъ извѣстный, означаетъ *батрака*, заимствуя оный изъ первобытнаго смысла сего слова, отъ татаръ вошедшаго».

Академія рѣшила: послѣдовать въ этомъ словѣ мнѣнію Болтина. Въ академическомъ словарѣ читаемъ: «*Козакъ* — воинъ легкоконный, пикою вооруженный: *козакъ донской*, *гребенской*, *черноморскій*; наймитъ, батракъ, работникъ, изъ извѣстной платы въ годъ работающій: *нанять козака въ годы*»[366]).

Отвергая производство словъ: *воскресаю*, *воскресеніе* и проч. отъ слова *крестъ*, и производя ихъ отъ корня *кресъ*, Болтинъ прислалъ въ академію свои «опредѣленія на слово *кресъ*». Сообщая объ этомъ, Лепехинъ приводитъ три редакціи объясненія этого корня, не указывая точно, всѣ ли они присланы Болтинымъ. Вотъ подлинныя слова записки академическаго собранія: «Секретарь читалъ опредѣленія на слово *кресъ, сдѣланныя и сообщенныя* членомъ академіи Иваномъ Никитичемъ *Болтинымъ*, которое слово должно служить корнемъ словамъ: *воскресеніе*, *воскресаю* и проч. Разныя сему слову опредѣленія были слѣдующія:

— *Крéсъ*. Слово сіе въ отдаленной древности означало по славянски *жизнь*, *бытіе*, но въ послѣдующіе вѣки изъ употребленія вышло, и токмо слабые слѣды его остались въ простонародной поговоркѣ, которая въ нѣкоторыхъ областяхъ употребляется, говоря о человѣкѣ, вдавшемся безразсудно въ предпріятіе весьма трудное и опасное, или въ отношеніи къ имѣющему поведеніе дерзкое и запрометчивое: *ему на кресу не бывать*, сирѣчь, *не быть ему живому*, *не сносить ему своей головы*. А сія поговорка единственнымъ была поводомъ къ догадкѣ нашей о значеніи онаго слова и къ принятію его за корень послѣдующихъ словъ. — Или:

— *Кресъ*. Въ нѣкоторыхъ областяхъ есть простонародная поговорка, употребляемая говоря о человѣкѣ, вдавшемся безразсудно въ предпріятіе весьма трудное и опасное, или въ отношеніи къ имѣющему поведеніе дерзкое и запрометчивое: *ему на кресу не бывать*, сирѣчь, не сносить ему своей головы, не быть ему живому. И сія *поговорка открыла намъ слѣдъ*, впрочемъ *хотя* и *слабый*, къ заключенію, что слово *кресъ* въ отдаленной древности

означало *жизнь* или *бытіе*, и признать его за корень послѣдующихъ словъ. — Или:

— *Кресъ*. Слово, значившее въ глубокой древности на славянскомъ языкѣ: *явь, явленность, тò, чтò есть явно, открыто, зримо*, какъ заключить можно изъ слѣдующихъ двухъ доводовъ:

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи имѣется доднесь въ употребленіи поговорка, говоря о человѣкѣ, вдавшемся въ предпріятіе весьма трудное и опасное или въ отношеніи къ имѣющему поведеніе дерзкое и запрометчивое: *ему не бывать на кресу*, такъ какъ бы сказать: *не бывать ему на яву, въ явленности между нами*, сирѣчь, ему *погибнуть, пропасть, исчезнуть.*

Въ сербскомъ нарѣчіи есть глаголъ *изкреснути*, значащій *выйти какъ будто невзначай, и не зная откуда, наружу.*

И такъ, основываясь на сихъ двухъ, довольную вѣроятность имѣющихъ, доводахъ о древнемъ употребленіи и значеніи слова *кресъ*, заблагоразсуждено академіею принять его за корень послѣдующихъ словъ». —

Академическое собраніе приняло все тò, чтò было общаго во всѣхъ трехъ редакціяхъ. Оно постановило: не входя ни въ какія древнія объясненія, и не дѣлая никакихъ выводовъ, поставить просто такъ: *Кресъ*—слово обветшалое, вышедшее изъ употребленія, означавшее въ глубокой древности *жизнь, явь, явленность, тò, чтò есть явно, открыто, зримо. Ему на кресу не бывать*, то есть *ему не спасти жизни, ему на яву не бывать* [367]).

Во время споровъ, возникшихъ въ академіи по поводу слова *помню*, которое одни изъ академиковъ считали самостоятельнымъ, другіе же производили отъ слова *мню*, Болтинъ былъ на сторонѣ послѣднихъ. Онъ писалъ въ академію: «Прочитавъ два разныя мнѣнія о производствѣ словъ: *помню* и *мню*, изъ коихъ однимъ утверждается, что глаголы оные суть совершенно между собою разные, а вторымъ, что глаголъ *помню* произшелъ отъ *мню*, нашелъ, что послѣднее мнѣніе весьма перваго основательнѣе, дѣльнѣе и сильнѣе, и что на испровержепіе доводовъ, утверждающихъ разное происхожденіе оныхъ глаголовъ, могъ бы я при-

весть тьмы доказательствъ, если бы крайняя слабость, которою по долговременной болѣзни одержимъ, сдѣлать мнѣ то дозволила. Они же почти и ненужны, ибо во мнѣніи противномъ довольно сказано о томъ, и едва ли что̀ вопреки онаго доводамъ предложить можно. И такъ, мое мнѣніе есть такое, что глаголъ *помню*, безъ всякаго сумнѣнія, произшелъ отъ глагола *мню*, яко и *память* есть послѣдствіе *мысли*. Правда, что *непосредственно*, какъ пишетъ сочинитель перваго мнѣнія, отъ *мню* происходитъ *мнѣніе*, а не *память*; но не меньше, кажется, и то̀ правда, что отъ *мнѣнія* произошло *помнѣніе*, яко послѣдующее души дѣйствіе, а отъ него уже, по времени, *память*, что̀ есть одно и тожъ» [368]).

Приведенная замѣтка Болтина, въ которой онъ жалуется на болѣзнь и утрату силъ, была его лебединою пѣснью, его послѣднею бесѣдою съ академіею. Замолкли его умныя рѣчи въ академическихъ совѣщаніяхъ; онъ не былъ уже въ состояніи дѣлиться съ сочленами ни своими матеріалами, ни своими мнѣніями и замѣчаніями. Въ собраніи 9 октября 1792 года, княгиня Дашкова, въ качествѣ предсѣдателя академіи, объявила о кончинѣ «достойнѣйшаго академіи члена Ивана Никитича Болтина, коего обширныя познанія въ россійскомъ словѣ великимъ и отличнымъ были пособіемъ въ общемъ академіи трудѣ. Свѣдѣнія же его въ отечественныхъ нашихъ бытописаніяхъ, снисканныя многолѣтнимъ и безпрерывнымъ трудомъ, и изданныя имъ о семъ предметѣ сочиненія содѣлаютъ память его незабвенною даже у позднихъ потомковъ. Личныя же его душевныя качества, у тѣхъ, кои прямо его знали, не престанутъ возбуждать прискорбное воспоминаніе о преждевременной его кончинѣ» [369]).

Желая почтить память Болтина, какъ члена академіи и какъ знаменитаго русскаго писателя, академія постановила «украсить изображеніемъ его» залу академическихъ собраній. Вмѣстѣ съ портретомъ Болтина заказаны были портреты Лепехина, Княжнина и другихъ писателей, съ честью потрудившихся для русской литературы и науки [370]).

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

---

1) Въ библіотекѣ московскаго университета, рукописные протоколы конференціи университета. На корешкѣ напечатано: Confere Protoc 1768 jahr; написано: Т. 12. 1768. На ордерѣ выставлено число: маія 17 дня 1768 года.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. 1855. Часть I, стр. 297 — 301. Біографія Десницкаго составлена профессоромъ Баршевымъ.

Въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, Новикова, сказано: «Десницкій Семенъ, московскаго императорскаго университета магистръ свободныхъ наукъ, юриспруденціи докторъ, римскихъ и россійскихъ правъ публичный экстраординарный профессоръ, сочинилъ изрядное слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, которое напечатано въ Москвѣ 1768 года, и еще нѣсколько другихъ словъ, напечатанныхъ тамъже». (Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867 стр. 31 — 32).

2) Слово *о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи*, въ публичномъ собраніи императорскаго московскаго университета, бывшемъ для всерадостнаго дня возшествія на всероссійскій престолъ императрицы Екатерины Алексѣевны, говоренное онагожъ университета свободныхъ наукъ магистромъ, юриспруденціи докторомъ, римскихъ и россійскихъ правъ пу-

бличнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Семеномъ Десницкимъ, іюня 30 дня 1768 года. — стр. 9—10.

3) Наставникъ земледѣльческій или краткое аглинскаго хлѣбопашества показаніе въ пріуготовленіи земли подъ хлѣбъ, въ посѣвѣ...... со многими къ тому принадлежащими начертанными орудіями и поправленіями, каковыми вся сія книжка наполнена, и издана на англинскомъ языкѣ Томасомъ Боуденомъ, а переведена на россійскій языкъ, и притомъ изъ наилучшихъ аглинскихъ о земледѣліи писателей пріумножена и пополнена профессоромъ Семеномъ Десницкимъ. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у Н. Новикова, 1780 года. — Пространное посвященіе цесаревичу Павлу Петровичу. —

4) О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи. стр. 26, 16—17, 25. —

Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и о совершенствѣ, къ какому оное приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими,—говоренное въ торжественномъ императорскаго московскаго университета собраніи іюня 30 дня 1775 года юриспруденціи докторомъ и профессоромъ Семеномъ Десницкимъ, стр. 28 — 30.

5) Записки россійской академіи. Собранія: 21 октября 1783 года и 18 ноября 1783 года, ст. IX.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. Часть I, стр. 340—344.

6) Новиковъ въ своемъ словарѣ русскихъ писателей говоритъ: «Забелинъ Семенъ, императорскаго московскаго университета профессоръ и докторъ медицины, писалъ стихи и слова торжественныя, которыя и напечатаны въ Москвѣ въ разныхъ годахъ. (Матеріалы для исторіи русской литературы, стр. 37).

7) Біографія Зыбелина составлена профессоромъ Анке.

8) Сочиненія и переводы россійской академіи. Часть II, стр. 25.

9) Записки россійской академіи. Собраніе 1 іюня 1784 года.

Ст. 2: «Секретарь доносилъ академіи, что отъ *послѣдняго собранія, бывшаго 21 марта, по собраніе настоящее* предпріятые академіею труды продолжалися неослабно, и что втеченіе сего времени аналогической таблицы напечатано тринадцать листовъ».

10) Собственноручное письмо Зыбелина къ княгинѣ Дашковой, отъ 15 апрѣля 1784 года, изъ Москвы, сохранившееся въ бумагахъ россійской академіи.

11) Собственноручное письмо Зыбелина къ Лепехину, отъ 31 іюля 1784 года, сохранившееся также въ бумагахъ россійской академіи.

12) Слово о сложеніяхъ тѣла человѣческаго и о способахъ, какъ оныя предохранять отъ болѣзней, говоренное онагожъ университета медицины докторомъ, химіи и медицины практической профессоромъ публичнымъ ординарнымъ и вольнаго россійскаго собранія при ономъ же университетѣ членомъ Семеномъ Зыбелинымъ, іюня 30 дня, 1770 году, стр. 5—7, 31 — 35.

13) Архивъ Морскаго Министерства. Дѣла канцеляріи адмиралтействъ-коллегіи, 1793 года № 9.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

Подполковника Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса Главнаго надъ классами Инспектора и кавалера Василья Никитина. 1793 Октября 15.

Подполковникъ и кавалеръ Василій Никитинъ сынъ Никитинъ.

Отъ роду ему 57-й годъ.

Священническій сынъ; крѣпостныхъ людей за собою не имѣю. Изъ россіянъ; греческаго исповѣданія.

Въ службу вступилъ въ 1748 году.

Въ московскую славено-греко-латинскую академію поступилъ въ студенты въ 1748 году.

Въ учителя — въ 1761 году.

Въ магистраты оксфордскаго университета — въ 1771 — 1775 г.

Въ главные инспекторы и въ премiеръ-маiоры—въ 1783 г.

Пожалованъ орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владимiра 4 степени—въ 1785 г.

Въ подполковники—въ 1791 г.

Въ настоящемъ чинѣ съ 1791 года.

При опредѣленiи въ московскую славено-греко-латинскую академiю въ 1748 г. обучался языкамъ латинскому, греческому и еврейскому; слушалъ философiю и богословiю.

1761 года по указу святѣйшаго правительствующаго синода опредѣленъ въ учители языковъ греческаго и еврейскаго.

Въ 1765 г. по именному Ея Императорскаго Величества указу посланъ былъ отъ святѣйшаго синода въ Англiю инспекторомъ надъ пятью отправленными туда студентами. По прiѣздѣ въ Лондонъ посланъ былъ съ оными въ оксфордскiй университетъ, гдѣ я обучался языкамъ аглицкому и отчасти французскому и италiанскому, математикѣ, экспериментальной философiи, астрономiи, исторiи, юриспруденцiи; слушалъ богословiю, химiю.

1771 г. оксфордскимъ университетомъ удостоенъ почетнаго магистерскаго градуса.

1775 г. при отъѣздѣ моемъ изъ Англiи получилъ отъ тогожъ университета отмѣнную и для иностранныхъ необыкновенную почесть — диплому на дѣйствительный магистерскiй градусъ, по которой дано мнѣ право пользоваться всѣми выгодами и преимуществами того ученаго общества.

Въ ономъ годѣ возвратился въ мое отечество; и по докладу его сiятельства графа Ивана Григорьевича Чернышева, Ея Императорское Величество благоволила уволить меня въ морской шляхетной кадетской корпусъ, въ которомъ находясь съ 1775 года, обучалъ гардемаринъ математикѣ и классныхъ учениковъ языкамъ россiйскому и латинскому.

1783 года пожалованъ въ главные надъ классами инспекторы и въ премiеръ-маiоры.

1785 года по представленію господина главнаго корпуса директора за особливое въ обученіи искуство и за новыя лучшія методы къ преподаванію математики, по которымъ обучавшіеся кадеты съ лучшими предъ прежнимъ знаніями во флотѣ въ мичманы вышли, и отъ государственной адмиралтейской коллегіи удовольствіе объявлено обучавшимъ тѣхъ кадетъ, пожалованъ я орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени.

1791 г. произведенъ въ подполковники, въ которомъ чинѣ теперь нахожусь въ морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ главнымъ надъ классами инспекторомъ. Въ бытность же моего инспекторскаго правленія вышло изъ корпуса въ офицеры во флотъ 889 человѣкъ.

Знаетъ слѣдующіе языки и науки: ариѳметику, математику, экспериментальную философію, астрономію, исторію, юриспруденцію, богословію, химію, языки: латинскій, греческій, еврейскій, аглинскій, и отчасти французскій, италіянскій.

Въ штрафахъ и наказаніяхъ, а также въ отпускахъ, не бывалъ.

Состоитъ въ комплектѣ.

Женатъ.

Подполковникъ и кавалеръ Василій Никитинъ.

14) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. Часть II, стр. 476 — 478. Статья о Суворовѣ написана профессоромъ Зерновымъ.

Архивъ морскаго министерства. Дѣла канцеляріи адмиралтействъ-коллегіи; 1796 года № 9.

СПИСОКЪ

Чинамъ первыхъ осми классовъ, находящимся у должностей при Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, съ изъясненіемъ всей ихъ службы.

Подполковникъ и кавалеръ Прохоръ Игнатьевъ сынъ Суво-

ровъ, инспекторъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ корпусѣ, и обучаетъ классъ математики.

Священническій сынъ; отъ роду 44 года. Деревень не имѣетъ.

Опредѣленъ въ тверскую семинарію въ 759-мъ г., въ сентябрѣ, и въ 765 годѣ, по высочайшему повелѣнію, посланъ отъ ствятѣйшаго синода студентомъ въ Англію для обученія въ оксфордскомъ университетѣ. Въ 775 годѣ въ іюнѣ сдѣланъ тамо дѣйствительнымъ магистромъ наукъ. По возвращеніи въ ономъ же годѣ въ Россію, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ обучать математическимъ и словеснымъ наукамъ, гдѣ и обучалъ онымъ кадетъ, подмастерьевъ и классныхъ учениковъ. Въ 783 годѣ ноября 1 числа переименованъ инспекторства помощникомъ, и получилъ чинъ преміеръ-маіора. Въ 785 годѣ въ сентябрѣ награжденъ орденомъ святаго Владиміра 4 степени. Въ 791 годѣ іюня 20 произведенъ въ подполковники, а въ 794 въ мартѣ переименованъ инспекторомъ.

Въ 775 годѣ въ іюнѣ отъ оксфордскаго университета удостоенъ магистерской дипломы со всѣми правами и преимуществами природныхъ англичанъ, яко почести и награды рѣдкой и необыкновенной для иностранныхъ. Главный морскаго кадетскаго корпуса директоръ и кавалеръ Голенищевъ-Кутузовъ доносилъ государственной адмиралтейской коллегіи въ 785 г. въ августѣ, при представленіи къ награжденію орденомъ, что оный Суворовъ имѣетъ великія знанія, и въ обученіи особливое искуство и дарованіе; представилъ новыя лучшія методы къ преподаванію ученія математики, по которымъ уже обучавшіеся кадеты въ выпуски 784 и 785 годовъ съ лучшими предъ прежними знаніями во флотъ въ мичманы вышли, какъ о томъ учрежденная коммисія для экзамена государственной адмиралтейской коллегіи представила; также онъ, Суворовъ, руководствомъ своимъ и ученіемъ, многихъ изъ молодыхъ при корпусѣ находящихся классныхъ учениковъ довелъ до довольнаго совершенства знанія математики; такъ что изъ нихъ многіе нынѣ учителями, и обучаютъ кадетъ съ великою пользою и успѣхами. Сверхъ же еще своей

инспекторской должности изъ особливаго усердія съ неусыпнымъ трудолюбіемъ обучаетъ особенный классъ. Въ 791 г. іюня 20, при представленіи въ подполковники, (сказано?), что оный Суворовъ по своей должности всегда прилагалъ неусыпные труды и попеченіе, не токмо въ обученіи кадетъ, но и въ пріуготовленіи учителей, коихъ, что до математическихъ и навигаціонныхъ наукъ касается, корпусъ ни откуда не заимствуетъ, и нѣкоторое число *словесныхъ наукъ* учительскія мѣста занимаютъ. Сверхъ того имъ нужныя книги нѣкоторыя сочинены, а другія переведены.—

Въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія (картонъ 109, дѣло № 1912) сохранился формулярный списокъ Суворова, представленный въ министерство вскорѣ послѣ смерти покойнаго. Въ этомъ спискѣ заключаются слѣдующія свѣдѣнія о Суворовѣ, которому показано 63 года.

— 1758 года сентября 1 опредѣленъ въ тверскую семинарію, гдѣ обучался латинскому и греческому языкамъ, и слушалъ философію.

1765 года ноября 7 *получилъ шпагу*, и ноября 10 тогожъ года, по именному указу, посланъ былъ въ Англію въ *оксфордскій университетъ*, гдѣ продолжалъ *греческій языкъ*, и обучался *еврейскому, англинскому, французскому, италіанскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ, экспериментальной философіи, астрономіи, исторіи, юриспруденціи, и слушалъ богословію.*

При отъѣздѣ изъ Англіи, въ 1775 году, удостоенъ отъ университета награды, диплома дѣйствительнаго наукъ магистра — почести, необыкновенной тамо для иностранныхъ и единственной, и въ силу оной имѣлъ право пользоваться не только всѣми выгодами того ученаго общества, но и всѣми преимуществами природнаго англичанина.

Въ томъже 1775 году октября 9, по именному указу, опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ математикомъ, въ которомъ обучалъ кадетъ, классныхъ учениковъ и подмастерьевъ *математикѣ*, и также классныхъ учениковъ — *латинскому языку, миѳологіи, древней географіи, англинскому языку и словесностямъ.*

1783 года ноября 1 пожалованъ въ премiеръ-маiоры (и получилъ должность?) инспекторскаго помощника въ томъ корпусѣ.

Ноября 17 тогожъ года сдѣланъ членомъ императорской россiйской академiи.

1785 года сентября 22 награжденъ орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владимiра четвертой степени.

1791 года iюня 20 произведенъ подполковникомъ.

1794 года марта 27 сдѣланъ инспекторомъ въ томъ корпусѣ.

1795 года марта 24 выпущенъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Во время обученiя его и руководства въ должности инспекторскаго помощника и инспектора выпущено во флотъ 974 мичмана и оставлено имъ 200 гардемаринъ.

Также *сочинилъ* онъ нужныя для корпуса *математическiя книги,* и отъ государственной адмиралтействъ-коллегiи имѣлъ объясненное ему ея удовольствiе.

Въ бытность его въ корпусѣ *переводилъ на русскiй языкъ для кабинета не только разныя бумаги, но и премногiя книги.*

1798 года октября 1 вступилъ паки въ службу въ черноморское штурманское училище профессоромъ, причемъ обучалъ англинскому языку, и изъ усердiя къ службѣ принялъ правленiе бывшей типографiи того училища, и отправлялъ всякую коректуру четыре года съ половиною, и напечаталъ для казны на 5943 рубли. Изъ тогоже усердiя, съ 1800 года отправлялъ должность смотрителя того училища. При напечатанiи перевода книги: «Опытное правленiе кораблей» объявлено ему отъ государя императора высокомонаршее благоволенiе.

Въ бытность его въ училищѣ поступило во флотъ изъ подъ его руководства 19 мичмановъ.

1800 года декабря 12 произведенъ статскимъ совѣтникомъ.

1803 года декабря 27 уволенъ въ отставку съ полнымъ за выше-сорокалѣтнюю службу пенсiономъ профессорскаго по окладу жалованья.

Въ прошломъ же 1810 году iюля 2 высочайшимъ именнымъ

указомъ принятъ паки въ службу въ императорскій московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ высшей математики. —

Кураторъ московскаго университета и попечитель московскаго учебнаго округа П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, сынъ И. Л. Голенищева-Кутузова, предложившаго Суворова въ члены россійской академіи, былъ весьма высокаго мнѣнія о познаніяхъ и талантѣ Суворова. Въ письмахъ своихъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ говоритъ о Суворовѣ: «онъ — человѣкъ рѣдкій, и у насъ въ университетѣ ни изъ русскихъ, ни изъ иностранныхъ ему равнаго нѣтъ, какъ по учености, такъ и по моральному характеру»; занимая каѳедру чистой (а не прикладной) математики, Суворовъ «не имѣлъ довольно обширнаго поля, дабы развернуть дарованія великаго его генія» (Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова. 1880. Т. II, стр. 290, 371 — 372; письма изъ Москвы: 2 іюня 1810 года и 4 декабря 1811 года).

Ходатайствуя о назначеніи пенсіи вдовѣ Суворова, умершаго не на службѣ въ университетѣ, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ «желалъ отдать глубокимъ познаніямъ Суворова въ наукахъ должную справедливость и тѣмъ самымъ сохранить къ памяти его уваженіе: Суворовъ былъ извѣстенъ въ нашемъ отечествѣ многими полезными сочиненіями, приносящими ему честь, и можетъ поставленъ быть на ряду съ знаменитыми и ученѣйшими мужами».

15) Дѣла архива св. синода, 1765 года, № 250.

16) Дѣла архива морскаго кадетскаго корпуса: 1775 года, № 192;—1783 года, № 399;—1784 года, № 421;—1784 года, № 436.

17) Въ библіографическихъ трудахъ, и преимущественно, но не исключительно, въ Опытѣ россійской библіографіи Сопикова, встрѣчаются указанія на слѣдующія сочиненія и переводы частью Никитина и Суворова, частью — одного Суворова:

Евклидовы стихіи, въ пятнадцати книгахъ состоящія; пере-

ведены съ греческаго Прохоромъ Суворовымъ и Васильемъ Никитинымъ. С. Петербургъ. 1789.

Тригонометрія (плоская и сферическая), двѣ книги, сочин. Прохоромъ Суворовымъ и Васильемъ Никитинымъ. С. Петербургъ. 1787.

Журналъ математическаго содержанія, издававшійся въ Лондонѣ Суворовымъ и его товарищемъ (Никитинымъ). См. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. Ч. II, стр. 478.

Слово на торжество мира между россійскою имперіею и оттоманскою портою, говоренное Прохоромъ Суворовымъ. С. Петербургъ. 1794.

Слово на празднество коронованія императора Александра I, бывшее въ черноморскомъ штурманскомъ училищѣ, говоренное онаго училища профессоромъ Прохоромъ Суворовымъ. Николаевъ. 1802.

Разговоры англинскіе и россійскіе (новые), раздѣленные на сто тридцать уроковъ, для употребленія юношеству и всѣмъ, начинающимъ учиться сему языку, изданные Прохоромъ Суворовымъ. Николаевъ. 1803.

Рѣчь первая на Катилину, говоренная въ сенатѣ; перевелъ Прохоръ Суворовъ. Москва. 1807.

18) Евклидовыхъ стихій осьмь книгъ, а именно: первая, вторая, третія, четвертая, пятая, шестая, одиннадцатая и двѣнадцатая; къ симъ прилагаются книги тринадцатая и четырнадцатая. Переведены съ греческаго и поправлены. Изданіе второе. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, 1789 года, стр. 1, 3, 417—424.

Тригонометрій двѣ книги, содержащія плоскую и сферическую тригонометрію. Въ Санктпетербургѣ. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, 1787 года, стр. IV, XXIV, 1,115—120.

Позднѣйшій переводчикъ Эвклидовыхъ Началъ отзывается слѣдующимъ образомъ о переводѣ Никитина и Суворова: «Ни

одна можетъ быть книга не потерпѣла столько, какъ Начала (Эвклида), отъ издателей и переводчиковъ, которые повидимому старались наперерывъ одинъ передъ другимъ отступать отъ подлинника; перемѣнять самыя лучшія мѣста, которыя не могутъ быть иначе помѣщены и выражены; дополнять оныя предметами, нимало не относящимися къ Началамъ, и находить ошибки, дѣйствительно существующія только въ собственныхъ ихъ понятіяхъ. Дабы въ семъ увѣриться, довольно будетъ разсмотрѣть три перевода, кои мы уже имѣемъ: Сатарова—съ латинскаго, Курганова—съ французскаго, *Суворова и Никитина — съ греческаго.* Каждый изъ нихъ, а *особливо послѣдній можетъ назваться хорошею геометрическою книгою*; но ни одинъ не можно назвать Эвклидовыми Началами, ибо въ нихъ сдѣлано столько перемѣнъ, прибавленій и проч., что едва оставлена тѣнь подлинника». (Эвклидовыхъ началъ восемь книгъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Петрушевскаго, съ прибавленіями и примѣчаніями. С. Петербургъ. 1819. стр. VI—VII).

19) Слово на всерадостное торжество мира между россійскою имперіею и оттоманскою портою, сентября 2 дня, 1793 года, сказыванное въ морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ въ Кронштатѣ онагожъ корпуса инспекторскимъ помощникомъ П. Суворовымъ. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ, 1794 года. стр. 85, 88—90, 15—16, 52—55.

20) Записки россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года, ст. VIII.

21) Въ бумагахъ россійской академіи, письмо Никитина и Суворова, писанное рукою Суворова, изъ Кронштадта, 16 ноября 1783 года.

22) Записки россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. III, VIII и IX.

Письмо Никитина и Суворова къ академику Лепехину, изъ Кронштадта, 8 октября 1784 года. Оно сохранилось въ бума-

20*

гахъ россійской академіи, и писано рукою Суворова, какъ и всѣ коллективныя письма Никитина и Суворова.

23) Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса, съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за сто лѣтъ. Составилъ Ѳ. Веселаго. Санктпетербургъ 1852. стр. 165.

24) Записки россійской академіи. Собраніе 16 января 1809 г.

25) Библіографическія записки. 1859. Томъ II. № 8, стр. 243 — 244.

Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. 1845. Томъ II, стр. 42 — 43.

26) Дѣла архива академической канцеляріи. Картонъ № 35.

27) Протоколы конференціи академіи наукъ, 1774 года: 10 февраля, № 10, ст. 3; и 14 февраля, № 11, ст. 1.

Loxia oryzivora.

Parva est avicula et minima sui generis.

Rostrum ipsi est rectum, crassum, pallidum *, ad basin planum atque calvum. Nares, sitae ad latera basis rostri, rotundatae pennis semitectae. Corpus superius et maxima sui parte inferius vestitur pennis e cinereo fuscis; capitis vertex et gula atro tinguntur colore; tempora vero et pennae subcaudales albent, at pars abdominis inferior obscure rosea. Remiges (a) a cinereo magis ad fuscum vergunt, quam pennae dorsales. Rectrices N° 12, apicibus acuminato-obtusis, superne undique nigrae, subtus a basi ad medium e cinereo fuscae, a medio ad apicem vero magis ad colorem nigrum accedunt.

---

* Rostrum rubrum tribuit ipsi illustrissimus Linnaeus, sed in nostro specimine rubedo temporis injuria deleta est.

(a) De primoribus tantum remigibus loquor, secundarias vero, ut et reliquas alarum partes describere haud possum, ob aviculam farctam et alas firmiter per filla adnexas.

Icon Seeligm: I. 1. f. 81 et 83 ceteris iconibus praestat.

Habitat teste illust. Linnaeo in Asia et Aetiopia inter oryzam, unde et nomen sortita est.

Certhia caerulea.

Magnitudine certh: familia: parum superat, et ob pulcherrimum caeruleum colorem inter speciosissimas jure refertur aves. Tota vestitur pennis splendidis caeruleis ad cyaneum vergentitibus, exceptis remigibus, rectricibus, gula, linea ad oculos atque collo inferiori, omnino nigris. Rostrum, prouti conditis generis fert, est arcuatum, tenue, subtrigonum, nigrum. Nares adiaeent pennulis rigidis setaceis nigris, basin rostri tegentibus. Pedes et praecipue digiti pallide sunt flavi *. Ungues nigri.

---

* Pedes lutei omnino esse debent, sed hic color in nostro specimine per aevum evanuit.

Habitat in Surinamo t. c. L. icon Brissoniana 3 p. 626 I. 31. f. 4. optima, et etiam exacte a Seeligm. 1 I. f. 41 pingitur.

Buprestis gigantea.

Maxima est sui generis et pulchritudine splendentium colorum inter insecta primum fere locum tenet. Caput et thorax rubroaenea, maxima ex parte sunt glabra, vel ita punctulis minutissimis adspersa, ut vix atque vix quidem, nudis oculis observari patiantur. Antennae longitudine dimidium thoracis aequant et constant articulis 11, et margine interiori ab articulo quarto pectinatae. Elytra longitudinaliter sulcata, et singula exarantur sulcis 4, qui intercipiunt cavitates irregulares, circumdatas convexitatibus protuberantibus; extrema ipsorum angustantur, medium vero maximam habet latitudinem. Subtus omnes partes, prouti pectus, pedes atque abdomen, itidem splendido corruscant colore, qui sub conversione insecti modo ruber, modo aeneus apparet. Omnes hae partes consitae punctulis minutissimis, qualia in thorace, conspiciuntur.

Habitat. t. c. L. in America et Asia.

Sloan. jam. 2. p. 210 t. 236. f. 1. 2. Cantharis maxima, elytris cuprei coloris sulcatis.

Pleuronectes lingvatula.

Pisciculus hic ovato-oblongus ad figuram lingvae quodammodo accedit, hinc et nomen sibi accepit. Color totius pisciculi pallidus vel pellucide albus. Squamulae valde parvae leves atque molles, unde et maxima per totum corpus glabrities observatur. Oculi latus dextrum occupant et obliquum situm servant; irides fuscae ambiunt pupillam albam. Maxilla superior prominet, et longior gibbosiorque est inferiore. Latera, quorum alterum constituit marginem ventralem, alterum dorsalem, instruuntur pinnis, totum ipsorum decursum occupantibus; et quidem, pinna analis incipit ab ano, sub pinnis ventralibus, ad ipsa fere opercula branchiarum positis; et ad caudam extenditur, constatque radiis 45; pinna dorsalis a medio capite itidem ad caudam percurrit, radiis 67, versus caudam inclinatis; pinnae pectorales, parvulae, radiorum N° 9 subaequalium, ad angulum superiorem aperturae branchiarum sitae; pinnae ventrales ad thoracem positae, constant radiis 5 apice acutiusculae. Linea lateralis recta.

Habitat t. c. L. in M. Europaeo.

Artedi: gen. 17 syn. 31 pleuronetes oculis a dextra, ano ad latus sinistrum, dentibus acutis.

Gron. mus. 1. n. 41. idem.

1774 anno.
Februar:
die.

Timotheus Malgin.

28) Протоколъ конференціи 17 марта 1774 года, № 17, ст. 1.

Журналы учрежденной при императорской академіи наукъ комиссіи, 1774 года, 5 мая, № 217.

29) Литературные труды Малыгина:

1773.

Описаніе малороссійскаго табачнаго произрастѣнія. (Труды вольнаго экономическаго общества. Часть XXIV, стр. 144—170).

1775—1780.

Исторія о перемѣнахъ Неаполитанскаго королевства въ 1647 и 1648 годахъ; соч. дѣвицы *Лусанны*; перевелъ съ французскаго Тимоѳей Мальгинъ. Четыре части. Въ типографіи академіи наукъ.

1786.

Лѣствица умственнаго восхожденія къ Богу по степенямъ созданныхъ вещей, соч. *Беллармина*; перевелъ съ латинскаго Тимоѳей Мальгинъ. Санктпетербургъ. Въ императорской типографіи.

1789.

Зерцало россійскихъ государей, съ 862 по 1789 годъ, изображающее ихъ родословіе, союзы, потомство, время рожденія, царствованія, кончины, и вкратцѣ дѣянія съ достопамятными происшествіями. Сочинилъ изъ повѣствованій достовѣрныхъ россійскихъ писателей, въ удовольствіе любящихъ отечественную исторію, въ пользу же и ради удобнѣйшаго руководства къ познанію оной юношеству, Тимоѳей Мальгинъ, коллежскій ассесоръ. Въ С.-Петербургѣ. При императорской академіи наукъ, 1789 года.

Третье изданіе вышло подъ такимъ заглавіемъ:

Зерцало россійскихъ государей, изображающее, отъ Рождества Христова съ 862 по 1794 годъ, высокое ихъ родословіе, союзы, потомство, время жизни, царствованія и кончины, мѣсто погребенія, и вкратцѣ дѣянія съ достопамятными произшествіями.

По достовѣрнымъ россійскимъ бытописаніямъ, въ удовольствіе любителей отечественной исторіи, наипачеже въ пользу и удобнѣйшее руководство къ познанію оной юношеству, сочинилъ и третьимъ изданіемъ, вновь разсмотрѣннымъ, исправленнымъ и дополненнымъ, издалъ императорской россійской академіи членъ, коллежскій ассесоръ Тимоѳей Мальгинъ. Въ царственномъ градѣ святаго Петра, при императорской академіи наукъ, иждивеніемъ трудившагося. 1794 года.

Подъ такимъ точно заглавіемъ Зерцало Мальгина упоминается у Сопикова (Ш, стр. 157, № 4278); годъ перваго изданія показанъ 1787-й).

1792.

Чиновникъ россійскихъ государей съ разными въ Европѣ и Азіи христіанскими и махометанскими владѣтельными и прочими высокими лицами о взаимныхъ чрезъ грамоты отношеніяхъ издревле по 1672 годъ: какъ обоюдныя между собою титла употребляли, и знаки дружества, почтенія, преимущества и величія изъявляли. Выбралъ сокращенно изъ подлинной рукописной книги, сочиненной по повелѣнію великаго государя царя Алексѣя Михайловича, всей Россіи самодержца, въ 1672 году, и для любопытства любителей отечественной исторіи издалъ императорской россійской академіи членъ, коллежскій ассесоръ Тимоѳей Мальгинъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ.

1802.

Историческое доказательство о древности въ россійскомъ государствѣ монеты разнаго достоинства и медалей.

Въ 1810 году напечатано въ Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ россійскою академіею (Ч. IV, стр. 140 — 224), подъ заглавіемъ:

Опытъ историческаго изслѣдованія и доказательства о древности въ россійскомъ государствѣ монеты разнаго достоинства и медалей своихъ собственныхъ.

1803.

Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ россійскаго государства, и о качествѣ лицъ и дѣлъ въ оныхъ. Сочинилъ и издалъ императорской россійской академіи членъ, коллежскій ассесоръ Тимоѳей Мальгинъ. Печатано съ одобренія господина санктпетербургскаго гражданскаго губернатора. Въ Санктпетербургѣ. При императорской академіи наукъ. Иждивеніемъ трудившагося.

(Въ систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи, Шторха, 1810, стр. 121 и 283, это сочиненіе невѣрно приписано *Глѣбу* Мальгину, несмотря на тò, что въ самомъ заглавіи книги выставлено имя ея автора—*Тимоѳея* Мальгина.

У Сопикова (Ш, 186, № 4509) сочиненіе это отнесено къ 1800 году. Но оно же упоминается Сопиковымъ и въ другомъ мѣстѣ (ч. IV, стр. 87, № 7825), и отнесено къ 1803 году).

1808.

О состояніи въ Россіи древняго и новѣйшаго народнаго просвѣщенія.

(Читано въ торжественномъ собраніи россійской академіи 8 декабря 1808 года.

Напечатано въ Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ россійскою академіею, 1810, часть IV, стр. 225—286).

Записки россійской академіи. Собраніе 17 мая 1802 года, ст. Ш.

1811.

Историческое изображеніе трехъ главныхъ достопримѣчательнѣйшихъ свойствъ или добродѣтелей всероссійскаго императора Петра Великаго, соч. Тимоѳея Мальгина. С. Петербургъ. Въ типографіи академіи наукъ.

1812.

Рѣчь о необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками.

(Представлена въ россійскую академію 9 ноября 1812 года, но неодобрена къ произнесенію въ торжественномъ собраніи.

Издана подъ заглавіемъ: Разсужденіе о необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками, сочиненное императорской россійской академіи членомъ Тимоѳеемъ Мальгинымъ. Въ Санктпетербургѣ; печатано при императорской академіи наукъ, 1813 года).

1817.

О неоцѣненномъ дарѣ слова человѣческаго и о послѣдственной отъ онаго пользѣ постепеннаго усовершенія словесности для народнаго просвѣщенія и славы государей, любителей онаго.

(Читано въ обыкновенныхъ собраніяхъ россійской академіи 13 и 20 октября 1817 года.

Записки россійской академіи. Собранія: 13 октября 1817 года, № 35, ст. 1, и 20 октября 1817 года, № 36, ст. 1).

Изданныя по смерти автора:

1823.

Записки историческія, гражданскія и военныя о Россіи съ 1727 по 1744 годъ, съ дополненіемъ достаточнаго свѣдѣнія о войскѣ, о флотѣ, о торговлѣ и проч. сей обширной имперіи, писанныя на французскомъ языкѣ генераломъ *Манстеиномъ*, съ жизнію его, описанною г. Губеромъ въ Лейпцигѣ 1771 года. Съ подлинника переведены въ точности и съ нѣкоторыми примѣчаніями россійской академіи членомъ Тимоѳеемъ Мальгинымъ. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при императорской медико-хирургической академіи. Двѣ части.

(Одобрены цензурою къ напечатанію: первая часть — 14 февраля 1821 года (?); вторая часть — 14 февраля 1823 года).

1825.

Россійскій ратникъ или общая военная повѣсть о государственныхъ войнахъ, непріятельскихъ нашествіяхъ, уронахъ, бѣдствіяхъ, побѣдахъ и пріобрѣтеніяхъ, отъ древности до нашихъ временъ, по 1805 годъ. По достовѣрнымъ россійскимъ писаніямъ сочинилъ императорской россійской академіи членъ, коллежскій ассессоръ Тимоѳей Мальгинъ. Москва. Въ синодальной типографіи.

(Дозволеніе цензуры дано 7 февраля 1821 года).

---

30) Записки россійской академіи. Собраніе 5 іюля 1791 года, ст. II.

31) Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею. 1810. Часть IV, стр. 282 — 283.

32) О трудахъ Мальгина упоминается при изданіи каждой изъ четырехъ частей словаря россійской академіи, вышедшихъ со времени избранія Мальгина въ члены россійской академіи:

Часть III. 1792 года: Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ, со вступленія своего въ академію 5 іюля 1791 г. въ собраніяхъ академіи соучаствуя, и сообщая свои примѣчанія, вспомоществовалъ общему труду.

Часть IV. 1793 года: Соучаствуя во всѣхъ академіи собраніяхъ, особенно сообщилъ многія древнія слова съ ихъ объясненіями, также и въ судопроизводствахъ употребляемыя.

Часть V. 1794 года: Соучаствуя во всѣхъ собраніяхъ академіи, особенно сообщилъ старинныя слова съ ихъ объясненіями, также употребляемыя въ судопроизводствахъ.

Часть VI. 1794 года: Участвуя во всѣхъ собраніяхъ академіи, и сообщая свои замѣчанія, особенно пополнялъ общій трудъ словами старинными и въ судопроизводствахъ употребляемыми, съ ихъ объясненіями.

Записки россійской академіи. Собраніе 12 мая 1800 года, ст. II и III.

Записки россійской академіи. Собраніе 9 августа 1802 года, ст. 1. Въ приложенной къ протоколу этого собранія выпискѣ о трудахъ и упражненіяхъ членовъ россійской академіи съ 5 іюня 1801 года по 1 августа 1802 года сказано: Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ всегдашнимъ своимъ присутствіемъ въ собраніяхъ академіи и комитетѣ участвовалъ въ поправленіи общаго труда. Особенно же сообщилъ академіи приведенныя имъ въ буквенный порядокъ, поправленныя и пополненныя буквы *В* и *П*, и т. д.

33) Записки россійской академіи. Собранія: 22 августа 1814 года, № 28, ст. 2; — 24 сентября 1814 года, № 32, ст. 2; — 3 октября 1814 года, № 33, ст. 4.

34) Мальгинъ дѣлалъ выписки изъ посланія царя Ивана Васильевича въ Кириллобѣлозерскій монастырь, пользуясь печатнымъ изданіемъ посланія, помѣщеннаго въ четвертой части исторіи россійской іерархіи. (Записки россійской академіи. Собраніе 3 іюля 1815 года, № 25, ст. 2).

35) Записки россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1796 года, ст. VII.

36) Записки россійской академіи. Собраніе 17 іюля 1792 года, ст. II, 4-е.

37) Записки россійской академіи. Собраніе 15 іюля 1805 года, № 27, ст. 1. Приложеніе.

38) Записки россійской академіи. Собраніе 21 марта 1808 года, № 12, ст. 3. Приложеніе.

39) Записки россійской академіи. Собраніе 30 марта 1818 года, № 11, ст. 4. Приложеніе.

40) Записки россійской академіи. Собраніе 24 марта 1806 года, № 12, ст. 2. Приложеніе.

41) Записки россійской академіи (журналъ) 1809 года, л. 258. Вмѣстѣ съ Мальгинымъ рукопись разсматривали Гамалѣя и Соколовъ.

42) Записки россійской академіи. Собраніе 16 ноября 1807 года, № 45, ст. 2. Приложеніе.

43) Записки россійской академіи. Собраніе 28 ноября 1808 года, № 44, ст. 7. Приложеніе.

44) Записки россійской академіи. Собранія: 9 ноября 1812 года, № 42, ст. 1; — 7 декабря 1812 года, № 45, ст. 4; — 21 декабря 1812 года, № 47, ст. 3; — 28 декабря 1812 года, № 48, ст. 2; — 25 января 1813 года, № 4, ст. 4.

45) Записки россійской академіи, 1812 года. Приложенія.

46) Записки россійской академіи. Собраніе 4 января 1813 года, № 1, ст. 3.

47) Записки россійской академіи. Собраніе 25 января 1813 года, № 4, ст. 4. Приложеніе.

48) Рѣчь Мальгина, собственноручно писанная авторомъ, находится въ приложеніяхъ къ запискамъ засѣданій россійской академіи 1812 года.

Она издана въ 1813 году подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками, сочиненное императорской россійской академіи членомъ Тимоѳеемъ Мальгинымъ», и посвящена великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу.

49) Записки россійской академіи. Собраніе 6 сентября 1819 года, № 27, ст. 4.

50) Записки россійской академіи. Собраніе 23 августа 1819 года, № 26, ст. 3.

51) Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I. стр. 119, 120. Письма Евгенія къ графу Д. И. Хвостову, изъ Новгорода, 19 апрѣля и 6 мая 1805 года.

52) Статья Евгенія о Болтинѣ явилась впервые въ журналѣ: *Другъ просвѣщенія*, 1805 года, іюль, № VII, стр. 60—67. Впослѣдствіи Евгеній дополнилъ ее біографическими данными. Съ этими дополненіями она издана, въ 1845 году, Погодинымъ въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія

(Томъ II, стр. 49—54). Но въ печатномъ изданіи выпущены мѣста, зачеркнутыя въ рукописи, и относящіяся къ оцѣнкѣ трудовъ и полемическихъ пріемовъ Болтина. Въ полномъ видѣ своемъ статья о Болтинѣ находится въ рукописномъ словарѣ Евгенія, хранящемся въ императорской публичной библіотекѣ. Приводимъ статью эту по рукописи публичной библіотеки (Митрополита Евгенія словарь писателей. Аб—Кал. л. 61—65 об.):

— Болтинъ Иванъ Никитичъ, генералъ-маіоръ, членъ военной коллегіи и россійской академіи, родился около Казани, 1735 г., января 1; обучался въ домѣ родительскомъ и въ пансіонахъ. Потомъ вступилъ въ военную службу, и проходилъ оную до чиновъ штабъ-офицерскихъ въ конной гвардіи, а изъ оной съ 1776 года опредѣленъ директоромъ Васильковской таможни, бывшей близъ Кіева. Въ семъ званіи пробылъ онъ около четырехъ лѣтъ, и потомъ съ чиномъ подполковника вышедъ въ отставку, около двухъ лѣтъ употребилъ на путешествіе по разнымъ южнымъ россійскимъ провинціямъ. Въ 1781 г., марта 15, вступилъ онъ паки въ службу прокуроромъ при военной коллегіи съ чиномъ полковника. Въ 1783 г. іюля 28 пожалованъ бригадиромъ, а въ 1786 г. февраля 12, генералъ-маіоромъ и членомъ той же коллегіи; послѣ того былъ нѣсколько времени правителемъ канцеляріи у князя Потемкина, и наконецъ оставя и сію службу, жилъ въ отставкѣ. Между тѣмъ, съ 1784 г. принятъ былъ членомъ въ россійскую академію, въ которой много споспѣшествовалъ сочиненію россійскаго словаря. Скончался въ С.-Петербургѣ, 1792 г. октября 6, отъ каменной болѣзни.

Первое сочиненіе, которымъ онъ извѣстенъ сталъ въ россійской словесности, было: Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ, съ приложеніями нужныхъ свѣдѣній и совѣтовъ для имѣющихъ намѣреніе къ тѣмъ водамъ ѣхать для своего пользованія; напечат. въ Санктпетербургѣ 1782 г. Но случай, можно сказать, открылъ въ немъ потомъ глубокое знаніе наипаче въ исторіи отечественной и въ исторической критикѣ. Поводомъ къ тому была изданная Леклеркомъ, 1784 г. въ Парижѣ, на французскомъ

языкѣ, въ 5 томахъ, въ 4 долю листа, со многими портретами и картами, исторія естественная, нравственная, гражданская и политическая древнія и новѣйшія Россіи. Болтинъ, сперва читая оную безъ всякаго намѣренія издавать какое нибудь опроверженіе, дѣлалъ на нее для себя единственно критическія замѣчанія. Но нѣкоторые изъ знакомыхъ ему, а особливо покойный князь Потемкинъ, бывшій ему короткимъ пріятелемъ еще по гвардейской службѣ и съ тѣхъ поръ всегда покровительствовавшій его, увидѣвъ у него сіи опыты критики, ободрили его къ продолженію и докончанію оныхъ.

Многіе къ тому даже сообщили ему свои мысли и замѣчанія, и изъ всего того составились цѣлые два тома. Императрица Екатерина II повелѣла ихъ напечатать на свой счетъ, и въ 1788 г. они вышли на свѣтъ въ Санктпетербургѣ, въ двухъ книгахъ, въ 4 долю листа, подъ названіемъ: Примѣчанія на исторію древнія и новѣйшія Россіи г. Леклерка. Въ сихъ примѣчаніяхъ Болтинъ убѣдительно обличилъ французскаго сего историка въ неблагонамѣренныхъ лжахъ и клеветахъ на россіянъ, въ незнаніи нашей исторіи, а при томъ и самого русскаго языка, въ безразсудной дерзости утверждать то̀, чего онъ не видалъ и слышать не могъ, въ неразборчивости народныхъ мнѣній и сказаній, и проч., и проч. Много также въ сихъ книгахъ помѣщено и иностранной историческој учености, доказывающей, что сочинитель напитанъ былъ разнообразными и обширными свѣдѣніями. Слогъ его простъ, но ясенъ, и разсужденія въ хорошемъ логическомъ порядкѣ, хотя часто и удаляются въ отступленія. Примѣчанія сіи переведены и на французскій языкъ. Но иностранные журналисты не упустили замѣтить, что если Леклеркъ слѣпо и въ самыхъ даже ошибкахъ слѣдовалъ Левеку, то не меньше и Болтинъ безъ дальнаго разбора полагался на мнѣнія Татищева; что критика его часто унижается до простонародной брани и до срамныхъ сказокъ, недостойныхъ появляться въ учтивой литературѣ; что часто вмѣсто оправданія своихъ соотечественниковъ, онъ отмщаетъ Леклерку только ругательствами французовъ, италіанцевъ, испанцовъ, и

выписками изъ забытыхъ уже протестантскихъ бранныхъ сочиненій на католицкую церковь, и проч. Несмотря однакожъ на сіи погрѣшности, надобно признаться, что примѣчанія сіи полезны не только для читающихъ Леклеркову исторію, но и вообще для любителей нашего бытописанія. Правда, о древностяхъ нашихъ Болтинъ въ книгѣ сей ничего не сказалъ ни новаго, ни лишняго предъ Татищевымъ, исключая развѣ мнѣнія своего о Тмутаракани. Но онъ сблизилъ подъ одинъ взглядъ многія такія замѣчанія, которыя у Татищева разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, да и яснѣе оныя предложилъ; а въ новѣйшей исторіи многое объяснилъ изъ коллежскихъ архивъ и неизданныхъ еще на свѣтъ записокъ. Русскіе читатели, незнающіе латинскаго и французскаго языковъ, жалѣютъ только, что не могутъ разумѣть многихъ приводовъ, помѣщенныхъ безъ перевода на сихъ языкахъ въ его примѣчаніяхъ. Сверхъ того симъ примѣчаніямъ на Леклеркову исторію мы обязаны и еще тремя любопытными и полезными для нашей исторіи книгами г. Болтина, сочиненными въ спорѣ его съ княземъ Михайломъ Михайловичемъ Щербатовымъ, который по сходству Леклерковой исторіи съ своею, замѣтивъ многія отъ Болтина сдѣланныя Леклерку обличенія падающими и на себя, а притомъ нашедши въ трехъ мѣстахъ сихъ примѣчаній явную себѣ даже укоризну, издалъ 1789 года, въ Москвѣ, Письмо къ одному пріятелю въ оправданіе свое на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя своей исторіи отъ г. генералъ-маіора Болтина. Болтинъ съ своей стороны немедленно, того же 1789 года, издалъ въ Санктпетербургѣ на сію книжку возраженіе, подъ названіемъ: Отвѣтъ генералъ-маіора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи. Въ семъ отвѣтѣ, кромѣ возраженій, на концѣ присовокупилъ онъ 19 критическихъ примѣчаній уже прямо на Щербатову Россійскую Исторію, и обѣщался впредь показать въ оной ошибокъ гораздо болѣе. Въ самомъ дѣлѣ онъ съ того же времени, какъ видно на 20 стран. I тома его послѣднихъ Примѣчаній, началъ писать на нее подробныя Критическія примѣчанія, которыя уже по смерти его,

1793 и 1794 года, въ двухъ томахъ, въ 4 долю листа, изданы въ Санктпетербургѣ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Между тѣмъ князь Щербатовъ, хотя въ письмѣ своемъ 1789 года, на страницѣ 144, отказался напередъ отъ всякаго отвѣтствованія на новыя какія-либо возраженія со стороны Болтина, однакожъ чувствительно тронутъ будучи новыми его укоризнами въ отвѣтѣ, написалъ, подъ именемъ недавно въ отечество свое будто бы возвратившагося молодаго россіянина, цѣлую книгу въ 4 листа, подъ названіемъ: Примѣчанія на отвѣтъ г. генералъ-маіора Болтина на письмо князя Щербатова. Но книга сія издана уже 1792 года въ Москвѣ, послѣ смерти своего сочинителя, скончавшагося 1790 года декабря 12. Да и неизвѣстно, читалъ ли Болтинъ сіи примѣчанія его, потому что они очень незадолго и до его кончины вышли на свѣтъ. По крайней мѣрѣ онъ въ послѣднихъ своихъ примѣчаніяхъ на Щербатову исторію ничего объ нихъ не упоминаетъ. Что касается до сихъ примѣчаній Болтина, то въ оныхъ, такъ какъ и въ отвѣтѣ его князю Щербатову, находится весьма много любопытныхъ разысканій и объясненій на труднѣйшія мѣста древней нашей исторіи, хотя впрочемъ и нельзя не признаться, что онъ и князь Щербатовъ нерѣдко спорили о сущихъ вѣроятностяхъ, и потому только, что одинъ другому уступить не хотѣли. Неоспоримо однакожъ то, что князь Щербатовъ не могъ не уступить Болтину въ обширности свѣдѣній, въ разборчивости сказаній, въ разсужденіяхъ произшествій, въ критической догадливости, и притомъ и въ слогѣ; хотя и самъ Болтинъ, при всемъ своемъ рѣшительномъ тонѣ, видимомъ повсюду въ его разсужденіяхъ, впадалъ иногда въ явныя ошибки, какъ видно изъ примѣчаній князя Щербатова на отвѣтъ его. Нельзя также не замѣтить, что Болтинъ нерѣдко въ сихъ книгахъ, такъ какъ на Леклерка, критику свою простиралъ до ожесточенія и даже до личной брани князю Щербатову, хотя по надлежащему слѣдовало бы только критиковать одну его исторію.

Кромѣ сихъ спорныхъ критическихъ сочиненій, по препору-

ченію Императрицы Екатерины II, Болтинъ написалъ еще примѣчаніе на сочиненное самою Ею, историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Примѣчаніи сіи напечатаны вмѣстѣ съ сочиненіемъ онымъ 1792, въ листъ, и вторично въ 8 долю листа съ нѣмецкимъ переводомъ, тогоже 1792 года въ Санктпетербургѣ. Онъ также съ нѣкоторыми любителями нашей исторіи трудился надъ переводомъ и изъясненіемъ русской правды, изданной первымъ тисненіемъ въ 1792 году въ С. Петербургѣ. Екатерина II препоручила было ему сочинить историческое, географическое и статистическое описаніе россійской имперіи, для чего повелѣла она собрать по всѣмъ губерніямъ сколько возможно таковыхъ свѣдѣній, которыя ему и доставлены. Но онъ не успѣлъ докончить сего труда. По смерти Болтина, всѣ его бумаги и книги купила Императрица у наслѣдниковъ, и по разсмотрѣніи оныхъ подарила Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, которому покойный самъ признавалъ себя обязаннымъ въ сочиненіяхъ своихъ за сообщеніе многихъ лѣтописей и записокъ, какъ то видно въ первомъ томѣ его примѣчаній на россійскую исторію Щербатова, стран. 251 и слѣд. Всѣхъ бумагъ Болтина осталось до ста связокъ, и въ нихъ, кромѣ многихъ другихъ записокъ, оказались: 1) Переводъ французской энциклопедіи до буквы К., набѣло переписанной собственною его рукою; 2) Историческое и географическое описаніе намѣстничествъ, въ коемъ обстоятельно показаны: древнее и нынѣшнее состояніе народовъ и городовъ, мѣстоположеніе, границы, нравы, обычаи и суевѣрія, число жителей, ихъ промыслы, пошва земли, рѣки, озера, произрастенія. Государственные доходы, выгоды и недостатки. Сіе собраніе приготовлено было для сочиненія россійской исторіи, или для описанія Россіи; 3) Толковаго славенороссійскаго словаря буква А. Да и для продолженія сего великаго и труднаго сочиненія, приготовлены были у него матеріалы. 4) Выписки для уразумѣнія древнихъ лѣтописей, съ изъясненіемъ древнихъ словъ, изъ употребленія вышедшихъ и географическихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ нашихъ. Изъ сихъ выписокъ Графъ Алек-

сѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ выбралъ, и съ пополненіемъ изъ Татищева изъ записокъ касательно россійской исторіи, изъ древняго большаго чертежа и польскихъ древнихъ картъ и проч. привелъ въ азбучный порядокъ свое описаніе народовъ, городовъ и урочищъ, припечатанное къ его же книгѣ: Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго россійскаго Тмутараканскаго Княженія, издан. 1794 года въ Санктпетербургѣ. Изъ бумагъ также Болтина, издалъ онъ 1793 года въ Санктпетербургѣ, три части Татищева россійскаго историческаго, географическаго, политическаго и гражданскаго лексикона. Всѣ сіи, а также прочія рукописи сего критика донынѣ сохраняются у него (въ библіотекѣ графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина). —

Въ рукописныхъ матеріалахъ къ словарю Евгенія, хранящихся также въ публичной библіотекѣ, находится еще слѣдующая статья—замѣтка (Митрополита Евгенія матеріалы къ словарю писателей II):

«Болтинъ.

«1-е. Переводъ энциклопедіи до литеры К. Набѣло переписано его рукою.

2-е. Историческое и географическое описаніе намѣстничествъ, въ коемъ подробно показаны древнее и нынѣшнее состояніе народовъ и городовъ, мѣстоположеніе, границы, нравы, обычаи и суевѣрія, число жителей, ихъ промыслы, почва земли, рѣки, озера, произрастенія, государственные доходы, выгоды и недостатки.

3-е. Толковаго славеноросcійскаго словаря буква А кончена, и матеріалы для сего великаго и труднаго сочиненія приготовлены.

4-е. Выписки для разумѣнія древнихъ лѣтописей, которыя дополнены прибавленіемъ изъясненія древнихъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, и по алфавиту приведены въ порядокъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ подъ названіемъ: словарь историческій и географическій всѣмъ городамъ, народамъ, рѣкамъ и урочищамъ, кои воспоминаются въ лѣтописи преподобнаго Не-

стора. Онѣ умножены дополненіемъ изъ древняго русскаго большаго чертежа и польскихъ древнихъ картъ.

Трудовъ пера его, сверхъ извѣстныхъ и изданныхъ сочиненій, до 100 связокъ. Всѣ сочиненія его писаны просто, ясно и весьма гладко. Онъ имѣлъ обширныя познанія, особливо въ русской исторіи и географіи: доказываютъ то̀ критическія его сочиненія на исторію Леклерка и к. Щербатова. Здѣсь-то перо его подобно бритвѣ. Такія обширныя свѣдѣнія пріобрѣлъ онъ изъ собранія книгъ г. Мусина-Пушкина, о чемъ онъ самъ написалъ, въ первомъ томѣ примѣчаній своихъ на Щербатову исторію, сими словами: «Лѣтопись сію, какъ и многія другія рукописи, имѣю я отъ пріятеля моего г. церемонимейстера Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, который, будучи крайній древностей нашихъ любитель, великимъ трудомъ и иждивеніемъ, а больше по счастію — по пословицѣ: *на ловца и звѣрь бѣжитъ*, собралъ много книгъ весьма рѣдкихъ и достойныхъ уваженія отъ знающихъ въ такихъ вещахъ цѣну. Невозбранно я, по дружбѣ его ко мнѣ, оными пользуюсь; но не имѣлъ еще время не только всѣхъ ихъ прочесть, ниже пересмотрѣть. Изъ надписей ихъ и изъ почерка письма предварительно я увѣренъ, что прочетши ихъ, много можно открыть относительно до нашей исторіи, что̀ понынѣ остается или въ темнотѣ или въ совершенномъ безызвѣстіи. Но сіе требуетъ великихъ трудовъ».

Въ кончинѣ сего достопамятнаго человѣка случившейся много лишились мы въ разсужденіи русской исторіи. Полное собраніе его сочиненій можно видѣть въ библіотекѣ графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, которыя куплены мудрою Екатериною, и пожалованы г. гр. Му. П., яко охотнику и любителю отечественной исторіи».

Въ началѣ статьи, на поляхъ, рукою извѣстнаго библіографа В. Г. Анастасевича написано: «Всѣ его сочиненія, по увѣренію служащаго въ и. военно-топогр. депо статск. сов. Александра Михайловича Вильбрехта, нѣкогда его сослуживца въ геогр. де-

партаментѣ, хранятся въономъ же депо. В. Анастасевичъ. 28 мая 1821».

Александръ Михайловичъ Вильбрехтъ былъ начальникомъ втораго отдѣленія военно-топографическаго депо (Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ или общій штатъ россійской имперіи на лѣто отъ Рождества Христова 1821. Ч. I стр. 122).

Довольно подробная статья о Болтинѣ находится въ рукописномъ словарѣ члена россійской академіи, сенатора Александра Васильевича Казадаева (1777—1854). Особенно любопытно и ново то̀, что̀ говорится о знакомствѣ съ писателями и о воспитаніи Болтина. Къ сожалѣнію, ни въ архивѣ шляхетнаго корпуса, ни въ архивѣ академической канцеляріи и конференціи, не удалось до сихъ поръ отыскать данныхъ, подтверждающихъ свѣдѣнія, сообщаемыя Казадаевымъ.

Статья въ словарѣ Казадаева служитъ весьма цѣннымъ дополненіемъ къ статьѣ въ словарѣ митрополита Евгенія, которая очевидно была для нея, какъ и для всѣхъ другихъ, однимъ изъ главныхъ источниковъ.

Приносимъ искреннюю благодарность Платону Ивановичу Баранову, давшему намъ возможность пользоваться рукописнымъ словаремъ Казадаева.

Въ первомъ томѣ этого словаря помѣщена слѣдующая статья о Болтинѣ:

— *Болтинъ*, Иванъ Никитичъ, генералъ-маіоръ, военной коллегіи, россійской академіи и россійскаго собранія при московскомъ университетѣ членъ, кавалеръ ордена св. Владиміра 3-й степени. Изъ старинныхъ россійскихъ дворянъ, родился 1735; обучался въ домѣ родительскомъ и въ частныхъ пансіонахъ. Вступя въ службу л. г. въ конный полкъ, продолжалъ заниматься ученіемъ, постоянно слушалъ лекціи въ академической гимназіи

и сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. По любви къ отечественному слову коротко познакомился съ знаменитыми нашими писателями Ломоносовымъ и Сумароковымъ; искалъ бесѣды съ учеными; о древностяхъ россійскихъ разсуждалъ съ Миллеромъ и Тредіаковскимъ; прочелъ всѣ, на отечественномъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, лучшія творенія о географіи и исторіи, древней и новѣйшей. Проведя лѣта молодости своей среди наукъ и въ кругу ученыхъ, Болтинъ, по выпускѣ изъ гвардіи капитаномъ въ армію, прослужилъ нѣкоторое время въ военной службѣ; 1776 опредѣленъ директоромъ Василіевской таможни. Но занятія сего рода не могли согласоваться съ потребностію души его, искавшей пищи въ наукахъ. 1779 оставилъ онъ службу, съ награжденіемъ чина полковника. Съ сего времени совершенно предался любимому своему предмету—изысканію и изслѣдованію россійской исторіи. Два года употребилъ онъ на путешествіе по Россіи, особенно по южнымъ ея предѣламъ; посѣщалъ монастыри, хранилища многихъ историческихъ сокровищъ, рылся въ архивахъ, тщательно стараясь вездѣ дѣлать разысканія, относящіяся къ отечественной исторіи и географіи. Въ 1781 князь Потемкинъ, съ которымъ Болтинъ служилъ въ конной гвардіи, и который съ того времени не переставалъ любить его, предложилъ ему вступить въ службу, и онъ былъ опредѣленъ прокуроромъ военной коллегіи. 1783 произведенъ бригадиромъ; 1785 награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени; 1786 пожалованъ генералъ-маіоромъ и членомъ коллегіи. Онъ принималъ участіе въ составленіи статовъ для кадетскихъ корпусовъ; при семъ случаѣ императрица повелѣла не вводить никакихъ излишностей, которыя болѣе вредны, нежели полезны для юношества, приготовляемаго и образуемаго для военнаго ремесла.

Между тѣмъ случай неожиданно открылъ въ немъ обширныя познанія въ исторіи отечественной и исторической критикѣ, и вообще глубокія разнообразныя свѣдѣнія. Леклеркъ, находившійся нѣкоторое время врачемъ при кадетскомъ корпусѣ въ Петер-

бургѣ, возвратясь во Францію, издалъ въ Парижѣ, 1783, Histoire phisique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne. Нелѣпость сего сочиненія побудила Болтина написать на оное критическія замѣчанія. Съ умомъ просвѣщеннымъ, съ пламенною любовію къ истинѣ, съ здравою критикою, основанною на строжайшемъ безпристрастіи, Болтинъ уличилъ Леклерка въ незнаніи нашихъ и чужеземныхъ историческихъ источниковъ; ясными и убѣдительными доводами опровергнулъ то ложное мнѣніе, которое злорѣчивый французскій писатель старался посѣять о Россіи; обнаружилъ клевету и неправду его; выставилъ грубѣйшія ошибки, и показалъ свѣту во всей наготѣ невѣжество Леклерка. Замѣчанія сіи, прежде изданія въ свѣтъ, сдѣлались извѣстными; императрица сама изволила разсмотрѣть ихъ, одобрила, повелѣла перевести на французскій языкъ, и какъ подлинникъ, такъ и переводъ, напечатать въ пользу сочинителя на счетъ комнатныхъ своихъ суммъ.

Обличая французскаго историка, Болтинъ коснулся нѣкоторыхъ погрѣшностей, вкравшихся въ россійскую исторію князя Щербатова: отъ сего возникъ полемическій споръ между сими писателями. Оба горячились, не хотѣли одинъ другому уступить, и нерѣдко спорили о гипотезахъ. Однакожъ Болтинъ съ тѣмъ рѣзкимъ перомъ, которымъ обличалъ Леклерка, написалъ примѣчанія и на россійскаго историка, въ коихъ показалъ важнѣйшія погрѣшности его; объяснилъ сомнительныя мѣста; сдѣлалъ много любопытныхъ разысканій, и подтвердилъ непреложными доказательствами истинныя бытія.

Разбирая сихъ двухъ историковъ, Болтинъ, съ правдою на сердцѣ, глубокомысленно объяснилъ важнѣйшіе случаи нашей исторіи; остроумно и основательно изложилъ свои мысли о разныхъ предметахъ, о народахъ, населяющихъ имперію, о царствованіяхъ; сблизилъ подъ одинъ взглядъ и яснѣе предложилъ замѣчанія, разсѣянныя въ исторіи Татищева, и яркими красками изобразилъ всѣ ужасы, проистекавшіе отъ вліянія и могущества кровожаднаго Бирона. Сей правдолюбецъ, первый изъ русскихъ,

показалъ сильнымъ міра, что и на землѣ есть воздаяніе дѣяніямъ ихъ. Оба сіи важныя и поучительныя творенія — примѣчанія на Леклерка и Щербатова—плодъ ума глубокомысленнаго и напитаннаго ученостію, россіянина, чтившаго славу отечества своего, знатока россійской исторіи и лучшаго критика, какого токмо мы имѣли по этой части,—должны быть прочтены всѣми русскими, любящими отчизну свою и истину.

Болтинъ, по препорученію Екатерины Великой, написалъ примѣчанія на сочиненное ею историческое изображеніе изъ жизни Рюрика. Также по повелѣнію ея, приступилъ къ историческому, географическому и статистическому описанію россійской имперіи, для чего были доставлены ему свѣдѣнія отъ всѣхъ губерній; но онъ не успѣлъ кончить сего труда.

Болтинъ участвовалъ въ сочиненіи словаря россійской академіи, усердно вспомоществовалъ своими трудами и совѣтами, и сообщилъ слова, выписанныя имъ изъ славянскихъ книгъ, съ объясненіемъ оныхъ. Издалъ, 1790, Правду русскую, законоположеніе ...., съ преложеніемъ оной на нынѣшній языкъ и съ замѣчаніями.

Слогъ сего писателя чистъ, силенъ и ясенъ; разсужденія всегда въ наилучшемъ логическомъ порядкѣ.

Болтинъ скончался 1792..... Екатерина Великая купила у наслѣдниковъ Болтина всѣ рукописи, найденныя по смерти его, составлявшія до ста связокъ. Труды сего ученаго, изданные въ свѣтъ:

Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ, 1782.

Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія (Россіи) Леклерка, 2 части, 1788.

Отвѣтъ на письмо князя Щербатова, 1789.

Критическія примѣчанія на россійскую исторію князя Щербатова, 2 части, 1793—1794.

Примѣчанія на историческое представленіе изъ жизни Рюрика, 1793.

Описаніе городовъ и урочищъ, 1794.

Между оставшимися рукописями его оказалась:

Историческое и географическое описаніе намѣстничествъ.

Толковаго славенороссійскаго словаря буква А, и для продолженія сего великаго труда приготовлены были у него запасы.

Выписки для уразумѣнія древнихъ русскихъ лѣтописей, и

Переводъ французской большой энциклопедіи, до буквы К., набѣло переписанный собственною его рукою.

Отъ супружества своего съ . . . . имѣлъ дочь, выданную за генералъ-поручика П. А. Соймонова. —

Въ 1812 году изданы Ник. Ив. Гречемъ «Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семъ собраніи». Въ этомъ изданіи, въ отдѣлѣ «Повѣствованій и изображеній историческихъ» помѣщены (стр. 88—93) четыре отрывка изъ примѣчаній Болтина на книгу Леклерка: о монетахъ; о счисленіи времени; о законахъ; о прозвищахъ. Свѣдѣнія о Болтинѣ (стр. 423—426) заимствованы Гречемъ изъ словаря Евгенія.

Изданіе Греча послужило въ свою очередь источникомъ для статьи Вихмана о Болтинѣ, помѣщенной въ энциклопедіи Эрша и Грубера. Вихманъ (1786—1822), рижскій уроженецъ, бывшій нѣкоторое время учителемъ исторіи и статистики въ пажескомъ корпусѣ, а также секретаремъ и библіотекаремъ у государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова, занимался русскою исторіею, и издалъ, на нѣмецкомъ языкѣ, нѣсколько книгъ, относящихся къ этому предмету, и между прочимъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ, найденныхъ имъ въ иностранныхъ архивахъ. Довольно подробныя свѣдѣнія о Вихманѣ находятся въ статьѣ о немъ, написанной Булгаринымъ, и помѣщенной въ издававшемся Булгаринымъ Сѣверномъ архивѣ (1822. Часть

третія. Іюль, № 15, стр. 239—248). Вихманъ вмѣстѣ съ Буле доставлялъ статьи о Россіи для энциклопедіи Эрша и Грубера. Въ статьѣ Вихмана о Болтинѣ говорится между прочимъ слѣдующее: Schon frühzeitig zum militärstande bestimmt, erhielt er seine erste wissenschaftliche bildung im adeligen landkadettenkorps. Lebhaftigkeit des geistes, die ihn in seinen streitschriften oftmals zu unziehmlichen lästerungen wider seine gegner hinriss, und ein, vornehmlich in spätern jahren hervortretendes streben nach sogenannter universalität, unterstützt von einem richtigen urtheilsvermögen, guter sprachkenntniss und einem unermüdeten fleisse, charakterisiren diesen mann, den glücklicher weise mehr die eigne neigung zum geschichtsforscher machte, denn seine zeit, in welcher jeder gern sogleich als russischer historienschreiber aufgetreten wäre, weil gerade die monarchin das geschichtsstudium zu einer ihrer liebsten nebenbeschäftigungen gemacht hatte, etc. (Allgemeine encyclopädie der wissenschaften und künste herausg. von Ersch und Gruber. 1823. т. XI, стр. 364).

Изъ статьи Вихмана заимствована статья о Болтинѣ, помѣщенная въ Nouvelle biographie générale, publiée par mm. Firmin Didot frères (1855. т. VI, стр. 518—519).

Все, что̀ говорится о Болтинѣ въ Опытѣ краткой исторіи русской литературы Греча, вышедшей въ 1822 году (стр. 221—223), взято дословно изъ словаря писателей митрополита Евгенія.

Изъ того же источника заимствована статья о Болтинѣ въ рукописномъ словарѣ русскихъ писателей, который начали составлять, въ 1824 году, братья Полевые—Николай Алексѣевичъ и Ксенофонтъ Алексѣевичъ. Словарь этотъ, доведенный только до буквы *Е*, находится въ московскомъ публичномъ музеѣ. Въ началѣ рукописи замѣтка Полторацкаго: «Этотъ опытъ словаря русскихъ писателей составленъ и писанъ собственною рукою Н. А. Полеваго и брата его Ксенофонта Алексѣевича, въ 1824 году, въ Москвѣ, и оставленъ ими. Съ 1832 г. я началъ собирать матеріалы и свѣдѣнія для словаря русскихъ писателей. Полевые подарили мнѣ свою рукопись, къ несчастію неполную и

оставленную на буквѣ *Е*». Въ рукописи Полевыхъ находятся слѣдующія свѣдѣнія о нашемъ писателѣ:

«Болтинъ Иванъ Никитичъ, генералъ-маіоръ, членъ россійской академіи, родился 1735 г. въ С.-Петербургѣ, скончался октября 6 числа 1792 г. Онъ не приготовлялся быть писателемъ, но оказалъ важныя услуги русской исторіи объясненіемъ нѣкоторыхъ труднѣйшихъ мѣстъ ея.

Имѣя здравый умъ и зная хорошо Россію, древнюю и новую, онъ писалъ для себя, не намѣреваясь издавать въ свѣтъ, *критическія примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи, изданную въ 1787 году въ Парижѣ лѣкаремъ Леклеркомъ.* Друзья его, увидѣвъ сіи замѣчанія, ободрили его къ окончанію своего труда, и, по предстательству Потемкина, критическія истины Болтина были напечатаны на счетъ кабинета въ 1788 году въ С.-Петербургѣ въ двухъ томахъ. Въ семъ сочиненіи Болтинъ явно обличилъ Леклерка во множествѣ лжей и клеветъ о Россіи. Книга его была переведена на французскій языкъ, доставила ему всеобщее одобреніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и зажгла полемическую войну.

Въ разысканіяхъ своихъ о Россіи Болтинъ коснулся *Исторіи россійской князя Щербатова*, и также уличилъ его во многихъ неисправностяхъ. Щербатовъ, считавшійся въ свое время богомъ исторіи, и слышавшій до того одни похвалы, ужасно оскорбился, и написалъ въ отвѣтъ Болтину *Письмо къ пріятелю* и проч. Болтинъ не замедлилъ отвѣтомъ: онъ издалъ, въ С.-Петербургѣ, 1789 года, *Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова, сочинителя россійской исторіи*, и не видя сознанія своего противника, который опять отвѣчалъ ему *примѣчаніями*, Болтинъ рѣшился показать истинную цѣну Щербатова исторіи, разобравъ ее всю.

Въ 1793 году, въ С.-Петербургѣ, издалъ онъ *Критическія примѣчанія на два первые тома россійской исторіи кн. Щербатова*, 2 ч. Въ семъ же году вышло второе изданіе *Отвѣта* его *на письмо кн. Щербатова*, Спб.

Въ критикахъ Болтина на Леклерка и на исторію Щербатова много истинъ и такихъ, которыхъ до него никто не говорилъ. Недостатками въ его умныхъ разборахъ можно назвать излишнюю брань, вѣру въ несуществующую лѣтопись Іоакима, и самое тогдашнее младенчество разысканій въ сокровищахъ нашей исторіи, отчего онъ самъ впадалъ во многія заблужденія.

Кромѣ сихъ важныхъ сочиненій имъ написаны слѣдующія книги:

Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ. Спб. 1782.

Примѣчанія на историческое представленіе изъ жизни Рюрика, сочиненное императрицею Екатериною II, напечатанныя при второмъ изданіи онаго. Спб. 1787. Тоже при третьемъ изданіи, съ нѣмец. перевод. Спб. 1792.

Русская правда, изданная въ С.-Петербургѣ, 1792 г., обогащена *примѣчаніями Болтина*, участвовавшаго въ семъ трудѣ вмѣстѣ съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Послѣ смерти Болтина всѣ его бумаги и книги куплены императрицею у наслѣдниковъ покойнаго, и подарены другу его графу А. И. Мусину-Пушкину. Бумагъ его осталось до ста связокъ. Изъ нихъ замѣчательнѣйшія:

1) Переводъ *энциклопедіи*, до буквы *К*, набѣло переписанный собственною его рукою.

2) *Историческое и географическое описаніе намѣстничествъ.*

3) *Толковый славянороссійскій словарь*, изъ коего обработана одна буква *А*; для прочихъ же много матеріаловъ.

4) *Изъясненія многихъ древнихъ словъ*, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ, и географическихъ названій.

Изъ числа бумагъ Болтина графъ Пушкинъ выбралъ и издалъ, при своей книгѣ: «О мѣстоположеніи тмутараканскаго княженія» Спб. 1794), — *Описаніе городовъ и урочищъ*, дополнивъ оное изъ другихъ писателей.

Въ сихъ же бумагахъ нашелъ онъ россійск. историч., геогр., политич. и граж. лексиконъ Татищева, изданный имъ въ Спб. 1793 года».

Въ словарѣ достопамятныхъ людей русской земли, составл. Димтр. Бантышъ-Каменскимъ (1836. Ч. I, стр. 191 — 194), статья о Болтинѣ заимствована, какъ указалъ самъ авторъ словаря, изъ словаря русскихъ писателей митрополита Евгенія и изъ Опыта краткой исторіи русской литературы Греча.

Тоже должно сказать и о статьѣ о Болтинѣ Н. Г. Устрялова въ Энциклопедическомъ лексиконѣ (1836. Т. VI, стр. 266—267).

Перечень трудовъ Болтина и статей о немъ находится въ Справочномъ словарѣ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, составленномъ Григ. Геннади (Берлинъ. 1876. Т. I, стр. 103).

Заслуживаетъ вниманія статья о Болтинѣ, составленная Н. П. Барсуковымъ и помѣщенная имъ въ объяснительномъ указателѣ къ дневнику Храповицкаго. (Дневникъ А. В. Храповицкаго. По подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. Спб. 1874, стр. 450 — 454).

Характеристика Болтина, какъ русскаго историка и писателя, представлена С. М. Соловьевымъ въ статьѣ его о русскихъ историкахъ прошлаго столѣтія (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Книги второй половина первая. 1855. Отдѣленіе III. Писатели русской исторіи XVIII вѣка, стр. 63 — 73).

Въ Трудахъ кіевской духовной академіи (1862 г. Томъ II, стр. 31 — 78) помѣщена статья г. П. Знаменскаго: «Историческіе труды Щербатова и *Болтина* въ отношеніи къ русской церковной исторіи».

---

53) Иванъ Никитичъ Болтинъ родился въ *Псковской губерніи.* (Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, служащій дополненіемъ къ словарю писателей духовнаго чина, составленному митрополитомъ Евгеніемъ. Изданіе И. Снегирева. 1838. Т. I, стр. 125).

И. Н. Болтинъ родился *около Казани.* (Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. 1845. Т. I, стр. 49).

И. Н. Болтинъ родился *въ С.-Петербургѣ.* (Греча: Опытъ краткой исторіи русской литературы, стр. 221. — Устрялова статья о Болтинѣ въ энциклопедическомъ лексиконѣ. VI, 266).

И. Н. Болтинъ родился *въ Казани.* (Геннади: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ, стр. 103).

Въ Другѣ просвѣщенія сказано, что Болтинъ родился *около 1737 года.* Почти во всѣхъ другихъ источникахъ говорится, что Болтинъ родился 1 января 1735 года. Только въ статьѣ Вихмана (Ersch und Gruber. XI, 364) вмѣсто *января* встрѣчаемъ *іюнь*: «Boltin (Iwan Nikitisch), russischer general-maior und mitglied der akademie der redenden künste zu St. Petersburg, wurde daselbst im *juni* 1735 geboren». Ни въ одной изъ хранящихся въ архивѣ петербургской консисторіи, метрическихъ книгъ *двадцати пяти* церквей въ Петербургѣ (десять на адмиралтейской сторонѣ; пять—на петербургской; семь—на выборгской, и три—на васильевскомъ островѣ) нѣтъ имени *Болтина* въ числѣ родившихся въ Петербургѣ въ 1735 году.

54) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи.

Родословная Болтиныхъ (Герольд. Конторы кн. 413, л. 777):

Выѣхалъ изъ Большіе орды мурза имянемъ Кутлубага, и какъ онъ крестился въ православную христіанскую вѣру, и во крещеніи имя ему Георгій, прозвища Юрья; а выѣхалъ къ великому князю, а при которомъ великомъ князѣ выѣхалъ и въ которомъ году, и про то вѣдомо въ разрядѣ и въ посольскомъ приказѣ. А у Юрья сынъ Михайла, прозвища *Болта,* а у Михайла сынъ Матвѣй, а у Матвѣя дѣти: Иванъ да Семенъ да Иванъ меньшой; за Иваномъ большимъ кормленіе было сокольничей

путь; у Семена кормленіе было на Колмагорахъ половина Двины, за Иваномъ меньшимъ кормленіе было Пиль горы да Немнюга; у Ивана большова дѣти: Григорей да Михайла; а у Григорья кормленіе было Пильи жъ горы да Немнюга жъ; а у Семена Матвѣева сына сынъ Степанъ, а у Ивана меньшово сынъ Иванъ Хрущъ, а у Григорья Иванова сына дѣти: Андрей да Василей, Федоръ, Дмитрей да Никита. И въ лѣта 7004 году луцкіе помѣщики Никита Григорьевъ сынъ Болтинъ, да Яковъ Федоровъ сынъ, да Ахматъ Федоровъ сынъ Болтины, псковскіе помѣщики Иванъ Михайловъ сынъ Болтинъ, Будай Угримовъ сынъ Болтинъ, написаны у царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ полку, а смотрилъ полкъ по указу государеву разрядныхъ дворянъ окольничей и оружейничей Левъ Андреевъ Салтыковъ да дьякъ Иванъ Юрьевъ; а та книга въ разрядѣ въ Новогородцкомъ столѣ. А у Михаила Иванова сына сынъ Иванъ, а у Степана Семенова сына дѣти: Андрей, Володимеръ; а у Ивана Хруща дѣти: Михайла, Исай, прозвища Угримъ, да Василей; у Андрея Григорьева сына дѣти: Михайла, Дмитрей да Михайлажъ; у Василья Григорьева сына сынъ Афонасей, а у Офонасьи сынъ Яковъ. А кормленіе за нимъ было на Вяткѣ Орловъ городокъ съ выводною куницею и съ убруснымъ и со всякою корчьмою и съ таможенною пошлиною; а за отцемъ ево Афонасьемъ кормленіе было тотъ же городокъ съ тѣмъ жа со всѣмъ; а у Федора у Григорьева сына дѣти: Петръ, Яковъ да Ахматъ. А у Дмитрея Григорьева сына сынъ Михайла; у Никиты Григорьева сына сынъ Иванъ; у Ивана Михайлова сына Хрущева сынъ Иванъ; у Исая Иванова сына, прозвища Угрима, сынъ Будай. У Будая кормленіе было во Псковѣ ямское дьячество, да за нимъ же кормленіе было пожалованъ былъ городомъ Вельею и съ придаточными пригородки, съ Орловымъ и съ Володимерцомъ. И въ лѣто 7059 по указу государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росіи велѣно выбрать изо всѣхъ городовъ лутчихъ слугъ 1000 человѣкъ и испомѣстить около Москвы въ ближнихъ городахъ, и въ той тысечной книгѣ изо Пскова, изъ

Острова, написаны Будай Угримовъ сынъ Болтинъ, Иванъ Михайловъ сынъ Болтинъ, лучаня дворяне Федоръ да Дмитрей Григорьевы дѣти Болтина. У Михайла Андреева сына дѣти: Федоръ, Василей, Кузма, Иванъ да Иванъ же пятой; а у Дмитрея Андреева сына сынъ Иванъ; а у Петра Федорова сына сынъ Жданъ; у Якова Федорова сына сынъ Семенъ; у Михайла Дмитреева сына сынъ Захарей; у Ивана Никитина сына дѣти: Леонтей да Александръ. За Леонтьемъ и за Александромъ кормленіе было Авнега; и въ лѣта 7100 году Аѳонасей Васильевъ сынъ да Жданъ Петровъ сынъ Болтины были воеводами въ зимнемъ нѣмецкомъ походѣ въ Новогородѣ, а съ ними были показаны дворяне и дѣти боярскіе; а у *Федора Михайлова* сына дѣти Баимъ, Иванъ, *Иванисъ*, Самсонъ, Аверкей. И въ лѣта 7129 года Баимъ Болтинъ посыланъ на Терки съ ратными людьми воеводою; а во 141 году онъ жа Баимъ былъ противъ крымскихъ людей въ Симоновѣ монастырѣ воеводою съ ратными людьми; и въ томъ же во 141 году онъ жа Баимъ былъ полковымъ воеводою подъ Новымъ городомъ Сиверскимъ и Новгородъ Сиверской взялъ, а въ томъ городѣ взялъ воеводу пана Куницкаго и многихъ польскихъ и литовскихъ людей шляхты съ двѣсти человѣкъ; и тѣхъ языковъ прислалъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Росіи къ Москвѣ, и за ту службу государскимъ жалованьемъ пожалованъ онъ, Баимъ, — дано ему шуба соболья подъ золотомъ, да кубокъ, да придачами помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ. И во 142 году бояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарыщи былъ на посольствѣ за Вязьмою — съѣзжался съ польскими и литовскими послы, и въ ту пору онъ жа Баимъ былъ у стольниковъ и у стряпчихъ головою; и во 143 году въ Литву посыланъ посломъ бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ съ товарыщи, и въ то число онъ же Баимъ былъ написанъ изъ дворянъ первымъ человѣкомъ, и о томъ вѣдомо въ посольскомъ приказѣ. Й во 150 году пожалованъ онъ, Баимъ, въ ясельничіе, и былъ при державѣ великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Росіи въ близости; и во

155 году онъ же Баимъ посыланъ ясельничимъ и намѣсникомъ серпуховскимъ на посольство на съѣзжее мѣсто на Путивльскую межу съѣзжаться съ польскими камисары; и во 155 году онъ же Баимъ посыланъ въ Дацкую землю посломъ и былъ у Датцкого короля, а написанъ былъ посломъ ближнимъ человѣкомъ и намѣсникомъ серпуховскимъ; и во 160 году онъ же Баимъ былъ въ Тобольскѣ воеводою. А Аверкей Федоровъ сынъ Болтинъ во 152 году былъ на Саратовѣ воеводою, и татаръ побилъ, и за ту службу онъ Аверкей государскимъ жалованьемъ пожалованъ придачами помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ; да онъ же Аверкей посыланъ былъ въ Корсу воеводою; да онъ же Аверкей былъ въ Старомъ Быховѣ воеводою; да онъ же Аверкей былъ въ Сибири въ Томскомъ воеводою. А у Ивана Михайловна сына сынъ Иванъ; Иванъ былъ въ Ядринѣ воеводою; у Ивана Дмитріева сына сынъ Андрей, а у Ивана Михайлова сына сынъ Семенъ, и онъ Семенъ былъ на Черномъ Яру воеводою; а у Ждана Петрова сына сынъ Семенъ, а у Захарья Михайлова сына сынъ Петръ, у Петра сынъ Иванъ. А у *Иваниса Федорова* сына дѣти: Иванъ да *Борисъ*; у Ивана Петрова сына сынъ Иванъ; у Андрея Иванова сына сынъ Матвѣй; а у Семена Иванова сына дѣти: Федоръ, Яковъ, Иванъ, Богданъ; а у Григорья Семенова сына дѣти: Никита, Яковъ; а у Ивана Иванисова дѣти: Михайла, Иванъ; и у *Бориса Иванисова* сына дѣти: Степанъ, да Алексѣй, прозвища Баимъ, да *Никита*; а у Ивана Иванова сына дѣти: Аверкей да Лука; у Матвѣя Андреева сына сынъ Степанъ; у Федора Семенова сына сынъ Иванъ; у Якова Семенова сына сынъ Иванъ; у Ивана Семенова сына, прозвища Будая, дѣти: Дмитрей да Федоръ; у Ивана Федорова сына сынъ Василей; у Никиты Григорьева сына дѣти: Сила, Алексѣй, Петръ. У той поколѣнной росписи назади пишетъ тако: Лука Болтинъ вмѣсто дѣда своего Аверкія Федоровича Болтина поево велѣнью Лука Болтинъ, Степанъ Болтинъ и вмѣсто отца своего Бориса Иванисовича и вмѣсто братей своихъ Алексѣя и Микиты, Федоръ Болтинъ и

вмѣсто брата своего Дмитрія, потому что онъ грамотѣ не умѣетъ, руки приложили».

Въ записной книгѣ Московскаго стола за № 1, стр. 154, написано: «Тогожъ дни (т. е. 7135 года, февраля въ 16 день), по государеву указу, велѣно быти въ нижегородской чети во дьяцехъ *Баиму* Федорову сыну *Болтину*, и ко кресту *Баимъ* приведенъ февраля въ 17 день: имя ему молитвенное *Сидоръ*».

55) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Котошихина. Изданіе второе. 1859, стр. 20—21.

56) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи:

— Списки боярскіе, 1702 года, книга 46.

— Дѣла герольдмейстерской конторы, 1722 года, книга 24, л. 488; кн. 26, л. 202—202 об.

Списокъ съ духовной Бориса Иванисовича Болтина (производство Вотчинной коллегіи по гор. Арзамасу молодыхъ лѣтъ кн. 41, дѣло 6).

— 1713 года декабря въ 31 день Борисъ Иванисовъ сынъ Болтинъ пишетъ онъ сію духовную, и приказываетъ отцу своему духовному, да сыну своему Никитѣ Борисову сыну, да внуку своему Никитѣ Степанову сыну Болтинымъ, да дочери своей Авдотьѣ ево поминать; а кои за нимъ помѣстья отца его Иваниса Федорова сына родовая и выслуженые и купленые ево вотчины, что ему изъ помѣстья ево въ вотчины за службы ево, и тѣ помѣстья и вотчины, все что ни было за нимъ, справлены были за старостью ево за нимъ сыномъ ево большимъ Степаномъ Борисовымъ сыномъ, и сына жъ ево Степана не стало, а послѣ ево сынъ ево, а ево внукъ Никита остался дву недель, и за младенчествомъ ево жеребей не справилъ за него, а справилъ по прежнему за себя, и по справкѣ своей тѣ свои помѣстья и вотчины— все что ни есть, кои ни были за нимъ, и кои по справкѣ ево сынъ ево Никита на его помѣстныя четверти на свое имя вымѣнивалъ у протчихъ всякаго чина людей, помѣстныя жъ дачи и въ придачу за перехожія четверти давалъ ево деньги, такожъ изъ по-

мѣстей ево и вымѣнныхъ ево и пустопокидныхъ помянутыхъ земель въ разныхъ урочищахъ продано ему въ вотчину, а купилъ на ево жъ деньги; а тѣ свои всѣ вышеписанныя помянутыя дачи и родовую и выслуженыя и купленыя вотчины *раздѣлилъ* онъ *межъ* ими *сыномъ* и *внукомъ* своимъ по правдѣ и по ихъ полюбовному межъ себя договору: *сыну* его *Никитѣ Борисову* сыну изъ *Алаторскихъ* да изъ Нижегородской помѣстей и выслуженныя и купленныя вотчины въ селѣ *Ждановѣ*, въ селѣ Сунеевѣ, да село Боголюбовское, да въ *Нижегородской* деревнѣ Горяхъ со крестьяны и деревни Алтышевы и деревни Ждановы, а Армакаево тожъ и въ жеребью села Жданова жъ купленныя вотчинныя пустыя земли, и за рѣкою Пьяною на высокой гривѣ, и рѣка Пьяна, и на рѣкѣ и за рѣкою Пьяною, Мѣдяною и на рѣчкѣ Малой Мѣдянкѣ съ урочищи помѣстные, вымѣнные и купленые вотчинные жъ земли противъ тѣхъ всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ и крѣпостей съ усадьбы и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи; а *внуку* ево *Никитѣ Степанову* Арзамаскіе и Алаторскихъ же помѣстей и родовая и выслуженные и купленные вотчины въ селѣ Яновѣ, да въ селѣ Новокрещеновѣ, да въ деревнѣ Нечасовѣ, Чернуха тожъ, да за рѣчкою Пицею по конецъ поль села Новокрещенова Карцавская дача, да сѣнные покосы сто штидесятъ десятинъ; а въ Алаторскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Еделевѣ и которые возлѣ той же деревни Еделевы дача, возлѣ земли деревни Грибановы и возлѣ рѣчки Язы, на полянѣ Долгой, противъ тѣхъ всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ и крѣпостей со крестьяны и съ усадьбы и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи; а что сынъ ево *Степанъ Борисовъ* сынъ на ево деньги купилъ вотчину у тетки своей князь Володимеровской жены Волконскаго у вдовы княгини Анны въ Переславлѣ-Рязанскомъ деревню Осанову, и тое вотчину со крестьяны и со всѣми угодьи раздѣлить и владѣть сыну ево и и внуку вопче *по поламъ*; также московскими и городовымъ дворомъ быть за ними, сыномъ и внукомъ ево, вопче *пополамъ*

же. Та духовная писана въ Сергачской волости у крѣпостныхъ дѣлъ за ево Болтина и свидѣтелевыми руками. —

Дѣло о справкѣ за Дарьею Кроткаго имѣнія перваго мужа ея Никиты Болтина (*производства Вотчинной коллегіи* по гор. *Казани* молодыхъ лѣтъ кн. $\frac{6673}{30}$, д. 52:

— 1745 года 12 марта бьетъ челомъ маіора Ивана Егоровича Кроткаго жена его Дарья Алексѣева дочь: 1-е) въ прошлыхъ годѣхъ была я, именованная, въ замужествѣ за стольникомъ *Никитою Борисовымъ* сыномъ *Болтинымъ*; а за нимъ имѣлось недвижимаго имѣнія въ разныхъ городахъ, а именно: въ *Алаторскомъ* уѣздѣ на рѣкѣ Пьянѣ, село Жданово, да на рѣкѣ Сухой Мѣдянѣ село Боголюбовское — Болтинко тожъ, да въ *Пензенскомъ* уѣздѣ на рѣкѣ Хопрѣ деревня Ивановка, въ которую переведены крестьяня изъ оныхъ Алаторскихъ вотчинъ послѣ прежде бывшей генералитецкой переписи, также и изъ бѣговъ взятые, и поселены на купленной землѣ онаго перваго моего мужа, которая куплена на имя *сына его Михаила Никитина сына Болтина,* а означенный *сынъ* ево *умре еще до бытія моего въ замужествѣ за* означеннымъ *Болтинымъ*, и та земля по смерти сына его состояла во владѣніи за означеннымъ мужемъ моимъ; и тѣ крестьяне переведены на оную землю при жизни его; а сколько въ тѣхъ вотчинахъ по дачамъ земли, о томъ явствуетъ въ Государственной вотчинной коллегіи и по сдѣлочнымъ записямъ. 2-е) и въ прошломъ *738 году* оный *мужъ* мой *умре*; а послѣ ево остался со мною *сынъ*, *Иванъ Никитинъ* сынъ *Болтинъ*, а показанное недвижимое имѣніе за сыномъ моимъ не справлено, также и надлежащей указной части изъ того недвижимаго имѣнія мнѣ не дано. И дабы высочайшимъ вашего имп. вел. указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ государственной вотчинной коллегіи принять и изъ показаннаго недвижимаго послѣ прежняго моего мужа Никиты Болтина имѣнія дать мнѣ указную часть. Марта 12 дня 1745 года.

И противъ челобитья выписано:

Въ отказныхъ книгахъ отказу Алаторскаго подьячего Фомы

Никитина 189 года апрѣля 19 написано: отказано по грамотѣ изъ приказа Казанскаго дворца *Борису Иванисову сыну Болтину* промѣнное помѣстье Гаврила Колупаева Приклонскаго въ Алаторскомъ уѣздѣ въ жеребью деревни Ждановы 25 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; а Борисово промѣнное жъ помѣстье въ Алаторскомъ же уѣздѣ, на Сухой Мѣдянѣ подлѣ кузминскіе сакмы 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ отказано Гаврилу Колупаеву Приклонскому.

Въ отказныхъ книгахъ отказу Алаторскаго подьячаго Михаила Чуваксина 189 года 13 октября написано: отказано по грамотѣ изъ приказа Казанскаго Дворца стряпчему *Борису Иванисову* сыну *Болтину* порозжей лѣсъ, что подъ деревнею Еделевою подшелъ до рѣчки Веренейки, да за рѣчкою Пьяною на полянкѣ Шипиловкѣ, и около той полянки отъ устья рѣчки Сухой Айды внизъ до Мокрой рѣчки Айды, и мокрою Айдою до рѣчки Пьяны, Погари и Ломъ, а слывутъ тѣ Погари и Ломъ Высокая Грива; да сѣнные покосы отъ устья Сухой Мѣдяны по мѣрѣ къ деревнѣ Еделевѣ, тѣхъ росчистей и лѣсу отъ рѣчки Веренейки на 90 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, до урочищъ, отъ рѣчки Веренейки до рѣчки Ручни и вверхъ рѣчки Ручьи до врага, что тѣмъ врагомъ течетъ ключъ, и вверхъ тѣмъ врагомъ до вершины того жъ врага, и съ тѣхъ вершинъ на каменный врагъ, и съ каменнаго врага на вершинѣ врага Сумалей, и внизъ рѣчкою Сумалейкою до мочалища, а отъ мочалища до перваго почину рѣчки Веренейки, да за рѣчкою Пьяною около полянки Шипиловы отъ устья рѣчки Сухой Айды внизъ до Мокрой рѣчки Айды, и Мокрою Айдою до рѣки Пьяны, Погарѣ и Лому по Высокой Гривѣ на 15 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да межъ болотъ, по гривамъ и по рѣкѣ Пьянѣ, сѣнныхъ покосовъ на 500 копенъ, да отъ устья рѣчкм Сухой Мѣдяны вверхъ рѣчки Мокрой Мѣдяны пашенной земли на 70 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да сѣнныхъ покосовъ на 500 копенъ.

Въ записной грамотамъ книгѣ, которыя грамоты посылались изъ приказу казанскаго дворца въ Олатарь съ 197 года за за-

крѣпою по листамъ Осипа Кафтырева написано: л. 60-й, грамота изъ приказу казанскаго дворца, за приписью дьяка Артемона Афанасьева, по челобитью *Бориса Иванова* сына *Болтина* велѣно ево Борисову землю отмѣрять, сѣнные покосы въ Олаторскомъ уѣздѣ по обѣ стороны Сухой рѣки Мѣдяны, что ему дано изъ дикаго поля на 200 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и межи и грани учинить отъ рубежа Сукальской Мордвы до Краснаго острова; отпускъ грамотѣ во 192 году, марта въ 10 день; л. 522, грамота изъ приказу казанскаго дворца, за приписью дьяка Артемья Волкова, по челобитью стольника *Никиты Борисова* сына *Болтина* объ отдачѣ ему жильца Ивановскаго пустаго помѣстья Безобразова, что въ прошлыхъ годѣхъ дано было Никитѣ Рѣпьеву да князь Ивану Кормангозину-Мансурову въ Олаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану въ деревнѣ, что нынѣ село, Жданово пашни 25 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; отпускъ грамотѣ въ 207 году августа въ 23 день; и по той грамотѣ вышеписанная земля ему Никитѣ отдана вмѣсто оброку изо всякихъ податей по переписнымъ книгамъ 186 съ трехъ дворовъ и отказано въ помѣстье.

Грамота жъ изъ приказу казанскаго дворца за приписью дьяка Артемья жъ Волкова по челобитью *Никиты* жъ *Болтина* да Гаврила Осипова сына Казимерова объ отказѣ за него Никиту Гаврилова промѣннаго помѣстья въ Алаторскомѣ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану въ деревнѣ, что нынѣ село, Жданово пашни 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, со крестьяны; отпускъ грамотѣ въ 207 году генваря въ 25 день.

Грамота изъ приказу казанскаго дворца за приписью дьяка Макара Полянскаго, по челобитью *Никиты Болтина* да *тестя* его *Ивана Федорова* сына *Ворыпаева* объ отказѣ за него Никиту Иванова помѣстья, что онъ написалъ въ рядной записи за *дочерью* своею *Прасковьею* въ Алаторскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Рожновкѣ пашни 35 чети; отпустъ въ 207 году апрѣля въ 30 день.

Двѣ грамоты изъ приказу казанскаго дворца за приписью

дьяка Дмитрія Неупокоева, по челобитью стольника Никиты Борисова сына Болтина да новокрещена Емельяна князь Мансырева объ отказѣ за него Никиту Емельяновыхъ промѣнныхъ помѣстей въ Олаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану, что онъ Емельянъ до крещенія своего вымѣнилъ у помѣщиковъ деревни Овечья врага за рѣкою Большою Мѣдяною въ разныхъ дачахъ и урочищахъ у Алаторскихъ мурзъ пашни 199 чети съ четверикомъ, да у служилыхъ татаръ 270 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; отпускъ грамотамъ 1701 года марта въ 21 день.

За нимъ же *Никитою Борисовымъ* сыномъ *Болтинымъ* недвижимаго имѣнія, что ему въ 712 году іюля въ 1 день изъ Казани продано за 265 рублевъ порозжіе покидные помѣстные земли въ вотчину въ Олаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану князь Федора княжъ Федорова сына Мустафина въ деревнѣ Ждановѣ, Армакаево тожъ, брата его князь Ивановское помѣстье Мустафина, владѣлъ отецъ ихъ князь Федоръ княжъ Яковлевъ сынъ Мустафинъ и внучата ево сына ево князь Федоровы дѣти 120 чети, въ жеребью въ селѣ Ждановѣ Кузьмы Григорьева сына Коробова 25 чети, въ деревнѣ Алтышевѣ 120 чети, всего 265 чети, сѣнныхъ покосовъ 140 копенъ съ лѣсы и со всѣми угодьи, по рублю за четверть, итого за 265 рублевъ, которыя деньги взяты въ денежномъ столѣ и въ приходъ записаны; а дана ему Болтину въ Казани купчая, къ которой купчей ближній бояринъ Казанскій и Астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ да царства Казанскаго печать приложилъ; и по посланному изъ Казани на Алатарь къ коменданту князь Юрью Щербатову сентября мѣсяца тогожъ 712 года указу велѣно за нимъ Болтинымъ тое землю отказать и отказныя книги прислать въ Казань. А отказныхъ книгъ не явилось.

Итого по вышеписаннымъ дачамъ недвижимаго, а имянно: за *Борисомъ* Болтинымъ въ Алаторѣ 330 чети, да за *сыномъ* его за *Никитою* Болтинымъ въ Олаторѣ жъ 534 чети съ четверикомъ, всего за обоими 864 чети съ четверикомъ.

И буде ея имп. вел. пожалуетъ, укажетъ изъ вышеписаннаго

недвижимаго послѣ умершаго *Бориса* Болтина, которое надлежало справить за *сыномъ* его капитаномъ *Никитою* Болтинымъ, такожъ и изъ его Никитина недвижимаго, которое за нимъ явилось, дать указную часть Борисовой бывшей снохѣ, а Никитиной женѣ, нынѣшней челобитчицѣ Дарьѣ маіора Ивановой женѣ Кроткаго со 100 по 15 чети, итого имѣтца ей: изъ Борисова въ Алаторѣ 49 чети съ осминою, изъ Никитина въ Алаторѣ жъ 80 чети, итого 129 чети съ осминою; за тою указною частью имѣетъ быть въ остаткѣ 734 чети съ осминою.

1745 марта 29 въ государственной вотчинной коллегіи при неспорныхъ дѣлахъ, по слушаніи дѣла маіора Ивана Егорова сына Кроткаго жены его Дарьи Алексѣевой дочери, опредѣлено слѣдующее: 1) умершаго стряпчего *Бориса Иванова* сына *Болтина* недвижимое его Алаторское имѣніе, что за нимъ явилось по дачамъ и по уложенному 17 главы по 2 пункту и по указу 1731 года марта 17 дня надлежало справить за *сыномъ* его стольникомъ *Никитою* Болтинымъ; а по смерти его Никитиной изъ вышеписаннаго недвижимаго, тако жъ изъ ево Никитина собственнаго недвижимаго Алаторскаго жъ имѣнія, изъ жилаго и съ пустаго, что за нимъ явилось по дачамъ по означенному жъ 731 года указу, изо всего по роспискѣ со 100 по 15 четвертей указную часть дать Борисовой снохѣ, а сына его умершаго Никитиной женѣ Дарьи Алексѣевой дочери, которая нынѣ за другимъ мужемъ за маіоромъ Иваномъ Егоровымъ сыномъ Кротковымъ, буде спору и запрещенія неимѣется; 2) а оставшее за тою ея Дарьиною указною частію недвижимое Борисово и *сына* его *Никитино* имѣніе, по означенному жъ уложенному 17 главы 2 пункту и по указу 731 года, оставить до челобитья Борисова внука, а *Никитина и Дарьина сына Ивана Болтина*, буде послѣ помянутыхъ Бориса и Никиты Болтиныхъ другихъ сыновей и дочерей и сыновъ сыновнихъ женъ и внучатъ и внукъ родныхъ, кромѣ показаннаго Никитина сына, а Борисова внука *Ивана Болтина*, никого не осталось и спора и запрещенія не имѣется; 3) и объ отказѣ за нее Дарью маіора Иванову жену Кроткова

той ея указной части въ Алаторскую провинціальную, а для вѣдома въ Нижегородскую губернскую послать ея имп. вел. указы . . . . 5) а за то, что она, Дарья Никитина жена Болтина, не бивъ челомъ послѣ мужа изъ недвижимаго имѣнія объ указной части, вышла за другова мужа, за означеннаго маіора Ивана Кроткаго, взять сь указной ея части съ четвертей пошлины по указу и записать въ приходъ прежде посылки объ отказѣ указа. Пошлины со 129 четвертей съ осминою по 6 копѣекъ съ четверти, итого 7 р. 77 коп.; на расходъ 4 коп. взяты. —

Дѣло Болтиныхъ о закладномъ Алаторскомъ имѣніи (производства вотчинной коллегіи по гор. Казани молодыхъ лѣтъ кн. $\frac{6722}{79}$ д. 11):

— 1742 года марта 30 въ прошеніи лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капраловъ Ивана да Егора Максимовыхъ дѣтей Болтиныхъ писано: въ прошломъ 1736 году 3 марта заложилъ отцу ихъ капитанъ *Никита Борисовъ сынъ Болтинъ* недвижимое свое имѣніе въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану деревню Сташкино со крестьяны и со всѣми угодьи впредь до сроку 1-го іюня того 736 года въ 200 рубляхъ и далъ закладную. И оный Никита Болтинъ тѣхъ заемныхъ денегъ 200 руб. на срокъ отцу ихъ не заплатилъ, и того имѣнія у отца ихъ не выкупилъ; и оная закладная по срокѣ въ вотчинной коллегіи не явлена и не записана. И дабы указомъ повелѣно было по той закладной то недвижимое имѣніе со крестьяны, по смерти отца ихъ, за ними записать и для отказа куда надлежитъ послать указъ.

А изъ закладной выписано: въ 1736 году 3 марта капитанъ *Никита Борисовъ* сынъ Болтинъ занялъ у *родственники* своего у дворянина Максима Кирилова сына Болтина денегъ 200 руб. впредь до сроку іюня до 1 числа сего жъ 736 года; а въ тѣхъ деньгахъ до того срока заложилъ онъ Никита ему Максиму и женѣ его и дѣтямъ изъ недвижимаго своего имѣнія, а именно: въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану деревню свою Стюшкино съ крестьяны и со всѣми угодьи и съ сѣнными покосы.

А по справкѣ въ вотчинной коллегіи за капитаномъ Никитою Борисовымъ сыномъ Болтинымъ недвижимаго имѣнія въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану въ дер. Стюшкиной по азбукамъ и росписямъ по прописнымъ и непрописнымъ дѣламъ не явились.

1742 года мая 18 государственной вотчинной коллегіи при неспорныхъ дѣлахъ совѣтникъ г. Поляковъ, слушавъ дѣло лейбъгвардіи преобр. полка капраловъ Ивана и Егора Максимовыхъ дѣтей Болтиныхъ, опредѣлилъ: 1) въ Алаторскую провинціальную канцелярію послать указъ, велѣть *вдову Дарью Алексѣеву* дочь *Никитинскую жену* и *сына* ея *Ивана Болтиныхъ* допросить при свидѣтеляхъ по указу въ томъ: Алаторское недвижимое имѣніе вдова мужа своего, а Иванъ отца своего *Никиты* Болтина, которое онъ въ 736 году 3 марта до срока того жъ года іюня до 1 числа въ 200 рубляхъ заложа просрочилъ дворянину Максиму Кирилову сыну Болтину, по силѣ имяннаго 737 года 1 августа о закладныхъ указу, выкупать будутъ ли; и буде въ допросѣ скажутъ, что они то недвижимое выкупать будутъ, то вышеписанныя заемныя деньги 200 руб. и съ нихъ указныя пошлины съ надлежащими проценты принести имъ въ вотчинную коллегію на указный срокъ, въ чемъ ее, Дарью, и сына ея Ивана обязать сказкою съ подтвержденіемъ; а ежели они покажутъ, что того недвижимаго выкупать не будутъ, то ихъ по тому жъ допросить: оное Алаторское недвижимое имѣніе за Дарьинымъ мужемъ, и за Ивановымъ отцомъ Никитою Болтинымъ по какимъ дачамъ и крѣпостямъ состоитъ; ежели по дачамъ — то гдѣ дачи имѣются, буде же по крѣпостямъ — то съ тѣхъ крѣпостей взять у нихъ точныя копіи. —

О помѣстьяхъ, которыми владѣлъ *Иванъ Никитичъ Болтинъ*, и вообще о его матеріальныхъ средствахъ, свѣдѣнія находятся въ разнаго рода документахъ: закладныхъ, купчихъ, и т. п., сохранившихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

По юстицъ-конторѣ:

а) въ книгѣ 284, л. 8: Лѣта 1759 генваря въ 8 день лейбъ-гвардіи коннаго полка гефрейтъ-капралъ Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ, въ родѣ своемъ не послѣдній, занялъ онъ того жъ полка у поручика Ивана Григорьева сына Вахрамѣева денегъ 1,000 рублевъ безъ процентовъ, впредь до сроку, сего года іюля по 1-е число; а въ тѣхъ деньгахъ до того сроку заложилъ онъ Иванъ изъ недвижимаго своего имѣнія въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану въ селѣ Ждановѣ деревню Стяшкино, въ которой по нынѣшней ревизіи мужеска пола 100 душъ, четвертные пашни 100 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и съ принадлежащими къ той пустошами, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи; а крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со внучаты и съ ихъ крестьянскими животы, съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и въ землѣ посѣяннымъ, и со всякимъ скотомъ.

б) въ книгѣ 284, л. 335: Лѣта 1759 іюля въ 28 день лейбъ-гвардіи коннаго полка каптенармусъ изъ дворянъ Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ, въ родѣ своемъ не послѣдній, занялъ онъ оберъ-прокурора Афанасья Ивановича Львова у дочери его дѣвицы Прасковьи Афанасьевны денегъ серебреною рублевою монетою 3,000 рублевъ, а указные проценты заплатилъ онъ кромѣ оной суммы, впредь до срока будущаго 1760 года августа до 1 числа; а въ тѣхъ деньгахъ до того срока заложилъ онъ Иванъ ей Прасковьѣ недвижимое свое имѣніе въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану село Жданово, а въ немъ четвертныя пашни 600 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, съ усадьбы, съ лѣсы, съ сѣнными покосы, съ мельницы, съ рыбными ловли, съ пустошьми, починки, съ примѣрными землями и со всѣми угодьи, да написанныхъ по послѣдней ревизіи за нимъ Иваномъ и въ подушномъ окладѣ мужеска пола людей дворовыхъ и крестьянъ 324 души съ женами ихъ и съ дѣтьми и проч.

в) въ книгѣ за № 285, л. 2: Лѣта 1759 декабря во 2 день лейбъ-гвардіи коннаго полка каптенармусъ изъ дворянъ Иванъ

Никитинъ сынъ Болтинъ, въ родѣ своемъ не послѣдній, занялъ онъ Иванъ у генералъ - лейтенанта и кавалера Василья Ивановича Суворова денегъ рублевою монетою 1,000 руб. съ вычетомъ изъ оной суммы указныхъ процентовъ, впредь до сроку, будущаго 1760 года декабря до вышеписаннаго числа; а въ тѣхъ деньгахъ до того сроку заложилъ онъ Иванъ ему Василью недвижимое свое имѣніе въ Пензенскомъ уѣздѣ въ Усть-Хоперскомъ стану деревню Ивановку, Хоперъ тожъ, въ которой мужеска пола по нынѣшней ревизіи 152 души, а четвертныя пашни 200 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и проч.

г) въ книгѣ за № 287, л. 91: Лѣта 1761 февраля въ 21 день лейбъ-гвардіи коннаго полка каптенармусъ изъ дворянъ Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ, въ родѣ своемъ не послѣдній, занялъ онъ у коллежскаго ассесора Василья Никитина сына Грушевскаго денегъ серебреною рублевою монетою 1,600 рублевъ съ вычетомъ изъ оной суммы указныхъ процентовъ, впредь до сроку — будущаго 1762 года февраля до вышеписаннаго числа; а въ тѣхъ деньгахъ до того срока заложилъ онъ Иванъ ему Василью недвижимое свое имѣніе въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану въ селѣ Ждановѣ изъ состоящихъ въ томъ селѣ за нимъ Иваномъ дачъ пашенной и непашенной земли 200 четвертей съ лѣсы и съ сѣнными покосы, съ рыбными ловли и со всѣми угодьи, да на томъ недвижимомъ имѣніи написанныхъ по новой ревизіи крестьянъ 200 душъ съ женами ихъ и съ дѣтьми и со всѣми ихъ семействы, съ помѣщичьимъ дворомъ и крестьянскимъ строеніемъ, съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и въ землѣ посѣяннымъ, и со всякою скотиною.

д) въ книгѣ 287, л. 101: Лѣта 1761 марта въ 5 день лейбъ-гвардіи коннаго полка каптенармусъ изъ дворянъ Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ, въ родѣ своемъ не послѣдній, занялъ онъ Иванъ у генерала-лейтенанта и кавалера Василья Ивановича Суворова денегъ рублевою монетою 1,000 рублевъ, съ вычетомъ изъ оной суммы указныхъ процентовъ, впредь до сроку — будущаго

762 года марта до вышеписаннаго числа; а въ тѣхъ деньгахъ до того сроку заложилъ онъ Иванъ ему Василью недвижимое свое имѣніе въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану въ селѣ Болтинѣ, Боголюбское тожъ, изъ написанныхъ по послѣдней ревизіи 403 душъ 100 душъ, а четвертныя пашни 200 четвертей съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, съ помѣщиковымъ дворомъ и проч.

е) въ книгѣ 292, л. 158: Лѣта 1765 марта въ 23 день лейбъ-гвардіи коннаго полка аудиторъ Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ, въ родѣ своемъ не послѣдній, продалъ онъ Иванъ двумъ сестрамъ роднымъ: секундъ-маіора Алексѣя Федорова сына Дурасова женѣ его Аграфенѣ да поручика Александра Ильина сына Пашкова женѣ его Дарьѣ Ивановымъ дочерямъ и наслѣдникамъ ихъ недвижимое свое имѣніе съ людьми и со крестьяны, состоящее въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану, въ селѣ Ждановѣ, которое называется и Троицкое тожъ, что была прежде деревня, а въ нѣкоторыхъ дачахъ именовалась деревня Жданово, а Расакаево тожъ, да въ селѣ Болтинкѣ, Боголюбовское тожъ, и въ прочихъ принадлежащихъ и состоящихъ во владѣніи его Ивановомъ къ показаннымъ селамъ Жданову и Болтинкѣ деревняхъ и разныхъ урочищахъ и пустошахъ, что ему Ивану слѣдуетъ по *наслѣдству* послѣ покойныхъ родныхъ его: *дѣда*, *стряпчаго Бориса Иванисовича*, и *отца*, *стольника*, который потомъ былъ *капитаномъ*, *Никиты Борисовича* Болтиныхъ, за учиненнымъ выдѣломъ изъ того имѣнія послѣ онаго отца его подлежащей указной части женѣ его, а его *матери*, которая по смерти отца его имѣется въ замужствѣ за вторымъ мужемъ, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Егоровымъ сыномъ Кроткимъ, *Дарьѣ Алексѣевнѣ*, людей и крестьянъ по отказнымъ за нее, мать его, въ прошломъ 1754 году книгамъ, которые люди и крестьяне въ тѣхъ отказныхъ книгахъ писаны въ отказъ за нее, мать его, мужескъ и женскъ полъ поимянно; а пашенной земли съ усадьбами и съ угодьи по учиненнымъ послѣ тѣхъ отказныхъ книгъ между его и ею, матерью его, въ прошломъ же 1761 году полюбовно

сдѣлочнымъ и даннымъ ей отъ него, а отъ нея ему, записямъ, которую землю съ угодьи она, мать его, вмѣсто подлежащей ей на часть изъ вышереченнаго дѣда и отца его имѣнія земли во всѣхъ мѣстахъ, какъ вмѣсто отказанной за нее, такъ еще и невошедшей ей въ тотъ отказъ, взяла себѣ на часть по онымъ записямъ къ одному мѣсту въ селѣ Болтинкѣ, что за нее въ томъ селѣ отказано, да къ тому въ прибавокъ воономъ же селѣ Болтинкѣ 150 четвертей и въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Горяхъ, которой взятой ею, матерью его, на часть въ показанномъ селѣ Болтинкѣ землѣ съ усадьбами и съ угодьи, въ тѣхъ записяхъ и межи по урочищамъ описаны имянно; чѣмъ она, мать его, на ту ея указную часть, гдѣ бы ни слѣдовало ей изъ имѣнія дѣда и отца его получить, за все то удовольствована сполна; а за тѣмъ ею, матерью его, на часть ея взятьемъ изъ того недвижимаго дѣда и отца его имѣнія, что ему Ивану слѣдуетъ послѣ ихъ по наслѣдству, какъ въ вышеписанныхъ селѣхъ Ждановѣ и Болтинкѣ, такъ и въ прочихъ деревняхъ, пустошахъ и урочищахъ, во всѣхъ мѣстахъ пашенная земля съ усадьбами, съ лѣсы, съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, осталась за нимъ Иваномъ; да выключаетъ изъ сей продажи, что въ 7207 году отказано *отцу его Никитѣ Борисовичу* Болтину *тестя его Ивана Федоровича Ворыпаева,* что онъ написалъ въ рядной записи за дочерью своею, а *его отца за первою женою,* въ Алаторскомъ же уѣздѣ въ деревнѣ Рожневкѣ пашни и всякихъ угодій, что явится по дачамъ; которая земля имѣется нынѣ во владѣніи за другимъ помѣщикомъ, а не за нимъ Иваномъ; да выключаетъ же изъ сей продажи проданныхъ имъ Иваномъ изъ вышеписанныхъ селъ въ 1759 году бывшему лейбъ-компаніи гранодеру Григорью Иванову сыну Кулябкѣ двухъ крестьянскихъ дѣтей изъ села Жданова Алексѣя Федорова сына Быченкова, изъ Болтинки малолѣтняго Петра Тимофеева, которые за тою продажею въ поданныхъ къ нынѣшней ревизіи сказкахъ въ подушный окладъ за нимъ Иваномъ и не написаны; да за сею же продажею оставляетъ онъ Иванъ за собою изъ тѣхъ селъ нижеписанныхъ дворовыхъ людей, а имянно

изъ села Жданова (писаны поименно); итого оставляетъ онъ Иванъ за собою мужеска пола 11 душъ да женска 3 души; а за оною выключкою и за вышеписаннымъ выдѣломъ указной части матери его, все подлежащее ему Ивану по наслѣдству послѣ дѣда и отца его, такожъ что окажется и имъ присовокупленнаго въ показанныхъ селахъ Жudановѣ и Болтинкѣ и въ принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ, урочищахъ и пустошахъ недвижимое имѣніе съ людьми и со крестьяны *нынѣ продалъ* онъ Иванъ Болтинъ вышеозначеннымъ Аграфенѣ Дурасовой и Дарьѣ Пашковой и наслѣдникахъ ихъ что явится во всемъ Алаторскомъ уѣздѣ какъ въ оныхъ селахъ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ, за вышереченными дѣдомъ и отцомъ его подлежащаго ему по наслѣдству, такожъ и за нимъ Иваномъ, пашенной и непашенной земли съ усадьбами и съ пустошьми и съ примѣрными землями, съ лѣсы и съ сѣнными покосы (и проч.), въ томъ числѣ и дачу сѣнныхъ покосовъ, которые дѣду его Борису Иванисовичу Болтину даны и по грамотѣ изъ приказа казанскаго дворца въ 7204 году за него дѣда его отказаны въ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану изъ порозжихъ сѣнныхъ покосовъ по конецъ поль Алаторскихъ служилыхъ татаръ деревни Чинбилей по рѣчкѣ Малой Медянкѣ, что зовутъ тѣ покосы Мандуровка, на 3250 копенъ, такожъ и со въѣздомъ въ лѣсныя угодья для рубки дровъ и прочаго по вышереченнымъ учиненнымъ между имъ и матерью его 1761 года записямъ въ доставшуюся ей, матери его, на часть дачу въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Горяхъ; . . . . . . людей и крестьянъ имѣется нынѣ за нимъ Иваномъ въ вышеписанныхъ селахъ Ждановѣ и Болтинкѣ по вышеявленнымъ поданнымъ къ нынѣшней новой ревизіи сказкамъ и по дачѣ оныхъ сказокъ вновь съ родившимися на лицо мужеска пола 600 душъ . . . . . .; а вышеписанное *село Болтинка-Богоявленское тожъ поселено на данной* покойному *дѣду его* Борису Иванисовичу Болтину въ ономъ Алаторскомъ уѣздѣ въ Пьянскомъ стану *изъ дикаго поля порозжей землѣ*, которая ему дана и по грамотамъ изъ приказу казанскаго дворца въ 7184 г. отказана, а въ 7193 г. отмежевана въ урочи-

щахъ отъ рубежа Чукалской Мордвы правая сторона до рѣчки Медяны, что сидятъ татаровя мочелевскіе, да вверхъ по рѣчкѣ Сухой Медянѣ до Краснова Острова по обѣ стороны, которая дача значится въ вышереченныхъ выданныхъ отъ него Ивана при сей купчей данныхъ ему изъ синбирской провинціальной канцеляріи съ выписей показанныхъ 7184 и 7193 годовъ двухъ копіяхъ; и *по поселеніи на той дачѣ онаго села Болтинки*, Боголюбовское тожъ, *тѣмъ званіемъ оно и наименовано.* А взялъ онъ Иванъ у нихъ Аграфены и Дарьи за вышеписанное свое проданное имъ недвижимое имѣніе, съ людьми и со крестьяны и со всѣмъ вышеписаннымъ, денегъ 16800 рублевъ (и проч.). —

Приносимъ искреннюю благодарность Иннокентію Николаевичу Николеву за его ревностное содѣйствіе въ разысканіяхъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ которомъ хранится множество важныхъ матеріаловъ для научныхъ работъ.

57) Дѣла герольдмейстерской конторы, 1734 и 1735 г., кн. 163, л. 398 и 407 об.: По вѣдомости полицымейстерской канцеляріи показаны въ недостройкѣ на Васильевскомъ острову домы стацкихъ чиновъ, и другимъ подъ строеніе розданы мѣста, а строить не зачато. Комисара Никиты Болтина. Изъ капитановъ Никита Борисовъ сынъ Болтинъ, неотставной, въ кригскомисаріатѣ комисарамъ.

Указомъ 7 іюня 1735 года наикрѣпчайше подтверждалось строить дома на васильевскомъ острову и на адмиралтейскомъ.

58) Рукопись императорской публичной библіотеки: митрополита Евгенія словарь писателей. Аб—Кал. л. 61.

Рукопись публичн. библіотеки: митрополита Евгенія матеріалы къ словарю писателей. II. Собственноручныя замѣтки митрополита Евгенія:

Иванъ Никитичъ Болтинъ скончался 1792 г. октября 6; родился 1 генваря 1735 года. Жилъ 58 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 5 дней.

Василій Евдокимовичъ Ададуровъ родился 15 марта 1709 г.; умеръ 5 ноября 1780 года. Жилъ 71 годъ, 7 мѣсяцевъ, 20 дней.

Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ родился 3 апрѣля 1745 г.;

преставился 1 декабря 1792 года. Жилъ 48 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 28 дней, и т. д.

59) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Производства вотчинной коллегіи по гор. Казани молодыхъ лѣтъ кн. $\frac{6789}{147}$ д. 22:

— 1757 года 22 августа била челомъ надворнаго совѣтника Ивана Егорова сына *Кроткаго* жена его Дарья Алексѣева дочь: 1-е) имѣю я, именованная, за собою во владѣніи собственное мое недвижимое имѣніе съ людьми и со крестьяны въ казанской, нижегородской и оренбургской губерніяхъ, въ разныхъ уѣздахъ, которое мнѣ досталось послѣ первыхъ моихъ мужей: *Петра Михайлова* сына *Дубенскаго* да *Никиты Борисова сына Болтина* на указную седьмую часть, которое за меня по указамъ въ государственной вотчинной коллегіи справлено и отказано, да къ тому жъ въ бытность замужества моего за показаннымъ мужемъ моимъ Иваномъ Кроткимъ на собственныя мои деньги мною купленное и по разнымъ сдѣлкамъ и по всякимъ крѣпостямъ доставшееся; о чемъ ясно значитъ въ государственной вотчинной коллегіи по дачамъ и отказнымъ книгамъ и по прочимъ крѣпостямъ; 2-е) а нынѣ я, именованная, за моимъ тяжкимъ бременемъ, видя свое слабое здоровье, опасаясь незапнаго часа смертнаго, въ нерушимомъ своемъ умѣ и твердой памяти, изъ показаннаго своего недвижимаго имѣнія, выключая, что слѣдуетъ по указамъ на часть означеннаго мужа моего, раздѣля, опредѣлила въ наслѣдіе и въ награжденіе дѣтямъ моимъ, прижитымъ съ помянутымъ мужемъ моимъ Иваномъ *Кроткаго*, и отдала въ вѣчное владѣніе, а именно: *сыну* своему *Егору Иванову сыну Кроткаго* въ Синбирскомъ уѣздѣ село Богородское, Колдамасово тожъ, да деревню Котовску и Жегулиху, да въ томъ же уѣздѣ село Богородское, Тукшумъ тожъ, да въ Оренбургской губерніи въ Ставропольскомъ уѣздѣ, что напредъ сего было казанскаго уѣзда, въ селѣ Успенскомъ съ деревнями Александровскимъ и Егорьевскимъ, по рѣкамъ Кондурчѣ и на вершинѣ рѣки Шламы, да въ селѣ Липовкѣ, коя досталась мнѣ по купчей отъ подполков-

ницы Марьи Ивановой дочери Несвѣтаевой, земли что̀ явится въ показанныхъ селахъ и деревняхъ за мною, Дарьею, по дачамъ и по всякимъ крѣпостямъ, а людей и крестьянъ по прежней и по нынѣшней ревизіямъ, съ бѣглыми изъ тѣхъ жительствъ, также и съ переведенными въ оныя жительства послѣ нынѣшней ревизіи изъ другихъ моихъ деревень, всѣхъ безъ остатка; да *дочерямъ своимъ* въ награжденіе жъ и во владѣніе отдала: большей моей дочери *дѣвицѣ Александрѣ Кроткой* въ синбирскомъ уѣздѣ село Троицкое, Рюмино тожъ, земли, что̀ явится по дачамъ и по крѣпостямъ, а людей и крестьянъ по прежней и но нынѣшней ревизіямъ и съ переведенными въ оное село изъ другихъ моихъ деревень, кромѣ тѣхъ, кои изъ того села переведены въ село Колдамасово, кои отданы отъ меня въ награжденіе и во владѣніе вышепоминаемому сыну моему, а ея Александрину брату родному; да *дочери* жъ *моей Аннѣ* — въ курмышскомъ уѣздѣ въ селѣ Рожественскомъ, Березня тожъ, да въ томъ же уѣздѣ въ селѣ Кочаловѣ, что состоитъ за мною по купчей отъ подполковницы Марьи Ивановой дочери Несвѣтаевой, людей и крестьянъ, что̀ есть по нынѣшней ревизіи и съ переведенными послѣ нынѣшней ревизіи въ тѣ деревни изъ другихъ моихъ деревень; *дочери жъ моей Аграфенѣ* въ Алаторскомъ уѣздѣ въ селѣ Боголюбовскомъ, Болтино тожъ, что явится за мною по отказу вотчинной коллегіи, и съ прикупными послѣ того отказа къ тому селу землями; *дочери жъ моей Прасковьѣ* въ Алаторскомъ уѣздѣ въ селѣ Ждановѣ, что явится за мною земли, людей и крестьянъ по отказу вотчинной коллегіи и съ прикупными къ тому селу землями: земли, что явится по дачамъ, а людей и крестьянъ по прежней и нынѣшней ревизіи всѣхъ безъ остатку; да *сыну моему*, родившемуся отъ средняго моего мужа *Никиты Борисова сына Болтина*, отдала въ награжденіе и во владѣніе недвижимое свое имѣніе, оставшее за вышеписаннымъ росписаніемъ въ Пензенскомъ уѣздѣ въ селѣ Архангельскомъ, Кадада тожъ, да въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ селѣ Стексовѣ да въ Синбирскомъ уѣздѣ въ селѣ Должниковѣ земли, что явится по дачамъ и по всякимъ крѣ-

постямъ, а людей и крестьянъ, что есть нынѣ на лицо, кромѣ переведенныхъ изъ тѣхъ деревень въ другія мои деревни; да оному жъ *сыну моему Ивану Болтину* до сей челобитной учинено отъ меня награжденіе движимымъ, деньгами и протчимъ, что слѣдовало до равенства противъ протчихъ моихъ дѣтей, безъ всякой обиды; и по тому отъ меня дѣтямъ моимъ матернему опредѣленію оному недвижимому имѣнію, что кому опредѣлено, быть за ними въ вѣчномъ владѣніи и никому изъ нихъ того моего раздѣленія не нарушать; а ежели кто изъ нихъ, дѣтей моихъ, оное мое въ недвижимомъ имѣніи раздѣленіе нарушитъ, и будетъ въ чемъ хотя мало споритъ, тотъ по самовластному моему къ нимъ матернему утвержденію имъ остаться вѣчно подъ моею матернею клятвою. И дабы повелѣно было то недвижимое имѣніе съ людьми и со крестьяны за объявленными дѣтьми моими, за каждымъ порознь, справить и отказать, и о томъ куда надлежитъ послать указы. 1757 года Августа дня. Къ *сей челобитной Дарья Алексѣева дочь Кроткова руку приложила.*—

Въ дѣлѣ вотчинной коллегіи (по гор. Казани молодыхъ лѣтъ кн. 349, дѣло 26) выписано изъ купчей слѣдующее:

— 1738 года мая 2 капитана *Никиты Борисова* сына *Болтина* женаего вдова *Дарья Алексѣева* дочь *Федорова сына Чемоданова* продала она брату своему Ивану Алексѣеву сыну Чемоданову и женѣ его и дѣтямъ впрокъ безповоротно и безъ выкупу пустую свою землю въ Курмышскомъ уѣздѣ, въ Заватскомъ стану, свой, данный отъ дѣда своего покойнаго, бригадира Леонтья Гаврилова сына Исупова, жеребей въ пустоши, что была деревня Шумеева на озерѣ Собачьѣ Водопоѣ пашни 42 четверти въ полѣ, а въ дву по тому жъ, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи и съ усадебною и околишною землею, которая по челобитью въ 732 году за нею справлена; а взяла она, Дарья, у него, Ивана, за ту свою проданную землю денегъ 15 рублей.—

Въ дѣлѣ вотчинной коллегіи (по гор. Казани молодыхъ лѣтъ кн. 380, дѣло 1) въ копіи съ купчей значится:

— Лѣта *1770 марта 20 покойнаго* надворнаго совѣтника

Ивана Егорова сына *Кроткаго* жена его вдова *Дарья Алексѣева дочь* продала полковнику и Синбирскому коменданту Петру Матвѣеву сыну Чернышеву крѣпостной своей пашенной земли, доставшейся ей по наслѣдству послѣ покойнаго *втораго мужа ея*, стольника *Никиты Борисова* сына *Болтина* на указную ея седьмую часть, состоящую въ Алаторсяомъ уѣздѣ въ селѣ Болтинкѣ, Боголюбское тожъ, съ лѣсыи съ сѣнными покосы, и со всѣми къ той землѣ угодьями, сколько той земли на ея 7-ю часть справлено и отказано, о чемъ значитъ въ отказныхъ книгахъ, кромѣ доставшейся жъ ей, Дарьѣ, по любовному договору и по сдѣлочнымъ записямъ отъ *сына* моего *Ивана Никитина сына Болтина* земли да въ бѣгахъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, слѣдующихъ ей, Дарьѣ, послѣ вышеписаннаго третьяго мужа ея, надворнаго совѣтника Ивана Егорова сына Кроткаго въ зачетъ седьмой части, Николая Петрова вдоваго съ сыновьями Макаромъ и Артамономъ, Илью Петрова попрозванію Кабановыхъ съ женою его, со всѣми ихъ крестьянскими пожитки, съ пожилыми за нихъ годами и съ отвозными подводы, которые мужу моему Ивану Кроткому крѣпки по продажѣ отъ маіора Андрея Яковлева сына Дашкова, за коимъ въбывшую вторую ревизію и въ подушный окладъ написаны въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сукинѣ; а взяла она, Дарья, у него, Чернышева, за ту свою землю и за крестьянъ денегъ 600 рублей. —

60) Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый П. И. Бартеневымъ. 1872 г. Книга вторая, стр. 222. Старая записная книжка, начатая въ 1813 году неизвѣстнымъ сочинителемъ. Получена г. Бартеневымъ изъ Саратовской губерніи въ спискѣ съ подлинника.

Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, изданіе И. Снегирева. 1838, стр. 125: Болтинъ «обучался въ домѣ родительскомъ и *въ частныхъ пансіонахъ*, а послѣ *въ кадетскомъ корпусѣ*».

У Вихмана (Ersch und Gruber, XI, 364) сказано, что Бол-

тинъ получилъ первое научное образованіе въ шляхетномъ сухопутномъ корпусѣ *(im adeligen landkadettenkorps)*.

Дѣла архива бывшаго сухопутнаго (впослѣдствіи перваго кадетскаго) корпуса, 1749 года, № 86: Недоросль *Дуксъ Болтинъ* показалъ, 5 августа 1749 года, что отъ роду ему одиннадцать лѣтъ; крестьянъ за отцемъ его, московской губерніи въ михайловскомъ уѣздѣ, четыреста душъ.

Дуксъ Болтинъ упоминается въ числѣ дворянъ, подписавшихъ наказъ, данный Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову, депутату отъ дворянства торопецкаго и холмскаго уѣздовъ въ коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія: по довѣренности капитана Дукса Сергѣевича Болтина подписался титулярный совѣтникъ Г. А. Кушелевъ (Историческія свѣдѣнія о екатерининской комиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Д. Полѣнова. 1875, стр. 401, 409).

61) Дѣла архива лейбъ-гвардіи коннаго полка. Картонъ 121. Входящія бумаги января и февраля мѣсяцевъ 1751 года.

62) Дѣла архива лейбъ-гвардіи коннаго полка. Картонъ 450. Опредѣленія 1751 года; № 23.

63) Исторія лейбъ-гвардіи коннаго полка; составлена полковымъ адъютантомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, флигель-адъютантомъ, ротмистромъ Анненковымъ. 1849. Часть I, стр. 44, 55, 111, 95, 80 и др.

64) Именные списки лейбъ-гвардіи коннаго полка офицерамъ, капраламъ, рейтарамъ, и т. д., въ конногвардейскомъ архивѣ. Уцѣлѣли весьма немногіе, относящіеся ко времени Болтина. Въ спискѣ 1757 года капралъ Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ показанъ въ 3-й ротѣ; въ спискѣ 1762 года вицъ-вахмистръ Иванъ Болтинъ показанъ въ ротѣ ротмистра Муханова.

Въ 1757 году Болтинъ былъ уже женатъ.

17 октября 1768 года Болтинъ, бывшій тогда подпоручикомъ, представилъ въ полковую канцелярію слѣдующую «вѣдомость»:

«Въ силу отданнаго въ полкъ, сего октября въ 5 день, пись-

меннаго приказа, сколько въ казенномъ домѣ, въ коемъ я жительство имѣю, находится со мною живущихъ, какъ фамиліи моей, такъ собственныхъ моихъ людей и наемныхъ, прилагаю при семъ списокъ.

Фамиліи моей имѣю я жену и одну дочь.

Сестра родная жены моей, дѣвица Елизавета Асеева дочь, коллежскаго ассесора Асея Иванова сына Пустошкина.

Сестра моя родная, находящаяся въ замужествѣ лейбъ-гвардіи за капитаномъ Васильемъ Ѳедоровымъ сыномъ Карамышевымъ.

Крѣпостныхъ людей: при мнѣ мужеска пола одиннадцать, женска десять душъ, и т. д.

(Дѣла архива лейбъ-гвардіи коннаго полка. Картонъ 207. Входящія бумаги 1768 года).

Дочь Болтина была замужемъ за Петромъ Александровичемъ Соймоновымъ, статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II и членомъ россійской академіи (Русская родословая книга. Изданіе Русской Старины. 1873, стр. 300).

Въ дѣлѣ вотчинной коллегіи (по гор. Казани, молодыхъ лѣтъ кн. 393, д. 2) въ копіи съ купчей писано:

— Лѣта 1759 г. декабря 24 лейбъ-гвардіи коннаго полка каптенармуса *Ивана Никитина Болтина* жена его *Ирина*, *Асѣева* дочь, будучи въ городѣ Нижнемъ, отъ крѣпостныхъ дѣлъ дала сію купчую въ томъ, что продала она, по повѣренному письму отъ мужа своего, которое въ с.-петербургской юстицъ-конторѣ и засвидѣтельствовано, отставному поручику Михаилу Савину сыну Пересѣкину и женѣ его и дѣтямъ и наслѣдникамъ недвижимое имѣніе мужа своего въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ Завальномъ стану, деревню Ивановку, Болтинка тожъ, въ которой по дачѣ состоитъ пахотной земли со всѣми угодьи 50 четвертей, и съ примѣрною и усадебною землею все безъ остатка, что къ той деревнѣ принадлежитъ; да во оной же деревнѣ Болтинкѣ крестьянъ, которые по ревизіи состоятъ за мужемъ ея, 151 душа съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ пріимыши, съ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ, съ хлѣбомъ и ско-

томъ и со всѣми ихъ крестьянскими животы, не оставя за собою въ той деревнѣ земли ни единаго четверика, а крестьянъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, ни единой души; а взяла она, Ирина Болтина, у него, Пересѣкина, за вышеписанную деревню съ угодьи и за крестьянъ денегъ 3500 рублей.—

Въ дѣлѣ вотчинной коллегіи (кн. $\frac{6820}{178}$ д. 7) значится:

— 1763 года мая въ 14 день лейбъ-гвардіи коннаго полка *вахмистра Ивана Никитина Болтина жена его Ирина Асъева дочь* (Пустошкина) заняла покойнаго полковника графа Алексѣя Михайловича Шереметева у дочери его дѣвицы графини Варвары на годъ денегъ серебреною рублевою монетою 3,000 руб.; а съ той суммы заплатила она, Ирина, ей, графинѣ Варварѣ, указныхъ по 6 процентовъ съ рубля, всего 180 руб., а въ тѣхъ деньгахъ до того сроку заложила она, Ирина, ей, графинѣ Варварѣ, недвижимое свое имѣніе, доставшееся ей по купчей отъ *сестры ея родной*, дѣвицы *Елизаветы Асъевой* дочери *Пустошкиной* въ Алаторскомъ уѣздѣ, въ Пьянскомъ стану, въ селѣ Ждановѣ, Троицкое тожъ, написанныхъ въ ономъ селѣ въ прошедшую вторую ревизію за прежнимъ владѣльцомъ, вышеписаннымъ мужемъ ея *Иваномъ Никитинымъ* сыномъ Болтинымъ въ подушномъ окладѣ мужеска полу наличныхъ 324 души, четвертныя пашни 400 четвертей въ полѣ, а въ дву по томужъ. Къ закладной по Иринѣ Асѣевой подписался братъ ея родной, надворный совѣтникъ Иванъ Асѣевъ сынъ Пустошкинъ.—

Московскій архивъ министерства юстиціи. Дѣла юстицъ-коллегіи; книга за № 592, л. 212—213:

— 1766 года іюня въ 7 день *новгородская* помѣщица Арина Асѣева дочь Пустошкина—жена Ивана Никитича Болтина, продала она невѣсткѣ своей родной, Аннѣ Андреевой дочери, брата ея роднаго, коллежскаго совѣтника Ивана Асѣева сына Пустошкина дворовыхъ людей (3 мужеска и 2 женска съ дѣтьми), которые ей достались въ прошломъ 1765 году по купчей отъ брата ея роднаго, коллежскаго совѣтника Ивана Асѣева сына Пустошкина, въ подушный окладъ оные люди написаны за покойнымъ

отцомъ ея, коллежскимъ ассессоромъ Асѣемъ Ивановичемъ Пустошкинымъ, Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой пятины, Бѣлозерской половины, въ Покровскомъ Никольскомъ Черепскомъ погостѣ, въ селѣ Старомъ. За означенныхъ дворовыхъ людей Арина Болтина съ Анны Пустошкиной взяла 50 рублей». —

65) Дѣла архива лейбъ-гвардіи коннаго полка. Картонъ 206 (1768. Входящія бумаги. Сентябрь и октябрь):

— Всепресветлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская, Государыня всемилостивейшая.

Бьетчеломъ лейбъ гвардіи конного полку подпоручикъ Иванъ Никитинъ сынъ Болтинъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты.

1.

Служу я Вашему Императорскому Величеству лейбъ гвардіи въ конномъ полку съ 1751 года, съ начала былъ рейтаромъ, потомъ произходилъ всѣ нижніе чины даже и до нынѣшняго ранга, въ коемъ состою, безпорочно, и подъ судомъ и подъ слѣдствіемъ, такожь и ни въ какихъ штрафахъ не бывалъ.

2.

И хотя по долгу всеподданнѣйшаго раба, имѣлъ я искреннее желаніе и еще службу мою Вашему Императорскому Величеству продолжать, но частыя болѣзненныя припадки, коими я одержимъ бываю, дѣлаютъ меня ко оной неспособнымъ, и противъ воли моей принуждаютъ меня всенижайше Вашего Императорскаго Величества просить:

И дабы Вашего Императорскаго Величества указомъ, повелѣно было сіе мое прошеніе лейбъ гвардіи конного полку въ полковой канцеляріи принять, И меня именованнаго за предписаными моими болезненными припадки, въ силу о волности дворянства указа, отъ службы Вашего Императорскаго Величества, какъ отъ воинской такъ и отъ штатской уволить, съ награжденіемъ армейскаго чина, какимъ пожаловать меня Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно будетъ.

Всемилостивѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлѣжитъ лейбъ гвардіи конного полку въ полковую канцелярію. Сентября дня 1768 года. Прошеніе писалъ и руку приложилъ я Болтинъ своею рукою. —

66) Исторія лейбъ-гвардіи коннаго полка, сост. Анненковымъ, стр 67 — 70, 128 — 133.

67) Географичcскій лексиконъ россійскаго государства, собранный Ѳедоромъ Полунинымъ. 1773 г., стр. 47.

68) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Герольдм. конторы кн. 638, л. 462:

— Въ правительствующій сенатъ отъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера графа Миниха доношеніе. Минувшаго октября 28 числа присланнымъ въ состоящую подъ дирекціею моею главную надъ таможенными сборами канцелярію *преміеръ-маіоръ* и васильковской пограничной таможни директоръ *Иванъ Болтинъ* доношеніемъ просилъ о представленіи въ правительствующій сенатъ о награжденіи его чиномъ за безпорочную съ 1769 года въ реченной таможни службу, и что имъ ничего касательнаго до должности ево въ рачительномъ храненіи высочайшаго ея императорскаго величества интереса упущено и оставлено не было. Также во время продолжавшейся не только въ окрестныхъ повсюду мѣстахъ, но и въ самомъ тамошнемъ селеніи чрезъ два года жесточайшей заразительной болѣзни, бывъ въ крайней опасности, неусыпнымъ своимъ попеченіемъ и предосторожностію не допустилъ коснуться оной до таможенныхъ служителей, хотя и весьма невозможно казалось оныя избѣгнуть, въ разсужденіи непрестанныхъ чрезъ означенную таможню изъ всѣхъ опасныхъ мѣстъ проѣздовъ. Да и въ такое время, когда еще и карантиновъ при границѣ и никакихъ предосторожностей учреждено не было. А сверхъ того, чтобъ впредь къ вящему усердію поощренъ былъ.

А по справкѣ въ канцеляріи оказалось: помянутый директоръ Болтинъ прошлаго 1769 года іюля 27 поданною челобит-

нюю объявя, что въ службу ея императорскаго величества вступилъ онъ 1751 г. генваря 15 лейбъ-гвардіи въ конный полкъ, а изъ онаго по прошенію его по имянному ея императорскаго величества указу 768 годовъ ноября 23 числъ отъ службы отставленъ отъ арміи преміеръ-маіоромъ, просилъ объ опредѣленіи его къ таможеннымъ дѣламъ, по которой того жъ 27 іюля на мѣсто уволеннаго по прошенію для излѣченія болѣзней директора Туфанова и опредѣленъ онъ Болтинъ въ объявленную васильковскую таможню директоромъ; въ штрафахъ и подозрѣніяхъ по канцеляріи не бывалъ.

Данною жъ мнѣ отъ ея императорскаго величества 1763 года ноября въ 20 день инструкціею въ 7 пунктѣ повелѣно: таможенныхъ служителей всѣхъ и каждаго обнадежить высочайшею ея императорскаго величества монаршею милостію, что прилежность, усердіе, попеченіе и труды достойнымъ воздаяніемъ каждому наградятся.

А какъ прилежностію и порядочнымъ правленіемъ показаннаго преміеръ-маіора Болтина возложенной на него директорской должности я и канцелярія крайне довольны; того ради въ соотвѣтстіе ея императорскаго величества высочайшаго обнадеженія прошу, чтобъ его, Болтина, наградить чиномъ—какимъ правительствующій сенатъ заблагоразсудить соизволитъ, на что̀ и имѣю ожидать ея императорскаго величества указа. Графъ Эрнстъ Минихъ. Ноября 13 дня 1773 года. Въ 1 департаментъ.—

Опредѣленіе сената по этому представленію послѣдовало 1779 года мая 3, коимъ Болтинъ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника.

Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Прав. сената книга за № 6324, л. 42:

— 1779 года маія 3 дня, по указу ея императорскаго величества, правительствующій сенатъ въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи, по доношенію господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Миниха, коимъ изъясняетъ о преміеръ-маіорѣ и васильковской пограничной таможни директорѣ

Иванъ Болтинъ, что прилежностію и порядочнымъ правленіемъ его возложенной на него должности онъ, господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, и главная надъ таможенными сборами канцелярія крайне довольны, почему и представляетъ о награжденіи его въ соотвѣтствіе данной ему, господину дѣйствительному тайному совѣтнику, въ 1763 году ноября въ 20 день инструкціи отъ ея императорскаго величества высочайшаго всѣмъ таможеннымъ служителямъ обнадеживанія чиномъ. Въ службу онъ вступилъ изъ дворянъ въ 1751 году гвардіи въ конный полкъ рейтаромъ, и производимъ: въ 1755 году капраломъ, въ 1758 гефрейтъ-капраломъ, въ 1759 каптенармусомъ, въ 1761 квартермистромъ и вице-вахмистромъ, въ 1762 вахмистромъ, въ 1764 генваря 1 аудиторомъ, въ 1765 апрѣля 19 подпоручикомъ, въ 1768 ноября 25 по прошенію его за болѣзнію отъ службы отставленъ вовсе отъ арміи преміеръ-маіоромъ; въ 1769 іюля 27 главною надъ таможенными сборами канцеляріею опредѣленъ въ васильковскую таможню директоромъ. Приказали: по представленію и удостоинству господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Миниха васильковской пограничной таможни директору, преміеръ-маіору Болтину. за прилежное и порядочное должности его исправленіе дать чинъ надворнаго совѣтника; о чемъ ему объявя указъ, привесть къ присягѣ; за повышеніе чина вычетъ по указамъ учинить статсъ-конторѣ; патентъ, напечатавъ, взнесть къ высочайшему ея императорскаго величества подписанію; и о томъ куды надлежитъ послать указы, а въ московскіе сената департаменты вѣдѣніе. Подпись сенаторовъ, 15 особъ, герольдмейстера и секретаря.

69) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Книга прав. сената № 6480, л. 266; дѣла генералъ-прокурора.

70) Рукописи государственнаго архива. X. № 946.

71) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Прав. сената кн. 4221, л. 180 и кн. 4227, л. 312.

72) Дѣла петербургскаго архива сената. Книга 146, л. 182. Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-прокурора, утвержденный

императрицею 15 марта 1781 года: «На состоящую нынѣ прокурорскую вокацію въ военной коллегіи признавая способнымъ къ помѣщенію находящагося не у дѣлъ коллежскаго совѣтника Ивана Болтина, всеподданнѣйше представляю объ опредѣленіи его въ прокуроры въ ту коллегію. А какъ онъ, присутствуя въ бывшей главной надъ таможенными сборами канцеляріи, получалъ ежегодно жалованья тысячу двѣсти рублей, которое и впредь до помѣщенія къ дѣламъ повелѣно ему производить имяннымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, даннымъ сенату 24 октября прошлаго 1780 года, то и нынѣ испрашиваю всемилостивѣйшаго указа о продолженіи ему тогожъ жалованья, дабы онъ при полученіи прокурорскаго мѣста не былъ обиженъ лишеніемъ Высочайшей Вашего Величества милости, коею пользуется теперь и безъ отправленія должности. Князь Александръ Вяземскій».

73) Дѣла государственнаго архива. XX. № 50.

74) Дѣла московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба. Оп. 52, св. 218, № 80 и св. 224, № 407.

75) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Прав. сената кн. 6549, л. 3. Генералъ-прокуроръ пишетъ Болтину, 12 января 1782 года: «Высокоблагородный и почтенный военной коллегіи г. прокуроръ! До выздоровленія главной провіантской канцеляріи г. прокурора Тоузакова рекомендую вамъ имѣть смотрѣніе по дѣламъ той канцеляріи на основаніи прокурорской должности, и просмотря какъ наискорѣе невыпущенные до нынѣ приговоры, отмѣтить къ исполненію или же, въ случаѣ вашего несогласія, войти въ протестъ. А что вы къ тому прикомандированы, главной провіантской канцеляріи отъ меня предложено».

76) Московскій архивъ министерства юстиціи. Дѣла генералъ-прокурора, 1782 года, № $\frac{\text{части. 153}}{\text{общ. 6549}}$, л. 266, 271—277 об.

77) Дѣла московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба. Воен. коллег. приказной экспедиціи, 1792 года, оп. 53, № 267, и др.

78) См. приведенную въ приложеніи 59-мъ челобитную матери Болтина, 22 августа 1757 года.

79) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Прав. сената кн. 6582, л. 527.

80) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Протоколъ втораго департ. прав. сената, подписанный 17 декабря 1790 года (кн. $\frac{5340}{438}$), и др.

81) Дѣла московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба. Воен. коллег. приказной экспедиціи, 1792 года, оп. 53, № 267:

Въ Государственную Военную Коллегію

отъ генералъ-маіора и оной коллегіи члена Болтина

Доношеніе.

Объявлено мнѣ отъ оной коллегіи присланное изъ С. Петербургскаго губернскаго правленія, отъ 18 марта сего года, сообщеніе, которымъ требуется, чтобъ по векселю, приложенному при поданномъ въ то губернское правленіе отъ здѣшняго купца Григорія Сафонова, данному отъ меня ему, Сафонову, прошлаго 1789 года Августа 18 дня, въ 2143 руб. за уплатою отъ меня 700 руб., достальные съ рекамбіо и проценты съ меня взыскать и просителя удовольствовать. На котороеонаго губернскаго правленія сообщеніе и просьбу помянутаго Сафонова, имѣю донести слѣдующее. Назадъ тому лѣтъ съ пять, пришедъ ко мнѣ оный Сафоновъ съ другимъ здѣшнимъ же купцомъ Ерковымъ, просили меня, чтобъ имѣвшія тогда въ содержаніи моемъ, Кинбургскія соляныя озера отдать имъ въ содержаніе. По нѣкоторыхъ переговорахъ, согласился я съ ними въ цѣнѣ, и сдѣлали между собою условіе, въ которомъ, между прочимъ, было написано, чтобъ деньги по условію получить мнѣ съ нихъ здѣсь въ Петербургѣ, и чтобъ имъ взять отъ меня въ принятіи тѣхъ денегъ росписку; ѣхать на озера, принять тамъ отъ комиссіонера моего соль и прочее, что̀ есть въ наличности, и потомъ уже сдѣлать формальную объ отдачѣ имъ тѣхъ озеръ сдѣлку, и на концѣ условія ска-

зано именно: чтобъ «если съ которой ни есть стороны въ выполненіи написаннаго условія учинится неустойка, а тѣмъ въ совершеніи сдѣлки послѣдуетъ остановка, въ такомъ случаѣ то условіе оставить, яко не существовавшимъ и не бывшимъ, и на обѣ стороны оставаться безъ всякихъ притязаній, яко зависящимъ отъ добраго и непринужденнаго согласія». Оные Сафоновъ и Ерковъ, отдавъ мнѣ наличными деньгами 20,000 руб. и 3 векселя на 30,000 руб., и взявъ въ принятіи оныхъ отъ меня росписку, поѣхали отсюда на озера, гдѣ приняли отъ комиссіонера моего наличную соль, деньги и прочее, а принявъ стали дѣлать разныя къ нему привязки, въ противность учиненнаго между нами условія, и какъ комиссіонеръ мой не могъ всѣхъ ихъ наглыхъ требованій удовлетворить, то и принужденъ былъ съ ними ѣхать ко мнѣ сюда; не могъ и я на ихъ требованія, безъ великаго себѣ убытка, согласиться, то и принужденъ былъ наконецъ имъ сказать, что я имѣю право, по силѣ послѣдней статьи учиненнаго мною съ ними условія, отъ совершенія съ ними сдѣлки отказаться; требую отъ нихъ, чтобъ они данныя мнѣ деньги и векселя возвратно отъ меня получили; а что они отъ комиссіонера моего на озерахъ приняли, тобъ мнѣ возвратили; но какъ они и на сіе согласиться не хотѣли, то я принужденъ былъ подать на нихъ куда слѣдовало прошеніе, и векселя, данные мнѣ отъ нихъ, представить съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и прося, чтобъ ихъ принудить сдѣлать со мною расчетъ, т. е. взять отъ меня свои деньги, а что отъ комиссіонера моего они взяли, то бы мнѣ возвратить; понеже я съ такими безпокойными людьми никакого дѣла имѣть не желаю. Дѣло разсматриваемо было въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и наконецъ, въ 1788 году, въ гражданской палатѣ, и опредѣлено расчитаться намъ въ томъ домовымъ порядкомъ. По рѣшеніи уже въ гражданской палатѣ явился ко мнѣ Сафоновъ и требовалъ, чтобъ, учиня между собою расчетъ, дѣло кончить примиреніемъ; я охотно къ сему приступилъ, ибо и просьба моя во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ не въ иномъ чемъ состояла, и избѣгая дальнихъ безпокойствъ, на всѣ

требованія Сафонова согласился, съ немалымъ себѣ убыткомъ. По расчету, учиненному мною съ нимъ, оказалось, что я долженъ былъ ему, Сафонову, и Еркову заплатить 10,429 руб., а какъ притомъ Ерковъ ко мнѣ не являлся, то я и требовалъ отъ Сафонова, чтобъ онъ его привелъ, ибо и отъ него, какъ отъ товарища его, должно истребовать на договоръ согласія, на что̀ Сафоновъ мнѣ объявилъ, что оный Ерковъ давно уже по долгамъ своимъ осужденъ въ каторжную работу, и гдѣ находится неизвѣстно. Я, не увѣрясь въ его словахъ, послалъ куда слѣдуетъ справиться, и какъ по справкѣ оказалось, что то̀ есть истина, тогда безъ всякаго уже сомнѣнія приступилъ къ сдѣлкѣ съ Сафоновымъ. Однакожъ въ учиненной между нами записи 1789 года Іюня 21 дня не оставилъ я сказать (на случай ежели наслѣдники, или тѣ коимъ Ерковъ остался долженъ, будутъ отъ меня требовать расчета въ принадлежащей ему части), чтобъ удовлетвореніе Еркова оною частію учинить ему, Сафонову, а меня ни въ какіе съ Ерковымъ расчеты и платежи больше не допустить, и въ концѣ той записи сказано: «а ежель кто во всемъ написанномъ въ записи учинитъ неустойку, тотъ долженъ заплатить 500 руб., а сія запись и впредь должна оставаться въ своей силѣ». И по силѣ оной записи заплатилъ я ему, Сафонову, часть наличными деньгами, а въ достальныхъ, а именно въ 6429 руб., далъ ему три векселя, раздѣля оную сумму на равныя части и на разные сроки, въ числѣ коихъ и сей, по которому онъ нынѣ отъ меня взысканія требуетъ. По нѣсколькихъ мѣсяцахъ по оной моей съ Сафоновымъ сдѣлкѣ, показанный Ерковъ неизвѣстно кѣмъ здѣсь въ Петербургѣ укрываемый, подалъ на меня въ Правительствующій Сенатъ прошеніе, коимъ просилъ, чтобъ дѣло мое съ Сафоновымъ и съ нимъ, рѣшенное гражданскою палатою, истребовавъ оттуда, разсмотрѣть, ибо онъ рѣшеніемъ оной палаты недоволенъ, и что онъ Сафонову мириться со мною въ своей части довѣренности не давалъ, слѣдовательно на принадлежащую ему часть долженъ отъ меня быть удовольствованъ. Не дождавшись на сіе свое прошеніе отъ Правительствующаго Сената разсмотрѣнія и рѣшенія,

осмѣлился подать письмо на Высочайшее Ея Императорскаго Величества имя, на которое угодно было Ея Императорскому Величеству, чрезъ г. генералъ-маіора и кавалера Петра Ивановича Турчанинова повелѣть мнѣ, чтобъ я подалъ объясненіе о семъ дѣлѣ, которое я чрезъ онаго г. генералъ-маіора и подалъ, объясня всѣ прописанныя дѣла слѣдствія. Чрезъ два дня потомъ пріѣхалъ ко мнѣ оный г. генералъ-маіоръ и кавалеръ и объявилъ Высочайшую Ея Императорскаго Величества волю, состоящую въ томъ, чтобъ я выбралъ кого ни есть изъ людей почетныхъ, и всѣ-бъ свои по тому дѣлу бумаги ему представилъ; что равнымъ образомъ отъ него, г. генералъ-маіора, и оному Еркову оная Высочайшая воля объявлена, дабы и онъ свои бумаги избранному мною посреднику отдалъ же, и что та избранная мною особа, по разсмотрѣніи моихъ и его, Еркова, бумагъ, положитъ, тому такъ и быть. Посредникомъ быть упросилъ я одну особу, изъ людей знатныхъ, и Еркову, явившемуся ко мнѣ на другой потомъ день, сказалъ, чтобъ онъ свои бумаги собралъ и отнесъ къ нему, такъ, какъ и я свои, однакожъ Ерковъ ни ко мнѣ, ни къ тому, кого я посредникомъ быть упросилъ, и донынѣ не явился. Послѣ того онъ же Ерковъ вторичное на меня Ея Императорскому Величеству подалъ прошеніе, на которое никакого рѣшенія не послѣдовало. Не удовольствуясь тѣмъ, подалъ еще на меня прошеніе въ здѣшній совѣстный судъ, которое отдано ему съ надписью, понеже преисполнено было поношеній и брани, не только мнѣ одному, но и всѣмъ судебнымъ мѣстамъ, чрезъ кои дѣло мое съ нимъ проходило, якобы оное рѣшено въ пользу мою пристрастно. По подачѣ онымъ Ерковымъ показаннаго въ Правительствующій Сенатъ на меня прошенія, призывалъ я къ себѣ Сафонова и требовалъ отъ него, чтобъ онъ, по силѣ учиненной со мной записи, Еркова удовольствовалъ, въ противномъ случаѣ я долженъ буду на него въ неустойкѣ просить и по даннымъ векселямъ отъ платежа отречься. Оный Сафоновъ увѣрялъ меня съ клятвою, яко бы онъ повсюду его ищетъ, но нигдѣ и никакъ сыскать не можетъ. Между тѣмъ я изъ суммы, которою оставался Сафонову

по расчету долженъ, большую уже половину заплатилъ, то опасаясь, что ежели по суду доведется мнѣ Еркову на часть его половину платить, то долженъ буду еще немалое число денегъ прибавить къ тѣмъ, коими я остался Сафонову долженъ, и для того я Сафонову именно сказалъ, что пока дѣло по поданной отъ Еркова просьбѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ рѣшено не будетъ, до тѣхъ поръ платить ему не буду, ибо я въ возвращеніи отъ него излишне мною заплаченныхъ, въ разсужденіи крайняго его несостоянія, никакой надежды не имѣю. Изъ всего вышеобъясненнаго ясно видимо, что я не платилъ ему, Сафонову, по векселю, по которому онъ нынѣ проситъ съ меня взысканія, не потому, чтобъ я былъ не въ состояніи, но потому что я, нетолько процентовъ и рекамбіо какъ онъ требуетъ, но ниже истинныхъ платить ему не долженъ, пока прошеніе Еркова, въ Правительствующій Сенатъ на меня поданное, будетъ разсмотрѣно и рѣшено, или пока Сафоновъ, по силѣ записи со мною, не удовольствуетъ Еркова въ принадлежащей ему части, и меня не учинитъ отъ всѣхъ безпокойствъ свободнымъ. И для того государственную военную коллегію покорнѣйше прошу, сообща о всемъ вышедонесенномъ мною въ С. Петербургское губернское правленіе, истребовать отъ него, чтобъ благоволило, векселя на сумму, которою я Сафонову остался еще долженъ, отъ него взять и содержать оные при дѣлѣ, пока или онъ, Сафоновъ, товарища своего Еркова въ принадлежащей ему части удовлетворитъ и представитъ отъ него въ томъ свидѣтельство, или пока Правительствующій Сенатъ не учинитъ на поданное отъ Еркова на меня прошеніе своего разсмотрѣнія и рѣшенія. Почему тогда и долженъ я буду, въ первомъ случаѣ, оставшія деньги по прописаннымъ векселямъ Сафонову заплатить, а во второмъ, основываясь на рѣшеніи Правительствующаго Сената, удовлетворить Еркова, слѣдственно не Сафорову уже по тѣмъ векселямъ заплату сдѣлать, а Еркову, да и то не безъ участія Сафонова, яко записью удовольствовать Еркова обязавшагося, и нималаго исполненія по

ней не учинившаго. У подлиннаго подписано такъ: къ сему доношенію генералъ-маіоръ И. Болтинъ руку приложилъ».

82) Московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба. Дѣла приказной экспедиціи, 1792 года, оп. 53, № 10.128.

83) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Прав. сенат. кн. 6529, л. 351; кн. 6546, л. 368 и л. 612; кн. 6582, л. 527 и 642; кн. 6592, л. 808.

Для пользованія водами Болтинъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга въ 1781 и въ 1785 годахъ.

10 іюля 1781 года Болтинъ писалъ генералъ-прокурору: «Не находя другаго средства къ поправленію поврежденнаго моего здоровья, принялъ я намѣреніе, по совѣту пользующихъ меня, ѣхать къ *царицынскимъ водамъ*. Нижайше вашего сіятельства прошу уволить меня отъ должности моей на четыре мѣсяца, дабы я могъ нынѣшнею осенью, по употребленіи оныхъ водъ, возвратиться къ зимѣ сюда».

Въ 1785 году Болтинъ уѣзжалъ на воды на три съ половиною мѣсяца, съ 15 іюля по 1 ноября. Онъ писалъ: «по совѣту врачей, меня пользовавшихъ, единственное остается средство ко излѣченію *болѣзни, столь долговременно меня одержащей*,— ѣхать къ *сарептскимъ водамъ*».

Въ 1782 году Болтинъ уѣзжалъ по дѣламъ своимъ: въ маѣ — на двѣ недѣли, въ сентябрѣ на мѣсяцъ. Куда уѣзжалъ Болтинъ, изъ дѣлъ не видно.

Въ 1785 году онъ уѣзжалъ, также по своимъ дѣламъ, на мѣсяцъ—съ конца мая по конецъ іюня въ деревню свою, въ нарвскомъ уѣздѣ.

22 ноября 1786 года онъ писалъ генералъ-прокурору: «Для исправленія нѣкоторыхъ собственныхъ дѣлъ моихъ, необходимо требующихъ быть мнѣ въ наступающемъ декабрѣ мѣсяцѣ въ *Херсонѣ*, прошу уволить меня отъ должности моей на одинъ мѣсяцъ». Но пробылъ въ отпуску долѣе, какъ можно заключить изъ донесенія его, что онъ, воротившись въ Петербургъ, вступилъ въ должность 15 февраля 1787 года.

84) Русскій Архивъ. 1867. № 8 и 9. Записки Дмитрія Борисовича Мертваго, стр. 173 — 182.

85) Московскій публичный и румянцовскій музеи. Рукопись № 721. Просьба, сочиненная въ Крыму отъ военнослужителей,— «холоднаго мѣсяца, морозоваго числа, года неурожая въ Крыму денегъ».

86) Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко, въ связи съ событіями его времени. Н. Григоровича. 1879. Томъ I, стр. 339 — 370. Историческая записка Александра Андреевича Безбородки: «Картина или краткое извѣстіе о россійскихъ съ татарами войнахъ и дѣлахъ, начеишихся въ половинѣ X вѣка и почти безпрерывно чрезъ восемьсотъ лѣтъ продолжающихся».

87) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Прав. сената кн. 6553, л. 314.

88) Рукописи государственнаго архива. XVI. № 799. Донесенія князя Потемкина по управленію губерн. новороссійскою, азовскою.... и таврическою областью. Часть I.

89) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. 1830, т. XXI, стр. 993. Именный, данный новороссійскому генералъ-губернатору князю Потемкину, 14 августа 1783 года, № 15814.

90) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXI, стр. 897 — 898.

91) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXI, стр. 985 — 986.

92) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXI, стр. 1040 — 1041.

93) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXII, стр. 137 — 138.

94) Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи, г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ. 1788. Т. II, стр. 167.

95) Русскій Архивъ. 1867. № 12. Жизнь и дѣянія князя Г. А. Потемкина-Таврическаго; сочиненіе гр. А. Н. Самойлова, стр. 1570.

96) Критическія примѣчанія генералъ-маіора Болтина на второй томъ исторіи князя Щербатова. 1794, стр. 83.

97) Дѣла архива с.-петербургской духовной консисторіи. Метрическія книги церкви Сергія Радонежскаго, что при артиллерійскихъ слободахъ. 1792 года, № 56. Умершіе и похороненные: въ октябрѣ 8, господинъ генералъ-маіоръ Болтинъ, 60 лѣтъ, чахоткою.

98) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть LXXVII. Мѣсяцъ ноябрь, 1792 года, стр. 43—44. Эпитафія его превосходительству Ивану Никитичу Болтину, россійской академіи члену съ начала учрежденія ея.

Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть LXXXVI. Августъ. 1793, стр. 26. Списокъ съ надгробія генералъ-маіора, государственной военной коллегіи и императорской россійской академіи члена Ивана Никитича Болтина, скончавшагося 6 октября 1792 года, на 57 году отъ рожденія, и погребеннаго въ александроневскомъ монастырѣ.

99) Historisches drama nach Shakespears muster aus Rjuriks leben. 1792. Примѣчанія генералъ-маіора Болтина, стр. 1—2.

100) Правда русская или законы великихъ князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. 1792. стр. VII.

101) Примѣчанія на исторію Леклерка, сочиненныя Ив. Болтинымъ. 1788. Т. I, стр. 160.

Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ исторіи князя Щербатова. 1794. Т. I, стр. 409.

Примѣчанія на Леклерка. I, 168.

Примѣчанія на Леклерка. II, 414.

102) Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ, съ приложеніями нужныхъ свѣдѣній и совѣтовъ для имѣющихъ намѣреніе къ тѣмъ водамъ ѣхать для своего пользованія. Сочиненное Иваномъ Болтинымъ. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи государственной военной коллегіи. 1782, стр. 41, 53—55, 25—30 и др.

103) Правда Русская или законы великихъ князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ нарѣчія и слога на употребительные нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій, изъ употребленія вышедшихъ. Изданы любителями отечественной исторіи. Подъ этимъ заглавіемъ Русская Правда напечатана два раза: въ 1792 году въ Петербургѣ, въ типографіи св. правит. синода, и въ 1799 году въ Москвѣ, въ московской синодальной типографіи.

104) Bibliotheca slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae slavorum gentis. Studio et opera Fortunati Durich, soc. scient. boh. membr. primum emittitur. Vindobonae. 1795. T. I, стр. 295 — 297: Bohemis, russis et polonis nomina *шляхтичъ*, *шляхетство* etc. generica et veteri appellatione *nobilem* personam atque *nobilitatem* significant, ducta originatione a voce *sslechetnost—probitas*, *integritas morum*, eo plane consensu, quo supra Cosmam de primo senatorum aut judicum delectu scribentem laudavi, cum quo *illustriss. comes Alexius Mussin Puschkin procurator generalis s. synodi in suis egregiis adnotationibus ad antiquissimas eorundem leges* isto verborum complexu consentit:

Nosse omnino necessarium est, nationem russicam antiquissimis temporibus divisam fuisse duplici coetu seu ordine, *bojarium* et *hominum*, sicut apud primaevos romanos alii erant *patricii*, alii de populo seu de *plebe*; sed exclusis *servis*, qui alii non erant, quam captivi, quique his nati sunt, vel qui seipsis sponte pro pecunia servituti manciparunt, aut qui ob legis transgressionem in servitutem	Необходимо нужно знать, что народъ русскій въ самой древности раздѣлялся токмо на два сословія: на *бояръ* и *людей*, яко и первоначальные римляне на *патриціевъ* и *плебеевъ*; выключая рабовъ, кои не иные были, какъ плѣнники и рожденные отъ нихъ, или сами себя добровольно за деньги поработившіе, или за преступленіе закономъ въ рабство кому отданные. Подъ названіемъ *мужъ* разумѣлися

cupiam traditi sunt. Vocabulo *viri* intelligebantur primi, id est homines *insignes* genere et divitiis; et vocabulo *homo* omnes generaliter liberi, divisi multis gradibus secundum varietatem muneris vel ministerii, quibus vel patres eorum, vel ipsimet se addixerunt.

первые, сирѣчь люди *знатные* по роду и по богатству, а подъ названіемъ *людинъ* всѣ вообще свободные, раздѣляющіеся на многія степени по различію званій или служеній, которыя предки или сами они себѣ избрали.

(Примѣчанія Болтина на Русскую Правду, изд. 1799 года, стр. 2).

105) Опытъ повѣствованія о Россіи. Сочиненіе Ивана Елагина. Москва. 1803, стр. 446 — 447.

106) Записки и труды общества исторіи и древностей россійскихъ, учрежденнаго при императорскомъ московскомъ университетѣ. 1824. Часть II. Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи россійскихъ древностей, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, стр. 26 — 28.

107) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра, кандидатомъ правъ Николаемъ Калачовымъ. 1846, стр. 3 — 4.

108) Правда руская или законы вел. кн. Ярослава и Владимира Мономаха. Изданы любителями отечественной исторіи. 1799, стр. 4 — 6, 19.

109) Правда руская, изд. 1799 г., стр. 1, 15, 7 — 8.

110) Правда руская. 1799, стр. III, V, 9.

111) Правда руская. 1799, стр. 11 — 12, 16.

112) Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха, названная въ лѣтописи суздальской Поученье. Въ Санктпетербургѣ 1793 года, стр. VIII, 45, 55 и др.

113) Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго россійскаго Тмутараканскаго княженія. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ типографіи корпуса чужестранныхъ единовѣрцовъ.

1794 года. Описаніе народовъ, городовъ и урочищъ, означенныхъ въ чертежѣ, собранное изъ исторіи г. Татищева, географическаго словаря его, записокъ касательно россійской исторіи, изъ книги древняго большаго чертежа, *рукописей г. Болтина* и нѣкоторыхъ другихъ, стр. LXX—LXXI, XVII—XVIII, XXXIX, XLIII, и др.

114) Сборникъ русскаго историческаго общества. 1784. Т. XIII, стр. X: Для записокъ касательно россійской исторіи Екатерина, чтобы объяснить себѣ темныя мѣста лѣтописей, обращалась сначала къ *Болтину*, а послѣ его смерти къ Мусину-Пушкину и митрополиту Платону (Рѣчь А. Ѳ. Бычкова).

115) Письма Екатерины II къ Гримму. По порученію императорскаго русскаго историческаго общества издалъ академикъ Я. Гротъ. 1878, стр. 639: N'osant mettre mes conjectures sur Rurik dans l'histoire, parce qu'elles n'étaient fondées que sur quelques mots lâchés par Nestor dans sa chronique et sur un passage de *Dalin* dans son histoire de la Suède, et lisant alors Shakespeare en allemand, il me prit fantaisie de mettre en drame, l'année 1786, mes conjectures, et on l'imprima. Personne ne prit garde à ce singulier ouvrage, qui n'a jamais été joué, et je partis pour la Tauride. L'année 1792 feu Boltinė par Pouchkine, procureur du synode, m'envoya sa critique sur le prince Stcherbatof et son histoire de la Russie, et comme ils s'occupaient beaucoup de l'histoire de la Russie, et que j'étais bien aise de donner à la rude critique de Boltine ce que je griffonnais sur l'histoire, je dis un jour à Pouchkine que ce drame contenait mes conjectures, mais que personne n'y avait pris garde, et il se trouva que ni Boltine, ni Pouchkine ne l'avaient jamais lu ni vu. Quand ce drame tomba entre les mains de Boltine, il se mit à le commenter et me demanda de la faire imprimer avec son commentaire, ce qu'il fit, etc.

116) Historisches drama, nach Shakespears muster, aus Rjuriks leben. Sanct-Petersburg. 1792.

Примѣчанія Болтина, стр. 1, 3—4, 30—31, 18—22, 39—42, 33.

117) Подражаніе Шакеспиру, историческое представленіе, безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ, изъ жизни Рюрика. Въ С.-Петербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1786 года.

Подражаніе Шакеспиру, историческое представленіе, безъ сохраненія обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ, изъ жизни Рюрика. Вновь изданное съ примѣчаніями генералъ-маіора И. Болтина. Въ С.-Петербургѣ, въ императорской типографіи. 1792. (Сперва помѣщены примѣчанія, въ видѣ статьи подъ заглавіемъ: *отъ издателя*, потомъ — пьеса).

Совершенно съ такимъ же заглавіемъ и съ такимъ же расположеніемъ (сперва примѣчанія, потомъ—текстъ) драма Екатерины вышла въ 1793 году; печат. въ типографіи корпуса чужестранныхъ единовѣрцовъ.

Historisches drama nach Shakespears muster ohne beibehaltung der sonst üblichen kunstregeln der schaubühne, aus Rjuriks leben. Zweite russische ausgabe mit anmerkungen vom generalmajor Boltin. Sanct-Petersburg, bei der kaiserlichen bergschule. 1792. На второмъ заглавномъ листѣ: Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. За предисловіемъ (vorbericht des übersetzers), подъ которымъ подпись: Christian Friedrich Völkner, слѣдуетъ драма, а за драмою—примѣчанія къ ней Болтина. Предисловіе—на одномъ нѣмецкомъ языкѣ; драма и примѣчанія—на одной страницѣ порусски, на другой понѣмецки.

118) Книга большому чертежу или древняя карта россійскаго государства, поновленная въ Розрядѣ и списанная въ книгу 1627 года. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи горнаго училища. 1792 года. — Предувѣдомленіе безъ подписи издателя. Оно перепечатано и при второмъ изданіи книги Д. И. Языковымъ.

119) Книга большему чертежу или древняя карта россійскаго государства, поновленная въ разрядѣ и списанная въ книгу 1627

года. 1838. Изданіе второе. Санктпетербургъ. Въ типографіи россійской академіи, стр. IX.

120) Manuel du libraire et de l'amateur de livres... par Jacques-Charles Brunet. 1860. T. I, стр. 1079.

121) Книга, глаголемая Большой чертежъ, изданная по порученію императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ дѣйствительнымъ членомъ общества, Г. И. Спасскимъ. 1846, стр. XII — XIII.

122) Труды общества исторіи и древностей россійскихъ. 1824. Ч. II, стр. 19.

123) Вѣстникъ Европы. 1813. Часть LXXII. Записки для біографіи графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, стр. 85 — 86.

124) Histoire de la Russie ancienne, par m. Le Clerc. 1783. T. II, стр. IV.

125) Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова. 1880. Т. I, стр. 270, 275—276. Письмо Разумовскаго изъ Глухова, 8 января 1761 года.

126) Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстраординарнымъ академикомъ Билярскимъ. 1865, стр. 738.

Въ протоколѣ академической конференціи 11 апрѣля 1765 года записано: Propositus fuit academicis a Staehlino d-nus *Clerc* med. doct. gallus *qui ill. praesidem nostrum iter facientem in Germaniam atque Galliam comitari debet*, recepiendus sit in numerum membrorum honorariorum necne? Perpensis illius scriptis et aliis in rem litterariam meritis recipiendum esse pluralitate votorum statutum est..

Въ протоколѣ 15 апрѣля 1765 года: Gratias agendum academicis conventui intervenit d-nus *Clerc* m. d. *comes ill. praesidis nostri in itinere*, academicis honorariis nuper aggregatus, atque orationem lingua gallica conscriptam praelegit, qua obitum Lomonossowii lugens, Petri Magni nomen immortale, atque laudes Augustae nostrae incomparabilis celebrat. Hujus orationis copia facta academiae, ut et liber ab eodem auctore conscriptus atque

Moscoviae nuper impressus titulo: Medicus veri amator etc. donatus, uterque in archivo asservandus.

127) Рукописи государственнаго архива. XVII. № 125. Письмо Леклерка (безъ означенія, кому и когда писано):

Monseigneur

Instruit du nombre et de l'importance de vos travaux, je ne vous donne pas souvent des nouvelles de l'hopital de Paul. Tout va bien et je suis content. Votre excellence le sera aussi, à ce que j'espère, de tous les détails dont je luy rendré compte à la fin de ce mois.

Un objet personel me fait prendre la liberté de vous écrire aujourdhui. Il est intéressant pour moy, puisque mon honneur et ma réputation en dépendent.

Tandisque Sa Majesté Impériale tend une main auguste aux talens, aux sciences et aux arts qui germent à l'ombre de son trône, qu'elle prend sous sa protection les honnêtes étrangers qu'Elle attire dans son empire et que vous daignés vous même élever jusqu'à Elle, en décendant jusqu'à eux, une malignité qui n'a point d'exemple cherche à leur procurer un découragement universel; je ne me suis pas plaint quand l'envie a apellé des orages contre moy, il m'était facile de les dissiper par une conduite irréprochable, mais aujourdhui c'est autre chose: dépuis deux ans, j'ay soigné et guérri de plusieurs attaques d'apoplexie légère m[de] Alsoufiof femme du colonel Ivan Matfeiche, qui même avant ces accides n'était pas trop raisonable. Dans le mois d'octobre dernier elle me demanda du secours et je lui prescrivis un remede indiqué. Ce remede était composé d'une partie de sel de tartre sur huit parties de sucre. Comme ce sel pique la langue, elle dit en le goutant que c'était de la mort aux rats. Quelques personnes qui l'entendirent eurent grand soin d'aller de maison en maison distribuer cette belle càlomnie et le bruit public aujourdhui est que j'ay ordonné de l'arsénic à cette dame. Au premier bruit qui m'est parvenu, j'ay écrit au mari de cette femme

à ce sujet. Il m'a repondu qu'il ne concevait rien à une semblable imposture, que ma probité et mes succés étaient trop bien connus pour avoir rien à craindre d'une imputation aussi grossière; que quand aux moiens dont je voulais me servir pour avoir une satisfaction, qu'il n'était pour rien dans cette affaire, et qu'il me laissait le maitre de faire ce que je voudrais. Je me suis rendu chés le chef de la chancellerie de médicine de Moskou, je l'ay prié de le faire apporter l'original de mon ordonnance, ce qu'il a fait, et j'ay l'honneur d'envoier son raport à votre excellence. Comme on dit que cette dame vit mal avec son mary, il est aisé de sentir les conséquences d'une pareille accusation. Si le remede que j'ay ordonné n'est ni arsenic ni poison quelconque, si un enfant de quatre ans peut en faire usage avec succés dans l'indication, si ma réputation est plus qu'atteinte, il me semble qu'il est de la justice de punir les coupables. Si les talens ont des tempêtes, quand ils ne sont qu'utiles à la societé, ils doivent aussi avoir un port assuré dans la bonté et la clémence de S. M. I.

Je suplie donc votre excellence de vouloir faire informer de cette affaire qui est mot pour mot tel que je la luy peins, et ma tête luy en répond; après cette information de condamner à une amande de mille roubles madame Alsoufiof, en faveur de l'établissement des enfans trouvés ou à telle autre peine que l'on jugera à propos. Le déni de cette justice me forcerait à quitter la place dont vous m'avés honnoré pour retourner dans une patrie ou je n'auray pas a essuyer de pareils désagrémens, puis qu'elle me tend aussi les bras aprés avoir emporté ses regrets. Mais je ne pense pas que mon exemple ou de pareils traitemens engagent quelques autres à courir les mêmes risques, si la chose restait impunie. Je n'ay fait que du bien dans cet empire, j'y ay jouis des plus grands succés, et l'on cherche à me ravir en un jour le fruit de tant de travaux.

Je resterai tranquille jusqu'à ce que votre excellence m'honnore d'une réponse.

Je suis avec un profond respect, Monseigneur, votre trés

humble et trés obéissant serviteur Le Clerc. A Moskou ce 8 X[bre].
Au moment que je finis ma lettre, m[r] Jourit vient de me faire dire qu'étant malade dépuis hyer il n'a pu faire l'acte que je lui ay demandé, mais que demain sans fautte il me l'envoyera, et je le fairai partir jeudy sans y manquer.

128) Histoire de la Russie ancienne, par m. Le Clerc. 1783. T. I, стр. X — XI.

129) Ср. La France littéraire, par I. M. Quérard. 1833, стр. 50 — 51. —

Biographie universelle. 1844. T. VIII, стр. 430 — 432.—

Nouvelle biographie générale. 1856. T. X, стр. 829—830.—

Списокъ сочиненій Леклерка, названныхъ въ этихъ изданіяхъ, можетъ быть дополненъ тѣми произведеніями, которыя напечатаны въ Россіи. Представляемъ перечень трудовъ Леклерка въ ихъ хронологическомъ порядкѣ:

— Mémoire sur la goutte; 1750—51, in 12..—

— Probleme donné par l'Acadèmie de Besançon: Le seul amour du devoir peut-il produire d'aussi grands effets que le désir de la gloire? Dijon, 1756, in 12. —

— Dissertatio de hydrophobia, 1760, in 4°. —

— Le voeu des nations ou le plan du bonheur reciproque, par mr. le Clerc, médecin de l'armée française et de son excellence monseigneur le comte de Rasoumofski, hetman de la Petite Russie etc. Imprimé a St.-Pétersbourg. 1760. —

— Medicùs veri amator, ad Apollinis artis alumnos. Mosquae, typis universitatis, 1764, in 8°. —

— Essai sur les maladies contagieuses du bétail, avec les moyens de les prévenir et d'y rémedier efficacement; Paris, 1766, in 12. —

— Histoire naturelle de l'homme, considéré dans l'état de maladie, ou la médecine rappelée à sa première simplicité. Paris, 1767, 2 vol. in 8°, et 1784, 2. vol. in 8. —

— Yu le grand et Conficius, histoire chinoise. Soissons, 1769,

2 part. in 4⁰, (историческая повѣсть, написанная для великаго князя Павла Петровича). —

— La boussole de terre, ouvrage périodique, dedié à la noblesse russienne. Par m. Clerc, ancien médecin des armées du roi de France, de l'hetman des casaques, etc. № 1. A St.-Pétersbourg. 1770. —

— De la contagion, de sa nature, de ses effets, de ses progrès et des moyens les plus sûrs pour la prévenir et pour y remédier. Saint-Pétersbourg. 1771, in 8⁰. —

— O temps! o moeurs! Comédie en trois actes, composée en 1772 par l'impératrice Cathérine II, et traduit du russe en français par m. *Leclerc*. Imprimée pour la société des bibliophiles français. Année 1826. —

— Философическія разсужденія о воспитаніи, какову должно быть для произведенія желаемыхъ плодовъ, приписанныя его сіятельству, государственной адмиралтействъ-коллегіи господину вицепрезиденту, надъ галернымъ флотомъ и портомъ главному командиру и пр. графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Съ французскаго перевелъ Семенъ Сулима. Въ Санктпетербургѣ, 1773 года. За философическими разсужденіями (стр. 3 — 31) Клерка помѣщена въ той же книжкѣ (стр. 35—67) Рѣчь г. Клерка, говоренная къ господамъ кадетамъ императорскаго сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, въ присутствіи высокопочтенныхъ членовъ совѣта, при начатіи курса физики, натуральной исторіи и химіи. —

— Discours prononcée dans l'assamblée générale de l'académie impériale des beaux-arts de S.-Pétersbourg, le 2 septembre 1773, par m. *Clerc*, ancien médecin des armées du roi de France, et de mgr. le duc d'Orléans, premier prince du sang; actuellement médecin de son altesse impériale mgr. le grand amiral de Russie, et du corps des cadets de terre, directeur des études de ce corps, professeur et conseiller de l'académie des arts, membre de celle des sciences de Pétersbourg, de Rouen, et correspondant de plusieurs autres. Рѣчь въ публичномъ собраніи импера-

торской академіи художествъ сентября 2 дня 1773 года, говоренная г. *Клеркомъ*, профессоромъ и членомъ оныя академіи, и проч. —

— L'art de débuter dans le monde avec succès, dédié à messieurs les cadets du cinquième âge, 1774, in 8⁰. —

— Les plans et statuts de différents établissements ordonnés par l'impératrice Cathérine II pour l'éducation de la jeunesse de son royaume, trad. du russe de Betzki. Amsterdam, 1775, in 4⁰ ou 2 vol. in 12. —

— Éducation morale et physique des deux sexes, pour les rendre aussi utiles aux autres qu'à eux-mêmes, trad. du russe de Betzki. Besançon, 1777, 2 parties in 4⁰, avec fig. —

— La boussole morale et politique des hommes et des empires, dédiée aux nations. Boston (Neufchatel), 1779, in 8⁰, et Rostock (Besançon), 1780, in 8⁰. —

— Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie, ancienne et moderne. Versailles et Paris, 1783—1792. 6 vol. in 4⁰, fig. et atlas. Часть этого труда принадлежитъ сыну Леклерка, именно изъ шести томовъ около полутора тома. —

— Portrait de Henri IV; Paris, 1783, in 8⁰. —

— Atlas du commerce. Paris. 1786, in 4⁰. —

— Abregé des études de l'homme fait en faveur de l'homme à former, dédié aux représentants de la nation. Paris, 1789, 2 vol. in 8⁰.

— Les maladies du coeur et de l'esprit; Paris, 1793, 2 vol. in 8⁰. —

— Le patriotisme du coeur et de l'esprit, ou l'accord des devoirs et des droits de l'homme pour le bonheur commun; Paris et Versailles, 1795, in 8⁰. —

— Traité des maladies morales qui ont affecté la nation française depuis plusieurs siècles. Paris, 1798, in 8⁰. —

Отъ Леклерка осталось много рукописныхъ сочиненій, находящихся (или находившихся?) въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — déposés au département des affaires étrangères.

130) Уставъ императорскаго шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, учрежденнаго въ Санктпетербургѣ для воспитанія и обученія благороднаго россійскаго юношества. 1766. О директорѣ наукъ, стр. 60 — 61. —

131) Философическія разсужденія о воспитаніи. Съ французскаго перевелъ С. Сулима, стр. 47, 62 — 63. —

132) Discours prononcé dans l'assemblée générale de l'académie imperiale des beaux arts. Рѣчь въ публичномъ собраніи академіи художествъ, 2 сентября 1773 года, стр. 34—35.—

133) Въ академическомъ протоколѣ 22 апрѣля 1765 года: Sermo nuper habitus d-ni *Clerc* prelo, ill. praesidis jussu, subjiciendus, in examen vocatus, et propter expressiones nonnullas, quae non omnibus placebant, communicatus cum academicis fuit, ut quid quisque mitigandum in illo aut omittendum autumnet, proximo in conventu indicaret. (Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстраординарнымъ академикомъ Билярскимъ. 1865, стр. 739).

134) Рукописи государственнаго архива. XVII. № 23.

Discours prononcé par m. Clerc docteur en médecine le jour de sa réception à l'accadémie (sic) impériale des sciences de St.-Pétersbourg.

Messieurs.

L'honneur que je reçois en ce jour prouve bien que l'indulgence est toujours l'effet de la lumière. Je n'étais ni désigné par une réputation brillante, ni annoncé par la gloire: mes talens ne sont point venus reconnaitre avant moi la place que j'occupe aujourd'hui dans le sanctuaire des muses. Éloigné de toute autre ambition que de celle d'être utile dans une honnête obscurité, vos bienfaits sont venus me chercher, et vous décernés à mon émalation la récompense des travaux.

Je sens à la fois le prix et le motif de vos bontés: c'est en m'honnorant que vous avés voulu m'encourager. C'est sans doute là, messieurs, la cause de l'oubli volontaire de votre supériorité;

c'est le genereux prétexte qui vous a fait violer pour moi cette loi sévère et juste qui ne permet d'entrer icy que les lauriers à la main.

Je me vois sous ceux qui vous couvrent: associé à vos honneurs, sans l'étre à votre renommée, je ne suis jusqu'apresent uni à vous que par l'envie de bien faire et par la reconnaissance la plus indissoluble.

Mais quelque vif que puisse être ce beau sentiment, dont les hommes sont malheuresement trop avarres (sic), il ne peut crécr en moi tout ce qui me manque pour justifier votre choix.

L'instant qui s'est écoulé entre vos bienfaits et ma gratitude fait que mon esprit ne peut avoir icy d'autre langage que celui du coeur: la prémiere condition d'un bonheur inattendu est de le sentir vivement; la seconde est de chercher à s'en rendre digne. Ce bonheur, si je l'obtiens, sera la somme de mes voeux?

Mais c'est trop vous parler de moi, messieurs? L'avantage d'un particulier ne peut compenser une perte publique! Le même sentiment qui me rend si sensible à la faveur que vous m'avés accordée, doit se pretter à votre juste douleur, il doit s'attendrir avec vos muses et porter le deuïl avec elles.

Il n'est plus cet homme dont le nom servira d'époque dans les annales de l'esprit humain; ce génie vaste et lumineux qui avait embrassé et éclairé plusieurs genres à la fois! Il n'est plus ce poète sublime qui dés l'instant de ses travaux vraiment glorieux, ainsi que cet oiseau qui s'élevant audessus des nues fixe sans s'éblouir d'immobiles regards sur le sein de la lumière! Quel aiglon pourra imiter la hardiesse et la rapidité de son vol? Nourrisson des muses, le feu de Pindare coulait dans ses veines; il avait hérité de la lyre d'Horace. Mais il n'est plus! La société a jouï de ses lumieres, vos fastes jouiront de sa gloire; il sera révéré partout où il y aura des hommes de gout. La renommée ne parle jamais plus haut que quand l'homme n'est plus à portée de l'entendre: du même essort dont elle franchit les tems, elle franchit les lieux, et son étendue est le sceau de sa durée.

Quels regrets, messieurs, pour cette académie et quelle perte pour cet empire, que les travaux De Lomonozoff n'ayent pas été couronnés par le plus beau, le plus noble et le plus grand de tous les succès et en même tems le plus digne de ce poète illustre! C'était à lui qu'il était réservé de donner à la Pétréiade cette empreinte d'immortalité qui lui est propre. C'était à lui à rendre la vie au héros qui en est le sujet, et à nous retracer les grands desseins et les grands mouvemens qui l'agitaient, et à les exprimer avec majesté. Qui pourra suivre et perpétuer cet ouvrage si dignement ébauché? Par quelle fatalité, messieurs, le créateur de cet empire, l'élève de Mars, le père des muses, votre fondateur auguste, a-t-il échappé au pinceau mâle, au brillant coloris de cet Apelle? Il était fait pour Alexandre.

Qui de nous, messieurs, se chargera de le remplacer? comment se flatter de peindre dans un seul homme l'âme universelle de plusieurs héros?

Pierre le grand n'eut point d'enfance, ou du moins elle ne ressembla pas à celle des hommes ordinaires: Minerve, que la fable fait sortir toute armée du cerveau de Jupiter, n'est que l'heureux emblème de cette vérité. Ce fut envain qu'on chercha à ètouffer dans la molesse et les plaisirs cette plante royale qui se développait chaque jour et devenait plus vigoureuse; son cœur qui ne fit que les éffleurer, ne s'ammolit point et sa raison resta ferme: l'or jetté au feu peut bien perdre un peu de sa façon, mais le poids et la matière demeurent entiers et ce métal n'en devient que plus pur.

Il est certain, messieurs, que le génie de Pierre le grand a presque toujours supléé à ce que l'on n'acquierre ailleurs que par l'éducation et l'expérience la plus consommée. Pour s'en convaincre il suffit de jetter un coup d'oeil rapide sur les époques de la vie de ce héros. A cet âge même où les organes dociles au seul instinct de la nature n'ont guères d'autre convenance avec ce qui les affecte, Pierre le grand tourna les yeux sur lui-même et sur son peuple; il comprit que ce n'est point la fortune qui

domine le monde, mais que c'est les maximes d'une bonne institution; que la vraie opulence est dans les moeurs et non pas dans les richesses qui les corrompent; que l'urbanité, les usages utiles, les sciences et les arts, ont toujours été et seront toujours les plus belles et les plus glorieuses conquêtes de maitres de la terre. Il sentit, dis-je, et ne dût ce sentiment qu'à lui-même, que c'est de la grandeur du prince et du peuple que résulte la solide gloire de l'étât. C'est sous ce point de vue que la saine politique et l'humanité lui montrèrent ses véritables intérêts dans celui des sujets sans nombre qui tremblaient sous sa puissance.

Pénétré de douleur à la vue de l'ignorance profonde et de la grossiéreté où ils vivaient, le maitre d'un des plus grands empires du monde, l'arbitre des loix, l'exécuteur de leur pouvoir, eut assez de courage pour se voir petit; ou s'il sentit sa propre grandeur, il ne rougit point d'en augmenter le fond et d'y ajouter l'éclat qui lui manquait. Le premier et le plus dangereux de tous les pas était de dechirer le double voile de l'ignorance et de la superstition qui couvrait ses étâts et qui les cachait à l'Europe. Il fallait sans doûte courir bien des dangers, essuier bien des fatigues, des veilles et des douleurs pour en venir a bout: aussi Pierre n'en chargea-t-il pas ses ministres; de tels obstacles exigeaient l'amour d'un père, le zèle d'un citoyen et le courage d'un héros.

Rempli du beau feu qui l'anime, Pierre abandonne par amour pour ses peuples ce à quoi César, Pompée et Auguste n'avaient aspiré que pour eux-mêmes. Il descend du trône pour en apprendre le véritable usage; il part et voiage *incognito* pour s'instruire des arts de la guerre et de la paix, afin d'y appliquer ensuite l'industrie presque née avec ses sujets. Les arts méchaniques, les plus nécessaires de tous à la société, fûrent avec raison le premier objet de ses pénibles recherches, et l'Europe étonnée vit pour la première fois la hache briller avec autant d'éclât, que le sceptre dans les mains de l'auguste charpantier de Sardam.

Qui de nous, messieurs, ne se rapelle dans cet instant Julien

qui vole sur les bords de l'Euphrâte, et qui ne croit pas, dit-il, acheter trop cher une connaissance, une vérité de plus par un voiage de mille lieux.

Mais tandisque Pierre le Grand perfectionne ses propres talens et recueille ceux des étrangers, tandisqu'il invite auprès de lui tous les philosophes, qu'il ne rougit point d'en composer sa cour et qu'il se propose de transplanter dans le nord tous les arts du midi, qui le croirait? en travaillant à faire des heureux, ce héros fait des mécontens. Le tendre père de ses sujets s'en attire la haine! Ne nous en étonnons pas: c'est le sort des grands hommes, Pierre était grand. La superstition qui s'allarme des moindres rayons du vrai s'indigna que Pierre osat frapper ces grands coups qui rendent un empire si différent de lui-même: le prêtre fit parler la religion, le ministre ses intérêts, le peuple ses préjugés, et tous leur ignorance chérie.

L'emulation de Pierre le grand portait sur le vrai bien de son empire, son coeur ne sentit point le dégout qu'inspire naturellement l'ingratitude aux hommes ordinaires. Ces obstacles loin de l'arrester ne firent que l'affermir dans le dessein d'en triompher: rien ne peut opprimer la vraie grandeur d'âme et la supériorité de génie.

La présence du héros était nécessaire; il se hâte de regagner ses états; il arrive, mais plus brave qu'Auguste il ne porta point au sénat une cuirasse sous sa robe: il réprime la licence, punit en maitre, et comme Hercule il terrasse les hydres renaissantes prêtes à le dévorer.

Mais ou m'emporte, messieurs, l'amour de la vérité? Toute la vie de ce héros est une espece de prodige, et si l'on veut faire son éloge on ne sçait où le commencer, ni où le finir.

Comment ma faible voix pourrait-elle lui payer le juste tribut que lui doivent les arts et la patrie?

Dans la prospérité plus sage qu'Antiochus et Tigraines, il méconnut les délices et l'orgueil; dans les revers il ne fut pas vaincu par la crainte, comme Persée et Jugurtha. Toujours supérieur

aux événemens, battu il resta ferme, vainqueur il fut humain. Icy, c'est Alexandre; là, on croit entendre Bélizaire dire à ses soldats: les perses ne nous surpassent point en courage, ils n'ont sur nous que l'avantage de la discipline.

Oui, messieurs, j'ose le dire: les héros de l'antiquité ne me paraissent point approcher de ce héros moderne! Ils avaient toutes les facilités possibles pour l'héroisme, et Pierre le grand n'avait pour lui que son génie. Avec le pouvoir arbitraire il fut le protecteur des loix; il se soumit lui-même aux sévères institutions qu'il forma pour le bien de ses sujets. Il rétablit la discipline militaire et l'y conforma le premier; il inspira la subordination en parcourant lui-même tous les grades, et si quelquefois il reserva pour lui les premiers roles, il n'oublia jamais que les sçavants méritent le second.

Quoique ses peuples ne fussent pas préparés à ces grands changemens par les regnes précédens, il n'y eût cependant presque point d'intervalle entre la paresse et le travail, la superstition et la lumiére, l'ignorance et les arts, la férocité et l'urbanité des moeurs.

La vanité de donner son nom à une ville nouvelle détermina Constantin de porter en orient le siège de son empire: un motif plus noble engagea Pierre le grand a sêcher les marais de l'Estonie et opposer des digues à la mer. L'amour et l'utilité animaient le monarque; son zèle et sa tendresse vinrent a bout des merveilles que nous admirons. On vit une capitale sortir de dessous les eaux. La Russie presque inconnue jusqu'alors reçut chez elle les richesses des deux mondes; la Néva vit comme le Nil ses eaux procurer à la Russie l'abondance que ce fleuve répand sur les terres d'Egypte.

C'est ainsi, messieurs, que Pierre le grand par son travail, son expérience et sa valeur, s'acquit une réputation immortelle. Mais s'il fut le héros des grandes actions, il fut aussi le modèle de la constance, le triomphe de la sagesse, l'étonnement et l'instruction des siècles, des princes et des rois.

Ce héros survécut à la gloire, mais il regna trop peu pour l'avantage de ses sujets. La mort en comptant ses lauriers le prit maladroitement pour un viellard; elle seule aussi pouvait abattre ce courage qui l'avait défiée tant de fois. Il finit plus grand en toutes choses que sa fortune et sa couronne.

La briéveté que je me suis prescritte ne me permet pas, messieurs, de parcourir toutes les époques brillantes aux quels le règne de Pierre le grand a donné lieu. On sçait que Catherine premiere fut l'éléve, la digne émale, l'auguste compagne de ce héros.

Pierre second n'eût que le tems de faire regretter les qualités les plus éminentes, et cet astre disparût avec la rapidité d'un nuage emporté par les vents.

Anne pour marcher vers la gloire suivit la routte qui lui était ouverte.

Elizabeth réunit en elle tout ce que ses prédécesseurs au trône avaient eu de bon et de grand: la clémence, l'amour maternel, les dons aimables sont les traits qui la caractérisent. Fille d'un heros citoyen, elle avait apprise du plus grand des maîtres, que le choix des hommes de toutes les nations fait la gloire des empires, et que l'étât qui les réunit jouit seul des avantages de tous les autres.

C'est à vous, messieurs, de nous retracer l'éclât de ces règnes; l'histoire l'attend de votre juste reconnaissance.

Pour moi qui n'ay pas eu le bonheur de les voir, je me hâte de passer aux merveilles dont je suis le témoin. Que ne puis-je vous rendre tout ce que je sens en ce moment avec ce beau feu et cette majestueuse éloquence si digne de Catherine II!

Je vous peindrais, messieurs, une princesse dont les arts couvrirent le berceau de leurs plus douces fleurs. Sensible aux charmes dont les lettres dorent nos jours, elle les cultive en Platon et les protège comme Christine. Née avec tous les gouts, l'amour, les lumières et les bienfaits l'annoncent. L'univers est un champ où son oeil sçavant cherche à démesler les plantes salutaires, languis-

santes sur le sol qui les vit naitre pour les exposer aux rayons d'un soleil bienfaisant; aucun de leurs rameaux ne dépériront faute de ces sucs qui y portent la substance et la vie.

Muses, Catherine vous apelle! Talens, venez, volez dans ses bras! Ne redoutez point le vent du nord: il n'éteindra plus la lueur de vos flambeaux. Si l'envie apella quelquefois des orages contre vous, icy sa fureur est impuissante: Catherine règne, vous avez un port assuré. Elle veillera à votre bonheur avec complaisance. Vous trouverez dans une souveraine auguste ce tact exquis qui nait du sentiment et qui en est la perfection; ce coup d'oeil qui saïsit tout, cette justesse qui triomphe de tout et cette heureuse sagacité qui discerne tout.

Sages, Catherine est digne de votre estime! Grande en public, vous la trouverés majestueuse dans le cabinet.

Vous serés heureusés, disait l'antiquité aux nations, quand les rois seront philosophes ou quand les philosophes seront rois. L'oracle est accompli: le trône de Russie vous offre ce beau spectacle; venez voir par vous-mêmes comment Catherine sçait se former un nouvel empire et le gouverner avec cet esprit d'ordre et de sagesse qui se réfléchit dans vos maximes.

O vous, mon héros et celui de l'humanité; vous, qui tenés la chaine des sçiences et des vérités utiles; vous, le prince des philosophes français dont Catherine désira la présence! Pourquoy avez vous résisté au charme persuasif de cette héroine sacrée? Christine fut l'amie de Descarte; la même faveur vous était reservée.

Beaux arts, génies, talens, aimez Catherine autant qu'elle vous aime! Venez l'envelopper de toute votre gloire. C'est la seule qu'elle puisse ajoutter à l'amour et aux voeux de quarante peuples dont elle fait le bonheur.

fin. —

Отрывокъ изъ рѣчи Леклерка, касающійся Ломоносова, приведенъ покойнымъ академикомъ Пекарскимъ, въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Записки императорской академіи наукъ. 1867.

Томъ десятый. Книжка II. О рѣчи въ память Ломоносова, произнесенной въ академіи наукъ докторомъ Леклеркомъ, П. Пекарскаго, стр. 178—181. Вмѣсто *Болтина* здѣсь, по случайной ошибкѣ, названъ *Бутурлинъ*. —

Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1873. Т. II, стр. 877—879. —

135) Histoire de la Russie moderne. 1783. T. I. Le combat de Tzesme, poème épique en cinq chants, par m. Kéraskof (стр. 101—129).—Traduction exacte et littérale d'une partie du premier chant du poème épique de Pierre-le-grand, par Michel Lomonosof (стр. 130—140). —

136) Россійскій ѳеатръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ ѳеатральныхъ сочиненій. 1786. Ч. XI, стр. 5 — 84. О время! Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы 1772 года. — O temps! o moeurs! Comédie en trois actes, composée en 1772 par l'impératrice Cathérine II, et traduit du russe en français par m. *Leclerc*. Imprimée pour la société des bibliophiles français. 1826. (Карандашемъ приписано: en 25 exemplaires). На оборотѣ заглавнаго листа напечатано: Cette pièce a été composée en langue allemande (l'impératrice composait toutes ses pièces en allemand, et les faisait ensuite traduire en russe) par l'impératrice Cathérine II, à Jaroslaf, pendant le temps de la peste, et traduite en 1772 par m. *Leclerc*, né à Baume en Franche-Comté, médecin du grand duc Paul, et auteur d'une histoire de Russie. Le manuscrit de cette traduction m'a été communiquée par m. Leclerc, chevalier de Saint-Louis, neveu du traducteur, et qui demeure à Saint-Vit, departament du Doubs. Cathérine se plaisait aux compositions dramatiques. La théâtre de l'Hermitage renferme des scènes, des proverbes écrits en français; elle les faisait répresenter dans une de ses maisons de plaisance, devant une société choisie et peu nombreuse. Cette pièce est aussi froide que les scènes du théâtre de l'Hermitage. On y trouve quelques détails qui peuvent n'être pas admis par la délicatesse française, mais que j'ai cru pourtant devoir con-

server comme ayant une couleur locale. Le style est dépourvu de grace et de légèreté. M. Leclerc, médècin et historien, avait peut-être plus de gravité que n'en exige la traduction d'une pièce comique. Quoi qu'il en soit, le nom de l'auteur doit suffir pour piquer la curiosité et sauver cette pièce de l'oubli. Guillaume.

137) Исторія Россіи Леклерка издана въ *шести* томахъ, изъ которыхъ три заключаютъ въ себѣ, по заглавію, исторію древней (ancienne) Россіи, и три—исторію новой (moderne) Россіи:

Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Par m. Le Clerc, écuyer chevalier de l'ordre du roi, et membre de plusieurs académies. 1783—1784.—

Первый томъ, вышедшій въ 1783 году, заключаетъ въ себѣ исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашествія монголовъ. —

Второй томъ, вышедшій также въ 1783 году, содержитъ въ себѣ продолженіе—отъ нашествія монголовъ до междуцарствія. Въ приложеніи помѣщена Historia numismatica imperii Russici.

Третій томъ, вышедшій въ 1784 году,—отъ междуцарствія до кончины Петра Великаго. Нѣсколько обширныхъ приложеній: Forme des procedures judiciaires établies par Pierre-le-grand; Code militaire de Pierre-premier, и пр.

Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Par. m. *Le Clerc*. 1783—1792 (l'an II-e de la république française).

Первый томъ исторіи новой Россіи, вышедшій въ 1783 году, представляетъ собою сборникъ многочисленныхъ статей, какъ-то: о русскихъ писателяхъ (изъ словаря Новикова); статистика подданныхъ россійской имперіи; болѣзни, господствующія въ населеніи Россіи; исторія русскаго дворянства; государственные доходы Россіи, и т. д., и т. д.

Содержаніе втораго тома, вышедшаго въ 1785 году, распадается на два, независимые одинъ отъ другаго, отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ продолженіе третьяго тома исторіи древней

Россіи (histoire de la Russie ancienne), отъ вступленія на престолъ Екатерины I до кончины императрицы Елисаветы Петровны (стр. 1 — 260). Второй отдѣлъ, т. е. вся остальная часть книги (стр. 261—605) принадлежитъ сыну Леклерка. Она озаглавлена такъ: Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Livre cinquième, contenant la topographie; l'histoire naturelle des provinces, et le precis historique des peuples.

Третій и послѣдній томъ вышелъ въ 1792 году подъ такимъ названіемъ: Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Tome troisième. Contenant la suite de la topographie, de l'histoire naturelle des quarante deux gouvernemens, et le précis historique des peuples de ce vaste empire.

Цѣль и значеніе книги Леклерка опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

L'histoire de la Russie ancienne et moderne est, en quelque sorte, l'histoire générale des hommes et des empires, par ses rapports avec les peuples de la Grèce, de l'Asie septentrionale, et du nord de l'Europe. L'auteur n'a point écrit pour un petit nombre de lecteurs; tout le genre humain existe pour lui; et d'après ce sentiment, il a écrit pour tous les gouvernemens, pour les hommes de tous les pays et de tous les états, mais particulièrement pour la France, dont les administrateurs n'ont pas su profiter des grandes et utiles leçons que renferme le discours préliminaire du premier volume de l'histoire ancienne, publié en 1783: les causes et les effets d'une grande révolution prochaine y sont analysés, et l'application sensible.... L'auteur ne regrette aucun des sacrifices qu'il a fait pour instruire et plaire à la fois: ses travaux lui ont mérité la plus flatteuse des récompenses pour l'homme de bien, l'estime publique. —

138) Histoire de la Russie moderne. T. II, стр. 260—262. Леклеркъ-сынъ начинаетъ трудъ свой словами: Si, comme il est vrai, l'homme est modifié dès l'enfance par ceux qui l'environnent, rien ne pourrait me disculper de ne pas suivre l'exemple et les

conseils d'un père honnête et laborieux, toujours fidèle aux devoirs de l'homme et du citoyen, que rien n'a pu déterminer à tromper les hommes, et à renoncer à son caractère; qui ignore l'art de flatter et qui en dedaigne les méprisables avantages; qui ne veut obtenir de réputation que celle qui s'acquiert par l'estime, et qui n'accepterait pas la fortune et les dignités sans la certitude de faire le bien, ou d'aider à le faire. Tel est le père que j'ai le bonheur d'avoir pour ami et pour guide; et l'hommage que ma gratitude lui rend ici, ne sera pas désavoué par l'opinion publique.—

139) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова, 1867, стр. 98. —

Histoire de la Russie moderne. I. стр. 84. —

140) Histoire de la Russie ancienne. II, стр. III—V. —

141) Письмо князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи, къ одному его пріятелю на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ г. генералъ-маіора Болтина, творца примѣчаній на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка. 1789, стр. 4, 3. —

142) Histoire de la Russie moderne. I, стр. 52—100. —

143) Матеріалы для исторіи русской литературы. 1867, стр. 38—39, 53—56, 112—113. —

Histoire de la Russie moderne. I, 62—63, 84—85, 83—84, 64—65, 75—77, 98. —

144) Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи, Леклерка, соч. Ив. Болтинымъ. I, 86—88. —

145) Примѣчанія на Леклерка. II, 190—192.—

146) Примѣчанія на Леклерка. I, 118—119. —

147) Примѣчанія на Леклерка. II, 360—362.—

148) Примѣчанія на Леклерка. I, 168. —

149) Примѣчанія на Леклерка. I, 162; 551—552. —

150) Примѣчанія на Леклерка. II, 467—468. —

151) Примѣчанія на Леклерка. I, 527—528.—

152) Примѣчанія на Леклерка. I, 134—135. —

153) Примѣчанія на Леклерка, II, 42. —

154) Примѣчанія на Леклерка. II, 504—505.—

155) Ср. Histoire de mr. Bayle et de ses ouvrages. Par mrs. de la Monnoye. Amsterdam. 1716, и мн. др.

156) Dictionnaire historique et critique par m. Bayle. 1740, T. IV, стр. 631—632, 644, 626;—T. III, стр. 607; — T. IV, стр 315. —

157) Dictionnaire historique et critique par m. Bayle. T. II, стр. 809, 43, 207, 763. —

158) Примѣчанія на исторію Россіи Леклерка. II, 287—288. —

Dictionnaire historique et critique par Bayle. T. II, стр. 674—676.—

159) Примѣчанія на Леклерка. II, 245. —

Dictionnaire historique et critique. T. II, стр. 187, 247.—

160) Примѣчанія на Леклерка. I, 200—202.

Dictionnaire historique et critique. T. II, стр. 574—575.—

161) Примѣчанія на Леклерка. I, 163. —

Dictionnaire historique et critique. T. III, стр. 123.

162) Примѣчанія на Леклерка. I, 117—118. —

Dictionnaire historique et critique. T. I, стр. 232. —

163) Примѣчанія на Леклерка. I, 125—127;—II, 67. —

Dictionnaire historique et critique. T. III, стр. 452; T. II, стр. 603;—T. I, стр. 191. —

164) Примѣчанія на Леклерка. I, 200, 191—192, 167, и др. —

165) Примѣчанія на Леклерка. I, 471;—II, 246. —

166) Примѣчанія на Леклерка. II, 300, 474—476, 244.—

167) Примѣчанія на Леклерка. I, 530 — 531; — II, 387, 120. —

168) Oeuvres completes de Voltaire. A Basle. 1785. Томы: XVI, XVII, XVIII и XIX. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII. Essai sur les moeurs. T. I, стр. 239 и др.; 410—411.—T. IV, стр. 348—349. —

169) Essai sur les moeurs. I, 357, 210, 176, 204. —

170) Essai sur les moeurs. IV, 351 — 352. —

171) Georg von Bradke's Eigene aufzeichnungen über sein leben bis zum jahre 1854. Als manuscript gedruckt. 1871, стр. 12. —

172) Сочиненія Ломоносова. 1850. Явленіе Венеры на солнцѣ. стр. 272—273.—

173) Примѣчанія на Леклерка. II, 310.— I, 12—14.—

174) Примѣчанія на Леклерка. II, 5—6, 325.—

175) Примѣчанія на Леклерка. I, 184. —

176) Примѣчанія на Леклерка. I, 128—129. —

177) Примѣчанія на Леклерка. I, 171, 157, 159.—

178) Essai sur les moeurs. I, 290.
Примѣчанія на Леклерка. I, 183. —

179) Примѣчанія на Леклерка. I, 590, 120,—182.—

180) На русскій языкъ переведены:

Jenneval, ou le Barnevelt français, drame en cinq actes, en prose. Paris. 1769. —

Женневаль или французской Барневель, драма въ пяти дѣйствіяхъ въ прозѣ. Сочиненія г. Мерсье. Перевелъ съ французскаго И. В. Печатана въ Москвѣ 1778 года.

Женневаль, или французскій Барневельтъ, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Переведена съ французскаго языка Алексѣемъ Пушкинымъ. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1783 года. —

Le Déserteur, drame en cinq actes, en prose. Paris. 1770.—

Бѣглецъ, драмма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Мерсіера. Переведена съ французскаго на россійскій языкъ М. С. Ижди-

веніемъ Н. Новикова и компаніи. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у Н. Новикова, 1784 года.

La Brouette du vinaigrier, drame en trois actes et en prose. Londres (Paris). 1773. —

Уксусникъ. Драмма въ трехъ дѣйствіяхъ г. Мерсіера. Переведена съ французскаго языка К. Н. Г. Съ указнаго дозволенія. Въ Москвѣ. Печатано въ театральной типографіи у Христофора Клаудія, 1785 года. —

Le Philosophe du Port-au-Bled (fragment). 1781. —

Философъ, живущій у хлѣбнаго рынку. Изданіе второе. Въ Санктпетербургѣ 1786 года. Печатано съ дозволенія указнаго у г. Вильковскаго и Галченкова.

Философъ, живущій у хлѣбнаго рынку. Изд. вторично П. Б. Въ Санктпетербургѣ. 1792 г.

Философъ, живущій у хлѣбнаго рынку. Москва. 1829.

Tableau de Paris. —

Картина Парижа. Томъ первый. Печатано въ типографіи морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, 1786 года. —

La Sympathie, histoire morale. Amsterdam. 1767. —

Симпатія, нравоучительная исторія, сочиненіе г. Мерсіера. Переведена 1786. Печатана въ московской сенатской типографіи у содержателя В. О. 1787 года, съ одобренія опредѣленныхъ цензоровъ.

Le Juge, drame en trois actes

Судья, драма, переводъ изъ

et en prose. Londres (Paris). 1774.	сочиненій господина Мерсьера. Н. И. П. Москва, въ типографіи Понамарева, 1788 года. (Переводъ и предисловіе Лабзина). —
Mon bonnet de nuit; pour faire suite au Tableau de Paris. Neufchatel. 1784.	*Мой спальной колпакъ.* Сочиненіе г. Мерсіе. Переводъ съ французскаго. Издано И. Р. Съ указнаго дозволенія. Въ Санктпетербургѣ. 1789. —

181) Tableau de Paris. Nouvelle édition, corrigée et augmentée. Absolument conforme à celle en quatre volumes. A Amsterdam. 1782. Издатели говорятъ: Cette édition du Tableau de Paris en quatre volumes, imprimée sous les yeux de l'auteur, est la seule qu'il avoue. —

L'an deux mille quatre cent quarante. Rêve s'il en fut jamais. A Londres. 1772. Съ эпиграфомъ: Le tems présent est gros de l'avenir. Leibnitz.

182) Tableau de Paris. Tome II, p. 352 — 353. —

183) L'an deux mille quatre cent quarante, стр. 389, 396—397.

184) Tableau de Paris. II, 121 — 123. —

185) L'an deux mille quatre cent quarante, стр. 360—377. —

186) Tableau de Paris. II, 255 — 259. —

187) Примѣчанія на Леклерка. II, 524, 529. —

188) Примѣчанія на Леклерка. I, 234—235, 237—239. —

189) L'an deux mille quatre cent quarante. 381 — 384. — Примѣчанія на Леклерка. I, 236 — 237. —

190) Примѣчанія на Леклерка. I, 471 — 472. —

191) Примѣчанія на Леклерка. II, 224 — 225. —

192) Примѣчанія на Леклерка. I, 275 — 276. —

193) Примѣчанія на Леклерка. I, 433—434. —

194) Примѣчанія на Леклерка. II, 243, 246. —

195) Примѣчанія на Леклерка. II, 325—326.—

196) Примѣчанія на Леклерка. II, 328. —

197) Примѣчанія на Леклерка. II, 354. —

198) Критическія примѣчанія генералъ-маіора Болтина на вторый томъ Исторіи князя Щербатова. 1794, стр. 82—83.—

199) Критическія примѣчанія генералъ-маіора Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова. 1793, стр. 28—29.—

200) Критическія примѣчанія Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 251 — 252. —

201) Отвѣтъ Болтина на Письмо князя Щербатова. 1793, стр. 13 — 14. —

202) Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ Исторіи кн. Щербатова, стр. 43 — 44. —

203) Примѣчанія на Леклерка. I, 363. —

204) Примѣчанія на Леклерка. I, 400. —

205) Примѣчанія на Леклерка. II, 547—548.—

206) Примѣчанія на Леклерка. II, 324—325.—

207) Примѣчанія на Леклерка. I, 69 — 70:

«Г. Леклеркъ, прилагая переводъ съ мирнаго докончанія, учиненнаго Олегомъ съ императоромъ греческимъ, переводитъ тако:

«Въ случаѣ, аще убійца уйдетъ, имѣнія его и жена его да будутъ ближнему родственнику убіеннаго».

Г. Левекъ переводитъ его иначе:

«Аще убійца убѣжитъ и оставитъ домъ свой, часть имѣнія его да отдано будетъ ближнему родственнику убіеннаго, а жена убійцы получитъ другую часть имѣнія, которая, по силѣ закона, долженствуетъ ей принадлежати».

И по причинѣ сея разности г. Леклеркъ возражаетъ:

«Читателю остается судить, знаменитый ли Ломоносовъ, который приводитъ трактатъ сей, меньше зналъ языкъ славянскій или переводчикъ французскій» то есть Левекъ.

Нетрудно доказать, чей переводъ справедливѣе. Въ Несторовой лѣтописи написано: «Ащель убѣжитъ сотворивый убійство, аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь, яже его будетъ по за-

кону, да возьметъ ближній убіеннаго; а и жена убившаго да иметъ толицемъ, еже пребудетъ по закону». Явственно, что переводъ Левековъ сдѣланъ съ Нестора» и т. д.

208) Отвѣтъ Болтина на письмо князя Щербатова, стр. 56—57.—

209) Примѣчанія на Леклерка. I, 180—181.—

210) Примѣчанія на Леклерка. II, 401—402.—

211) Примѣчанія на Леклерка. II, 475—476.—

212) Примѣчанія на Леклерка. I, 86—87.—

213) Правда русская, изд. любителями отечественной исторіи. 1799. стр. 54.—

214) Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ исторіи князя Щербатова, стр. 47.—

215) Отвѣтъ Болтина на письмо князя Щербатова, стр. 132.—

216) Примѣчанія на Леклерка. I, 575.—

217) Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ, соч. Иваномъ Болтинымъ. 1782, стр. 20.—

218) Примѣчанія на Леклерка. II, 59.—

219) Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ исторіи князя Щербатова. стр. 296—297.—

220) Примѣчанія на Леклерка. I, 278;— II, 7.—

221) Примѣчанія на Леклерка. I, 268. —

222) Примѣчанія на Леклерка. II, 542.—

223) Примѣчанія на Леклерка. I, 4.—II, 193.—

224) Примѣчанія на Леклерка. II, 319—320.

225) Примѣчанія на Леклерка. II, 379.—

226) Примѣчанія на Леклерка. I, 445.—

227) Примѣчанія на Леклерка. II, стр. XXVI — XXIX; 412—414.—

228) Примѣчанія на Леклерка. II, 384—385.—

229) Примѣчанія на Леклерка. II, 366—367.—

230) Примѣчанія на Леклерка. I, 371.—II, 72, 419.—

231) Примѣчанія на Леклерка. II, 56 — 59. —

232) Примѣчанія на Леклерка. II, 313. —

233) Примѣчанія на Леклерка. II, стр. XXXVI. —

234) Примѣчанія на Леклерка. I, 209, 305—306. —

235) Примѣчанія на Леклерка. I, 2—3. —

236) Примѣчанія на Леклерка. I, 67 — 69, 279 — 281, 103.—

237) Примѣчанія на Леклерка. I, 338. —

238) Примѣчанія на Леклерка. II, 367—368. —

239) Примѣчанія на Леклерка. II, 536, 139.—I, 307.—

240) Примѣчанія на Леклерка. II, 291—300.—

241) Примѣчанія на Леклерка. I, 85 — 86. —

242) Примѣчанія на Леклерка. I, 79 — 80. —

243) Примѣчанія на Леклерка. I, 155 — 156. —

244) Примѣчанія на Леклерка. II, 304—305.—

245) Примѣчанія на Леклерка. I, 322. —

246) Примѣчанія на Леклерка. I, 607. —

247) Примѣчанія на Леклерка, I, 469 — 470. —

248) Примѣчанія на Леклерка. II, 6 — 17. —

249) Примѣчанія на Леклерка. II, 115—118.—

250) De l'Esprit des lois. 1749. Часть I, книга XIX, глава XIV, стр. 308 — 309: Quels sont les moyens naturels de changer les mœurs et les manières d'une nation. —

251) Примѣчанія на Леклерка. II, 152—153.—

252) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе П. Пекарскаго. 1862. Томъ I, стр. 325 — 326.

253) Samuelis von Pufendorff Einleitung zu der historie der vornehmsten reiche und staaten, so jetziger zeit in Europa sich befinden. 1705, стр. 705 — 706.

Введеніе въ исторію европейскую чрезъ Самуила Пуфендарфія на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, таже чрезъ Іоанна Фридерика Крамера на латинскій преложенное. Печатано въ санктпетербургской типографіи 1723 году, іюля въ день, стр. 737—738:

Von der russischen nation	О нравѣхъ и о разумѣ народа

qualitäten ist nicht viel sonderliches zu schreiben, das ihnen zu grossem ruhm dienen kan. Bei ihnen ist keine solche kultur, als bei den meisten andern europäischen völkern. Sind missträuisch, grausam und blutdürstig. Wenn ihnen das glück füget, für übermuth unerträglich, im unglück aber kleinmüthig und verzagt. Halten doch sehr viel von sich selbst und kan man ihnen nicht gnug ehre anthun. Zur schacherei sind sie sehr geschickt und verschlagen. Sind von knechtischem gemüthe, und wollen mit strenge regieren sein. Und wie alle spiele bei ihnen auff stossen und schlagen auslauffen, also lassen sich prügel und peitschen bei ihnen lustig brauchen. —

россійскаго ничтоже воспоминати имѣетъ, еже бы съ великою ихъ славою сопряжено было. Ниже бо россіане тако суть устроены и политичны, якоже прочіи народи европскіи. Зазорны же и невѣродержателны суть, свирѣпы и кровежаждущіе человѣцы; въ вещахъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостію возносятся; въ противныхъ же вещехъ низложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнящіи, ниже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и великимъ, почитаніемъ удоволитися можетъ; ко прибылѣ и лихвѣ, хитростію собираемой, никійже народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ, рабско смирятися и жестокостію власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей великое у нихъ и частое есть употребленіе.—

254) De l'Esprit des lois. 1749. Часть I, книга XV, главы VI и VII, стр. 245 — 246: Comme tous les hommes naissent égaux, il faut dire que l'esclavage est contre la nature, quoique dans certains pays il soit fondé sur une raison naturelle; et *il faut bien distinguer ces pays d'avec ceux où les raisons naturelles même les rejettent, comme les pays d'Europe où il a été si*

heureusement aboli... Les *moscovites* se vendent très-aisément. A *Achim* tout le monde cherche à se vendre; quelques-uns des principaux seigneurs n'ont pas moins de mille esclaves, qui ont aussi beaucoup d'esclaves sous eux, et ceux-ci beaucoup d'autres; on en hérite et on les fait trafiquer. —

255) Etat present de la grande Russie ou Moscovie, contenant l'histoire abregée de la Moscovie; un abregé chronologique des czars ou empereurs qui y ont regné jusqu'à present, et la relation de ce que Pierre Alexeowitz, à present regnant, a fait de plus remarquable dans ses etats, traduite de l'anglais de Jean Perry. Paris. 1717: Le naturel mechant des moscovites et la bassesse en laquelle ils sont nouris, joint à la servitude, pour laquelle ils semblent être nés, fait que l'on est contraint de les traiter en bêtes plutôt qu'en personnes raisonnables. Les moscovites estiment si peu l'avantage de la liberté, que ceux qui sont nés libres, mais pauvres, se vendent avec toute leur famille pour peu de choses, et ils ne font pas difficulté de se vendre encore une fois après avoir recouvré leur liberté par la mort de leur maître ou par quelque autre occasion (стр. 52 — 53). —

Etat present de la grande Russie, contenant une relation de ce que s. m. czarienne a fait de plus remarquable dans ses etats, et une description de la religion, des moeurs etc. tant des russiens, que des tartares et autres peuples voisins. Par le capitaine Jean Perry. A la Haye. 1717: C'est un mot commun entre les etrangers, qui sont dans ce pays-là: voulez-vous savoir si un moscovite est honnête homme, voyez s'il a du poil au creux de la main, et si vous n'y en trouvez pas, concluez qu'il ne l'est point. Ce peuple est en général si éloigné d'avoir aucun sentiment de honte, quand il a fait une mechante action, qu'il regarde la qualité de fripon comme quelque chose de recommendable, et qu'il dit d'un homme de ce caractère: il entend le monde, et ne manquera pas de prosperer. Au contraire on dit d'un honnête homme: *un cloup nemet shiet* (глупый нѣмчинъ?) — c'est un sot, il ne sait pas comment il faut vivre. Ils ont si peu d'égard pour leur parole,

et ils ont si peu de connaissance de l'honneur pris dans son véritable sens, qu'il n'y a dans leur langue aucun mot qui le puisse exprimer (стр. 207—208). —

256) Prolusio de auctoribus supellectilis litterariæ historiam russicam proxime spectantis a Ioanne Theophilo Buhle. Mosquae. 1811, стр. 5: Docti exteri, etiamsi plures annos in Russia vixissent, raro sufficienter intelligerent, aut praejudicatis opinionibus abrepti justo pretio aestimarent, quidquid auctores russici ad illustrandam patriae historiam contulere.—

257) Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. 1792. Примѣчанія, стр. 31.—

258) Примѣчанія на Леклерка. II, 335.—

259) Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названная въ лѣтописи суздальской Поученье. 1793, стр. 26.—

260) Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 66—70.—

261) Отвѣтъ Болтина на Письмо князя Щербатова. 1793, стр. 145.—

262) Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 71.—

263) Критическія примѣчанія Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 27.—

264) Критическія примѣчанія Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 74—78, 346—352, 298—300.—

265) Критическія примѣчанія Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 149.—

266) Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 4—5, 392—393.—

267) Примѣчанія на Леклерка. I, 265—266.—

Отвѣтъ Болтина на Письмо князя Щербатова, стр. 44—48.—

268) Критическія примѣчанія генералъ-маіора Болтина на второй томъ Исторіи князя Щербатова. 1794, § XVII, стр. 43—55:

— *Ефремъ, епископъ переяславскій, во время бытности своей на семъ епископскомъ престолѣ, множество построилъ церквей, здѣлалъ всенародныя бани, и больницы, гдѣ всякой приходящій могъ безплатежно себѣ пользованіе, колико было тогда возможно, и упокоеніе обрѣтать, чего прежде въ Россіи не бывало; также заложилъ онъ и построилъ нѣсколько каменной стѣны вокругъ Переяславля, и около сего времени представился.*

Для объясненія сего мѣсто, которое изъ давнихъ лѣтъ переписчики несторовой лѣтописи переиночили, надобно мнѣ показать прежде читателю, какъ оно написано было въ древнихъ спискахъ, какимъ образомъ время отъ времяни измѣнялось отъ прибавленій суесловныхъ и приписокъ нечаянныхъ, а потомъ уже предложить мнѣніе мое, въ какомъ смыслѣ принимать его должно. Сіе будетъ нѣсколько пространно, но для утвержденія предложенія моего необходимо. Въ одной рукописной лѣтописи, имѣющейся у меня, весьма древняго почерка, написано тако: «Въ сеже лѣто священа быстъ церьковь с. Михаила въ Переяславлѣ, юже созда сущій ту епископъ Ефремъ, и всяцѣмъ благолѣпіемъ украси ю. Сей Ефремъ много зданія церьковнаго воздвиже: церьковь с. Θеодора на вратѣхъ, другую с. Андрея у вратъ, при ней же и строеніе банное каменное, и стѣну оградную каменную жъ; не бысть бо сего до селѣ въ Руси». Сію лѣтопись признаю я всѣхъ прочіихъ ближайшею къ первобытной несторовой, то есть меньше поврежденною отъ прибавленій и описокъ переписчиковъ, въ разсужденіи мѣста, о которомъ предлагается; а почему я такъ заключаю, тò въ послѣдствіи объявится. Въ несторовой печатной по кенигсбергскому списку: «въ сеже лѣто священа бысть церьковь с. Михаила переяславская, юже бѣ создалъ ту сущій епископъ Ефремъ; пристрою въ ней велику сотвори, и украси ю всякою красотою и церьковными сосуды. Сей бо Ефремъ много зданія воздвиже, заложи бо церьковь на воротѣхъ с. Θеодора, и с. Андрея у воротъ, и городъ каменъ, и строеніе банное каменно; сего же не бысть прежде въ Руси». Въ сей весьма мало перемѣнено, и прибавокъ почти нѣтъ, но позднѣйшихъ временъ списки одинъ

другаго болѣе превращенъ невмѣстными и отъ существеннаго смысла устраненными положеніями. Изъ коихъ приведу я одинъ только, за рукою К. Кривоборскаго, который довольно будучи впрочемъ исправенъ, въ семъ мѣстѣ паче всѣхъ другихъ растлѣнъ. Въ немъ написано: «въ сежъ лѣто священа бысть церьковь с. Михаила Ефремомъ митрополитомъ; бѣжъ прежъ въ Переяславли митрополія, южъ создалъ сесь Ефремъ скопецъ, и много зданія церьковнаго воздвигъ; с. Ѳеодора на воротѣхъ, и церьковь с. Андрея отъ воротъ, и баню устроилъ; отъ церьkви с. Ѳеодора заложи градную стѣну каменну». Видно, что собиратель лѣтописи, извѣстной подъ имянемъ никоновой, оную К. Кривоборскаго лѣтопись въ рукахъ своихъ имѣлъ, и не примѣтя неистовыхъ ея въ семъ мѣстѣ погрѣшностей, въ точности ей послѣдовалъ съ нѣкоторымъ еще присовокупленіемъ обыкновеннаго своего велерѣчія. Слѣдуютъ его слова: «Священа бысть церьковь с. архангела Михаила Ефремомъ митрополитомъ кіевскимъ и вся Россіи, юже бѣ создалъ велику сущу; бѣ бо прежде Переяславль митрополія, и живяху множае тамо митрополиты кіевстіи и все Россіи, и епископы поставляху тамо; и украси ю великою пристроею, и церьковные сосуды. Сей же бѣ Ефремъ скопецъ, много добродѣтеленъ, высокъ тѣломъ п сухъ. Бѣже тогда зданія много воздвигъ въ церькви с. архангела Михаила, и заложи церьковь каменну на воротѣхъ градскихъ во имя с. мученика Ѳеодора; и по семъ другую церьковь с. апостола Андрея у церькви с. Ѳеодора отъ воротъ, и строеніе банное, и врачеве, и больницы, всѣмъ приходящимъ безмездное врачеваніе».

Такимъ образомъ несторово сказаніе краткое и ясное, проходя чрезъ многія въ теченіи вѣковъ руки, учинилось обширнымъ, неудобовразумительнымъ и непознаваемымъ. Прибавленія, чинимыя переписчиками для уясненія подразумѣваемаго ими мечтательнаго смысла, перьвобытной и существенной затмили. Великой трудъ и вниманіе потребно, чтобъ въ толикую запутанность приведенное разобрать и привесть въ надлежащій порядокъ.

Татищевъ, при всей своей осторожной разборчивости, не про-

никъ въ семъ мѣстѣ до перьвобытнаго смысла, и послѣдовалъ разумѣнію другихъ; однакожъ не во всемъ никоновскому списку подражалъ. «Сего году въ Переяславлѣ освящена церьковь с. Михаила Ефремомъ епископомъ переяславскимъ, которую онъ создалъ великую, утварь здѣлавъ въ нея богатую; создалъ же церьковь на вратахъ с. Ѳеодора, и у вратъ церьковь с. Андрея каменные, и баню народную каменную, чего прежде въ Руси не бывало».

К. Щербатовъ изъ всѣхъ по лоскутку собралъ; изъ никоновскаго взялъ *больницы и безмездное пользованіе и упокоеніе въ нихъ всѣмъ приходящимъ*; изъ несторова печатнаго списка *каменную стѣну городскую*, и къ тому отъ себя присовокупилъ, якобы Ефрема епископа въ сіе время не было уже въ живыхъ; однакожъ не назвалъ его митрополитомъ, отступя на сей случай отъ никоновской и отъ любимой его за подписаніемъ К. Кривоборскаго лѣтописи.

Теперь представлю я изобличенія на противорѣчія оныхъ лѣтописей, отдалившихся отъ несторова сказанія, а потомъ объясню и подлинной смыслъ несторовыхъ словъ предложеннаго мѣста. Опровергаются заблужденія лѣтописей К. Кривоборскаго и никоновской, касательно названія ими Ефрема митрополитомъ, собственными же ихъ свидѣтельствами. Освященіе оныя переяславскія церькви было по лѣтописи К. Кривоборскаго въ 1089, а по никоновской въ 1091 году; открытіе мощей Ѳеодосіевыхъ послѣдовало по лѣтописи перьваго въ 1091, а по послѣдняго въ 1093, но согласно по обѣимъ, что черезъ два года послѣ освященія оныя церкви; обѣ жъ они согласны и въ томъ, что въ числѣ прочіихъ епископовъ, бывшихъ въ печерскомъ монастырѣ при открытіи Ѳеодосіевыхъ мощей, присутствовалъ и оный Ефремъ, епископъ переяславскій. Въ обѣихъ согласно жъ написано, что въ лѣто 1089 митрополитъ Іоаннъ, по прозванію добрый, умре, а въ лѣто 1090, на мѣсто его изъ Царяграда Янькою, дочерью Всеволожею, привезенъ другій митрополитъ Іоаннъ же скопецъ, который, весьма слабаго сложенія, черезъ годъ потомъ умеръ, а въ лѣтописи К. Кривоборскаго и время

смерти его точно означено подъ лѣтомъ 6699 (1091): «того жъ лѣта преставись митрополитъ Иванъ скопецъ». Ясно, что во время священія переяславскія с. Михаила церькви Ефремъ былъ епископомъ, а митрополитъ былъ Іоаннъ скопецъ, который или послѣ освященія вскорѣ, или прежде незадолго, умеръ. По Іоаннѣ скопцѣ заступилъ престолъ митрополіи Никифоръ, Ефремъ же не только въ сіе время, о которомъ настоитъ рѣчь, ниже послѣ митрополитомъ не бывалъ; ибо изъ всѣхъ бывшихъ послѣ Іоанна скопца въ Кіевѣ митрополитовъ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, ни единаго сего имени не бывало. Касательно сего, якобы въ Переяславлѣ прежде онаго времени была митрополія, есть пустота нестоющая возраженія; ибо достовѣрно извѣстно, что во всей Россіи была токмо одна митрополія въ Кіевѣ, въ Переяславлѣ жъ не задолго передъ онымъ временемъ и епископія учреждена, и первымъ епископомъ тамъ былъ Петръ, а сего мѣсто заступилъ оный Ефремъ, безъ всякой приличности скопцемъ названный, смѣшавъ его съ митрополитомъ Іоанномъ, который въ самой вещи и по имени и по естеству былъ скопецъ. Не долженъ умолчать я и погрѣшности Татищева касательно сего Ефрема: здѣсь онъ называетъ его епископомъ, какъ выше показано, но подъ лѣтомъ 1096, говоря о его смерти, имянуетъ его митрополитомъ, заставляя черезъ то разумѣть, что онъ по смерти Іоанна скопца учиненъ митрополитомъ, а по немъ уже Никифоръ возведенъ, объясняясь тако: *преставися Ефремъ митрополитъ русскій, а на его мѣсто Великій князь избралъ епископа Никифора Полоцкаго*. Но во всѣхъ степенныхъ спискахъ согласно показуется Іоаннъ скопецъ десятымъ, а Никифоръ первымъ-надесять митрополитомъ русскимъ, слѣдственно отъ смерти перваго, послѣдовавшія въ 1091, до Никифора, возведеннаго въ 1096 году, престолъ митрополіи русскія оставался празденъ.

Слѣдуетъ объясненіе, въ какомъ разумѣ писалъ Несторъ о зданіяхъ, епископомъ Ефремомъ построенныхъ. Онъ, желая въ память потомковъ предать набожное усердіе сего епископа, не о мірскихъ строеніяхъ, утваряхъ и украшеніяхъ, сооруженныхъ

имъ, говоритъ, но о принадлежащихъ до церькви, до богослуженія, и до обрядовъ оныя. Онъ предваряетъ читателя о разумѣ послѣдующаго своего сказанія, говоря: *много зданія церьковнаго воздвиже*, и потомъ въ подробности сіи зданія изчисляетъ, продолжая тако: *церьковь с. Ѳеодора, церьковь с. Андрея, банное строеніе, и градную стѣну*; слѣдственно все сіе относится къ церьквѣ, а не къ мірскимъ потребамъ, о коихъ епископу пещися, а особливо о банѣ для омовеній народа, не было ни должности, ни пристойности. Такимъ образомъ я несторово сказаніе понимаю, и кажется и понимать его иначе не должно. Объясненіе въ подробности его словъ меня въ томъ оправдитъ. Начнемъ прежде съ печатнаго по кенигсберскому списку: *церьковь на воротѣхъ с. Ѳеодора*, значитъ на вратахъ ограды церьковныя или монастырскія; *и с. Андрея у воротъ*, сирѣчь внутри тояжъ ограды и близъ оныхъ вратъ, на коихъ церьковь с. Ѳеодора построена; *и городъ каменъ*, то есть ограду каменную окрестъ монастыря; ибо слово *городъ* принималося въ тогдашнее время за сословъ словамъ: *горда, огордда, горджа, изгорода, городьба; и строеніе банное*, значитъ строеніе, въ коемъ баня, сирѣчь купѣль или вмѣстилище водное, для крещенія возрастныхъ, была устроена. Таковыя купѣли при многихъ перьвыхъ вѣковъ церьквахъ знаменитыхъ бывали, или внутри зданія особаго, или въ пространствѣ ограды церьковныя особо отгороженныя; но въ Россіи до того времени не было оныхъ нигдѣ, и для того Несторъ и говоритъ: *сего же прежде не бысть въ Руси*. Устроеніе словъ лѣтописи древняго письма еще явственнѣе изъявляетъ, что рѣчь идетъ о построеніи купѣли для крещенія язычниковъ, и о стѣнѣ монастырской. Начинается сказаніе ея также какъ и перьвыя: *сей Ефремъ много зданія церьковнаго воздвиже*, а именно: *церьковь с. Ѳеодора, другую с. Андрея у вратъ, при ней же и строеніе банное*, конечно не для того, чтобъ париться народу; ибо таковыхъ строить при церьквахъ благопристойность воспрещаетъ; *и стѣну оградную*, безъ сумнѣнія не городскую, а монастырскую; *не бысть бо сего доселѣ въ Руси:* то есть не бывало нигдѣ въ Россіи по-

строено бани для крещенія возрастныхъ. И въ лѣтописѣ К. Кривоборскаго, сколь ни повреждена она въ семъ мѣстѣ, слѣды первобытнаго смысла не совсѣмъ еще загладилися; одинакое начало: сесь *Ефремъ скопецъ много зданія церьковнаго воздвиже,* и одинакое послѣдствіе, *с. Өеодора на воротѣхъ..... и баню устроилъ...* Не упоминается и здѣсь ни о городскомъ, ни о другомъ какомъ либо построеніи, но токмо о церьковномъ; не сказано, что церьковь с. Өеодора построена на воротахъ городскихъ, ни того, что при банѣ устроена больница и приставлены врачи для безмезднаго всѣхъ приходящихъ врачеванія, какъ послѣ суесловный собиратель лѣтописи никоновской отъ себя прибавилъ. Послѣднія жъ слова оныя лѣтописи: *отъ церькви с. Өеодора заложи градную стѣну каменну,* безспорное объясненіе рѣчи подаютъ, что говорится о стѣнѣ монастырской, и что ворота, надъ коими церьковь Ефремъ епископъ построилъ, до него были уже здѣланы каменныя, но ограда около монастыря была деревянная, а Ефремъ, надстроивъ надъ вратами церьковь, и ограду, вмѣсто деревянной, каменную отъ воротъ заложилъ.

О церьквахъ, строимыхъ на воротѣхъ, и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи упоминаютъ, яко подъ лѣтомъ 6704: *Епископъ Іоаннъ заложи церьковь каменну на вратѣхъ во имя святыхъ и праведныхъ Богоотцевъ Акима и Анны*; подъ лѣтомъ 6712: *Твердиславъ Михайловичь постави церьковь на воротѣхъ с. Симеона Столпника;* безъ сумнѣнія на монастырскихъ, а не на градскихъ, хотя ни того, ни другого не сказано. Что слово *городъ* употреблялося вмѣсто *ограда*, доказывается лѣтописью костромскою, печатанною въ Москвѣ при синодальной типографіи въ 179 году, въ которой говоря о строеніяхъ монастыря тамошняго сказано. О словѣ *баня,* думаю, что читатель не потребуетъ отъ меня объясненія; ибо всякому почти извѣстно, что въ первобытности значило оно и *купѣль и омовеніе*, и что смыслъ, въ которомъ оно нынѣ употребляется, присвоенъ ему уже послѣ. Касательно до погрѣшностей, учиненныхъ въ семъ мѣстѣ Татищевымъ и к. Щербатовымъ, не много требуется на то словъ; первый приба-

вилъ отъ себя слово *народную*, а объ оградѣ, умышленно или по нечаянности, вовсе умолчалъ; вторый напротивъ того ничего не упуская, гораздо болѣе отъ себя присовокупилъ, какъ показано уже выше. Но все сіе объясненіемъ моимъ испровергается, доказавъ ясно, что епископъ Ефремъ не строилъ ни бани для мытья народнаго, ни больницы для безмезднаго врачеванія всѣхъ безъ разбора, ни стѣны городской; однакожъ имѣлъ удовольствіе быть при освященіи построенныя попеченіемъ его церькви с. Михаила. —

269) Критическія примѣчанія Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова, стр. 61—62. —

270) Примѣчанія на Леклерка. I, 28 — 29. — II, 46 — 47. —

271) Критическія примѣчанія на первый томъ Щербатова, стр. 126, 41.—

272) Критическія примѣчанія на первый томъ Щербатова. стр. 127. —

Примѣчанія на Леклерка. I, 351. —

273) Примѣчанія на Леклерка. I, 58—59. —

274) Критическія примѣчанія на первый томъ Щербатова, стр. 26—27. —

275) Примѣчанія на Леклерка. I, 75—76. —

276) Примѣчанія на Леклерка. I, 195—196. —

277) Правда руская, изд. любителями отечественной исторіи. 1799, стр. 52—54.—

278) Примѣчанія на Леклерка. II, 124 — 140; 457 — 459. —

279) Примѣчанія на Леклерка. I, 292. —

280) Примѣчанія на Леклерка. II, 463.—

281) Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и литвы, и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, сочиненное онаго же троицкаго монастыря келаремъ Авраміемъ Палицынымъ. Печатано въ московской типографіи 1784 года, стр. 6—8: «По правдѣ поборающихъ въ предѣлы далнія от-

сылаше. Велики дары доводцамъ отъ него бываху. Съ великимъ же опасеніемъ другъ со другомъ глаголаше, и братъ съ братомъ, и отецъ съ сыномъ, и по бесѣдѣ, рече, заклинающеся страшными клятвами, еже не исповѣдати глаголемыхъ ни о велицѣ, ни о малѣ вещи» и т. д.—

282) Примѣчанія на Леклерка. II, 326—327, 468—470, 505, 471.—

283) Примѣчанія на Леклерка. I, 5—11. —

284) Примѣчанія на Леклерка. II, 338—339, 378—381.—

285) Примѣчанія на Леклерка. II, 355, 350, 349, 362—364.—

286) Примѣчанія на Леклерка. II, 252—254.—

287) Примѣчанія на Леклерка. II, 369—370.—

288) Критическія примѣчанія на второй томъ исторіи кн. Щербатова, стр. 306.—

Примѣчанія на Леклерка. I, 472—474.—

289) De l'Esprit des lois. Genève. 1749. Ч. I, кн. V, гл. VII, стр. 48.—

290) Примѣчанія на Леклерка. I, 75—76.—

Правда руская, изд. любителями отечественной исторіи. 1799. стр. V.—

291) Примѣчанія на Леклерка. I, 121, 165.—

292) Примѣчанія на Леклерка. I, 350—351. —

293) Histoire de la Russie moderne. Tome premier. p. 38.—

Примѣчанія на Леклерка. II, 39.—

294) Критическія примѣчанія на первый томъ исторіи кн. Щербатова, стр. 272—274; 281—288. —

295) Критическія примѣчанія на первый томъ исторіи Щербатова, стр. 190—193.—

296) Примѣчанія на Леклерка. I, 194—195.—

297) Примѣчанія на Леклерка. I, 187—188.—

298) Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора Василія Никитича Татищева, сочиненная въ 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу (издалъ Сергій Друковцовъ). Печатана

въ Санктпетербургѣ, 1773 года: «Главнѣйшее есть вѣра. Надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ законѣ Божіи поучатися день и нощь, и съ ревностію о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего. Для сего нужно со вниманіемъ читать письмо святое, то есть библію и катехизисъ, а ктому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ. Прологи, житія святыхъ въ минеяхъ четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусился, и могъ бы довольно разсудить, ибо хотя въ нихъ многія исторіи въ истинѣ бытія кажется оскудѣваютъ, и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ, въ нихъ положенныхъ, подать могутъ; однакожъ тѣмъ не огорчевайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано, и тщися подражати дѣламъ имъ благимъ... Если бы ты нѣкоторыя погрѣшности и неисправности или излишнее въ своей церкви быть возмнилъ, никогда, ни для какого тѣлеснаго благополучія отъ своей церкви не отставай, и вѣры не перемѣняй, ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ» (стр. 12 — 15). —

299) Примѣчанія на Леклерка. II, 499 — 501. — Взглядъ Болтина на вѣроисповѣдную рознь, какъ бы исчезающую въ великомъ, объединяющемъ началѣ *христіанства*, представляетъ сходство съ идеями масоновъ. Есть извѣстіе, что Болтинъ принадлежалъ, въ молодости, къ масонамъ: «Въ 1756 году въ петербургской ложѣ состояли уже членами лица знатныхъ фамилій и люди, пріобрѣвшіе себѣ потомъ извѣстность въ нашей литературѣ: Сумароковъ, князь Щербатовъ, *Болтинъ*, и др.» (Секретная записка сенатора Кушелева: Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ 1822 году. Русская Старина. 1877. Мартъ, стр. 460). —

300) Примѣчанія на Леклерка. I, 124, 151 — 152. —

301) Примѣчанія на Леклерка. II, 248 — 251. —

Критическія примѣчанія на второй томъ исторіи Щербатова, стр. 449 — 452. —

302) Примѣчанія на Леклерка. I, 135, 168. —

303) Historisches drama aus Rjurik's leben. 1792. Примѣчанія, стр. 31. —

304) Примѣчанія на Леклерка. I, 312 — 313. —

305) Примѣчанія на Леклерка. II, 472 — 474. —

306) Отвѣтъ Болтина на письмо Щербатова. 129—130.—

307) Примѣчанія на Леклерка. II, 112 — 113.—

Правда руская, изд. любителями отечественной исторіи, стр. 2 — 4. —

Historisches drama aus Rjurik's leben. 1792. Примѣчанія, стр. 14. —

Критическія примѣчанія на второй томъ исторіи Щербатова, стр. 478 — 479. —

308) De l'esprit des lois. 1749. Ч. I, кн. II, гл. I, стр. 7— 8; —кн. V, гл. X и XI, стр. 55 — 56 и др. —

309) Примѣчанія на Леклерка. II, 474 — 478. —

310) Отечественныя Записки. 1879 года: октябрь, стр. 349—400; ноябрь, стр. 201—260; декабрь, стр. 401 — 470. Статья В. И. Семевскаго: Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II. Авторъ говоритъ о Болтинѣ: «Онъ хорошо знаетъ и умѣетъ цѣнить общинное землевладѣніе. Хотя и ранѣе его книги въ нашей печати попадались отрывочныя указанія на передѣлы земель у крестьянъ, но все-таки за нимъ остается заслуга, что онъ первый весьма ясно описалъ наши общинные порядки пользованія землей» (стр. 452).

311) Разсужденіе о неудобностяхъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ или сдѣлать собственность имѣній. (Писано въ 1785 году). Рукопись московскаго публичнаго и румянцовскаго музея, № 905. Она напечатана въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ. 1861. Кн. 3, стр. 98— 134. —

312) Въ московскомъ публичномъ музеѣ находится слѣдующая рукопись, любопытная по своему содержанію, несмотря на всѣ странности и нескладицу въ отношеніи языка и слога и на крайнюю неисправность списка:

Мысли противу дарованія простому народу такъ называемой гражданской свободы.

— Что надлежитъ до слова свобода человѣкамъ, корень этого слова есть въ свободѣ силъ его внутреннихъ, кои связаны его пристрастіями, пороками, слабостію, привычками, по которымъ онъ не (имѣе)тъ въ самомъ себѣ свобо(ды, и по)тому мыслитъ, чувст(вуетъ и дѣ)йствуетъ (несвободно?).

Чего для Богъ, сотворивый человѣковъ, и видя ихъ паденіе отъ того, что они сами захотѣли быть свободными, а воля ихъ уже связана пороками, и, слѣдовательно, страсти и заблужденія взяли власть надъ ихъ свободою такъ, что мысленость ихъ, нравы и дѣйствія клонятся паче всего къ заблужденію и ошибочности:—сего то ради Богъ и учредилъ начальствы, власти, кои по письменнымъ даже, даннымъ отъ самаго Бога чрезъ его ангеловъ и мудрыхъ за. . . . . и правиламъ правя. . . . . т. . . . всякая гра. . . . . подъ симъ словомъ разумѣемая простолюдинами свобода, не только имъ самимъ вредна и пагубна; но и тѣмъ, кои до сихъ поръ укрощаютъ ихъ буйное своеволіе. И тѣмъ самымъ сія мнимо-гражданская свобода вредна, пагубна, бунтующа, и особливо, въ государствахъ большихъ пространствъ, никакъ неудобна и неспособна. А развѣ тѣ, кои захотѣли бы связи государственныя развести, разрушить и привести въ раздробленіе цѣлость государства, тѣ по невѣжеству, по зависти или по подкупамъ отъ другихъ завиствующихъ сосѣдей, захотѣли бы государство погубить, тѣ имѣютъ и могутъ имѣть такія преднамѣренія. А прочіе, кои не разсуждаютъ, откуда происходятъ власти, а особливо многими вѣками и многими государями и разумами не глупѣе сихъ фантастовъ утвержденныя, тѣ захотятъ дѣйствовать къ общему разрушенію и освобожденію зависимостей, кои суть между тремя коренными, яко древо, въ натурѣ состояніями, какъ-то:

1) Корнемъ или крестьянами;

2) Стеблемъ или купцами, и

3) Вѣтвями и плодами, яко дворянами.

Къ сему въ концѣ слѣдуетъ дополненіе или раздробительное изъясненіе:

То 1-е надобно воззрѣть на первое состояніе яко, корень, или на *крестьянъ*, кои называются корнемъ потому, что они достаютъ трудною и потовою работою изъ земли хлѣбъ, яко сказано и во святомъ писаніи: *въ потѣ лица своего снѣдай хлѣбъ свой*. То когда дана была бы мнимая гражданская свобода, то кто станетъ прилежать заниматься сею потовою работою, дабы въ ней оставаться надолго, а особливо въ томъ государствѣ, какъ у насъ, гдѣ эти коренныя состоянія такъ перемѣшаны, что никто въ каждомъ состояніи не хочетъ оставаться какъ по нуждѣ. Такъ первое, о чемъ говорится, крестьяне какъ скоро зачинаютъ богатѣть, то выходятъ въ купцы, слѣдовательно уже крестьяне лишились человѣка, который могъ бы потовою своею и успѣшною работою служить имъ примѣромъ. — Сей же, выходя въ купцы, доволенъ ли бываетъ этимъ состояніемъ? Нѣтъ, онъ старается достать чинъ, слѣдовательно мало по малу и купечество лишается своего члена, и онъ входитъ въ состояніе дворянина, къ которому не имѣя ни родовыхъ свойствъ, ни привычныхъ (?), дабы жертвовать и жизнію для цѣлости отечества; то и онъ уже не есть дворянинъ по дѣлу, на коихъ (то есть дворянъ) привязанности, знаніяхъ и родовыхъ и приличныхъ (?) свойствахъ государь долженъ опираться въ нуждахъ своего правленія внутренняго или защищенія отъ враґовъ внутреннихъ и внѣшнихъ. И сей мнимодворянинъ по привычкѣ поворачивается паки въ купеческое состояніе, дабы торговать и тѣмъ капиталъ свой размножить для роскоши. То крестьяне лишились члена полезнаго, а купцы тоже лишились своего члена, а дворяне не получили; то и выходитъ сей человѣкъ, потерявшійся для всѣхъ и по нравственности, для которой Богъ и самое государство бережетъ и не даетъ быть растощеннымъ. Паки говорится: таковые люди для государства потеряны. Кто же будетъ государя ограждать, за государство стоять, не имѣя собственности въ земляхъ и людяхъ, кои одни

привязываютъ его къ отечеству? Ибо капиталы, въ числѣ которыхъ считаются и домы и земли безъ людей, эти капиталы всегда захотятъ переводить изъ одного государства въ другое, кое выгоднѣе, т. е. таковый человѣкъ, ежели бы у него земля и осталась (но земля безъ людей ничего не значитъ: она, не будучи воздѣлана, сама собою не родитъ), то таковый человѣкъ не будетъ принадлежать къ отечеству; а отечество его будетъ тамъ, гдѣ ему выгоднѣе, т. е. что называется пофранцузски: *au plus offrant*. Слѣдовательно, таковыми основаніями въ государствѣ умножаются только продажныя души, кои себя по выгодамъ продаютъ въ то государство, гдѣ жить или выгоднѣе, или слаще, или гдѣ за измѣну больше дадутъ. Напротивъ того, дворянинъ, имѣя собственность, которая къ переводу неудобна, какъ то: земля съ людьми, и имѣющій родовыя и привычныя свойства весьма мало удобенъ продавать себя и измѣнять государству тому, гдѣ у него таковая и мѣстная (?) выгода. Сверхъ же того, возьми въ примѣръ самое Россійское Государство. Кто первые заводчики, искусники и размножители хлѣбопашества? Уже должно всякому согласиться, что это дворяне. Ибо крестьяне станутъ ли добровольно упражняться и размножать хлѣбопашество, которое есть корень государственнаго богатства; а такая трудная работа, каковая есть хлѣбопашество, дѣлается принужденно. А когда дать гражданскую мнимую свободу, то сей называющійся гражданинъ будетъ доставать себѣ только хлѣбъ и кое-что на продажу, для доставленія податей и кое что для своего малаго продовольствія. Даже надобно на это воззрѣть: теперь получается много доходовъ (больше правда на письмѣ) отъ вина. Отъ кого эти доходы? Отъ самихъ дворянъ; ибо безъ дворянъ, кои имѣютъ принужденныхъ работниковъ для умноженія хлѣбопашества, таковые доходы не увеличились бы. Они-то размножили хлѣбъ въ государствѣ, и научили, какъ его увеличивать, удобряя и обработывая землю, безъ чего крестьяне оставались бы въ такомъ же положеніи, какъ прежде, при прежнихъ царяхъ, что нечѣмъ было малаго числа податей заплатить (и потому былъ законъ бить поселянъ по но-

гамъ на правежѣ), несмотря на то̀, что хлѣбъ былъ по 30 копѣекъ четверть, земля была таже, люди были тѣже. Но некому было учить, и принужденно, а отнюдь недоброволько, пахать землю, ибо всякій охотнѣе бы захотѣлъ торговать, нежели пахать, потому что всякій торгашъ живетъ покойнѣе, ѣстъ и пьетъ слаще, и одѣвается лучше. То чрезъ такую гражданскую мнимую свободу умножатся торгаши, а хлѣбопашцы будутъ, и само государство, терять, такъ какъ теперь чрезъ умноженіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Они, не имѣя уже принуждателей ихъ къ сему потовому промыслу, работаютъ весьма лѣниво, и пекутся для заплаты только государственныхъ малыхъ податей, а кои приходятъ въ несостояніе, тѣ дѣлаются такими рабами бѣдными, нищими у богатыхъ крестьянъ, такъ, что они уже не въ состояніи изъ этого тяжелаго ярма освободиться. И такъ мнимымъ увольненіемъ отъ дворянской ихъ къ сему промыслу принуждаемости подпадаютъ они подъ совершенное уже рабство своихъ немилостивыхъ собратій-крестьянъ; и слѣдовательно отъ рабства яко бы освобождая, чрезъ то̀ отнимаютъ способы у дворянъ имъ помогать во время скудости, недороду хлѣба *), сожженія домовъ ихъ отъ бывающихъ пожаровъ и другихъ бичей натуры, а особливо при ихъ болѣзненномъ состояніи, старости и другихъ бѣдственныхъ состояній ихъ и предохраняемости отъ нищеты, отъ коихъ крестьяне, ихъ собратія, нарочно не хотятъ ихъ выводить для того, чтобы они у нихъ всегда могли быть закабалены, и никогда, можно сказать, не дадутъ имъ поднять головы своей.

Такова-то гражданская мнимая свобода и вольное хлѣбопашество: кромѣ что разрушаетъ связи у коренныхъ состояній, даже съ самимъ государемъ; но она приведетъ государство въ бѣдность, умножитъ рабовъ, разорветъ связи, произведетъ ос-

---

*) Около трехъ лѣтъ тому назадъ вологодское дворянство пожертвовало знатнымъ количествомъ хлѣба для вспоможенія казеннымъ крестьянамъ во время бывшаго тогда голода въ уѣздахъ: Усть-Сысольскомъ, Яренскомъ и частію Устюгскомъ. За сіе самое дворянство удостоено было Высочайшею грамотою.

лабленія въ зависимости, въ собраніи повинностей разныхъ государю и государству; а особливо въ крайностяхъ государственнаго состоянія, какъ то̀ было нынѣ, что дворяне первые подавали примѣръ къ повиновенію, и чрезъ эти примѣры побуждаемы были и казенные крестьяне исполнять свои повинности. А паче всего малѣйшія искры къ бунтамъ, къ коимъ простой народъ, а особливо въ Россіи, состоя изъ разныхъ государствъ, княжествъ, вѣръ, языковъ, словомъ сказать, можно назвать оный татарщиной, весьма склоненъ, то если бы этихъ различныхъ полицеймейстеровъ по всему государству, т. е. дворянъ, не было, то войсками этакого пространства укротить, привести въ повиновеніе исполнять указы государевы, содержать въ послушаніи, было бы совсѣмъ невозможно; а особливо при несчастныхъ случаяхъ, когда войски иностранною войною, какъ то̀ было при государынѣ въ пугачевскій бунтъ, заняты. Положимъ, что тогда де войски были не велики; но нынѣ, въ нынѣшнюю войну, во сколько разъ они были умножены, и когда государство оставалось почти безъ войскъ, то одними земскими судами, кои *пастыри, имъже не суть овцы своя*, можно ли было удержать въ повиновеніи, а особливо то государство, въ коемъ и при государынѣ уже была десятая часть старообрядцевъ, кои всѣ тѣхъ, которые не одной съ ними вѣры, терпѣть не могутъ и враги заклявшіеся, кои въ шести губерніяхъ по нынѣшнему, а тогда великой край Россіи, уже избрали своего царя, да и во всѣхъ другихъ мѣстахъ государства были готовы, и ожидали, чтобъ Москва подала примѣръ, дабы былъ царь изъ мужиковъ и раскольникъ.

Вотъ что̀ рискуется этою гражданскою свободою и вольными хлѣбопашцами.

Что надлежитъ до тѣхъ, кои выставляютъ въ примѣръ такъ называемыхъ вольныхъ въ другихъ государствахъ, то тѣ, кому они это говорятъ, этого не усматриваютъ, что и тамъ вольныхъ нѣтъ. Напр. возьмемъ Англію. Тамъ ошибочно называемые вольные въ такомъ состояніи, что онъ имѣетъ парусинный кафтанъ, рубашку, чулки и деревянные башмаки. И если онъ кото-

рый день уроку не выработаетъ, то ему ѣсть нечего. Даже множество есть таковыхъ холостыхъ, потому только, что жену кормить нечѣмъ. Какіе же это вольные?

А взять и въ другихъ государствахъ поселянъ, имѣющихъ земли: они тоже родъ здѣшнихъ маленькихъ помѣщиковъ, ибо обработываютъ свою землю бѣдными крестьянами, у коихъ этой земли нѣтъ. То они у нихъ работаютъ или по нуждѣ, что куда бы ни пошелъ, вездѣ таже работа, или закабалены на время, а потому какіе же вольные?

Въ (вотъ?) доказательство, что и у насъ крестьяне экономическіе, дворовые, удѣльные, и вольные хлѣбопашцы больше притѣснены, и имъ тягостнѣе состояніе ихъ, нежели крестьянамъ, за дворянами состоящимъ. Именно: сколь ни отяготительна повинность рекрутская тому дворянину, который имѣетъ жеребьевую часть, число душъ ревизскихъ, начиная отъ 21 души до 100 душъ; но исполняется въ точности имъ долгъ сей и съ сущею бережливостію состоянія крестьянъ своихъ, наблюдая при томъ строго доброе и злое поведеніе подчиненныхъ ему и ихъ знаніе и прилежаніе въ работахъ, свойственныхъ ихъ состоянію, отдавая въ рекруты гораздо съ меньшимъ убыткомъ и безъ большой отяготительности во всемъ, что только касается по сей части до отдачи рекрутъ. Слѣдовательно, дворянинъ есть лучшій государственный смотритель за своими крестьянами; а казенные крестьяне, о коихъ сказано выше, управляются временными чиновниками, и отдача рекрутъ отъ нихъ дѣлается, кои неиначе поступаютъ съ сими крестьянами, какъ съ чужими: часто случается, что благонравный, прилежный къ работѣ и сущій хозяинъ дома, и малыхъ дѣтей своихъ и своихъ сродниковъ умершихъ, или отданныхъ въ рекруты, коихъ сиротъ кормить обязанъ, а притомъ и одинокій, отдается въ рекруты; а буйный, богатый и семьянистый остается дома до такихъ лѣтъ, чтобы лѣта его вышли изъ рекрутской отдачи. Сіе происходитъ оттого, что эти временные, изъ самихъ же крестьянъ, смотрители не имѣютъ къ бѣднымъ и одинокимъ никакой жалости, обходятъ избыточнаго и плутовствомъ разбо-

гатѣвшаго крестьянина, а утѣсняютъ невиннаго и добраго одинокаго и суще-полезнаго кормителя малолѣтныхъ дѣтей и добраго члена селенія. А дворянинъ всячески печется, яко о своей собственности, и всячески бережетъ честнаго и прилежнаго хлѣбопашца, и слѣдовательно лучше содѣйствуетъ къ сбереженію ввѣренныхъ ему для исполненія воли государевой и наблюденія всякихъ повинностей. А вышеписанные у казенныхъ крестьянъ временные смотрители неиначе и называются общимъ словомъ, какъ міроѣдами. Слѣдовательно, они въ большей неволѣ содержатъ скудныхъ и одинокихъ, и притѣсняютъ чрезъ тò малыхъ дѣтей одинокихъ крестьянъ, кои до возраста принуждены ходить по міру. А когда придутъ въ возрастъ, тогда бываютъ закабаляемы богатыми крестьянами; слѣдовательно, какое тутъ управленіе и какая свобода! И кто ихъ можетъ защитить, ибо земскіе суды и временные смотрители изъ крестьянъ же суть пастыри, имъже не суть овцы своя.

Слѣдовательно тѣ, кои распространяютъ мысли о гражданской свободѣ, которой въ натурѣ нѣтъ, тѣ или сами говорятъ это по невѣжеству, или прельщены завистниками Россіи, дабы здѣшнія, вѣками и многими государями укрѣпленныя связи разорвать и привести въ то состояніе, когда Россія была, можно сказать, въ своемъ младенчествѣ, не могши ни войскъ порядочно, ни податей собрать, отъ чего татары и другіе народы содержали ее въ рабствѣ; даже не могли къ повинностямъ принудить. Чему примѣръ и при покойной государынѣ Екатеринѣ II, до которой Украйна была въ состояніи этихъ мнимыхъ вольныхъ, кои могли переходить съ мѣста на мѣсто, то она принуждена была привязать ихъ на всегда къ тѣмъ землямъ и помѣщикамъ, гдѣ они живутъ; ибо крестьянинъ, по своему невѣжественному состоянію, не хотя исправлять повинностей, всегда захочетъ отдѣлываться, говоря, что онъ переходитъ къ другому; а между тѣмъ повинностей не только помѣщичьихъ не исправляютъ, но и государевыхъ, говоря, что онъ новый переселенецъ, и ему надобно время, чтобы прійти въ состояніе платить повинности государевы. То

враги Россіи, чувствуя, что Россію ничѣмъ другимъ раздробить нельзя, какъ этою свободою, о томъ и пекутся: между народомъ эдакіе слухи и желанія распространяютъ, и стараются произвести тоже, что старообрядцы чрезъ Пугачева дѣлали, кои даже, пользуясь невѣжествомъ народа, распространяли слухи, что податей не будетъ, вино и соль будутъ давать даромъ, и рекрутъ не будетъ, а глупый народъ этому вѣрилъ. То̀, что̀ дѣлалъ Пугачевъ и старообрядцы внутренно (коихъ тогда была десятая часть, а что же ихъ нынѣ?), то̀ дѣлалъ и хотѣлъ сдѣлать Наполеонъ извнѣ государства, завиствуя на могущество и силу Россіи, до которой она доведена тѣмъ, что государи утвердили за дворянами земли и людей въ собственность. Чрезъ что̀ всякіе указы государевы дворяне и ихъ прикащики приводятъ въ точное исполненіе, и чрезъ то̀ подаютъ примѣръ и казеннымъ крестьянамъ, на которыхъ и теперь самая большая недоимка государственныхъ податей.

А тогда, ежели такую мнимую гражданскую свободу сдѣлать, то кѣмъ собирать подати и рекрутъ? Земскими судами? Но они пастыри, такъ какъ и выше сказано, имъже не суть овцы своя, больше обираютъ, нежели правятъ. И потому, благо и твердость Россіи и непоколебимость ея теперешняго могущаго состоянія требуетъ оставить ее въ томъ состояніи, какъ она нынѣ и уже многими вѣками опытомъ доказала, сколько ни старались и стараются завистники, внутренніе по глупости, интересу, а наружные по зависти, раздробить. То и слѣдуетъ для спокойствія всѣхъ состояній оставить ее такъ быть, какъ она есть теперь относительно крестьянъ. Ибо сами внутренніе желатели перемѣнить это состояніе, сами не вѣдаютъ, какъ они всю власть подрываютъ, и приводятъ себя въ тоже состояніе, въ которомъ Франція 20 лѣтъ терзалась, уничтожила дворянъ, и пользуясь конституціями новыми, возстала на своего государя, замарала руки свои его кровію, и сама послѣ, нынѣ, павши на колѣни, каялась на томъ же самомъ мѣстѣ.

То и здѣшнія буйныя и иллюминатскія головы о томъ же пе-

кутся и здѣсь въ Россіи, чая, что они тутъ играть будутъ роли какихъ-то значущихъ людей, не видя, что эти всѣ во Франціи значущіе люди сами другъ друга переказнили.

Да останемся въ привычномъ и утвержденномъ, возвышенномъ и благополучномъ состояніи, и Бога да не прогнѣвляемъ новыми государства переворотами, которые, Боже сохрани, такъ переворотятъ, что тѣ самые, кои наипаче пекутся, они-то больше и постраждутъ. И уже тогда не будетъ другой Россіи и другаго Александра, чрезъ котораго бы Богъ захотѣлъ умирять Россію. И развѣ хотѣть привести ее въ то состояніе, какъ она была при татарахъ, кои посылали сборщиковъ податей, и все было отдаваемо на произволъ этихъ сборщиковъ, отъ которыхъ, слава Богу, Россія, многою кровію, освободилась. Да останемся въ тихости, не желая вѣрителей народныхъ или депутатовъ, какъ то̀ было при покойной Екатеринѣ II. Тогда, во время бунта, увидѣла сама, что всѣ крестьяне возстали противъ нея, и посадили раскольника на престолъ, а дворяне только были одни за нее, которыми она удержавъ престолъ, уже послѣ сама стала всякую собственность въ людяхъ и земляхъ дворянамъ утверждать и укрѣплять, что̀ свидѣтельствуютъ изданные послѣ ею же самою манифесты.

Дополненіе, къ вышеписанному принадлежащее:

Прочія же состоянія, напр.: цеховые, художественные, и ученые, не должны быть въ государствѣ въ великомъ числѣ, ибо эти всѣ ѣдятъ готовый хлѣбъ, сами его не доставая, и если они въ государствѣ попущаются слишкомъ размножаться, то уже бываютъ государству, и хлѣбомъ и деньгами, въ тягость; ибо какая нужда благоустроенному государству имѣть множество художественныхъ работниковъ такихъ, кои умножаютъ только одну роскошь, какъ то̀ было въ Римѣ въ его твердомъ основаніи, гдѣ это состояніе было въ самомъ неуважительномъ положеніи, именно для того, чтобы оно не умножалось. Что надлежитъ до военныхъ состояніевъ, коихъ настоящее ремесло воевать или приготовляться къ войнѣ, то они служатъ, разумѣется великое ихъ число, и самому государю и имъ самимъ въ искушеніе, ибо захотятъ

всегда свою теорію проводить въ практику, а практика ихъ — искусно бить и грабить, только по приказу, а коли безъ приказу, то это преступленіе; а по приказу Китай взять и Индостанъ весьма славныя дѣла и, кажется, полезныя, потому что принесутъ много денегъ, которыхъ ѣсть нельзя. Такъ и у Наполеона теперь изъ набранныхъ имъ денегъ что̀ осталось? Ибо всегда разсчетъ бываетъ послѣ торга, а война есть рукопашный торгъ.

Что надлежитъ до ученыхъ состояній, хорошо каждому что̀ принадлежитъ къ его должности въ государствѣ, а ежели хотѣть чтобы всякій все бы зналъ, то выйдетъ изъ всего понемножку, а изъ цѣлаго ничего; чего для многіе молодые люди, да и старые, читая энциклопедію, думаютъ все знать, и другимъ невѣждамъ этимъ весьма импозируютъ. Сверхъ же того, коренныя ученія весьма просты, немногословны и основаны на правилахъ доброй жизни, а безъ того распространяемыя ученія подаютъ способы и средства къ умничанью и къ разнымъ затѣямъ, дабы фальшивыми правилами людей морочить. Къ чему можно весьма отнести и тѣхъ людей, кои съ плеча проповѣдуютъ о мнимой гражданской свободѣ, не зная того, что они сами въ себѣ свободы не имѣютъ, и съ собою въ своихъ страстяхъ и умничаньяхъ не сладятъ; а хотятъ завести какое-то анархическое правленіе, что̀ и было у всѣхъ тѣхъ народовъ, кои съ старыми конституціями своими же не сладили, а хотятъ все новыя заводить; то старое разрушили, а новаго не завели, а что̀ завели, съ тѣмъ сами недоумѣютъ, хотятъ поправлять, и дѣлаютъ отъ часу хуже.

Этихъ конституціевъ и правленіевъ столько было въ мірѣ, что стоитъ только читать этого исторію, то и видно все въ примѣрахъ. Въ другихъ государствахъ древнихъ, въ Римской Монархіи особливо, а во Франціи уже это явно передъ нашими глазами, что̀ тамъ произвела умножаемая ученость. И наприм. не токмо стараться, но даже и попустить, чтобъ эта ученость вошла въ нашихъ крестьянъ, будетъ пагубно, ежели (она) не будетъ состоять во правилахъ: не лгать, не воровать и не обманывать, не пьянствовать, а повиноваться властямъ. Это ихъ и

всего государства благо, и крестьяне тогда благополучны, когда они имѣютъ правиломъ въ потѣ лица приготовлять ихъ хлѣбъ для себя и другихъ, говорю: для другихъ, *принуждены* будучи, а безъ принужденія кто захочетъ добровольно ворочать камни? Ибо хлѣбопашественное дѣло таково же трудно, а легче всего торговать, умничать, воевать, грабить подъ видомъ правды и пользы народной, которую полагая въ славѣ, яко эхѣ въ потомствѣ, которое эхо отдается въ книженкахъ, а эти книженки, придутъ другіе грабители, все разорятъ, и ихъ сожгутъ, и вся слава пропала, и дымъ разошелся. А если бы попустить всякому чаять, что онъ можетъ доходить до всякихъ государственныхъ чиновъ и состояній, то это вливать въ нихъ желаніе быть своимъ состояніемъ недовольными и желать перейти въ другое; то такая позволимость станетъ мучить умы и желанія людей, кои должны каждый оставаться въ своей сферѣ и въ ней усовершенствоваться, ибо вся наша жизнь весьма невелика; то довольно и въ своей сферѣ отличиться, быть почтеннымъ, уваженнымъ, любимымъ, и оставить благіе примѣры честныхъ нравовъ и дѣяніевъ своимъ потомкамъ.

Довольно сіе для хлѣбопашцевъ, а что надлежитъ до втораго состоянія, какъ-то: купцовъ или перевозчиковъ нужныхъ продуктовъ въ государствѣ, то они, хотя каждый къ себѣ все захватить и, подобно завоевателямъ, все себѣ покорить—тѣ оружіемъ, а эти деньгами, что̀ есть все тоже,—кои, дѣлая во всемъ монополію, гдѣ только могутъ, стараются сѣсть на бѣдности народа, а сами подаютъ зловредные примѣры обмановъ, хищничества, только что искуственнаго, и тѣмъ заражаютъ прочихъ охотою дѣлать тоже и доходить до тогоже. А довольно бы съ нихъ было довольствоваться совѣстными прибытками, проводя всю жизнь въ честныхъ правилахъ, безъ обмана, лжи и въ умной умѣренности; ибо, по короткости жизни, должны скоро оставлять не токмо свои богатства, домы, фамиліи и даже свою кожу, представляя себя, себя говорю, настоящаго человѣка, а не тѣло, ибо тѣло есть оболочка; пока, говорю, представляя себя самого, который

мыслитъ, желаетъ, чувствуетъ и помнитъ, предъ трибуналомъ Всевышняго.

Что надлежитъ до третьяго состоянія, то есть дворянъ, кои должны подъ управленіемъ первенствующей главы или государя, яко руки, всѣмъ править, утишать, защищать, и первые должны показывать всякіе благіе примѣры безкорыстія, — почему ему быть купцомъ и себя чрезъ то̀ искушать не есть дѣло дворянина.

Дворянъ дѣло научать, править, защищать и всячески помогать примѣромъ и дѣлами нижнимъ двумъ состояніямъ. Къ нимъ принадлежитъ пещись о здоровьѣ тѣлесномъ двухъ нижнихъ состояніевъ, почему и медицина должна быть ими практикована. А что надлежитъ до нравственнаго управленія, котораго начало — вѣдѣніе духовное, и паче имъ принадлежитъ. Изъ нихъ должно быть и духовенство. А если кто изъ нихъ отъ всего сего пятится, то уже и не дворянинъ; то уже и не членъ двора государева, который есть первенствующій надо всѣми правитель. Науки всѣ, и полезныя и важныя, ко благу направляемыя, художествы должны происходить изъ чистой нравственности, и она имѣетъ и корень свой и правила въ истинномъ богопознаніи. И такъ въ истинно̀мъ богопознаніи почерпать должна правила и примѣры; а прочія части должны всѣ по (къ) оному стремиться, оставляя каждаго въ своемъ званіи; ибо честность, добродѣтель, богоугодность принадлежитъ ко всѣмъ состояніямъ, и всякій въ своемъ званіи можетъ быть почтенъ. А позволять, чтобъ ноги поднимались выше рукъ, или паче выше головы, есть сущій безпорядокъ. Если позволить всякому стремиться цѣлить выше, нежели онъ есть, то всѣ состоянія будутъ дѣлаться недовольны, и всякій захочетъ быть выше. А все управляется мудрою мѣрою, которая состоитъ въ удержаніи своего званія честно, добродѣтельно и богоугодно. —

(Подлинникъ, писанный тщательною скорописью александровскаго времени, на 49-ти страницахъ въ 8-ку, хранится въ московскомъ публичномъ музеѣ, подъ № 2142. Поступилъ въ

музей въ 1868 году, въ числѣ масонскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ послѣ графа С. Ст. Ланскаго.

Тѣмъ же почеркомъ, какъ и эта рукопись, писаны многія, находящіяся въ собраніи Ланскаго, рукописи собственно масонскаго содержанія).

313) О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи. Сочиненіе М. Грибовскаго, доктора обоихъ правъ. Харьковъ. 1816. стр. 2 — 3.

314) Рукопись московскаго публичнаго и румянцевскаго музея. № 1035. Изъ бумагъ князя Михаила Григорьевича Голицына. Мысли объ эмансипаціи крестьянъ, покойнаго статскаго совѣтника Николая Ивановича Кривцова (писано 5 февраля 1842 года).

315) Oeuvres complètes de J. J. Rousseau, citoyen de Genève. A Basle. 1795. Tome deuxième. Considérations sur le gouvernement de Pologne, et sur la reformation projetée. Chapitre VI. p. 237—239:

A Dieu ne plaise que je croie avoir besoin de prouver ici ce qn'un peu de bon sens et d'entrailles suffisent pour faire sentir à tout le monde. Et d'où la Pologne prétend-elle tirer la puissance et les forces qu'elle étouffe à plaisir dans son sein? Nobles polonais, soyez plus, soyez hommes. Alors seulement vous serez heureux et libres; mais ne vous flattez jamais de l'être sans que vous tiendrez vos frères dans les fers.

Je sens la difficulté du projet d'affranchir vos peuples. Ce que je crains n'est pas seulement l'intèret mal-entendu, l'amour-propre et les préjugés des maîtres. Cet obstacle vaincu, je craindrais les vices et la lâcheté des serfs. La liberté est un aliment de bon suc, mais de forte digestion; il faut des estomacs bien sains pour la supporter. Je ris de ces peuples avilis qui se laissant ameuter par des ligueurs osent parler de liberté sans même en avoir l'idée, et, le coeur plein de tous les vices des esclaves, s'imaginent que pour être libre il suffit d'être des mutins. Fière et sainte liberté! si ces pauvres gens pouvaient te connaître, s'ils

savaient à quel prix on t'acquiert et te conserve, s'ils sentaient combien tes loix sont plus austères que n'est dure le joug des tyrans; leurs faibles âmes, esclaves des passions qu'il faudrait étouffer, te craindraient plus cent fois que la servitude; ils te fuiraient avec effroi, comme un fardeau prêt à les écraser.

Affranchir les peuples de Pologne est une grande et belle opération, mais hardie, perilleuse, et qu'il ne faut pas tenter inconsidérement. Parmi les précautions à prendre, il en est une indispensable et qui demande du temps. C'est avant toute chose de rendre digne de la liberté et capables de la supporter les serfs qu'on veut affranchir. J'exposerai ci-après un des moyens qu'on peut employer pour cela. Il serait téméraire à moi d'en garantir le succès, quoique je n'en doute pas. S'il est quelque meilleur moyen, qu'on le prenne. Mais quel qu'il soit, songez que vos serfs sont des hommes comme vous, qu'ils ont en eux l'étoffe pour devenir tout ce que vous êtes: travaillez d'abord à la mettre en oeuvre, et n'affranchissez leurs corps qu'après avoir affranchi leurs âmes. Sans ce préliminaire comptez que votre opération réussira mal.—

316) Примѣчанія на Леклерка. II, 174, 340—344.—

317) Примѣчанія на Леклерка. II, 216—222; 314—315.—

318) Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ, соч. Ив. Болтинымъ. 1782. стр. 22, 86.—

319) Histoire de la Russie moderne, 1783. T. I, стр. 216.—

320) Примѣчанія на Леклерка. II, 206—211.—

321) Примѣчанія на Леклерка II, 328—330; 234—240.—

322) Примѣчанія на Леклерка. II, 74—104.—

323) Примѣчанія на Леклерка. II, 66.—

324) Примѣчанія на Леклерка. I, 111—113.—

325) Критическія примѣчанія на первый томъ исторіи Щербатова. стр. 234.—

326) Примѣчанія на Леклерка. II, 60.—

327) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 85, 144.

328) Примѣчанія на Леклерка. I, 98—101; — II, 54.

329) Примѣчанія на Отвѣтъ г. генералъ-маіора Болтина на Письмо князя Щербатова. 1792. стр. 361.—

330) Примѣчанія на Леклерка. I, 281—284, 98—99;—II, 114—115.—

331) Примѣчанія на Леклерка. I, 109—112.—

332) Примѣчанія на Леклерка. II, 320.—

333) Примѣчанія на Леклерка. II, 442—443.—

334) Критическія примѣчанія на первый томъ исторіи Щербатова. стр. 230—233.—

335) Примѣчанія на Леклерка. I, 47, 34.—

Критическія примѣчанія на первый томъ Щербатова. стр. 42—43. —

336) Примѣчанія на Леклерка. I, 55—56. —

337) Примѣчанія на Леклерка. II, 41.—

338) Отвѣтъ Болтина на Письмо князя Щербатова. 1793. стр. 70, 90, 71—77, 90—91, 88—89.—

339) Примѣчанія на Леклерка. II, 49.—I, 107—108.—

340) Entwurf zu einem allgemeinen etymologikon der slavischen sprachen von Ioseph Dobrowsky. 1813. стр. 74.—

341) Цифры арабскія обозначаютъ страницу, римскія—томъ или часть; находящіяся при нихъ буквы значатъ:

Л. — Примѣчанія на книгу Леклерка.

Щ.—Критическія примѣчанія на исторію князя Щербатова.

О. — Отвѣтъ Болтина на письмо князя Щербатова.

Х. — Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ.

Р. — Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Примѣчанія. —

342) Несторъ. Русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ, переведенныя и объясненныя Августомъ Людовикомъ Шлецеромъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Дмитрій Языковъ. 1809. Часть I. стр. рѻг—рѻд; 380—382.—

343) Исторія государства россійскаго. Т. IV. прим. 167.—

344) Исторія государства россійскаго. Т. II, прим. 262,

115;—Т. I, прим. 85;—Т. II, прим. 110;—Т. I, прим. 387;—Т. II, прим. 307, 148.—

345) Исторія государства россійскаго. Т. I, прим. 105, 74;—Т. II, прим. 296.—

346) Исторія государства россійскаго. Т. I. прим. 480, 73, 313.—

347) Исторія государства россійскаго. Т. I, прим. 466;—Т. II, прим. 160, 227.—

348) Исторія государства россійскаго. Т. I, прим. 20;—Т. II, прим. 62;—Т. I, прим. 41, 476, 477.—

349) Исторія государства россійскаго. Т. I, прим. 309.—

350) Ученыя записки императорскаго московскаго университета. Годъ второй. Часть восьмая. 1835. стр. 301—319, 467—481.—

351) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Книги второй половина первая. 1855. Отдѣленіе III. стр. 63—73.—

Статья С. М. Соловьева есть отрывокъ изъ большаго сочиненія о писателяхъ русской исторіи вообще, въ которомъ обозрѣваются только писатели восемнадцатаго вѣка, и притомъ *русскіе*. Статьѣ дано заглавіе: «Писатели русской исторіи XVIII вѣка», и въ ней разсматриваются: Манкіевъ, Татищевъ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, князь Щербатовъ, *Болтинъ*, Эминъ, Елагинъ, митрополитъ Платонъ.—

352) Труды кіевской духовной академіи. 1862. Т. II, стр. 31—78.—

353) Записки россійской академіи. Собранія: 25 ноября 1786 года, ст. II, л. 109;—14 декабря 1790 года, ст. II, л. 211 об.—

354) Словарь академіи россійской. Часть II, стр. VIII—IX;—часть III. Имена господъ академіи членовъ, участвовавшихъ въ составленіи сея третія части.—

355) Записки россійской академіи. Собранія: 25 ноября 1786 года, ст. I, л. 105 и ст. III, л. 110 об.—111.—

356) Записки россійской академіи. Собранія 25 ноября 1786

года, ст. II, л. 107. — 14 декабря 1790 года, ст. II, л. 209 об. — 7 декабря 1790 года, ст. III, л. 205 об. — Записка о происходившемъ въ отрядѣ, декабря 17 дня 1790 года, л. 215 — 215 об. —

357) Записки россійской академіи. Собраніе 14 марта 1786 года, ст. I, л. 87. —

358) Записки россійской академіи. Собранія: 19 октября 1790 года, ст. I, л. 203; — 26 октября 1790 года, ст. I, л. 203 об. —

359) Записки россійской академіи. Собранія: 1 апрѣля 1788 года, ст. II, л. 148; — 29 апрѣля 1788 года, ст. III, л. 149. —

360) Записки россійской академіи. Собраніе 16 мая 1786, ст. II, л. 93—93 об. —

361) Записки россійской академіи. Собраніе 29 ноября 1791 года, ст. I, л. 238. —

Словарь академіи россійской. 1793. Ч. IV, стр. 1212 — 1213. —

362) Исторія государства россійскаго. Т. III, прим. 18. —

Словарь академіи россійской. 1790. Ч. II, стр. 176. —

363) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1869. Томъ пятый, стр. 396 — 404. Примѣчанія Болтина на Начертаніе для составленія славено-россійскаго толковаго словаря. —

Примѣчанія эти впервые напечатаны Я. К. Гротомъ, по списку, присланному Державину изъ россійской академіи, и находившемуся въ бумагахъ Державина.

Болтинъ отдавалъ рѣшительное преимущество азбучному порядку словаря передъ корнесловнымъ. Академикъ Я. К. Гротъ говоритъ: «Время доказало вѣрность этого сужденія. Дашкова и большинство членовъ академіи, вопреки Болтину, предпочли корнесловный порядокъ; но послѣ обратились же къ алфавитному, который и сама императрица находила удобнѣйшимъ. Преимущество послѣдняго утверждено въ наше время авторитетомъ Якова Гримма» (Сочиненія Державина. Т. V, стр. 399). —

364) Записки россійской академія. Собранія: 30 января 1784 года, ст. II, л. 33 об.—35 об.;—12 марта 1784 года, ст. I—VIII, л. 41 — 43 об. —

365) Записки россійской академіи. Собраніе 3 іюля 1792 года, ст. II, л. 13 — 13 об. —

Въ Словарѣ академіи россійской (IV, 244) приведенъ тотъ-же примѣръ изъ Царственнаго лѣтописца, и слово *молица* опредѣлено такъ: «мякоть дерева, червями источенная, и на подобіе опилковъ въ древесныхъ дуплахъ находимая».—

366) Записки россійской академіи. Собраніе 21 іюня 1791 года, ст. I, л. 230—231 об. —

Словарь академія россійской. 1792. Ч. III, ст. 687. —

367) Записки россійской академіи. Собранія: 13 декабря 1791 года. ст. II, л. 239; — 10 января 1792 года, ст. I, л. 1 — 2. —

368) Записки россійской академіи. Собраніе 7 августа 1792 года, ст. II, л. 25 — 26. —

369) Записки россійской академіи. Собраніе 9 октября 1792 года, ст. I, л. 32. —

370) Записки россійской академіи. Собраніе 27 августа 1804 года, ст. III, л. 198. —

784
I—
792
ть-
пре-
обіе
'91
бря
л.
92
92
4

